

ВЕСТНИК ТАНДИКА

Том 1

Альгаир
Ростов-на-Дону
2019

УДК 93 314.9, 502, 902, 908, 929, 930.2

ББК 28.588, 60.6, 63.3(2...), 63.4(2), 79

В38

Международная научная конференция «Археология античного Боспора и Причерноморья», посвященная 100-летию со дня рождения Дмитрия Борисовича Шелова, проводится при поддержке РФФИ, проект 19-09-20060.

Редакционная коллегия:

Ильяшенко Сергей Михайлович – ответственный редактор, зам. директора по научной работе ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис», доцент кафедры археологии и истории Древнего мира Института истории и международных отношений Южного федерального университета, к.и.н.,

Масленников Александр Александрович – заведующий отделом полевых исследований Института археологии РАН, д.и.н.

Молев Евгений Александрович – профессор кафедры истории Древнего мира и классических языков Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского, д.и.н.

Кияшко Алексей Владимирович – профессор кафедры археологии и истории Древнего мира Института истории и международных отношений Южного федерального университета, д.и.н.

Вдовченков Евгений Викторович – заведующий кафедрой археологии и истории Древнего мира Института истории и международных отношений Южного федерального университета, к.и.н.

Егорова Татьяна Валерьевна – научный сотрудник кафедры археологии исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, к.и.н.

Циркунова Инна Владимировна – главный хранитель ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис».

Науменко Светлана Андреевна – старший научный сотрудник ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис».

Базилевич Людмила Олеговна – заведующий сектором учета ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис».

Герасимова Виктория Валерьевна – научный сотрудник ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис».

Галушко Елена Васильевна – научный сотрудник ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис».

Рецензенты:

Подосинов Александр Васильевич – заведующий кафедрой древних языков исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор, д.и.н.

Канторович Анатолий Робертович – заведующий кафедрой археологии исторического факультета Московского Государственного университета имени М.В.Ломоносова, доцент, д.и.н.

В сборник включены статьи участников Международной научной конференции «Археология античного Боспора и Причерноморья», посвященной 100-летию со дня рождения Дмитрия Борисовича Шелова (28-31 октября 2019 г.). Тематика сборника обусловлена широтой научных интересов Д.Б.Шелова: античная археология Боспора и Причерноморья; античная история Боспора и Причерноморья; античная нумизматика и эпиграфика.

В38 Вестник Танаиса №5. Том 1. – Ростов-на-Дону: Альтаир, 2019. – 240 с.

ISBN 978-5-91951-568-5

ISBN 978-5-91951-569-2 (Том 1)

ББК 28.588, 60.6, 63.3(2...), 63.4(2), 79

© ООО «Альтаир», 2019

© Археологический музей-заповедник «Танаис», 2019

Международная научная конференция «Археология античного Боспора и Причерноморья», посвященная 100-летию со дня рождения
Дмитрия Борисовича Шелова
(проведена при поддержке РФФИ, проект 19-09-20060)

РЕЗОЛЮЦИЯ

Международная научная конференция «Археология античного Боспора и Причерноморья», состоявшаяся 28-31 октября 2019 г., была посвящена 100-летию со дня рождения Дмитрия Борисовича Шелова. На конференции обсуждались фундаментальные проблемы античной археологии и древней истории Причерноморья. Конференция проходила на базе ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», ГБУК РО "Археологический музей-заповедник "Танаис" и ГБУК РО «Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника».

Участники конференции выражают благодарность Российскому фонду фундаментальных исследований, Южному федеральному университету, ГБУК РО "Археологический музей-заповедник "Танаис" и ГБУК РО «Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник» за финансовую поддержку и организационную помощь в проведении конференции.

Конференция признана успешной, в ней приняли участие более 120 участников из России, Польши, США, Швейцарии, Великобритании, Абхазии, заслушано 97 докладов.

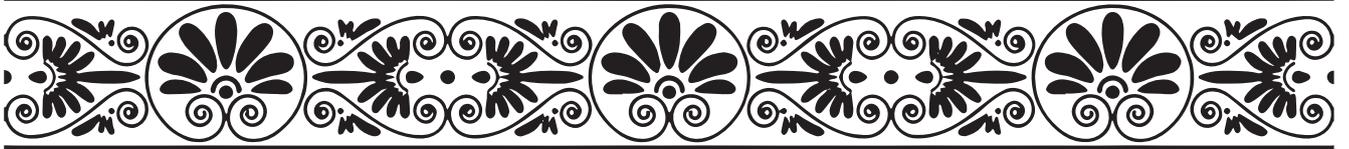
Участники конференции отмечают значительный вклад, который вносят в исследование городища и некрополя Танаиса, и сохранение его культурного наследия сотрудники ГБУК РО "Археологический музей-заповедник "Танаис, всячески приветствуют ориентацию на взаимодействие с музеями, академическими институтами и университетами как России, так и зарубежных стран.

Участниками конференции принято решение о направлении приветственного адреса начальнику Нижне-Донской археологической экспедиции ИА РАН с 1972 г. по 2011 г. Татьяне Михайловне Арсеньевой, соратнице Д.Б. Шелова, воспитавшей целое поколение исследователей Танаиса.

Участники конференции рекомендуют:

- издать материалы конференции в 5 выпуске «Вестника Танаиса»;
- продолжить и сделать регулярной конференцию «Археология античного Боспора и Причерноморья».
- всемерное развивать исследования на городище и некрополе Танаиса.

Участники конференции считают возможным постановку вопроса о федеральном статусе музея-заповедника, что будет вполне соответствовать уровню объекта культурного наследия федерального значения «Городище Танаис»

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ Д.Б. ШЕЛОВА

Ф.В. Шелов-Коведяев

Независимый исследователь (г. Москва)

e-mail: shel-kov@yandex.ru

Знавшие Дмитрия Борисовича помнят, что его человеческий авторитет зиждился на доброжелательности и строгих принципах, коим он хранил верность всю свою жизнь, и отстаивал оные открыто и непреклонно. Все непременно отмечают, что поступить непорядочно рядом с ним было просто невыносимо. Его личный пример был настолько ярким, что оказаться нечестивцем и, тем самым, объектом его праведного гнева и/или холодного презрения (неизвестно ещё, что легче переносилось) было просто страшно.

В данной связи хочется упомянуть лишь о двух показательных ситуациях. Когда он готовился к защите докторской диссертации, то ушёл в 1968 году с должности заместителя директора Института археологии. Тем самым он выполнил формальное требование, существовавшее на бумаге, но сплошь и рядом игнорировавшееся менее щепетильными представителями научного сообщества. Шелов же не мог и представить, чтобы на результаты голосования учёного совета гипотетически мог оказать влияние его административный статус. При этом ключевым для него было нежелание поставить кого-либо из коллег в ложное положение.

Всем известно, что Институт археологии имеет орден Трудового Красного знамени. Но мало кто знает, как он у него в 1969 году оказался. За год до этого Институт получил соответствующую квоту. Его директор Б.А. Рыбаков (уже многократный к тому времени орденосец) вызвал к себе Д.Б. Шелова и сказал, что хочет, чтобы тот, тогда ещё его зам, получил эту заслуженную, подчеркнул он, награду. Но для того, чтобы он (Рыбаков) мог подписать представление, необходимо, чтобы Дмитрий Борисович стал хотя бы кандидатом в члены КПСС. Последнее было совершенно невозможно по ряду хорошо известных руководителю советской археологии семейных обстоятельств подчинённого. Так руководство попыталось сломать Шелова. Не тут-то было. Будучи человеком не только несгибаемым, но и дипломатичным, тот ответил отказом, подчеркнув, что куда важнее и полезнее для сотрудников вверенного обоим учреждения будет то, чтобы преимуществами, даруемыми орденом, пользовалась не отдельная персона, а весь Институт, заслуги коллектива которого *intoto*, таким образом, будут признаны Советской властью. Вообще говоря, он

поступил неслыханно дерзко: ведь он ответил так человеку, который не только коллекционировал всякого рода почести, но и в 30-е годы ради карьеры предал своего отца, публично, через газету, отказавшись от него (Александр Степанович Рыбаков, ученик Ф.Ф. Фортунатова – историк и лингвист – был одним из лидеров общины старообрядцев белокриницкого согласия, первым директором Московского старообрядческого учительского богословского института при Рогожской старообрядческой общине). Безусловно, Д.Б. своим поступком поставил на кон, в том числе, свою будущую докторскую защиту. Но и это его не остановило. А всесильный Рыбаков, видя такую отвагу, отступил.

Тут самое время пропеть славу спутнице жизни Д.Б. Шелова – замечательной еврейской жене Татьяне Давыдовне Златковской, которой нынче тоже было бы сто лет, и которая неизменно – без страха и упрёка – поддерживала все его (несмотря на их не всегда простые для семьи последствия) решения и начина-

ния. Так было, например, когда он взял под защиту преследовавшихся Рыбаковым Иосифа Бенъяминовича Брашинского и Марианну Давидовну Гвоздовер, дав им возможность работать, для начала, во главе отрядов своей Южно-Донской археологической экспедиции, а затем и «пробив» им собственные экспедиции.

Сама прекрасный антиковед и балканист, Т.Д., работая в 1949-1954 гг. внештатным редактором в Издательстве АН СССР, помогла ему направить его недюжинный литературный талант на получение заказов на написание научно-популярных книг, ни разу, при этом, никому не упомянув впоследствии о сыгранной ею в том роли. Когда же моя мама, по свойству своей художественной натуры, всполошилась, заподозрив неладное, узнав, что Дмитрий Борисович уходит с поста заместителя директора, тётя Туся только вздохнула: «Что ты, Тонечка, ничего страшного, – ты же хорошо знаешь Митю: просто он такой честный».

ИЗ СЕМЕЙНОЙ АРХЕОЛОГИИ Д.Б. ШЕЛОВА

Ф.В. Шелов-Коведяев

*Независимый исследователь (Москва)
e-mail: shel-kov@yandex.ru*

Когда мне было лет шестнадцать, и старшие привыкли к тому, что я не слишком открытый человек, моя бабушка Екатерина Дмитриевна – мама Дмитрия Борисовича – однажды вскользь, будто в шутку, бросила, что она, Коведяева, встретила деда, Бориса Александровича Шелова в военном Петрограде 1916 года почти через 700 лет после того, как их предки сошлись с разных сторон под стенами Киева. Поэтому, поженившись через пару лет, они положились на Бога, приняв оба двойную фамилию, что в тех Советах могло и пулю принести. Я тогда не придавал её словам большого значения, посчитав их обычным семейным сказанием. Но запомнил их, и спустя много лет, унаследовав домашний архив, и благодаря помощи коллег–медиевистов, убедился, что фамильные легенды бывают поразительно точными.

Выяснилось, что Коведяевы – чингизиды из второго по старшинству (после Джочи) дома Угедэ. Последний был в Каракоруме вторым Великим ханом в 1227-1241 гг. Его отпрыск, внук Темурджина (Чингисхана), полководец Кадан-Огул (Кадан/Каидан, Кодай, Кавдан русских летописей), участвовал под ко-

мандованием Бату-хана (Батые) во взятии Киева монголами в 1240 году. После этого он возглавил поход на Запад, опустошил Венгрию и дошёл до Адриатики. Затем, будучи союзником Мункэ (Менгу), в 1260-ом разгромил в северо-западном Китае его соперников в борьбе за престол и получил улус на Востоке.

Сын же Кадан-Огула Кадан-Убуг (в летописях – Ковадый, Каведый, Ковгадый, Кавгадый, Кобгады и т.п.) в 1281-1322 годах – баскак в Северо-Западной Руси, сановник и военачальник Золотой Орды. В 1281-ом он поддерживал Новгород против ростовского князя, а в 1317-1320 гг. – московского князя Юрия в его соперничестве с тверским князем Михаилом и погубил тверича в Орде. Получается, неслучайно Святой Благоверный князь Александр Невский – небесный покровитель рода Коведяевых. Любопытно и то, что отец мой, относившийся к истории почти как к беллетристике, с полвека назад одним из первых протоптал дорожку в деревню под Переславлем-Залесским, в окрестностях которого некогда дружины новгородцев, при участии его предка, сошлись с ратью Ростова Великого.

У Ковадыя был от псковской боярыни сын, праправнук Чингисхана, по прозвищу Ко(а)вадай/Ко(а)ведяй. От него и пошли наши Коведяевы. Со второй четверти XIV вплоть до XVII века его потомки – помещики (бабушка говорила: мы не князя и не графья, мы простые столбовые) Деревской пятины Новгородской земли, а затем, по XIX столетие – Холмского уезда Новгородчины и потом Санкт-Петербургской губернии. Один из них, Семён Иванович, в середине XVII в. был последовательно изборским, островским, заволочским и усвятским воеводой, в 1688 г. «за многую службу» пожалован Государями Иоанном и Петром Алексеевичами Романовыми новыми землями. Его брат Матвей был тогда же воеводой Ржева.

Их мужское потомство с конца XVII по XIX век служит в Преображенском полку, а дочери выходят замуж за представителей семейства Голенищевых-Кутузовых. В 1777 году Никита Иванович Коведяев – уездный предводитель дворянства. Его старший сын, Николай Никитич, пошёл по его стопам, а младший, Фёдор Никитич, стал морским офицером, мичманом ушёл в кругосветное плавание с Ю.Ф. Лисянским на шлюпе «Нева», открыл в системе Гавайских островов песчаную банку, отмеченную на старых русских картах как остров Коведяева, и закончил службу контр-адмиралом.

Николай Никитич родил Егора Николаевича, мецената в городе Холм, после разорения – надворного советника и товарища (заместителя) директора Санкт-Петербургской таможни. Его

братья – Арсений и Матвей – морской и кавалерийский старшие офицеры. Сам же Егор Николаевич женился на Екатерине Дмитриевне Голенищевой-Кутузовой, племяннице самого победителя Наполеона.

Выжившие дети Егора Николаевича все стали революционерами. Дмитрий Егорович, дед Дмитрия Борисовича, учившийся в Петровской сельскохозяйственной академии, перед бегством Нечаева за границу скрывал того у себя дома и обеспечивал его безопасность до поезда. Считается, что его Достоевский вывел в «Бесах» в образе студента, проводившего Верховенского на вокзал. Ему выпали и Алексеевский рavelин Петропавловки, и суд, и ссылка к дальним родственникам в Симбирск. Но после снятия надзора полиции он удачно женился там же на одной из дочерей купца первой гильдии Василия Герасимова и трудился всю жизнь добропорядочным финансистом – управляющим Симбирской и затем Санкт-Петербургской конторы Крестьянского Земельного банка.

По иронии истории следующее поколение Коведяевых – братья, в том числе двоюродные и троюродные, матери Шелова, – сплошь, вопреки юношеским увлечениям своих родителей, вышли белыми офицерами. Кто-то из них скончался в эмиграции во Франции и США. Другие погибли на Родине. Двоюродный дядя Д.Б., из первого выпуска знаменитой Качинской школы, закончил Гражданскую войну командиром морской эскадрильи Врангеля. Родной, Юрий Дмитриевич, – офицером штаба генерала и командующим его же сухопутной авиацией.

Вот, собственно, и всё о коведяевской линии. Остаётся добавить, что вышеупомянутый Юрий Дмитриевич, женившись в 1919 году в Одессе на сестре-близняшке Лейзера бен Йосеф Вейсбейна (будущего Леонида Осиповича Утёсова) и взяв после Крымской Катастрофы фамилию из документов убитого им по пути с полуострова красноармейца, остался в России. И сыграл заметную роль в формировании детей и внуков своей сестры.

История Шеловых, варягов по происхождению (но не Рюриковичи!), не менее захватывающая. Её начало нашло своё отражение в работах М.Н. Погодина, Д.И. Иловайского, С.И. Соболевского, А.А. Зимина и проч. Древнее скандинавское имя Шельв имеет в летописях также огласовку Шельв. Вторая объясняет, как из неё в дальнейшем мог получиться Шеле/ов средневековых документов.

Ипатьевская летопись в 1146 году упоминает к северу от тогдашнего Киева Шелвово сельцо, ставшее к 1161 Шелвовым борком, т.е. ярмарочным местом, и давшее, по мнению украинских авторов, название современному киевскому району Шулявка. Если добавить сюда, что, как минимум, три родственника, все галицкие воеводы, в ПСЛР – Ипатьевской (л. 257, 259, 279) и Галицко-Волынской летописях, жизнеописании Даниила Галицкого и т.д. – в 6735, 6736, 6738, 6739, 6753, 6757 гг. от Сотворения Мира (1227, 1228, 1230, 1231, 1245, 1249 гг.) именуется, кроме ЛИ, Шельв, к XIII веку изначальный антропоним уже успел стать родовым признаком. Один из галичан, известный по кампании против

явтягов 1227 г., гибнет в стычке в 1230, преследуя бегущего от Даниила Галицкого перемышльского князя Александра Всеволодовича, другой умирает от ран, полученных в бою с уграми в 1245, третий здравствует 1249-ом. Итак, в 2046 году семье Шеловых, коли отсчитывать от обязанного их имени топонима, будет 900 лет.

Но непосредственно фамилия происходит от второго из названных выше носителя прозвища, известного также, как Дмитр, – тысяцкого Галицкого князя Даниила (бывшего в 1240 году и Великим Князем Киевским). Отправившись готовить свой удел к отпору кочевникам, тот оставил своего ближнего боярина Шельва вместо себя, чтобы он организовал и возглавил оборону Киева от натиска монголов. После осады и захвата города те оставили его в живых «храбрости его ради», как пишут летописи.

Потом они хотели, чтобы он привёл их в пределы своего князя. Но, сославшись на то, что на Украине, в Галиции и на Волыни, – лишь эти земли исторически так, то есть «окраиной», и звались – большой добычи не возмёшь, он спас эту часть Древней Руси, указав тому самому Кадан-Огулу (!) дорогу «в угры». Вот о чём говорила мне бабушка.

Потомки этого Шельва поначалу продолжали жить на родовых землях их предка. Потому польские шляхетские фамилии Шелвовских и Шеловских выходят дальними родственниками Дмитрия Борисовича.

Постепенно Шеловы стали перемещаться на север Юго-Западной Руси, а затем и далее, оставаясь служилыми

дворянами. Так Александр Егорович Шелов оказался награждённым медалью за организацию ополчения на Смоленщине в кампании против Наполеона, с правом её ношения его потомками.

Его сын Василий Александрович, по слабости здоровья, вышел из кавалерийского училища и стал чиновником на Москве. Женился он в 1854 году на Екатерине, дочери нежинского грека, купца первой гильдии Дмитрия Солунского, державшего свою торговлю в Первопрестольной.

Их отпрыск Александр Васильевич вернулся на военное поприще. Он пошёл по артиллерийской части, участвовал в русско-турецкой войне 1877-1878 годов на Балканах, имел боевые награды, затем служил в Батуме, только что вошедшем в состав Российской Империи, и Кронштадте. Оттуда, в чине полковника, был назначен начальником артиллерии крепости Очаков. По его предложению на о. Березань было инициировано возведение мощных казематов для взаимного испытания устойчивости бетонных укреплений и проникающей силы снарядов корабельных орудий. Заразившись какой-то инфекцией, он умер в первые годы XX века и был похоронен с генеральскими почестями: известие об Указе Государя было получено, но произведения больной получить не успел. Его весьма уважали и любили: все поставщики отказались взыскивать с его наследников долги.

Александр Васильевич был первым, кто среди Шеловых стал заниматься историей. Кроме отличных книг по баллистике как береговой, так и морской

артиллерии, которые были востребованы даже и до Великой Отечественной войны, он написал к 200-летию юбилею островной цитадели «Исторический очерк крепости Кронштадт».

Отец Дмитрия Борисовича, Борис Александрович, стал социал-демократом, близким к меньшевикам. С университетских лет он занимался образованием рабочих. Одновременно участвовал в переправке средств для нужд революционной эмиграции. Однажды, будучи в Цюрихе, он бросил в лицо В.И. Ульянову (Ленину), что с бандой мерзавцев не хочет иметь ничего общего.

После Октябрьского переворота участвовал в продовольственном снабжении Питера и Москвы. Затем, талантливый математик и экономист, работал по Министерству финансов, был одним из разработчиков и реализаторов проекта введения в оборот советского золотого червонца.

С начала 1930-х постоянно держал в изголовье постели «допровскую корзину». Но, хотя жили голодно, и его, в конце концов, в 1940 выгнали с работы и никуда больше не принимали до зимы 1941 г., что было очень плохим знаком, его, всё-таки, не арестовали. Видимо, сработало несколько факторов. Во-первых, он вышел из партии задолго до прихода к власти большевиков. Во-вторых, он сразу же пришёл в Первое Московское ополчение, куда не был прият лишь по состоянию здоровья (грудная жаба). В-третьих, Борис Александрович написал о своём бедственном положении министру Госконтроля Мехлису. Такие обращения

просматривались Сталиным лично. Наверное, сыграла свою роль близкая настрою генсека давняя выходка деда: РСДРП в десятые годы XX века насчитывала несколько тысяч человек, и в ней все всё знали, а память у «кремлёвского горца» была отменная.

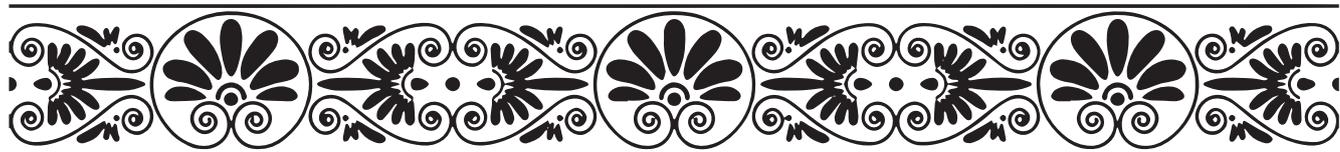
Умер мой дедушка, не слишком – не было и семидесяти – старый человек, через пару дней после диктатора. Как у нас шутили, – от радости.

Герб Шеловых – серебряный, на задних лапах, лев с мечом вправо в лазоревом поле, девиз – «Бог и честь». Коведяевых – стоящий с бунчуком бурый мед-

ведь влево на зелёном фоне, девиз – «В правде сила».

Д.Б. Шелов (он оставил себе одну фамилию) был, как все помнят, бойцом – решительным, мудрым и благородным. Достаточно сказать, что он выбрал любовь и предложил свою руку Татьяне Давыдовне Златковской, когда её отец пошёл в 1938 году по первому «делу врачей», и все её закадычные друзья, включая юного «Железного Шурика» (А.Н. Шелепина), от неё отвернулись. Шелов сам сделал себя таким. Но, как полагает современная генетика, предки, возможно, ему тоже помогли.

О ТИПОЛОГИИ ПОЗДНЕСКИФСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

Антонов Е.Е.

*Институт археологии РАН (г. Москва)
E-mail: antonov.yegor@gmail.com*

Устойчивое представление о том, что в позднескифском Северо-Западном Крыму существовали укрепленные и неукрепленные поселения, при внимательном изучении материала оказывается некорректным. Первоначально все поселения представляли собой укрепления, лишь к середине I в. до н.э. они «обрастают» неукрепленными частями. При некоторых из них также были укрепления. Стоящие отдельно неукрепленные позднескифские поселения появляются не ранее последней трети I в. н.э.

Ключевые слова: поздние скифы, позднескифская археологическая культура, Северо-Западный Крым, Калос Лимен, Тарпанчи, Беяус, Южно-Донузлавское, Чайка, Керкинитида, Кара-Тобе

В литературе сложилось устойчивое представление о том, что в Северо-Западном Крыму существовало два типа позднескифских поселений: городища и селища. П.Н. Шульц считал, что в этом регионе существовали две системы населенных пунктов: греко-скифская и ски-

фо-сарматская, скифо-сарматские памятники он называл городищами или «укрепленными поселениями» (Шульц, 1941. С. 271). Но при этом исследователь выделял и селища, например, около Кара-Тобе (Шульц, 1948. С. 17-18). А.Н. Щеглов делил поселения поздних скифов на укрепленные и неукрепленные. Среди последних он выделял примыкающие к укреплениям и стоящие отдельно. Он отмечал, что городищ намного больше, чем селищ, и что планировка последних неизвестна (кроме Тарпанчи на позднем этапе существования) (Щеглов, 1978. С. 55-56). О.Д. Дашевская также выделяла в регионе «несколько небольших селищ», а городища северо-западного побережья относил к отдельному типу, отличному от поселений других регионов. Исследовательница отмечала, что некоторые селища примыкают к городищам (Дашевская, 1991. С. 8-9). В списке поселений, приведенных в её монографии, приводится только одно отдельно стоящее селище в Северо-Западном Крыму – Кара-Тобе (к северу от одноименного городища) (Дашевская, 1991. С. 50).

В этом историографическом сюжете нужно обратить внимание на несколько нюансов. Во-первых, городище или селище – это уже *отжившие* поселения, то, что от них осталось: культурный слой, остатки построек, укрепления и т.д.¹ Поэтому говорить об истории городищ или селищ, об их планировке, некорректно. В этом контексте их правильнее называть укрепленными или неукрепленными поселениями.² Во-вторых, первоначальное разделение на укрепленные или неукрепленные поселения происходило на основании визуально различимых признаков оборонительных сооружений (то есть по итогам разведок). В-третьих, раскапывались только укрепленные поселения, поэтому первоначальное разделение на типы памятников закрепилось. В-четвертых, в большинстве случаев поселения рассматривались как статичное явление, без учёта того, что их тип со временем мог меняться. Рассмотрению этих пунктов и посвящена настоящая статья.

Прежде чем перейти к материалам раскопок поселений, необходимо закрыть вопрос с так называемым «селищем Кара-Тобе». Как показали архивные разыскания и разведки 2015-2016 гг., это «селище» тождественно поселению Кара-Тобе 2, заново открытому на рубеже 70–80-х гг. (Антонов, 2017а. С. 274; Внуков, Антонов, 2017. С. 325). Оно датируется второй половиной IV – III вв. до н.э. и не имеет никакого отношения к позднескифской культуре.

По всей видимости, на первом этапе позднескифские поселения в Северо-Западном Крыму представляли собой отремонтированные, частично перестроенные и укрепленные греческие сооружения. Так, до походов Диофанта весь позднескифский Калос Лимен состоял, вероятнее всего, только из отремонтированной, оставшейся от греков цитадели (Уженцев, Кутайсов, 1995. С. 160; Антонов, 2017б. С. 103; Смекалова, Кутайсов, 2017. С. 254). Позднескифская Чайка, видимо, первоначально представляла собой укрепленную поздними скифами греческую усадьбу №1 (так называемое «здание III в. до н.э.») (Попова, 2017. С. 263-264). С перестройки и укрепления понтийского Центрального строительного комплекса во второй четверти I в. до н.э. поздние скифы начинают освоение Кара-Тобе (Антонов, 2017б. С. 113-114). Не исключено, что и на Тарпанчи скифы укрепляют более раннюю херсонесскую крепость (Антонов, 2017б. С. 105).

Уже до середины I в. до н.э. (во второй четверти этого столетия?) появляется новая позднескифская застройка на Южно-Донузлавском, Чайке, Беляусе, в Керкинитиде. Южно-Донузлавское (Дашевская, 1967. С. 68) и Беляус (Дашевская, 1990. С. 145-148) были защищены валом и рвом, Чайка – стеной (Попова, 1991. С. 40; 1998. С. 182), Тарпанчи – рвом (Щеглов, 1978. С. 69–71). Следы позднескифских укреплений на Керкинитиде не открыты (Кутайсов, 1990. С. 67, 68), но

¹ См., например: [Клейн, 1978, с. 112-113].

² Благодарю А.М. Бутягина и И.Н. Храпунову, обративших моё внимание на этот факт в ходе обсуждения доклада.

исследованный участок позднескифской застройки больше всего напоминает неукрепленную окраину поселения. Интересно, что в это же время у «Чайки» появляется предместье (Попова, Коваленко, 2005. С. 84–87, 90; Попова, 2009. С. 119). Известно о существовании двух неукрепленных поселений,¹ примыкающих к крепости Тарпанчи, но время их возникновения неясно (Щеглов, 1963. С. 69).

Середина I в. до н.э. – первая четверть I в. н.э. – время расцвета позднескифских поселений региона. В это время они достигают максимальных размеров. Появляется «цитадель» на Кара-Тобе, окруженная, вероятно, неукрепленным поселением (Внуков, 1987. С. 317-318; 1988. С. 266; 1993. С. 34–36; 1994. С. 63-64; 1995. С. 138; 1999. С. 209; Антонов, 2017в. С. 233). Калос Лимен достигает максимальных размеров, и выходит за пределы греческих и скифских укреплений (Уженцев, 2006. С. 101). Такой же процесс зафиксирован и на Южно-Донузлавском. Правда, «посад» этого поселения, видимо, был защищен собственной стеной (Дашевская, 1967. С. 65-66; 1970. С. 256). «Предместье» середины I в. до н.э. – первой четверти I в. н.э. существует на Беяусе (Дашевская, Голенцов, 2005. С. 512; Ланцов, 2011. С. 219; Внуков и др., 2016. С. 246). Расширяется и Чайкинское поселение, его неукрепленное «предместье» продолжает существовать (Попова, 1991. С. 39; 1996. С. 71-73; 1998. С. 188; 2009. С. 118, 119; 2017. С. 275-279, 295, 297-300; Попова, Коваленко, 2005. С. 84–88).

В начале второй четверти I в. н.э. из восьми раскопанных поселений продолжают функционировать только пять.² «Пригород» Калос Лимена, видимо, перестает существовать (Уженцев, 2006. С. 105). К этому времени рвы по внешнему периметру поселения перестают использоваться, но и внешние стены, и стены цитадели ремонтируются (Уженцев, 2006. С. 57-58), то есть, очевидно, сохраняют своё значение. На Кара-Тобе из укреплений продолжает существовать только центральная башня, внешних стен, видимо, нет. Оборонительные сооружения Беяуса к началу периода уже не использовались (Дашевская, Голенцов, 2004. С. 37).

В последней трети I – начале II в. н.э. в регионе остаётся только одно укрепленное поселение – Калос Лимен (Уженцев, 2006. С. 33). Поселения на Кара-Тобеи Тарпанчи (Щеглов, 1965. С. 145-147; 1978. С. 39, 83-85) лишены оборонительных сооружений.

Таким образом, модель развития поселений Северо-Западного Крыма может быть представлена следующим образом. Первые позднескифские поселения первоначально представляют собой укрепления – перестроенные, отремонтированные и усиленные греческие постройки. Уже до середины I в. до н.э., а также сразу после этого времени поселения перестраиваются и расширяются, возводятся новые укрепления, в то же время появляются первые неукрепленные «посады». Вторая половина I в. до н.э. и первая четверть I в. н.э. – вре-

¹ Или одного крупного неукрепленного поселения [Колтухов, 1999, с. 46].

² Информации о застройке этого времени на Тарпанчи, Беяусе и Южно-Донузлавском нет.

мя расцвета: поселения достигают максимальных размеров, включают в себя как укрепленные, так и неукрепленные части. Многие оборонительные сооружения к концу периода теряют своё значение. Во второй четверти I в. н.э. количество поселений сокращается, сокращаются также размеры сохранившихся населённых пунктов. В последней трети I – начале II в. н.э. только Калос Лимен сохраняет свои оборонительные сооружения, остальные поселения превращаются в неукрепленные.

Становится очевидным, что первоначально в Северо-Западном Крыму не было неукрепленных поселений: ни отдельно стоящих, ни примыкающих

к укреплениям.¹ Последние возникают в период расцвета поселений, в то же самое время, или близкое, что и укрепления. Кроме того, эти неукрепленные поселения являются окраиной защищённых оборонительными сооружениями населённых пунктов, поэтому выделять их в отдельный тип памятников представляется неправильным. Отдельно стоящие неукрепленные поселения появляются и существуют лишь в последний период истории позднескифского Северо-Западного Крыма – в последней трети I – начале II в. н.э. С чем связано их появление – с изменениями в культуре населения или с процессом затухания жизни в регионе – вопрос пока что открытый.

ЛИТЕРАТУРА

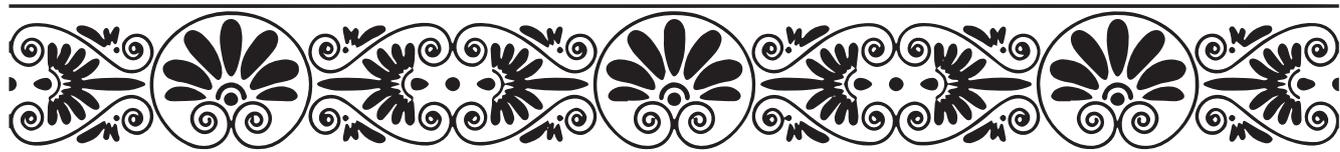
1. Антонов Е.Е. Разведки в окрестностях городища Кара-Тобе // АО 2015. 2017а. С. 273-275.
2. Антонов Е.Е. Ранние поселения поздних скифов в Северо-Западном Крыму // ПИФК. 2017б. № 3. С. 99–123.
3. Антонов Е.Е. Позднескифская цитадель городища Кара-Тобе: планировка, хронология, периодизация // StratumPlus. 2017в. № 3. С. 223-237.
4. Внуков С.Ю. Раскопки на городище Кара-Тобе под г. Саки // АО 1985. 1987. С. 317-318.
5. Внуков С.Ю. Исследования на городище Кара-Тобе // АО 1986. 1988. С. 266.
6. Внуков С.Ю. Исследования Кара-Тобинского отряда Крымской экспедиции // АДУ 1992. 1993. С. 34–36.
7. Внуков С.Ю. Раскопки на Кара-Тобе у г. Саки // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. Симферополь: Таврия, 1994. С. 60–67.
8. Внуков С.Ю. Археологические исследования на окраине города Саки // Крымский музей. 1995. Т. 94 (1). С. 138.
9. Внуков С.Ю. Раскопки городища и некрополя Кара-Тобе у г. Саки в 1998 г. // ПИФК. 1999. Вып. VIII. С. 207-211.
10. Внуков С.Ю. и др. Раскопки на территории Кульчукского и Беляусского городищ и некрополей // АО 2014. 2016. С. 244–246.

¹ На первый взгляд, здесь может иметь место ошибка выборки: внимание исследователей привлекали в первую очередь укрепленные поселения, потому именно они и изучены раскопками. Но нужно понимать, что неукрепленные позднескифские поселения второй половины II – первой половины IV в. до н.э. в Северо-Западном Крыму неизвестны даже по разведкам. Исключением можно было бы считать позднескифское поселение в Керкинитиде, но, как уже отмечалось, характер открытой там застройки позволяет предполагать, что это только окраинная часть населённого пункта.

11. Внуков С.Ю. Антонов Е.Е. Разведки в окрестностях городища Кара-Тобе (Северо-Западный Крым) // КСИА. 2017. № 249. Ч. 1. С. 324–328.
12. Дашевская О.Д. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963-1965 гг. // КСИА. 1967. № 109. С. 65-72.
13. Дашевская О.Д. Донузлавская экспедиция // АО 1969. 1970. С. 256.
14. Дашевская О.Д. Позднескифская фортификация и ее вариант на городище Беляус // Проблемы скифо-сарматской археологии. М.: ИА АН СССР, 1990. С. 143-158.
15. Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму (САИ. № Д 1-7). М.: Наука, 1991. 141 с.
16. Дашевская О.Д., Голенцов А.С. К 40-летию раскопок городища Беляус // Археология Северо-Западного Крыма. Симферополь: Центр музейных технологий и этно-культурного туризма, 2004. С. 26–41.
17. Дашевская О.Д., Голенцов А.С. Исследования на Беляусе // АО 2004. 2005. С. 511-512.
18. Клейн Л.С. Археологические источники. Учебное пособие. Л.: ЛГУ, 1978. 120 с.
19. Колтухов С.Г. Укрепления Крымской Скифии: Материалы по археологии Крыма. Симферополь: Сонат, 1999. 224 с.
20. Кутайсов В.А. Античный город Керкинитиды. VI–II вв. до н.э. К.: Наукова думка, 1990. 176 с.
21. Ланцов С.Б. Работы Донузлавской экспедиции ИА НАНУ на Кульчукском и Беляусском городищах // АДУ 2010. 2011. С. 217-219.
22. Попова Е.А. Юго-западный квартал скифского поселения у санатория Чайка близ Евпатории // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 37-75.
23. Попова Е.А. Здание типа мегарон позднескифского городища «Чайка» // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1996. № 1. С. 71-80.
24. Попова Е.А. О Северо-Причерноморском домостроительстве I в. до н.э. – I в. н.э. (по материалам квартала Запад-II городища «Чайка») // Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М.: Памятники ист. мысли, 1998. С. 182-195.
25. Попова Е.А. Проблемы археологии и истории Северо-Западного Крыма в IV в. до н.э. – I в. н.э. (по материалам городища «Чайка» в Евпатории и некрополя у поселка Заозерное) // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2009. № 3. С. 102-127.
26. Попова Е.А. Городище «Чайка» в Северо-Западном Крыму во II в. до н.э. – I в. н.э. // StratumPlus. 2017. № 3. С. 259–307.
27. Попова Е.А., Коваленко С.А. Историко-археологические очерки греческой и позднескифской культур в Северо-Западном Крыму (по материалам Чайкинского городища). М.: б. и., 2005. 283 с.
28. Смекалова Т.Н., Кутайсов В.А. Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Эпоха поздней бронзы. Ранний железный век. Античность (Материалы к археологической карте Крыма. Вып. XVIII. Серия «Археологические атласы Северного Причерноморья». Том II). СПб.: Алетей, 2017. 448 с.
29. Уженцев В.Б. Эллины и варвары Прекрасной Гавани (Калос Лимен в IV в. до н.э. – II в. н.э.): Материалы по археологии Крыма. Симферополь: Сонат, 2006. 248 с.
30. Уженцев В.Б., Кутайсов В.А. Калос Лимен по материалам раскопок 1988–1992 гг. // Античные полисы и местное население Причерноморья. Материалы международной научной конференции «Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую Эпоху. Экономика, политика, культура». Севастополь: б. и., 1995. С. 157-162.
31. Шульц П.Н. Евпаторийский район // Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг. М.-Л.: АН СССР, 1941. С. 265-277.

32. Шульц П.Н. Отчет о работах Евпаторийского отряда Тавро-скифской экспедиции в 1948 г. // Архив ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Ф. 1. №748. 1948. 49 л.
33. Щеглов А.Н. Раскопки городища Тарпанчи в 1960 г. // СХМ. 1963. № III. С. 67-75.
34. Щеглов А.Н. Тарханкутская экспедиция в 1962-1963 гг. // КСИА. 1965. № 103. С. 140-147.
35. Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: Наука, 1978. 159 с.

АЛЕБАСТРОВЫЕ СОСУДИКИ САРМАТСКОЙ ЭПОХИ ИЗ РАСКОПОК ТАНАИСА И ЕГО ОКРУГИ

Базилевич Л.О.

*ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис» (г. Ростов-на-Дону)
E-mail: ludmila.basilevich@gmail.com*

В статье рассматриваются миниатюрные алебастровые сосуды, обнаруженные в ходе раскопок на городище и некрополе Танаиса и его округи (могильниках «Подгорненский», «Шаумяна», «Царский») с 1955 по 2018 гг. В выборку взято 16 единиц. Сосуды являются индикатором среднесарматской культуры и, чаще всего, встречаются в погребальных комплексах I – III в. н.э., особенно, в женских и детских захоронениях. В ряде случаев коррелируются с находками сарматских курильниц, бронзовых зеркал, фибул, золотых изделий, предметов римского импорта. Предположительно, служили для хранения косметических средств и сочетали как утилитарные, так и вотивные функции.

Ключевые слова: сарматская культура, среднесарматский период, Танаис, некрополь, курганы, алебастр, алебастровые сосудики.

Небольшие сосудики, выточенные из мягкой каменной породы – алебастра, считаются одним из признаков среднесарматской культуры, но хронологиче-

ские рамки их существования достаточно широкие, поскольку появляются они в более ранний период и продолжают существовать до позднесарматского времени. Данный тип инвентаря рассматривался в работах И.В. Сеницына (Сеницын, 1946. С. 77) и М.П. Абрамовой (Абрамова, 1959. С. 59-61) в контексте анализа погребального обряда сарматского времени. Типология алебастровых сосудиков достаточно подробно разработана в трудах К.Ф. Смирнова (Смирнов, 1973. С. 166-179) и А.А. Глухова (Глухов, 2001. С. 37-42). К.Ф. Смирнов в своей работе говорит об их функциональном назначении и морфологии наряду с сарматскими курильницами, но А.А. Глухов выделяет их в отдельную категорию инвентаря, характерного для сарматского погребального обряда и ритуальной сферы. Именно он предполагает, что они служили для хранения косметических средств и, возможно, сочетали как утилитарные, так и вотивные функции. Особое внимание алебастровым сосудам уделяет В.П. Глебов (Глебов, 2009. С. 9), подтверждающий

необходимость отнесения их в отдельную группу посуды, и предложивший свою типологию сосудиков, основанную также на их морфологическом различии. Интересные сравнительные данные по расположению и частоте встречаемости алебастровых сосудов в ранне – и среднесарматских комплексах приводит Л.С. Ильюков (Ильюков, Власкин, 1992. С. 222-223). Д.Б. Шелов придерживается общепринятого мнения, что алебастровые сосудики относятся к категории туалетных (Шелов, 1961. С. 81), Т.М. Арсеньева уточняет, что они часто встречаются в сарматских памятниках (Арсеньева, 1977. С. 132). Появившись как элемент погребальной обрядности в раннесарматском времени, они широко распространяются в среднесарматский период (Глебов, 2011. С. 39; Глебов, 2004. С. 130). Причем более раннему периоду соответствуют находки сосудов открытой формы, для среднего и финального этапа раннесарматской культуры характерны небольшие сосудики закрытой формы, а иные типы и большее морфологическое разнообразие появляется уже в среднесарматский период (Глебов, 2010; Глухов, 2011. С. 37-39).

Целью данной работы стало осветить изделия из алебастра, находящиеся на постоянном хранении в ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис»». Все рассматриваемые предметы обнаружены в ходе раскопок на городище и некрополе Танаиса и его округи. Сосуды встречены в разновременных комплексах, как в приближенных к городу, так и в ярко выраженных степных. Из всей выборки только два сосудика

датируются III-II вв. до н.э., остальные принадлежат среднесарматскому времени, датированы I-III вв. н.э.

В захоронениях грунтового некрополя Танаиса встречены 6 сосудиков (раскопки 1955, 1961, 1978 и 2012 гг.) (Шелов, 1956. С. 20; Арсеньева, 1977, С. 11; Чалый, 1979. С.4; Беспалый Г.Е., 2016. Том II. С. 173, 186, 200). На территории городища – 3 (помещение С, раскоп XXV, 2018 г. и случайная находка) (Ильяшенко, 2019. Том III. С. 22, 27). 2 предмета происходят из курганов могильника «Царский» (исследования 1987 г.) (Ильюков, 1988. С. 56, 69), 2 – из могильника «Шаумяна» (раскопки 1996 г.) (Беспалый Е.И., 1996. С. 38, 53-54), и 2 – из могильника «Подгорненский-I, VI» (сезон 1988 г.) (Науменко, 1989. С. 20, 203-204). Один сосудик обнаружен при исследованиях Нижне-Гниловского городища в 1990 г., но он взят в выборку, поскольку находится на хранении в музее-заповеднике «Танаис».

Отдельно следует сказать о материале: **алебастр** – название двух различных минералов: гипса (гидрат сульфата кальция) и кальцита (карбонат кальция). Эти два вида значительно отличаются друг от друга по твёрдости: гипс очень мягкий материал, а кальцит (алебастр) достаточно твёрдый; гипс при контакте с водой начинает рассыпаться; кальцит достаточно стабилен при повышенной влажности и перепадах температуры. Кроме того, кальцитовый алебастр, будучи карбонатом, вступает в бурную реакцию с соляной кислотой, в то время как гипсовый алебастр в этом случае остаётся инертным.

Если рассматривать предметы в хронологическом порядке, следует начать с курганного могильника «Подгорненский», исследованного в 1988 г. экспедицией Археологической лаборатории РГУ.

Подгорненский-I, курган 1, погребение 11 – погребение молодой девушки 12-15 лет¹ в простой могильной яме, под четырехугольной формы, ориентированной длинной осью по линии СЗ-ЮВ. Погребенная лежала вытянуто на спине, головой на ЮВ. Крупная алебастровая чаша (Рис. 1, 1) располагалась справа от черепа, рядом с ней находились железный нож и керамическое пряслице. Помимо этого в погребении под головой костяка были обнаружены бронзовое зеркало, золотые серьги, на позвонках шейного отдела – бусы и бисер, у левой ноги – курильница с углями. Погребение относится к прохоровской культуре и датируется III – II вв. до н.э. (Науменко, 1989. С. 18-22. Рис. 58-60, 64). Чаша округлой формы, с прямосрезанным широким краем, чуть нависающим снаружи. Внутри чаши находились остатки мела. Длина – 11,0 см; высота – 5,0 см. (АМЗТ КП 356/25 АО 30/25)(Науменко, 1989. С. 20. Рис. 61). Материал чаши мелкодисперсной структуры, сильно крошится, остается на поверхностях мелким осадком – вероятно, гипс.

Подгорненский-VI, курган 1, погребение 9 – парное захоронение женщины с ребенком в широкой прямоугольной яме, ориентированной по линии СВ-ЮЗ. Женщина старше 40 лет лежала вытянуто на спине, головой на ЮЗ, а вдоль ее

правой руки располагался ребенок 1-2 лет. Под ними находилась циновка и меловая подсыпка. На черепе ребенка дном вверх лежала алебастровая чаша. Из погребального инвентаря были встречены бусы, обломок зеркала, кости животных. В ЮВ половине ямы находился еще один погребенный – мужчина 18-20 лет, также располагавшийся на циновке, вытянуто на спине, головой на ЮЗ. К этому захоронению относились железный меч, нож, шило, пряжка и наконечники стрел. Погребение также датируется III-II вв. до н.э. (Науменко, 1989. Отчет. С. 200-205. Рис. 715, 752-754). Алебастровая чаша (Рис. 1, 2) круглодонная, полусферической формы, с прямосрезанным краем. Край выделен с внешней стороны горизонтальной неровной бороздкой. Поверхность неровная, желтоватого оттенка, дно массивное. В чаше находился мел. Диаметр – 11,4 см, высота – 6,3 см; толщина стенок – 1,1 см, толщина дна – 2,9 см. (АМЗТ КП 356/496 АО-30/496) (Науменко, 1989. С. 203-204. Рис. 761). Материал чаши структурно аналогичен предыдущему.

К середине I в. н.э. относятся три сосуда из раскопок некрополя западного в 2012 г. (раскопки Г.Е. Беспалого). Отдельный интерес представляет сходство погребений, в которых были обнаружены алебастровые изделия: это достаточно богатые женские захоронения, совершенные в долбленых «лодках» – колодах, ориентированных носовой частью на запад, в которых сосудики располагались в ногах погребенных, в западной части погребений.

¹ Данные по хронологии комплексов и половозрастному составу погребенных приводятся по отчетам и публикациям исследователей.

Т-12-НЗ, Р-ХVIII, Пл. 7, погребение 669 – погребение заплечиковой конструкции, вытянутое по линии З-В. На дно могильной ямы была установлена долбленная из цельного ствола колода – гробовище в виде лодки с заостренным к западу носом. На дне колоды находился костяк взрослой женщины, располагавшийся вытянуто на спине, головой на В. В погребении также встречены лепная курильница, бронзовые серьги, бронзовое зеркало, бронзовый и железный перстни, бусы, пронизи. Датировка погребения – первая половина I века н.э. (Беспалый Г.Е., 2016. Том II. С. 171-173; Том XII. С. 165, 168-175. Рис. 1488, 4201-4240). Алебастровый сосудик (Рис. 2, 1) располагался в носовой части колоды, к западу от стоп погребенной, среди скопления инвентаря, в котором находились также железный нож, бронзовая проволока, свинцовая пластина, железные шило и игла, раковина, реальгар, лепное пряслице. Тулово сосудика яйцевидной формы, дно невыделенное, выпуклое. Поверхность бугристая. Высота сохр. – 5,7 см; диаметр тулова макс. – 4,3 см; толщина стенок – 0,2 см (АМЗТ ВХ 420/2027) (Беспалый Г.Е., 2016. Том II. С. 173; Том V. С. 122; Том XII. С. 169. Рис. 4203; С. 174. Рис. 4223).

Т-12-НЗ, Р – ХVIII, Пл. 7, погребение 686 – заплечиковая яма, вытянутая по линии З-В. На дне колоды-гробовища находилась погребенная, располагавшаяся на спине с подогнутыми вправо ногами. На черепе находились золотые трилистники погребального венка, золотые бусина и подвеска на шее, бронзово-серебряная фибула-брошь,

золотые нашивные бляшки, бусы. Датировка погребения – первая половина I в.н.э. (Беспалый Г.Е., 2016. Том II. С. 184-186. Том XIII. С. 10-16. Рис. 4337-4365). Группа погребального инвентаря с фрагментами алебастровой чашечки располагалась внутри носовой части колоды. Рядом обнаружены лепная курильница, реальгар, мел, лепное пряслице, железные нож и шило. Фрагмент алебастрового сосудика (Рис. 2, 2) находился в районе левой голени. Тулово слегка выпуклое. Материал белого цвета с розовато-желтым оттенком. Толщина стенок – 0,9-0,3 см. (АМЗТ ВХ 420/2111) (Беспалый Г.Е., 2016. Том II. С. 186; Том V. С. 134; Том XIII. С. 16. Рис. 43-62).

Т-12-НЗ, Р – ХVIII, Пл. 7, погребение 707 – погребение заплечиковой конструкции, вытянутое по линии ССВ-ЮЮЗ. Погребенная на дне колоды женщина – старше 45 лет. Располагалась вытянуто на спине, черепом к СВ. Погребение отличалось богатым набором инвентаря – стеклянная фиала, три стеклянных бальзамария, гешировая подвеска в виде фигурки барана, гешировые, янтарные, фаянсовые бусины, подвеска, серебряные и бронзовые фибулы, серебряные флакон и пудреница, браслет, золотой перстень с геммой. На черепе погребенной прослежены следы окислов от основы погребального венка и трилистники из тонкой золотой фольги. По средней части черепа и грудной части погребенной встречено большое количество тонкой золотой парчи, по которой прослеживались детали расшивки. Среди инвентаря также была обнаружена лепная курильница, железные ножи,

бронзовые обоймочки, фрагмент бронзового зеркала. Погребение также относилось к первой половине I в. н.э. (Беспалый Г.Е., 2016. Том II. С. 195-200; Том XIII. С. 42-65. Рис. 4447-4527). За носом колоды у СЗ стенки стояла шкатулка с содержимым, поверх которой лежал алебастровый сосудик (Рис. 2, 3). Венчик валикообразный, слегка отогнут наружу. Горло низкое, с резким переходом в низкие покатые плечики. Тулово бочковидной формы на ложном кольцевом поддоне. Основание слабовыпуклое. В нижней части тулова крупная утрата стенки, впоследствии заполненная свинцом. Сторона со свинцом уплощена. Высота общая – 6,1 см; диаметр венчика – 3,4 см; диаметр тулова макс. – 5,5 см; диаметр основания – 3,4 см (АМЗТ ВХ 420/2198) (Беспалый Г.Е., 2016. Том II. С. 200; Том V. С. 148; Том XIII. С. 49. Рис. 4460; с. 63. Рис. 4517).

Два сосудика, датированные I в. н.э., были обнаружены при исследованиях раскопа XXV, в помещении С. 1. Эллинистическое помещение было выявлено в 2013-2014 гг., но в полевом сезоне 2018 г были уточнены некоторые особенности его хронологии и перестройки в постпалеомоновский период. Два алебастровых сосудика были обнаружены в слое IIa. В керамическом материале слоя преобладали обломки псевдокосских амфор эгейского и гераклейского производства, фрагменты амфор типа А по классификации Д.Б. Шелова, также было зафиксировано большое количество фраг-

ментов эллинистических амфор. Среди индивидуальных находок из помещения отметим также: амфорные пробки, шаровидную бусину, глиняное пряслице, каменное ядро и два терочника – каменный и керамический (Ильяшенко, 2019. Том I. С. 58-67; Том IV. С. 142-148. Рис. 303-310).

Один алебастровый сосудик (Рис. 3, 1) прямоугольной в плане формы со скругленными углами и неровным широкоо-вальным в плане туловищем, с уплощенным сверху краем. Асимметричен. Высота – 3,4 см; длина – 6,3 см; ширина – 4,6 см; толщина стенки – 0,7– 1,8 см. (АМЗТВХ 549/99) (Ильяшенко, 2019. Том III. С. 22; Том IV. С. 157. Рис. 336).

Другой – низкоцилиндрической формы с неровным уплощенным сверху краем (Рис. 3, 2). Асимметричен. Высота сохр. 2,1-3,1 см; диаметр сосудика – 5,9 – 6,4 см; диаметр края – 5,6–5,8 см; толщина стенки – 0,7 см. I в. н.э. (АМЗТ ВХ 549/123) (Ильяшенко, 2019. Том III. С. 27; Том IV. С. 157. Рис. 337).

К чуть более широкому периоду I–II вв. н.э. относятся сосудики из раскопок некрополя Танаиса в 1955 г.и курганного могильника «Шаумяна».

В ходе раскопок на некрополе Танаиса, на площади V в 1955 г. Д.Б. Шеловым было обнаружено **погребение 16** – захоронение младенца. Могильная яма не прослеживалась, костяк погребенного лежал вытянуто, черепом на В. Сосуд из алебастра (Рис. 4, 1) стоял у головы погребенного, но, как отмечает Д.Б. Ше-

¹ Выражаю благодарность за разрешение публикации материалов 2018 г. руководителю экспедиции музея-заповедника «Танаис» С.М. Ильяшенко и начальнику отряда Варшавского государственного университета М. Матера.

лов, сложно утверждать, что он относился к инвентарю погребения (Шелов, 1956. С. 19-20. Черт. 62. Рис. 107-108; Шелов, 1961. С. 14). Датировка – I – II вв. н.э. Тулово сосудика цилиндрической формы, грубо выточенное. Изначально имела вертикальную ручку, утраченная в древности. Сохранившиеся следы ручки на тулове (верхний и нижний прилепы) заглажены. Диаметр – 7,5 см; высота сохр. – 10 см. (АМЗТ КП 66/11 АН-1/11) (Шелов, 1956. С. 20. Рис. 108; Шелов, 1961. С. 14. Табл. XXIII, 7).

Курганный могильник «Шаумяна» исследовался в 1996 г. Е.И. Беспалым. Здесь было сделано две находки сосудов из алебаstra.

Шаумяна-1996, курган 4, погребение 2 – погребение входило в край насыпи кургана, относилось к I – II вв. н.э. Могильная яма подбойной конструкции, ориентирована длинной осью по линии ССЗ-ЮЮВ, камера располагалась параллельно колодцу. На дне камеры находились погребальные решетчатые носилки. В подбое был обнаружен костяк мужчины 35-40 лет, лежавший головой на Ю, вытянуто на спине. В погребении обнаружены бронзовый котел, железный крюк, серолощенный кувшин, чернолаковая мисочка, железный меч, железный кинжал, бритва, шило, наконечник копья, колчан (?) – следы бересты, оселок, железный топор, две пряжки и др. Датировка – I – II вв. н.э. (Беспалый Е.И., 1996. С. 33-40). К востоку от правого плеча погребенного были зафиксированы фрагменты алебастрового сосудика (Рис. 5, 1) – миниатюрного, с туловом шаровидной формы и скру-

женным дном. Высота – 5 см; диаметр венчика – 5,5 см, диаметр макс. – 7 см; глубина – 3,6 см. (АМЗТ КП 333/38 АО-17/38) (Беспалый Е.И., 1996. С. 38). Сосуд, скорее всего, изготовлен из кальцитового алебаstra.

Шаумяна, 1996, курган 7, погребение 7 – впускное погребение в прямоугольной яме заплечиковой конструкции, ориентированной по линии ССЗ-ЮЮВ. На дне располагался костяк мужчины 25-30 лет, вытянуто на спине, головой на ЮЮВ. К югу от правого локтя погребенного находился сосудик (Рис. 5, 2). Из другого инвентаря следует указать фрагментированный канфар и многочисленные кости животных. Погребение относилось к I – II вв. н.э. (Беспалый Е.И., 1996. С. 53). Сосудик небольшого размера, фрагментирован. Тулово цилиндрическое, плавно переходит в зауженное устье. Дно слегка округлое. Волокнистый минерал (селенит?), на сломе белой слоистой структуры. Внешняя поверхность пожелтевшая, с незначительными коричневатыми пятнами. Толщина стенок и дна – 0,5 – 0,7 см; высота сохр. – 3,2 см; Д дна – 4 см. (АМЗТ КП 333/ АО-17/108) (Беспалый Е.И., 1996. С. 53-54).

Автора раскопок явно заинтересовал минерал, из которого изготовлен сосудик, поскольку в отчете (рукописном) есть указание (Беспалый Е.И., 1996. С. 53), что материал либо из месторождений Германии и Австрии, либо селенит, известный на Урале, и приводится ссылка на книгу «Мир камня» В. Шумана (Walter Schumann), посвященную минералам и содержащую богато иллюстрированное описание поделочных и драго-

ценных камней (Шуман, 1986). В книге дается описание пород гипса и алебаstra, и в примечании указано: «[Большой популярностью пользуется уральский желтый волокнистый гипс – селенит, из которого камнерезами Кунгура изготавливаются многочисленные изделия мелкой пластики. – Пер.]» (Шуман, 1986. С. 116-117. Рис. 190-191). Хрупкая, рассыпающаяся, волокнистая структура материала позволяет это предположить, что сосуд изготовлен из селенита или, возможно, из асбеста, месторождения которого также присутствуют на Урале. Но делать выводы с уверенностью возможно только после проведения минералогической экспертизы.

К этой же хронологической группе (I-II вв. н.э.) относятся два предмета из курганного могильника «Царский», исследования которого велись экспедицией Археологической лаборатории РГУ в 1988 г. Погребения относятся к средне-сарматской культуре, отличаются разнообразием инвентаря, принадлежали представителям элиты.

РЭ-87-Т, Царский, курган 41, погребение 1 – простая могильная яма квадратной формы, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Погребение полностью ограблено в древности. На дне сохранились следы деревянного ящика. В заполнении встречены разрозненные кости скелета мужчины 30-40 лет. Из заполнения происходят фрагменты керамики, сильно разрушенного алебастрового изделия (Рис. 5, 3), фрагменты дерева, костяных предметов, бронзовый наконечник и железный наконечник стрелы, коралловая бусина, фрагменты золо-

той фольги и др. На дне погребения находился железный наконечник дротика. Отнесено к I – середине II вв.н.э. (Ильюков, 1988. С. 51-57. Рис. 264, 272, 276-277; Ильюков, 1994. С. 201-202, 210-211. Рис.1, 27-30; 2, 9-13). Фрагменты алебастрового изделия (15 ед.) плохо сохранились, сильно повреждены (Ильюков, 1988. С. 56. Рис. 275). Четыре фрагмента аморфной формы покрыты плотной голубой краской; два имеют листовидную форму. Они и два других фрагмента орнаментированы тонкими врезными линиями. Поверхность желтого цвета, плотная. Предположительно, это детали одного изделия – возможно, обмазки алебастрового ларчика (Ильюков, 1988. С. 56) или сосуда с фигурными ручками, имитирующими ушки животного или листья растений (Ильюков, 1994. С. 201-202, 211. Рис. 2, 10). Размеры фрагментов от 1,3 см. до 0,2 см. (АМЗТ НВФ 102/91). Материал изделия точно неясен, поскольку он хрупкий, мелкозернистый, но при этом достаточно плотный.

РЭ-87-Т; Царский, курган 46, погребение 1 – крупная могильная яма подпрямоугольной формы со скругленными углами, ориентирована по линии СЗ-ЮВ, располагалась в центре кургана. Ограблено в древности. Погребение парное: женщины 20-25 лет и ребенка 1,5 лет, лежавших вытянуто на спине, головой на Ю. Ребенок находился вдоль левой ноги погребенной. В СЗ части погребения, в заполнении, находилось скопление предметов: бисер, железный нож, фрагменты железного предмета, бронзовая проволока, половина сосуда из алебаstra, игла, фрагменты

шкатулки с росписью. Датировано погребение также I – серединой II вв. н. э. (Ильюков, 1988. С. 66-70. Рис. 341, 344, 346; Ильюков, 1994, с. 202-203. Рис. 2, 1, 20, 21; 3, 2-9). Сохранилась половина алебастрового сосудика (Рис. 5, 4), возможно, она была отбита специально для захоронения. Венчик уплощенный, отогнут наружу. Шейка короткая, плавно переходит в шаровидное тулово. В выпуклой стенке просверлено круглое отверстие. Дно округлой формы. С левой стороны сохранились следы наличия пластинчатой вертикальной ручки. Высота сохр. – 6,5 см; диаметр венчика – 4,5 см; диаметр тулова – 7,0 см; диаметр дна – 3,5 см; толщина стенки – 0,5-0,9 см. (АМЗТ КП 398/73 АО-38/73) (Ильюков, 1988. С. 69. Рис. 348; Ильюков, 1994. С. 202, 212. Рис. 3, 7)

Наиболее поздними из выборки являются сосудики, обнаруженные в грунтовом некрополе Танаиса в 1961 и 1978 гг.

Т-61, раскоп III, пл. VIII, погребение 157 (раскопки Шелова Д.Б.) – погребение грудного младенца. Контур могильной ямы не прослеживался, положение ребенка тоже. Примерная ориентировка, восстанавливаемая по фрагментам костей, В-З. Из погребального инвентаря была обнаружена низка бус и алебастровый сосудик (Рис. 4, 2), располагавшийся за головой младенца. Погребение датировано II – III вв. н.э. (Арсеньева, 1977. С. 11. Табл. XXVII, 5). Тулово сосуда округлое, максимально расширено в нижней части. Дно широкое, закругленное. Высота – 6 см; диаметр тулова – 6,7 см; диаметр венчика – 4,2 см. (АМЗТ КП 66/ АН-1/36). Изготовлен сосудик из твердого тяжелого

материала, плотной структуры, вероятно, кальцитового алебастра.

Т-78-НЗ, курган 22, погребение 7 (раскопки Чалого В.В.) – заплечиковая яма прямоугольной формы, ориентирована по линии В-З. Ограблено в древности. Сохранились фрагменты костей взрослого человека. Погребенный располагался, скорее всего, головой на В, находился в деревянном гробу, стоявшем на дне могильной ямы. Погребение отличалось богатым инвентарем, в число которого входили золотые бляшки, золотая серьга, фрагменты серебряного сосуда, «вставки» из цветного камня, бронзовые конусовидные изделия, железная пластина со следами соприкосновения с деревом, большое количество фрагментов амфорной керамики, краснолаковых, лощеных и лепных сосудов. В СЗ углу были обнаружены три фрагмента алебастрового предмета, предположительно, сосуда (Рис. 5, 5). Погребение отнесено к I – первой половине III вв. н.э. (Чалый, 1979. Отчет. С. 3-6. Альбом. С. 3-9. Рис. 5-14). Поверхность двух алебастровых фрагментов полностью покрыта прорезанными косыми линиями, образующими сетку. Третий фрагмент, с таким же сеточным орнаментом, но с одной стороны ограниченным поясом из двух узких, параллельных линий. Размеры фрагментов от 8,5 см. до 2 см. (АМЗТ КП 46/5 АН-28/5) (Чалый, 1979. Отчет. С. 4. Альбом. С. 7. Рис. 11). Что именно представляло собой данное изделие – сложно сказать, возможно, это детали алебастровой обмазки.

Еще один алебастровый сосудик (Рис. 6, 1) происходит из некрополя Гни-

ловского городища, исследованного В.К. Гугуевым в 1990 г. (погребение 275). Коллекция находок из раскопок была передана в музей-заповедник «Танаис». Из указанного погребения происходят также низка сердоликовых бус (31 ед.), стеклянные пронизи в виде столбиков (13 ед.), одна округлая стеклянная бусина и низка из двух пронизей в виде двух столбиков, изготовленных из стекла темного цвета. Сосудик округло – биконической формы, тулово на кольцевом поддоне. Ручка вертикальная, уплощенная, без отверстия, расположена с одной стороны тулова. Материал белого цвета, пористый, снаружи покрыт плотным желтым слоем, предположительно, гипс. Диаметр тулова – 7,2 см.; высота сохр. – 5,1 см.; диаметр поддона – 3,6 см. (АМЗТ КП 349/1168 АО-26). Сосуд можно отнести к I – III вв. н.э.

Один сосудик, относящийся также к широкой дате I – III вв. н.э., является **случайной находкой** на городище (Рис. 6, 2). Тулово цилиндрической формы. Дно плоское, округлое. Стенки прямые, венчик не выражен, край тулова скруглен. Резервуар усеченно-конической формы. Похоже, что его вытачивали с большой тщательностью неким инструментом конической формы, типа зубила. Верхняя часть тулова отбита еще в древности и тщательно зашлифована. Материал плотный, белый внутри, желтовато-белый на поверхностях. Диаметр – 4,4 см; высота – 4,8 см; толщина – 1 см. (АМЗТ КП 326/239 АЭ-82/239).

Конкретно обозначить функциональное назначение алебастровых сосудов сложно. Интересно, что в крупных чашах

из могильника «Подгорненский» III-II вв. до н.э., материал которых достаточно хрупкий и превращается в мелкодисперсный белый порошок, сохранились следы орудий (Рис. 7, 1), которыми работали с сосудом. Возможно, в них растирали вещества, которые смешивались с порошком, возникающим от трения, и меняли структуру или цвет. Можно предполагать, что они могли использоваться для изготовления красок, косметических веществ или лекарств. Аналогичная алебастровая чаша из женского погребения № 8 кургана D4 на р. Торгуне у х. Шульц была описана И.В. Сеницыным (Сеницын, 1946. С. 88-89. Рис. 17) – округлая, открытой формы, с выделенным, отогнутым наружу венчиком и массивным дном. Размеры сосудов также близки: чаша из кургана D4 диаметром 13 см., высотой – 5 см. И.В. Сеницын делает вывод, что такие чаши («плошки») могли использоваться для растирания красок-румян. Кроме того, он акцентирует внимание на алебастровом сосуде в виде фляги, обнаруженном в кургане E25, погр. 19.

Похожие следы сохранились на внутренних стенках сосудов и из более плотного материала, причем, преимущественно, на боковых (Рис. 7, 2-3). К сожалению, мы не имеем возможности сказать, появились эти следы в процессе использования сосуда или в процессе его изготовления. Но маловероятно, что эти сосудики являлись частью ритуальной атрибутики погребального обряда и создавались специально для помещения в захоронение. Скорее всего, они имели утилитарную функцию.

Таким образом, можно видеть, что фактически все алебастровые сосуды, хранящиеся в музее-заповеднике «Танаис», относятся к среднесарматской эпохе и датируются I-III вв. н.э. 4 из них обнаружены в женских погребениях, 3 – в мужских, 2 – в детских, 2 – в парных захоронениях женщины с ребенком (в одном случае – мужской костяк находился в заполнении) и 2 – в погребениях взрослого человека, чей гендер установить не удалось. Всего 12 изделий из алебастра обнаружено в погребениях, 4 – на городищах (Танаис и Нижне-Гниловское), один из них является случайной находкой. Отдельно следует отметить захоронения с лодками-колодами, все погребенные в которых – женщины.

Чаще всего, алебастровые сосудики встречаются в заплечиковых погребениях (5); 3 – в простой могильной яме (хотя следует учитывать, что в Танаисе нередко заплечики срезаны более позд-

ними насыпями), 2 – в подбое; в 3 случаях – контуры могильных ям не прослежены. Ориентировка погребенных, преимущественно, широтная: В-З, головой на В (6 погр.), СЗ-ЮВ, головой на Ю, ЮВ (4 погр.), головой на ЮЗ (1 погр.); в 2 случаях установить положение погребенного не удалось.

Расположение сосудиков в могилах бессистемно. Тенденция к расположению в западной части (5 погр.) прослеживается в захоронениях с лодкой-колодой, где они располагались за «носом» гробовища и еще в двух погребениях, также относящихся к периоду I-III вв. н.э., где сосуды находились в СЗ углу, в районе ног погребенного. Далее по частоте встречаемости идет расположение у головы погребенного (в одном случае – на черепе) – 4 погр. В двух случаях он находились у правого плеча или локтя, и еще в двух – в заполнении, либо расположение было не установлено.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамова М.П.* Сарматская культура II в. до н.э. – I в. н.э. (По материалам Нижнего Поволжья, Сусловский этап) // Советская археология. Вып. 1. Москва, Ленинград: Издательство АН СССР, 1959. С. 52-72.
2. *Арсеньева Т.М.* Некрополь Танаиса. М.: Наука, 1977. 152 с.
3. *Беспалый Г.Е.* Отчет о проведении археологических раскопок на участках строительства музейного здания, объектов инфраструктуры и экспозиционного показа в границах объекта культурного наследия федерального значения «Археологический музей-заповедник «Танаис» в хут. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области в 2012 г. (в 14-ти томах). Том II (**текстовая часть**). Ростов-на-Дону, 2016. 269 с.
4. *Беспалый Г.Е.* Отчет проведения археологических раскопок на участках строительства музейного здания, объектов инфраструктуры и экспозиционного показа в границах объекта культурного наследия федерального значения «Археологический музей-заповедник «Танаис» в хут. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области в 2012 г. (в 14-ти томах). Том V (**текстовая часть, полевая опись**). Ростов-на-Дону, 2016. 198 с.
5. *Беспалый Г.Е.* Отчет проведения археологических раскопок на участках строительства музейного здания, объектов инфраструктуры и экспозиционного показа в границах объ-

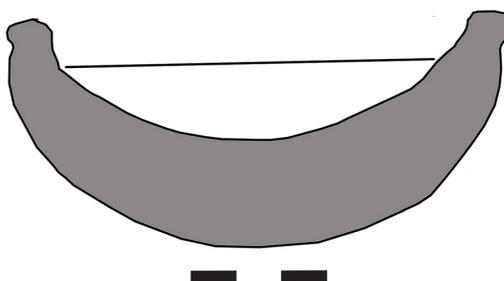
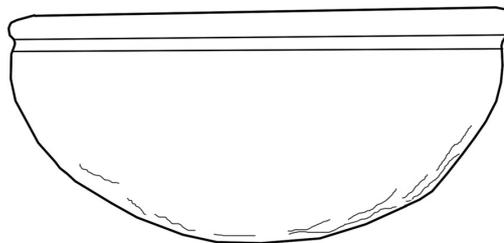
- екта культурного наследия федерального значения «Археологический музей-заповедник «Танаис» в хут.Недвиговка Мясниковского района Ростовской области в 2012 г. (в 14-ти томах). Том XII (**рис 3652-4308**) (**погребения 599-679**). Ростов-на-Дону, 2016. 195 с.
6. *Беспалый Г.Е.* Отчет проведения археологических раскопок на участках строительства музейного здания, объектов инфраструктуры и экспозиционного показа в границах объекта культурного наследия федерального значения «Археологический музей-заповедник «Танаис» в хут.Недвиговка Мясниковского района Ростовской области в 2012 г. (в 14-ти томах). Том XIII (**рис 4309-4834**) (**погребения 680-737, объекты 1-50**). Ростов-на-Дону, 2016. 193 с.
 7. *Беспалый Е.И.* Отчет об археологических исследованиях курганных могильников Чатал-Оба и Шаумяна в 1996 г. Иллюстрации к отчету (копия рукописи) // Архив АМЗ «Танаис». АМЗТ НВФ 365. 86 с., 146 илл.
 8. *Глебов В.П.* Погребальная обрядность раннесарматской культуры Нижнего Подонья II-I вв. до н.э. // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии: Материалы VII Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» (11-15 мая 2011 г., Ростов-на-Дону, Кагальник) / Отв. ред. д.и.н. Л.Т. Яблонский, к.и.н. С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 34-48.
 9. *Глебов В. П.* Раннесарматская культура Нижнего Подонья II-I вв. до н. э. // Автореф. диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук: 07.00.06 / Глебов Вячеслав Петрович; [Юж. федер. ун-т]. М., 2009. 15 с.
 10. *Глебов В.П.* Хронология раннесарматской и среднесарматской культур Нижнего Подонья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 127-133.
 11. *Глухов А.А.* Ритуальные каменные сосудики из среднесарматских погребений междуречья Волги и Дона // Донская археология. № 1-2. 2001. Ростов-на-Дону: ООО «Омега-Принт». С. 37-46.
 12. *Ильюков Л.С., Власкин М.В.* Сарматы междуречья Сала и Маньча. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1992. 288 с.
 13. *Ильюков Л.С.* Отчет об исследовании курганного могильника «Царский» в Мясниковском районе Ростовской области в 1987 г.// Архив Арх. Лаб. РГУ. Ф.14; д. 1. Ростов-на-Дону, 1988. 93 с.
 14. *Ильюков Л.С.* Сарматские курганы окрестностей Танаиса (могильник «Царский») // Вестник Танаиса. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 1994. с. 198-213.
 15. *Ильяшенко С.М.* Отчет об археологических раскопках на территории объекта культурного наследия федерального значения «Городище Танаис» в хуторе Недвиговка в Мясниковском районе Ростовской области в 2018 г. Том I (раскопы XIX, XXV, XXXIII, XXXIV). Ростов-на-Дону, 2019. 250 с.
 16. *Ильяшенко С.М.* Отчет об археологических раскопках на территории объекта культурного наследия федерального значения «Городище Танаис» в хуторе Недвиговка в Мясниковском районе Ростовской области в 2018 г. Том III. Полевые описи находок, полученных в ходе археологических раскопок на территории объекта культурного наследия федерального значения «Городище Танаис» в 2018 г. Ростов-на-Дону, 2019. 245 с.
 17. *Ильяшенко С.М.* Отчет об археологических раскопках на территории объекта культурного наследия федерального значения «Городище Танаис» в хуторе Недвиговка в Мясниковском районе Ростовской области в 2018 г. Том IV. Альбом иллюстраций к отчету об археологических раскопках на территории объекта культурного наследия федерального значения «Городище Танаис» (Раскоп XXV) в 2018 г. Ростов-на-Дону, 2019. 199 с.

18. *Науменко С.А.* Отчет о работе Цимлянского отряда Ростовского госуниверситета в зоне строительства Цимлянской оросительной системы в совхозе «Дубовский» Дубовского района Ростовской области в 1988 г. // Архив АМЗ «Танаис». АМЗТ НВФ 298/1. Ростов-на-Дону, 1989.
19. *Синицын И.В.* К материалам по сарматской культуре на территории Поволжья. / Советская археология. Вып. VIII. Москва, Ленинград: Издательство АН СССР, 1946. С. 73 – 95.
20. *Смирнов К.Ф.* Курильницы и туалетные сосудики Азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Изд-во АН СССР, 1973. С. 166-179.
21. *Чалый В.В.* Отчет об археологических спасательных раскопках курганного некрополя Танаиса в 1978 г. // Архив АМЗ «Танаис». АМЗТ НВФ 292. Ростов-на-Дону, 1979.
22. *Чалый В.В.* Альбом иллюстраций к отчету об археологических раскопках некрополя Танаиса в 1978 г. // Архив АМЗ «Танаис». АМЗТ НВФ 265. Ростов-на-Дону, 1979 г. 33 с.
23. *Шелов Д.Б.* Отчёт о работе Нижне-Донской археологической экспедиции за 1955 г.// Архив АМЗ «Танаис». АМЗТ НВФ 166/1. Москва, 1956. 23 с.
24. *Шелов Д.Б.* Некрополь Танаиса: раскопки 1955-1958 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 95 с., 25 илл.
25. *Шуман В.* Мир камня. В 2-х т. Т. 1. Горные породы и минералы: пер. с нем./Предисл. Е.Я.Киевленко. М.: Издательство «Мир», 1986. 215 с., илл.

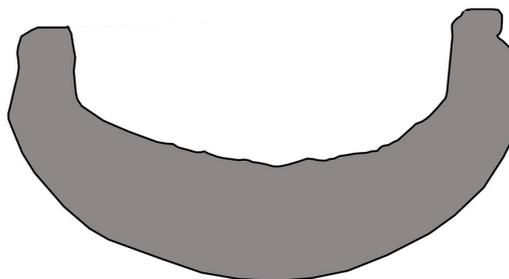
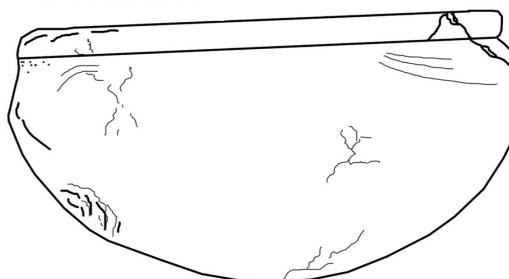
КП 356/ АО 30/29

1.

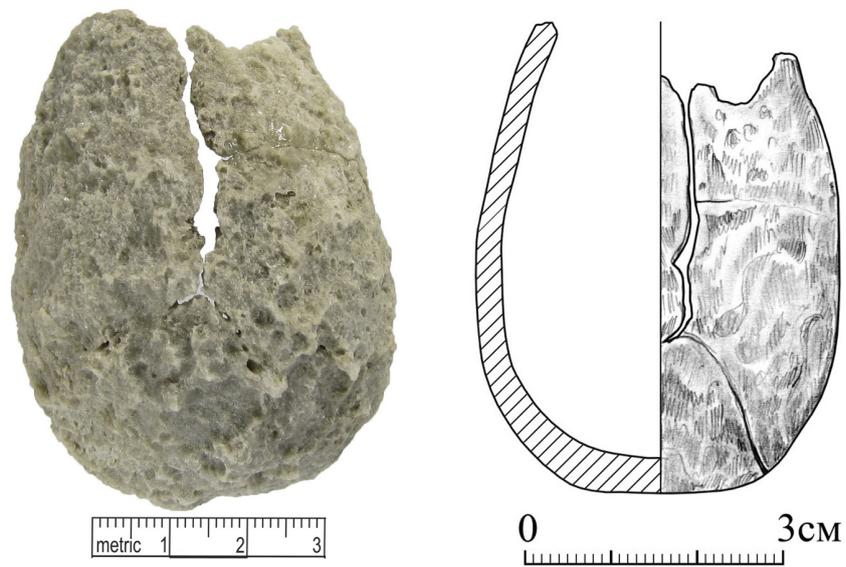

КП 356/ АО 30/496

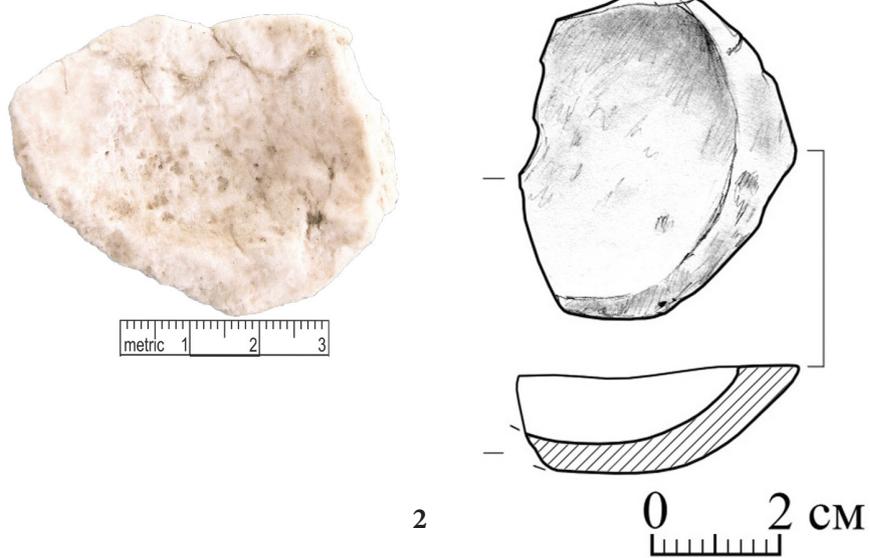

2

Рис. 1. Алебастровые чаши (1 – Подгорненский-I, курган 1, погр. 11; 2 – Подгорненский-VI, курган 1, погр. 9)

1.

2

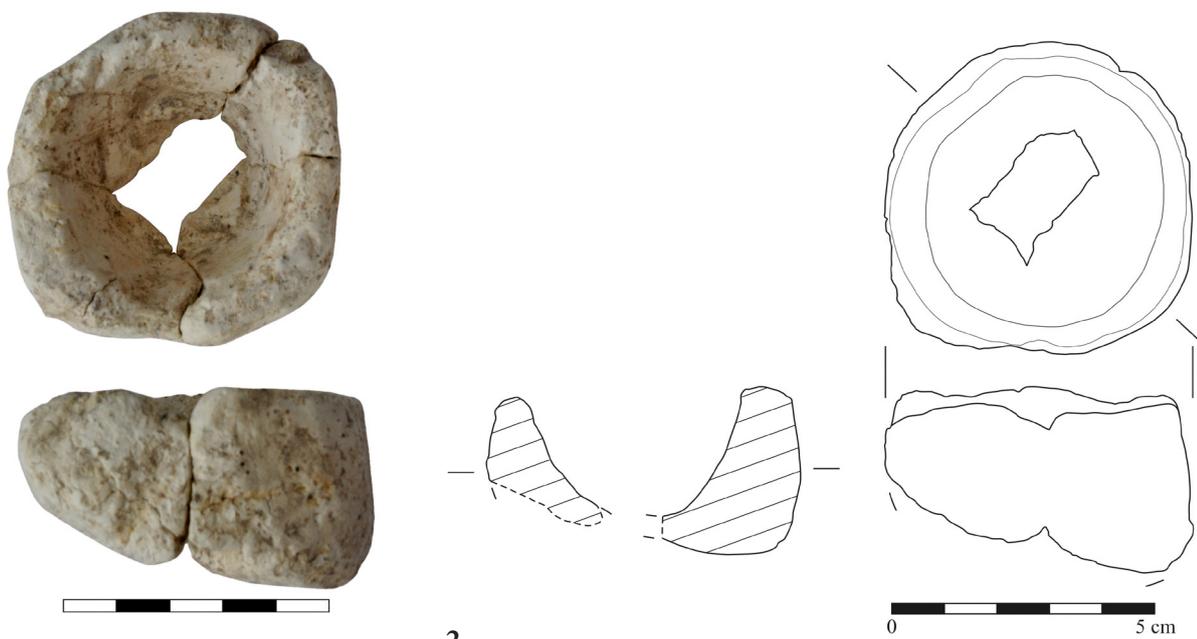

3

Рис. 2. Алебастровые сосуды из раскопок некрополя западного в 2012 г.
(Т-НЗ-12, Р-ХVIII, Пл. 7. 1 – погр. 669, 2 – погр. 686, 3 – погр. 707)

1.

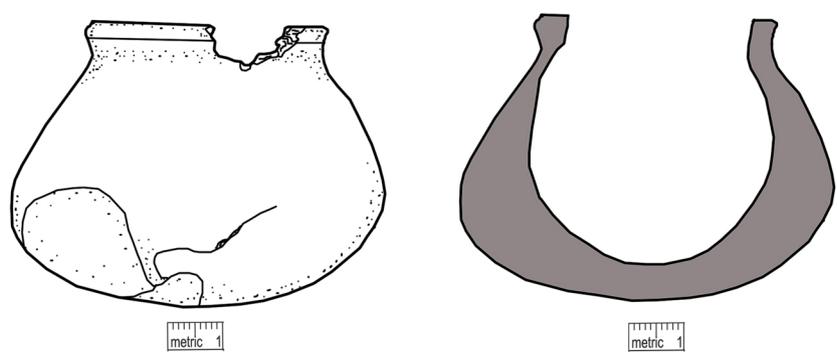

2

Рис. 3. Алебастровые сосудики (Т-18-XXV, помещение С)

1.

2

Рис. 4. Алебастровые сосуды из раскопок грунтового некрополя Танаиса (1 – Т-1955, погр. 16; 2 – Т-61, раскоп III, пл. VIII, погр. 157)

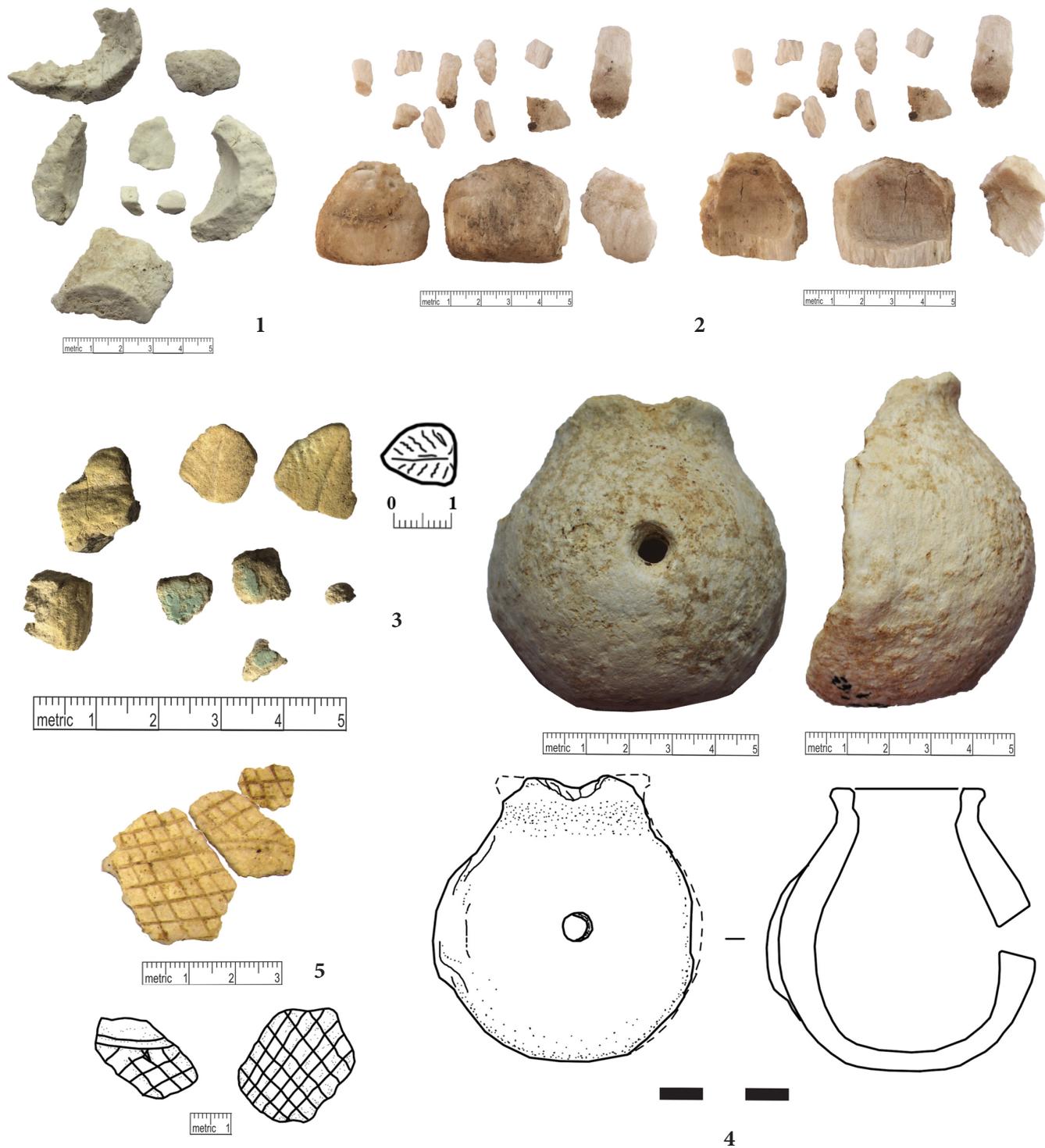
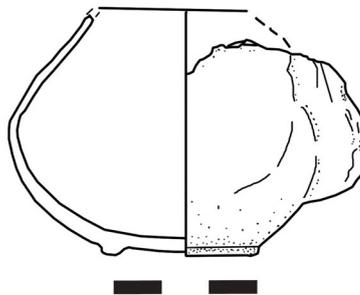

Рис. 5. Алебастровые сосуды из раскопок курганных могильников
 (1 – Шаумяна-1996, курган 4, погр. 2; 2 – Шаумяна-1996, курган 7, погр. 7; 3 – РЭ-87-Т,
 Царский, курган 41, погр. 1; 4 – РЭ-87-Т, Царский, курган 46, погр. 1; 5 – Т-78-НЗ, курган 22, погр. 7)

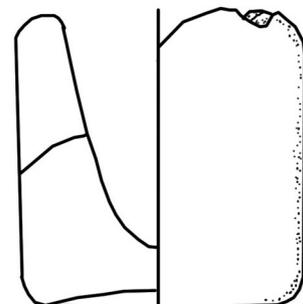

КП 349 / АО 26/1168

1

КП 326/ АЭ 82/239

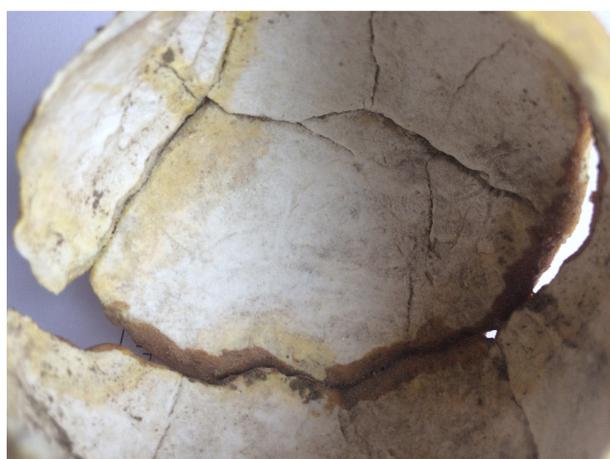

2

Рис. 6. Алебастровые сосудики (1 – ГН-1990, погр. 275; 2 – случайная находка, городище Танаис)

1

2

3

Рис. 7. Следы использования на внутренних стенках сосудов (1 – Подгорненский-VI, курган 1, погр. 9; 2 – ГН-1990, погр. 275; 3 – РЭ-87-Т; Царский, курган 46, погр. 1)

СЕРЕБРЯНЫЙ КАНФАР ИЗ ТАНАИСА (предварительное сообщение)

А.С. Балахванцев^{*1}, Г.Е. Беспалый²,
И.В. Циркунова³

¹Институт востоковедения РАН (Москва),

²ГАУК РО «Донское наследие» (Ростов-на-Дону),

³ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис» (Ростов-на-Дону)

*E-mail: balakhvantsev@gmail.com

В 2012 году в ходе археологических исследований на раскопе XVIII (площади 5, 6, 7, 8) западного участка грунтового некрополя городища Танаис на площади 8 было вскрыто погребение 522, представляющее из себя яму с заплечиками. В погребении, которое его исследователь Г.Е. Беспалый датировал серединой II в. до н.э., был обнаружен богатый инвентарь, в том числе, серебряный канфар с однострочной греческой надписью на внутренней стороне венчика. Надпись выполнена в технике точечного накола и читается как: НΡΑΚΛΕΟΥΣ ΑΛΕΞΙΚΑΚΟΥ. Перевод гласит: «Гераклий, сын Алексикака».

Ключевые слова: Танаис, некрополь, погребение, инвентарь, серебряный канфар, греческая надпись

В 2012 году в ходе продолжавшихся археологических исследований на раскопе XVIII (площади 5, 6, 7, 8) западного участка грунтового некрополя городи-

ща Танаис на площади 8 было вскрыто погребение 522, представляющее из себя яму с заплечиками (рис.1)¹. По верхнему контуру яма имеет прямоугольную форму размером 1,2 x 2,35 м и вытянута по линии СВ–ЮЗ. На глубине –4,12–4,15 м, вдоль длинных стен были устроены широкие заплечики. На перекрытие были положены четыре плоские крупные каменные плиты, щели проложены мелкими камнями. Из-за просадки грунта плиты сломались пополам и просели в могильную яму.

Могильная яма в придонной части узкая, прямоугольной формы, расширена к СВ, размером 0,6 x 2,55 м., дно находится на глубине – 4,65 м. и имеет ровную поверхность. На дне ямы местами фиксировался тонкий древесный коричневый тлен от гробовища. Внутри лежал костяк погребенного взрослого человека (вероятно, судя по инвентарю, женщины), кости представлены в виде слабого тлена (видимо, в силу того, что

¹ Рисунки выполнены Н.Е. Беспалой; фото предметов – Г.Е. Беспалым и Д.С. Буниным.

перекрытие долго держало грунт, и кости на воздухе истлели). Тело было расположено вытянутым на спине, головой к СВ. (Беспалый, 2016. С. 23, 27-28. Рис. 3081, 3105-3106).

В погребении, которое его исследователь Г.Е. Беспалый датировал серединой II в. до н.э., был обнаружен богатый инвентарь: две золотые серьги каждая в виде львиного рога; большое количество бус: ближе к черепу – низка гешира, здесь же несколько глазчатых бус, крупная янтарная шайба и мелкие стеклянные катушковидные, с внутренней позолотой. Ниже по грудной части располагалось большое количество крупных сердоликовых овально-вытянутых в плане бусин. Еще одна небольшая низка бус обнаружена в районе правого запястья погребенной, а четыре небольшие стеклянные бусины находились на дне могильной ямы, среди остального инвентаря. Кроме них были найдены два обточенных реальгара; фрагмент серебряной подвески; крупный бронзовый литой перстень с овальным щитком; пучок железных трехлопастных наконечников стрел с тонкими спицами-черешками, направленных остриями к ЮЗ; оранжевоглиняный кружальный кувшин, буролаковый унгентарий и железный гвоздь.

Серебряный канфар, который является объектом нашего исследования, стоял вертикально на дне могильной ямы в районе правой кисти погребенной (рис. 2). Одна из его ручек была утрачена еще в древности. Сохранившаяся ручка,

ножка и два атташа отпаялись по окислам и лежали рядом. Внутри канфара¹ находился золотой перстень с округлым щитком и гранатовой вставкой в центре (Беспалый, 2016. С. 23. Рис. 3089, 3090).

Канфар имеет полусферическое тулово с широким отогнутым горлом и отогнутым венчиком (рис. 3; 10). Верхняя вогнутая часть тулова лишена каких-либо изображений, кроме небольшой, состоящей из плотно расположенных точек окружности, выполненной в технике точечного накола (рис. 4). По плечикам тулово опоясано гравированной позолоченной трехрядной плетенкой с парными точками в завитках. Пояс плетенки отделен от гладкой верхней части и вертикально каннелированной нижней двумя горизонтальными полосами жемчужника. На сферическом в целом, слегка уплощенном дне находится позолоченная двойная двенадцатилепестковая розетка, вписанная в две концентрические окружности (рис. 5).

Трехчастные ручки были изготовлены отдельно и соединяли припаянные к каннелированной нижней части тулова позолоченные атташи в виде листка плюща (рис. 6; 7) с венчиком. Ножка, или подставка сосуда (рис. 8), похожа на перевернутую чашечку и украшена двумя горизонтальными полосами жемчужника, между которыми, как и на тулове, расположен пояс гравированной позолоченной трехрядной плетенки с парными точками в завитках. Следует, однако, отметить, что орнамент на ножке и атташах выполнен более грубо, чем на тулове.

¹ Учетные обозначения: АМЗТ КП 517/1-2. Тулово и ножка, поскольку они не соединяются, записаны отдельно.

Вес канфара общий – 238,8 г. (в чистоте 229,24), серебро 960 пробы; ножка: вес общий – 17,3 г. (в чистоте 16,0), серебро 925 пробы. Высота тулова – 7,2 см.; диаметр донца (плоская часть с розеткой) – 3,0 см.; максимальный диаметр тулова (в месте встречи плетенки с каннелюрами) – 8,6 см.; минимальный диаметр шейки – 6,8 см.; диаметр венчика – 10,0 см.

Еще 29 апреля 2014 г. при знакомстве с фондами археологического музея-заповедника «Танаис», один из авторов статьи, А.С. Балахванцев, обратил внимание на канфар и предположил, что он был изготовлен из ахеменидской чаши македонского типа¹, к которой впоследствии добавили ножку, атташи и ручки. В пользу данного предположения свидетельствует не только сама форма чаши, но и характерные для данного типа детали: пояс плетенки, розетка на дне и такая неотъемлемая часть декора ахеменидских чаш македонского типа как *Stabzungenornament* (Pfrommer, 1987. S. 56, 64), т. е. разделение полусферического тулова чаши радиально сходящимися к ее дну желобками, каннелюрами или стилизованными листьями.

По своим пропорциям – отношению диаметра сосуда к его высоте и высоты корпуса к высоте шейки (Pfrommer, 1987. S. 213) – чаша из Танаиса сближается с изделиями последней четверти IV в. до н.э. (Pfrommer, 1987. S. 59; Zimi,

2011. P. 74, 220–222, Nos. 74–76 (с предшествующей литературой)) и, очевидно, датируется этим же временем. Интересно, что по своим параметрам, особенно по высоте, чаша из Танаиса занимает промежуточное положение между большинством ахеменидских чаш македонского типа и находкой из кургана Б могильника Прохоровка (Балахванцев, Яблонский, 2006. С. 103–106; Balakhvantsev, Yablonskii, 2009. P. 174–182). Это доказывает, что высказывавшиеся иногда сомнения в правомерности отнесения чаши из Прохоровки к числу ахеменидских чаш македонского типа (Трейстер, 2010. С. 297) являются безосновательными.

На внутренней стороне венчика расположена однострочная греческая надпись. Высота большинства букв колеблется от 0,3 до 0,4 см., только *омикрон* не превышает 0,2 см. Хорошо сохранившаяся надпись (пострадала только первая *альфа*) выполнена в технике точного накола и читается как Ἦρακλέους Ἀλεξικάκου (рис. 9). Перевод гласит: «(Собственность) Геракла, (сына) Алексикака»². Имя Ἦρακλῆς – довольно редкое и известно лишь в Македонии и во Фракии. Впервые оно фиксируется у сына Александра Македонского и Барсины в последней четверти IV в. до н.э., а остальные примеры относятся уже к I–III вв. н.э. (LGPN IV. P. 156). Еще более редким является имя Ἀλεξικάκος: оно

¹ Данный тип чаш возник в середине IV в. до н.э. (Pfrommer, 1987. S. 56–61). О них см.: Pfrommer, 1987. S. 56–61, 234–236, Nr. KaB M1-16; Zimmermann, 1998. S. 36–42, 160–161, Nr. BM 1-19; Балахванцев, Яблонский, 2006. С. 103–106; Balakhvantsev, Yablonskii, 2009. P. 174–182; Zimi, 2011. P. 70–84, 214–239, Nos. 65–101.

² Упоминание имени владельца в родительном падеже типично для надписей на сосудах (Oliver, 1977. P. 46, 59, 61, 85; Gill, 2008. P. 336. Fig. 1,1; Tzochev, 2016. P. 781, 783–785, 790; Балахванцев, Шинкарь, 2018. С. 197–198).

встречается лишь однажды в Афинах, в надписи 187/8 г. н.э. (LGPN II. P. 21).

Что можно сказать о дате нанесения надписи на венчик сосуда? Для ответа на этот вопрос следует обратиться к палеографии надписи, которая характеризуется следующими чертами: курсивные формы *эпсилона* и *сигмы*; *альфа* с прямой перекладиной и изогнутыми боковыми линиями; *лямбда* с изогнутыми боковыми линиями; у *каппы* нижняя боковая черта отходит от верхней; *омикрон* значительно меньше габаритов строки, у *кси* отсутствует вертикальная черта, а средняя горизонталь значительно короче верхней и нижней. Именно такие формы *кси* и *каппы* характерна для надписей Боспора III в. до н.э. (Болтунова, Книпович, 1962. С. 9. Табл. II). Тогда же в лапидарных надписях появляются курсивные формы, прежде всего, *эпсилон* и *сигма*. Для надписей данного периода типичны и очень малые размеры *омикрона* (Болтунова, Книпович, 1962. С. 15-16). Между тем, в посвящении

из Гермонассы (КБН 1044) середины II в. до н.э. (Виноградов, 1987. С. 59) *омикрон* уже почти укладывается в габариты строки. Если выйти за пределы Боспора, то похожие формы *омикрона*, *лямбды*, *альфы*, *кси*, *эпсилона* и *сигмы* можно обнаружить на серебряных сосудах из гробницы Севта III во Фракии, относящихся к первым двум десятилетиям III в. до н.э. (Tzochev, 2016. P. 783. Fig. 3-6). Все это позволяет считать, что надпись на канфаре из Танаиса была выполнена в III – возможно, начале II в. до н.э.

Таким образом, серебряный канфар из Танаиса первоначально представлял собой ахеменидскую чашу македонского типа, произведенную в последней четверти IV в. до н.э. Видимо, не позднее начала II в. до н.э. она подверглась переделке¹ и превратилась в канфар². Скорее всего, Геракл, сын Алексикака, был отнюдь не первым и даже не последним владельцем этого сосуда с такой долгой жизнью и весьма необычной судьбой.

ЛИТЕРАТУРА

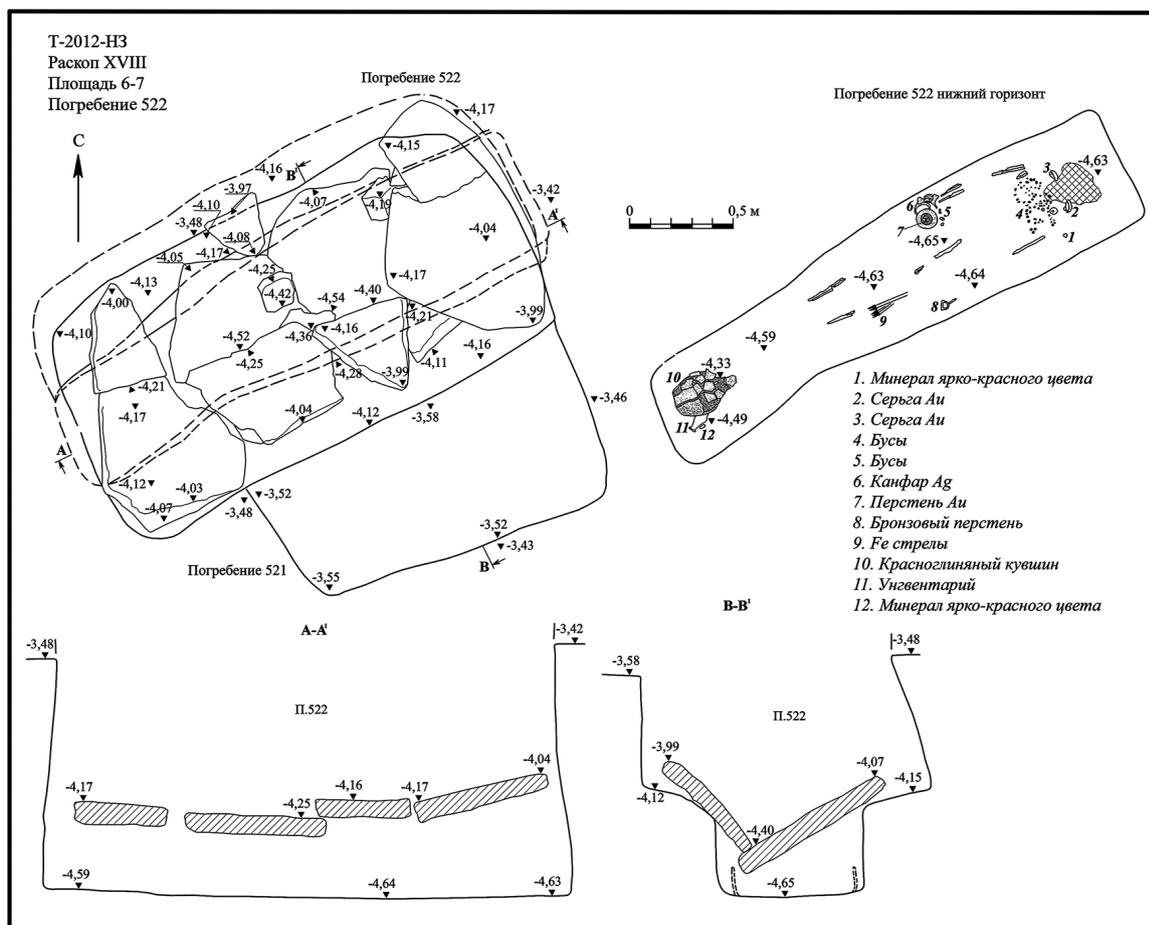
1. Балахванцев А.С., Шинкарь О.А. Бронзовый котел с греческой надписью из курганного могильника у хут. Базки Волгоградской области // КСИА. 2018. Вып. 251. С. 193-203.
2. Балахванцев А.С., Яблонский Л.Т. Серебряная чаша из Прохоровки // РА. 2006. № 1. С. 98–106.
3. Беспалый Г.Е. Отчет о проведении археологических исследований на территории грунтового некрополя городища Танаис в х. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области в 2012 году. (Раскоп XVIII, площадь 5,6,7,8) // Архив АМЗ «Танаис». 2016 г.
4. Болтунова А.И., Книпович Т.Н. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // Нумизматика и эпиграфика. М.: Наука, 1962. Т. III. С. 3-31.

¹ Надеемся, что дальнейшие исследования, связанные с изучением технологии производства сосуда и состава металла, смогут обнаружить материальные следы данной операции.

² Не исключено, что и канфар из гробницы III Артюховского кургана, как предполагает А.В. Дедюлькин, мог появиться в результате переделки похожей чаши (Дедюлькин, 2014. С. 91).

5. *Виноградов Ю.Г.* Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // ВДИ. 1987. № 1. С. 55-87.
6. *Дедюлькин А.В.* О датировке эллинистических железных кирас из Южного Приуралья // VIII Международная научная конференция «Проблемы сарматской археологии и истории» / отв. ред. Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 84–93.
7. *Трейстер М.Ю.* Приложение 7. Серебряный кубок из Прохоровского кургана «Б» // Л.Т. Яблонский. Прохоровка. У истоков Сарматской археологии. М.: Таус, 2010. С. 295-297.
8. *Balakhvantsev A.S., Yablonskii L.T.* A Silver Bowl from the New Excavations of the Early Sarmatian Burial-Ground Near the Village of Prokhorovka // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 2009. Vol. 15. P. 167-182.
9. *Gill D. W.J.* Inscribed Silver Plate from Tomb II at Vergina: Chronological Implications // *Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens*. 2008. Vol. 77. P. 335-358.
10. *Oliver A.* Silver for the Gods: 800 Years of Greek and Roman Silver. Toledo: The Toledo Museum of Art, 1977. 175 p.
11. *Pfrommer M.* Studien zu alexandrinischer und großgriechischer Toreutik frühhellenistischer Zeit. Berlin: Gebr. Mann, 1987. 312 S.
12. *Tzochev C.* Accounts from the Treasury of Seuthes III: Inscribed Silver Plate Found in the Tomb of the Golyama Kosmatka Mound // *Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens*. 2016. Vol. 85 (4). P. 779–794.
13. *Zimi E.* Late Classical and Hellenistic Silver Plate from Macedonia. Oxford: Oxford University Press, 2011. 308 p.
14. *Zimmermann N.* Beziehungen zwischen Ton – und Metallgefäßen spätklassischer und frühhellenistischer Zeit. Rahden / Westf.: Verlag Marie Leidorf, 1998. 200 S.

1

2

3

4

5

6

7

metric 1 2

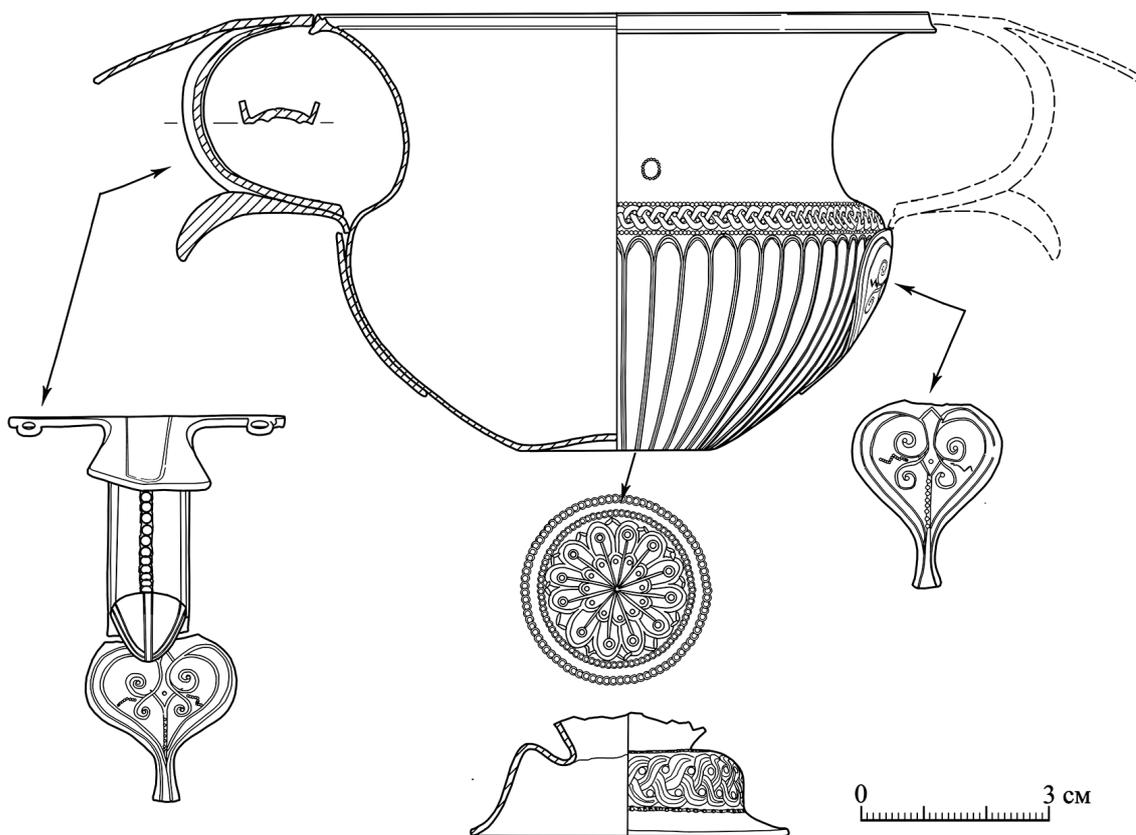
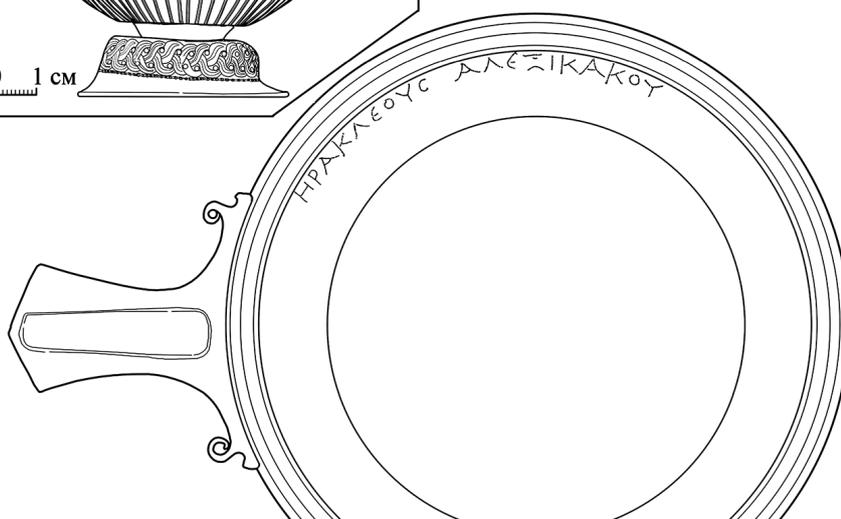
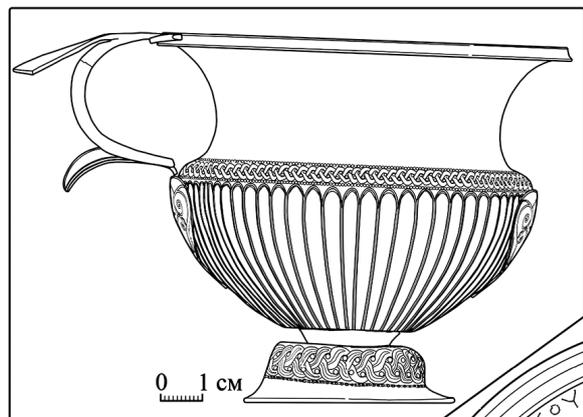
metric 1 2

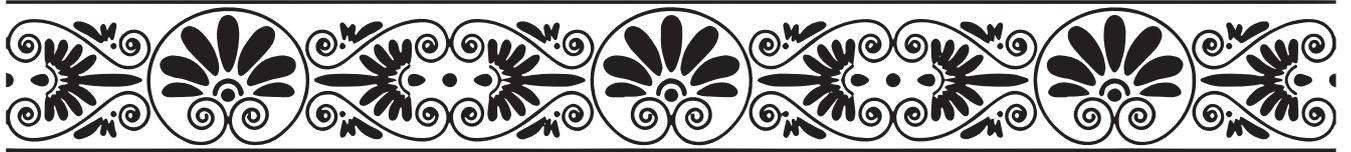
8

metric 1 2

9

РАЗВЕДКИ Д.Б.ШЕЛОВА В 1950 г. НА НИЖНЕМ ДОНУ

Д.С. Бунин^{1*}, Л.О. Базилевич^{2**}

¹ Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
(г. Владимир)

² ГБУК РО «Археологический музей-заповедник Танаис» (г. Ростов-на-Дону)

*E-mail: bunidenis@gmail.com

**E-mail: ludmila.basilevich@gmail.com

В задачи разведок входило обследование археологических памятников (Сухо-Чалтырское, Нижне-Гниловское, Подазовское, Елизаветовское городища и др.) и контроль их состояния. Особое внимание уделялось Недвиговскому городищу: были исследованы оборонительные рвы, остатки зольного холма у железной дороги, зафиксированы фрагменты стен, произведена фотофиксация и составлен актуальный план городища, проведено сопоставление обнаруженных объектов с описанными ранее. По всем памятникам был дан анализ подъемного материала, подтвердивший наличие римского импорта и большого количества местной керамики в культурном слое.

Ключевые слова: Д.Б.Шелов, археологические разведки, Нижний Дон, Недвиговское городище, Танаис.

Дмитрий Борисович Шелов вписал свое имя в историю отечественной археологии как выдающийся исследователь нумизматики и эпиграфики, основатель Нижне-Донской археологической экс-

педиции. Однако, практически неизвестной осталась деятельность Шелова в качестве руководителя экспедиции, проводившей масштабные разведки на Нижнем Дону в 1950 г. Материалы этих разведок мало знакомы научной аудитории и лишь вскользь упоминаются в ставших уже классическими монографиях Шелова «Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э.» и «Танаис и Нижний Дон в первые века н.э.» (Шелов, 1970; Шелов, 1972). Основным источником сведений о проведенных исследованиях является отчет, хранящийся в фондах Ростовского областного музея краеведения. (Шелов, 1950). Разведки проводились летом 1950 г. по инициативе Ростовского областного отдела культурпросветработы и на средства Ростовского областного музея краеведения. В основной состав экспедиции вошли: научный сотрудник ИИМК Д.Б. Шелов (начальник экспедиции), научный сотрудник Ростовского областного музея краеведения Е.А. Воропай, фотограф А.И. Подрывалов, топограф А.Д. Рябухин, техниче-

ский сотрудник Е. Котова, шофер Б. Кузнецов.

В задачи разведок входило обследование городищ скифо-сарматской эпохи на Нижнем Дону, контроль их современного состояния совместно со сбором подъемного материала, составлением описаний, фотофиксацией и составлением топопланов. В ходе работ были обследованы Недвиговское, Сухо-Чалтырское, Нижне-Гниловское, Подазовское городища, произведен беглый осмотр Елизаветовского городища. Также разведками были охвачены поселение в районе Петрушиной косы, разрушающийся курганный могильник у Беглицкой косы, Петровская крепость в устье Миусского лимана (Рис. 1, 1).

Наибольшее внимание уделялось городищу Танаис (Рис. 1, 2). Из 36-и страниц текста отчета непосредственно Танаису отводится 17. Это, несомненно, выдает целенаправленный интерес Д.Б. Шелова к этому памятнику, который, впрочем, сам автор и не скрывает, называя его «самым крупным и значительным» среди обследованных объектов (Шелов, 1950. С. 1). Кажется, что именно эти разведки позволили исследователю более ясно представить себе регион своих будущих изысканий. В тексте отчета явно прослеживается желание Д.Б. Шелова составить максимально полное обследование и описание памятника.

Характерно, что за год до проведения экспедиции, в 1949 г. публикуется монография Т.Н. Книпович, содержащая наиболее полное обобщение и систематизацию сведений о предыдущих исследованиях городища Танаис (Книпович,

1949). При этом, сам Д.Б. Шелов книге «Танаис – потерянный и найденный город.....» впоследствии посетует на то, что, несмотря на большой объем проведенных ранее раскопок в Танаисе, материалов об этом памятнике ко времени проведения экспедиции сохранилось сравнительно немного:

«Два письма Стемпковского к Бларамбергу о местоположении древнего Танаиса, довольно общий отчет о раскопках Леонтьева и совсем уже краткие заметки о раскопках Хицунова, Тизенгаузена и Веселовского – вот почти все, что было опубликовано о прежних работах на городище». И далее: «Из описаний открытых построек и могил, ни полного перечисления найденных предметов, ни зарисовок или чертежей эти отчеты не содержат. Да и зачем стали бы делать рисунки или составлять описания Хицунов или Тизенгаузен, если они считали, что произведенные ими раскопки неудачны» (Шелов, 1967. С. 52-53).

Д.Б. Шелов особо отмечает, что в своем труде Т.Н. Книпович лишь повторяет сведения П.М. Леонтьева середины XIX в., которые через сто лет сильно устарели и не соответствовали действительности. Причиной этому послужили изменение границ х. Недвиговка, а также уничтожение значительной части мусорного холма, относящегося ко времени существования Танаиса и располагающегося между южной стороной городища и берегом Мертвого Донца.

На момент проведения разведок экспедиция располагала только планом городища, составленным в 1853 г. и приведенным в работе Т.Н. Книпович

(Книпович, 1949. С. 27). План отличался схематичностью и существенной долей неточностей. Известно о существовании еще, как минимум, двух значительно более точных и подробных планов, выполненных в ходе раскопок П.М. Леонтьева в XIX в. и инструментальной съемки А.А. Миллера 1928 г., однако, несмотря на усилия, предпринятые Шеловым, ни один из этих планов обнаружить не удалось. Сам Д.Б. Шелов впоследствии не раз отмечал, что утрата подробного плана Леонтьева была особенно досадной, так как именно на этом плане Леонтьевым было обозначено расположение всех траншей на городище и в окрестностях, показаны наиболее значимые находки и постройки, вскрытые раскопками, дано обозначение мест, где они были открыты. Ввиду отсутствия плана, крайне затруднительным оказался также ответ на вопрос, какие именно локации на городище соответствуют зашифрованным обозначениям в отчетах Леонтьева (Шелов, 1950. С. 2). Эти обстоятельства вынудили Д.Б. Шелова организовать проведение в ходе разведки новой инструментальной съемки и составить план Недвиговского городища. (Рис. 2, 1) Также было дано описание памятника, и собран подъемный материал в виде мелких фрагментов керамики.

Уже во время разведки постройки хутора Недвиговка окружали городище со всех сторон, кроме северной, и захватывали часть территории памятника. Причем наиболее удручающей представлялась ситуация с южной стороны памятника, так как весь склон городища достаточно плотно застроен и это явля-

лось (и до сих пор продолжает являться) серьезным препятствием для изучения фортификационной системы участка. При этом отмечалось, что через середину южной стороны городища расположена большая выемка по которой проходит полевая дорога, а результаты раскопок XIX в. говорили о расположении в этом месте городских ворот (Шелов, 1950. С. 3-4, 6).

Экспедицией были обследованы оборонительные рвы с севера, запада и востока. (Рис. 2, 2-3) Д.Б. Шелов предположил, что восточный и западный рвы изначально были балками естественно-го происхождения, углубленными и расширенными впоследствии. Происхождение северного рва определялось как искусственное. Также были отмечены следы существования остатков вала, перебитого следами прошлых раскопок и ямами, оставшимися от добычи камня местными жителями (Шелов, 1950. С. 3-4. Сравн.: Арсеньева, Ильяшенко, Науменко, 2010. С. 315-323; Ильяшенко, Арсеньева, Науменко, 2015. С. 174-188). В северо-восточном углу городища был зафиксирован выход каменной кладки, видимо, являвшейся основой вала (Рис. 3, 1) или фрагментом городской стены.

В отчете особенно отмечается плачевное состояние поверхности городища, «изрытой огромным количеством ям, траншей, канав и котлованов» (Шелов, 1950. С. 4.). Ко времени обследования городища экспедицией Шелова повреждения поверхности городища занимали десятки квадратных метров площади и достигали глубины трех ме-

тров (Рис. 3, 2). Невозможно было обнаружить какой-либо нетронутый участок центрального укрепления городища площадью хотя бы более ста квадратных метров (Шелов, 1950. С. 6).

Исходя из сравнительно правильной формы и равномерной глубины части повреждений (траншея, пересекающая городище от северо-западного угла городища к южной его части, котлован в центре, зигзагообразная канава в северо-восточном углу и др.) было предположено, что часть повреждений связаны с раскопками Леонтьева, Хицунова и Тизенгаузена. Опрос местных жителей – старожилов показал, что следы траншей и котлованов существовали, по крайней мере, уже в конце XIX в., т.е. до того, как с городища начали масштабно и систематически добывать камень для строительной деятельности (Шелов, 1950. С. 4-5). Это косвенно подтверждало версию о связи этого вида повреждений с раскопками первых исследователей Недвиговского городища. Другой вид повреждений поверхности памятника связан с добычей камня. По свидетельствам жителей Недвиговки, которые сами непосредственно принимали участие в этой деятельности, оказалось, что объемы добычи камня из остатков древних построек имели поистине огромный размах. Камень использовался не только для строительных нужд близлежащих поселений – хутора Недвиговка и села Синявское, но даже вывозился на баржах в города Ростов-на-Дону и Азов. В результате этой деятельности практически на всей площади городища поверхность изрыта. При этом, по всей видимости, оказался

утраченным ряд мраморных плит с надписями также случайно ставшими строительным материалом. Однако, камнедобытчики редко копали глубже полутора метров, и это позволяло Д.Б. Шелову надеяться, что хотя бы нижние культурные слои остались непо потревоженными (Шелов, 1950, С. 5).

Помимо этого, на поверхности городища также были видны следы от разрывов снарядов и бомб, оставленные во время Великой Отечественной войны, а также другие повреждения. Огороды и следы хозяйственной деятельности местных жителей прослеживались даже на дне крепостных рвов.

Очень скупо, всего в одном абзаце отчета, Д.Б. Шелов упоминает о существовании грунтового некрополя с северной стороны от городища. Местные жители использовали территорию некрополя как место для добывания песка и глины, время от времени обнаруживая человеческие кости и фрагменты керамики (Шелов, 1950 С. 6).

Экспедиция также обследовала прилегающий к центральному укреплению с запада оборонительный вал, о существовании которого писал еще П.П. Леонтьев, утверждавший, что данная оборонительная конструкция огибает город с трех сторон (Леонтьев, 1854.С. 493). Д.Б. Шелов в своем отчете указывает, что на плане Леонтьева этот вал отсутствует, а на том месте, где он, судя по описанию Леонтьева, должен располагаться, указана насыпь некрополя (Шелов, 1950. С. 6).

Обследованный вал имел высоту до полутора метров. На момент описа-

ния его Шеловым, вал и слабо прослеживающийся, примыкающий к нему с наружной стороны ров являлись единственными зафиксированными элементами внешних укреплений. Пространство, огороженное этим валом, было занято колхозными усадьбами и огородами. Подъемный керамический материал был идентичен по типу и дате найденному в центральной части городища. При этом, Д.Б. Шелов поддерживает мнение Т.Н. Книпович об отсутствии внешней линии укреплений с северной стороны, где внешний вал смыкается с внутренней оградой (Шелов, 1950. С. 7).

Большой плоский холм, примыкающий к восточной стороне городища и отмеченный на плане Леонтьева, также был обследован экспедицией (Рис. 3, 3). Судя по всему, Д.Б. Шелов отнесся к этому элементу памятника более тщательно, чем предыдущие исследователи, видевшие здесь валы внешнего восточного укрепления Танаиса. Так, обнажения слоя на месте карьера, частично прорезающего холм с юго-восточной стороны, свидетельствовали, по мнению исследователя, о том, что весь холм состоит, по большей части, из мусорных отложений с большим содержанием золы и других культурных остатков, что вряд ли позволяет говорить о наличии здесь элемента оборонительной системы города (Шелов, 1950. С. 7-8).

Изучая территорию, прилегающую к основному четырехугольнику городища, Д.Б. Шелов отмечает, что в описаниях предыдущих исследователей имеется существенная неясность. Так, Т.Н. Книпович, опираясь, в основном, на статью

П.П. Леонтьева утверждает, что город располагал внешней оградой с двумя «крыльями» на востоке и западе, а пространство между внутренним и внешним периметром было заселено беднейшим и, в большинстве своем, негреческим населением. Однако, сам Леонтьев, хотя и предполагал, что пространство между оградами было заселено, но, в то же время, указывал, что пробные раскопки не выявили следов построек. Напротив, ему встретились черепа, кости и большое количество золы. Мусорный характер напластований восточного холма, неясность описаний и существенные повреждения поверхности, отсутствие точных описаний в купе с существенными повреждениями поверхности в результате хозяйственной деятельности местных жителей, заставили Д.Б. Шелова в отчете отнестись скептически к гипотезе Книпович о постоянно существовавшем на этом месте городском районе, обнесенном укреплениями (Шелов, 1950 С. 8-9. Сравн.: Книпович, 1949. С 24-25; Леонтьев, 1854. С. 493; Леонтьев, 1855. С. 111-112. Табл. III).

Экспедиция обследовала остатки зольного холма, расположенного между южной стороной городища и рекой. (Рис. 3, 4) Отмечаются его некогда значительные размеры и существенный характер повреждения основной части, обусловленные сносом центральной части холма при прокладке ветки железной дороги Ростов-Таганрог, рытвем оборонительных сооружений в годы войны и современной жилой застройкой. Наиболее сохранившаяся часть объекта и поныне примыкает с юга к железной

дороге. Полностью поддерживая точку зрения Леонтьева о возникновении холма, как результата вывоза и свалки мусора из города, Д.Б. Шелов также, проанализировав характер амфорного материала из обреза холма, установил, что весь холм насыпан в короткий срок не ранее II-III вв. н.э. (Шелов, 1950. С. 10-11. Сравн.: Леонтьев, 1855. С. 494-495).

Из текста отчета видно, что экспедиция не упустила возможность провести расспросы местного населения из числа старожилов. Было установлено, что жители Недвиговки хорошо помнят последние раскопки Н.И. Веселовской части некрополя, а также рассказывают о случайных находках сосудов, монет и обломков. Следов этих случайных находок экспедиции обнаружить не удалось (Шелов, 1950. С. 11). Зафиксировано широкое распространение среди местного населения «обычных фантастических рассказов» (Шелов, 1950. С. 11) о находках бочонков с золотом и золотого коня, видимо, интересных лишь с точки зрения антрополого-этнографических наблюдений. При этом любопытно, что упорно циркулировал слух о существовании подземного хода от южной границы городища до М. Донца. Рассказы такого рода также можно было бы отнести к разряду широко распространенных и весьма известных исследователям-этнографам, однако, свидетельства людей непосредственно видевших остатки подземного хода «выложенного крупным белым камнем», заставили Шелова предположить, что это мог быть ход, описанный еще Хицуновым (Шелов, 1950. С. 11. Сравн.: Илья-

шенко, 2013. С. 159-177; Ильяшенко, 2016. С. 201-206). Жители Недвиговки сообщали также и о других подземных ходах, ведущих якобы до Азова и Матвеева Кургана, что, безусловно, не соответствовало действительности и объяснялось Шеловым наличием вокруг хутора катакомб и штолен, устроенных для добычи строительного камня.

Отдельно Д.Б. Шеловым дается анализ подъемного материала с территории Недвиговского городища и окрестностей. Отмечено, что амфорный материал (Рис. 4, 1) представлен, в основном, узкогорлыми светлоглиняными амфорами II-III вв. н.э., либо другим распространенным типом поздних амфор – красноглиняными, широкогорлыми, с массивными ручками и венчиками. Находки эллинистических амфор носили единичный характер. Еще одной категорией керамического импорта, хорошо представленной среди подъемного материала на городище, являлась краснолаковая посуда, (Рис. 4, 2) относящаяся, в подавляющем большинстве, к I – нач. II вв. н.э. (Шелов, 1950. С. 12).

При описании и анализе особенностей подъемного материала Шелов особенно подробно останавливается на наиболее богато представленной местной лепной керамике. (Рис. 4, 3). Им описывается фактура и характер глины, делается попытка выделить максимально возможное количество типов и форм лепных сосудов, приводятся аналогии, анализируются конструктивные и орнаментальные особенности, делаются предположения о датировании (Шелов, 1950. С. 13-14 с лит.). Все это дает осно-

вания говорить об основательной подготовке, знании материала и выраженном на тот момент интересе автора к вопросам, связанным с лепной керамикой. Не исключаем также, что внимание к лепной керамике было связано с желанием подчеркнуть существенную варварскую составляющую в культуре памятника. Основная масса фрагментов лепных сосудов была отнесена Шеловым к первым векам н.э. Автор, сопоставляя находки лепной керамики на городище с материалами раскопок на территории Приазовья и Нижнего Поволжья, поддерживает версию Т.Н. Книпович об «архаизирующей тенденции» в изготовлении местной лепной керамики в римское время. Шелов присоединяется к ее мнению о существовавшем континуитете в развитии форм лепной керамики «от эпохи доскифской через скифский период к сарматскому». При этом, Д.Б. Шелов, изучая подъемный лепной материал, замечает, что формы горшков, встречающиеся на городище гораздо более разнообразны, чем это представлялось Т.Н. Книпович (Шелов, 1950. С. 13-14 с лит.).

Экспедицией было собрано и довольно значительное количество фрагментов лощеной керамики (Рис. 4, 4) – в большинстве своем, это были широкие, плоскодонные чашки, характерные для сарматской культуры (Шелов, 1950. С. 14-15). Реже встречались обломки закрытых лощеных сосудов. Было отмечено различное качество лощения сосудов – от слабого заглаживания поверхности до блестящего лощения интенсивного черного цвета, похожего на чернотерное покрытие (Шелов, 1950. С. 16).

Большое значение Д.Б. Шелов придал находке фрагмента сероглиняного раннесредневекового сосуда с орнаментом в виде неглубоких бороздок. Он отметил, что вероятные аналогии сосудам такого рода находятся в Салтово-Маяцкой культуре. По мнению исследователя, находка представляла большой интерес, так как вкупе с обнаружением еще одного сосуда с подобным орнаментом на некрополе это позволяло опровергнуть бытовавшую точку зрения о полном прекращении жизни на городище в конце античной эпохи. До момента проведения разведки Шелова на городище не было известно ни одной находки, относящейся ко времени позднее IV в. н.э. (Шелов, 1950. С. 15-16).

Среди случайных и подаренных экспедиции находок Д.Б. Шелов упоминает фрагмент зашлакованного сосудика, вероятно, использовавшегося как льячка, две боспорские монеты (Митридата VIII и Рискупорида III), обломок зернотерки и известняковую плиту с «загадочными знаками» (Шелов, 1950. С. 16).

На этом обследовании Недвиговского городища в 1950 г. было закончено. Однако внимание экспедиции привлекла местность в полутора километрах к западу от городища, где и по сей день располагается Биостанция Южного Федерального университета (тогда – Ростовского госуниверситета), были обнаружены следы поселения, проявляющиеся в подъемном керамическом материале, среди которого попадались обломки амфор римского времени. Сотрудники станции также сообщили об обнаружении ими фрагментов узкогорлых «кув-

шинов» – вероятно, светлоглиняных амфор I-III вв. н.э.

В районе биостанции были обследованы береговые террасы, однако выходов культурного слоя и границ поселения тогда обнаружить не удалось (Шелов, 1950. С. 16-17).

Надо думать, цели, поставленные Шеловым для себя, перед разведками городища были полностью достигнуты: был составлен подробный план городища, проведено сопоставление обнаруженных объектов, с постройками, выявленными Леонтьевым, произведена фотофиксация памятника, собран подъемный материал, подтвердивший наличие, как римского импорта, так и местной керамики в культурном слое. Все это позволило, в дальнейшем Шелову сосредоточиться на изучении Недвиговского городища: в 1955 г. начала работу Нижне-Донская экспедиция, в 1957 г. была проведена аэрофотосъемка местности для нужд археологов (Рис. 5, 1-3), а в 1958 основан археологический музей-заповедник «Танаис» и создан подробный топографический план городища (Шелов, 1958. Рис. 1), в основу которого легли результаты топосъемки 1950-го гг. (Рис. 5, 4)

После детального обследования Недвиговского городища, экспедицией были предприняты разведывательные маршруты к хуторам Хапры, Сухой Чалтырь и к устью р. Мокрый Чалтырь.

Сухо-Чалтырское городище (Рис. 6, 1 а-в) было впервые выявлено еще Стемпковским и впоследствии привлекало внимание исследователей, однако ни описания, ни какого-либо плана это-

го городища до разведок Шелова сделано не было.

Д.Б. Шелов обследовал городище, составил краткое описание и изучил современное состояние культурного слоя. Вдоль долины реки Мертвый Донец, по юго-западному склону, культурный слой прослеживался, но обнаружить границы распространения слоя на север и северо-восток не удалось, так как все это пространство было занято постройками колхоза «Красный маяк» и распаханно под огороды. Все свободные от застройки участки давали находки керамики в большом количестве.

Экспедиция установила, что мнение ряда предыдущих исследователей, впервые высказанное еще Стемпковским, о том, что поселение занимало только территорию отдельно стоящего холма (Рис. 6, 1б), неверно. Выявленный за пределами холма культурный слой (хотя и меньшей мощности) и обилие подъемного материала, на большой возвышенности позволило предположить значительно больший масштаб памятника (Шелов, 1950. С. 17-19).

Остатков оборонительных сооружений разведкой выявлено не было. Слой центрального холма состоял из мусорных остатков (керамика, кости, зола) и фрагментов строительных материалов (куски глиняной обмазки, мелкий камень).

Подъемный материал с территории поселения был представлен фрагментами светлоглиняных узкогорлых амфор и, в меньшей степени амфорами римского времени, но относящимся к другим типам. В небольшом количестве были

обнаружены фрагменты краснолаковых сосудов (Шелов, 1950. С. 19).

Здесь Д.Б. Шелов вновь обращает особое внимание на наличие в подъемном материале значительного количества лепной и лощеной керамики (Рис. 6, 1в). На основе анализа форм сосудов, Шелов опять приходит к выводу о долгом присутствии в лепной керамике «вплоть до сарматской эпохи “архаического” мотива», отмеченного еще в культуре Кобякова II (Шелов, 1950. С. 19-20 с лит.). Также, был обнаружен один фрагмент сероглиняного кувшина, относящегося уже к раннему средневековью (Шелов, 1950. С. 20).

По итогам обследования Сухо-Чалтырского поселения экспедицией были отмечены топографические особенности (Рис. 6, 1а), интенсивность культурных напластований и сделан вывод о большой важности данного памятника и желательности его дальнейшего археологического изучения.

Осмотр поселения к востоку от станции Хапры привел участников разведки к неутешительному выводу о полном уничтожении памятника вследствие застройки и распашки. Культурный слой здесь сохранился весьма незначительно. Среди современного мусора удалось обнаружить лишь несколько древних керамических фрагментов. Среди них Шелов отметил обломки остродонных амфор первых веков н.э. (Шелов, 1950. С. 21-22).

Внимание экспедиции привлекло частое упоминание в местной печати городища в устье реки Мокрый Чалтырь, однако тщательное обследование мест

возможного обнажения культурного слоя не дало никаких результатов. Всего было обнаружено лишь три незначительных амфорных фрагмента. Д.Б. Шелов, написал, что обследование полностью подтверждает результаты разведки А.А. Миллера в 1923 г., который также засвидетельствовал отсутствие постоянного поселения на данной территории (Шелов, 1950. С. 22).

Следующим этапом экспедиции стал осмотр городища у станции Нижне-Гниловская. (Рис. 6, 2 а-г) Ко времени проведения разведки Шеловым, это городище было достаточно хорошо известно. Оно неоднократно исследовалось и описывалось. Сохранился также план городища, составленный в 20-е гг. XX в. (Шелов, 1950. С. 22-23 с лит.). Однако, учитывая серьезные повреждения поверхности городища в годы Великой Отечественной войны и последующую активную хозяйственную деятельность, было принято решение сделать новую инструментальную съемку и дать описание современного состояния памятника.

Таким образом, были зафиксированы и нанесены на план изменения состояния памятника (Рис. 6, 2а). Отмечены остатки блиндажей и окопов, следы хозяйственной деятельности местных жителей.

Были зафиксированы обнажения культурного слоя (Рис. 6, 2в) по сторонам обрывов с севера и юга городища. В обнажениях хорошо прослеживалась стратиграфия. Напластования содержали остатки глинобитных построек, слои мусорного грунта с большим содержанием керамики, костей, раковин, угля. Керамические фрагменты были

продатированы первыми вв. н.э. (Шелов, 1950. С. 24-25). Более древние слои изучить не удалось, т.к. они были скрыты осыпями.

Шелов отметил, что именно Гниловское городище дало экспедиции наибольшее количество подъемного материала. Особенностью стало наличие большого количества крупных кусков глиняной обмазки полов и стен. Хотя этот строительный элемент характерен для всех ниже-донских городищ, на Гниловском он был представлен особенно массово и позволял восстановить методику сооружения построек.

Керамический подъемный материал (Рис. 6, 2г) был представлен, в большинстве своем, лепными сосудами, фрагментами амфор римского времени и небольшим количеством краснолаковой посуды. Здесь Шелов опять демонстрирует особый интерес к анализу и описанию лепной и лощеной керамики. Им описываются найденные формы сосудов, даются датировки и приводятся аналогии (Шелов, 1950. С. 26-27).

Разведки на Подазовском городище (Рис. 7, 1 а-в) свелись к его осмотру и сбору подъемного материала. Основная часть городища и его культурного слоя до материка была уничтожена еще в начале XX в. при строительстве железнодорожной ветки со станции Азов. Там не менее, экспедиции удалось выявить остатки слоя на периферии городища на общем протяжении более 100 м. Была отмечена схожесть подъемного материала (Рис. 7, 1в) с другими городищами Нижнего Подонья: узкогорлые светло-

глиняные амфоры, лепная керамика, сероглиняные лощеные миски ит.п. Краснолаковая посуда обнаруживалась крайне редко (Шелов, 1950. С. 28-29).

По мнению Д.Б. Шелова, собранный материал совпадал с результатами работ С.А. Вязигина, относившего материал Подазовского городища к периоду I-IV вв. н.э. Таким образом, точка зрения А.А. Миллера, поддержанная впоследствии Т.Н. Книпович, о преобладании в слое памятника средневекового материала не нашла подтверждения (Шелов, 1950. С. 29 с лит.).

Далее экспедиция очень бегло и поверхностно провела осмотр Елизаветовского городища и соседних курганов. Причиной этому, как можно судить из текста отчета стало очень плохое состояние поверхности городища вследствие строительной и хозяйственной деятельности. Расположенные на территории посева и огороды сильно затруднили осмотр. Д.Б. Шелов посчитал, что, культурный слой памятника «в значительной степени разрушен» (Шелов, 1950. С. 30-31). На тот момент эта точка зрения подтверждалась сравнительно небольшим количеством собранных материалов, которые не могли добавить ничего нового к уже известным фактам. Шелов отмечает лишь точильный брусок с отверстием и горло гераклеийской амфоры с клеймом, которое до того времени не встречалось. (Рис. 7, 2).¹ Фотографий или прорисовок данного клейма не сохранилось. Если предложенное Д.Б. Шеловым в отчете чтение корректно, то здесь мы действительно имеем

¹ Авторы статьи выражают благодарность А.В. Ковальчук и А.Б. Колесникову за ряд ценных советов.

дело с неизвестной до настоящего времени в гераклейских клеймах комбинацией имен, хотя по отдельности прочитанные Шеловым имена встречаются.

После обследования памятников, расположенных вокруг дельты Дона, экспедиция переместилась в Таганрогский район. Там вначале было осмотрено поселение, расположенное между Петрушиной косой и Петрушиной балкой. Поверхность поселения оказалась сильно поврежденной в результате распашки и, характерного для этих мест процесса абразии берегов (Рис. 7, 3).

Местные жители сообщали, что в литторальной полосе иногда обнаруживались амфоры, судя по описаниям – эллинистического времени. Это предположение подтверждается и единичными находками профилированных керамических фрагментов, относящихся к этому времени (Шелов, 1950. С. 31-32).

Далее экспедиция изучила состояние быстро разрушающегося курганного могильника к западу от основания Беглицкой косы (Рис. 8, 1 а-г). Отмечалось, что во время обследования могильника А.А. Миллером курганная группа насчитывала до 20 объектов, однако в 50-м году экспедиции удалось насчитать лишь девять, два из которых к тому моменту почти обвалились в море. Разрушение курганов шло и в результате деятельности соседнего колхоза. На берегу под обрывом экспедиция обнаружила человеческие кости и фрагменты амфор, в том числе гераклейских (Рис. 8, 1г). Местные школьники показали экспедиции найденные на побережье гераклейские амфоры и их фрагменты, чернолаковую

посуду, а также сообщили о подобных находках в прошлом.

Во время пребывания экспедиции на Беглицкой косе в море обрушилось два кургана. Вследствие этого, было принято решение предпринять спасательные раскопки одного из них, однако эта попытка особого успеха не имела, т.к. могильная яма оказалась разрушенной, практически, полностью. В насыпи было обнаружено несколько фрагментов керамики, относящейся к первым вв. н.э., несколько точильных камней, осколки костей животных и обломка сосуда, относящегося, по мнению Шелова к эпохе раннего средневековья (Шелов, 1950. С. 34-35).

Таким образом, экспедицией было установлено продолжение жизнедеятельности в этом районе в первые вв. н.э., хотя ранее все найденные материалы относились ко времени эллинизма.

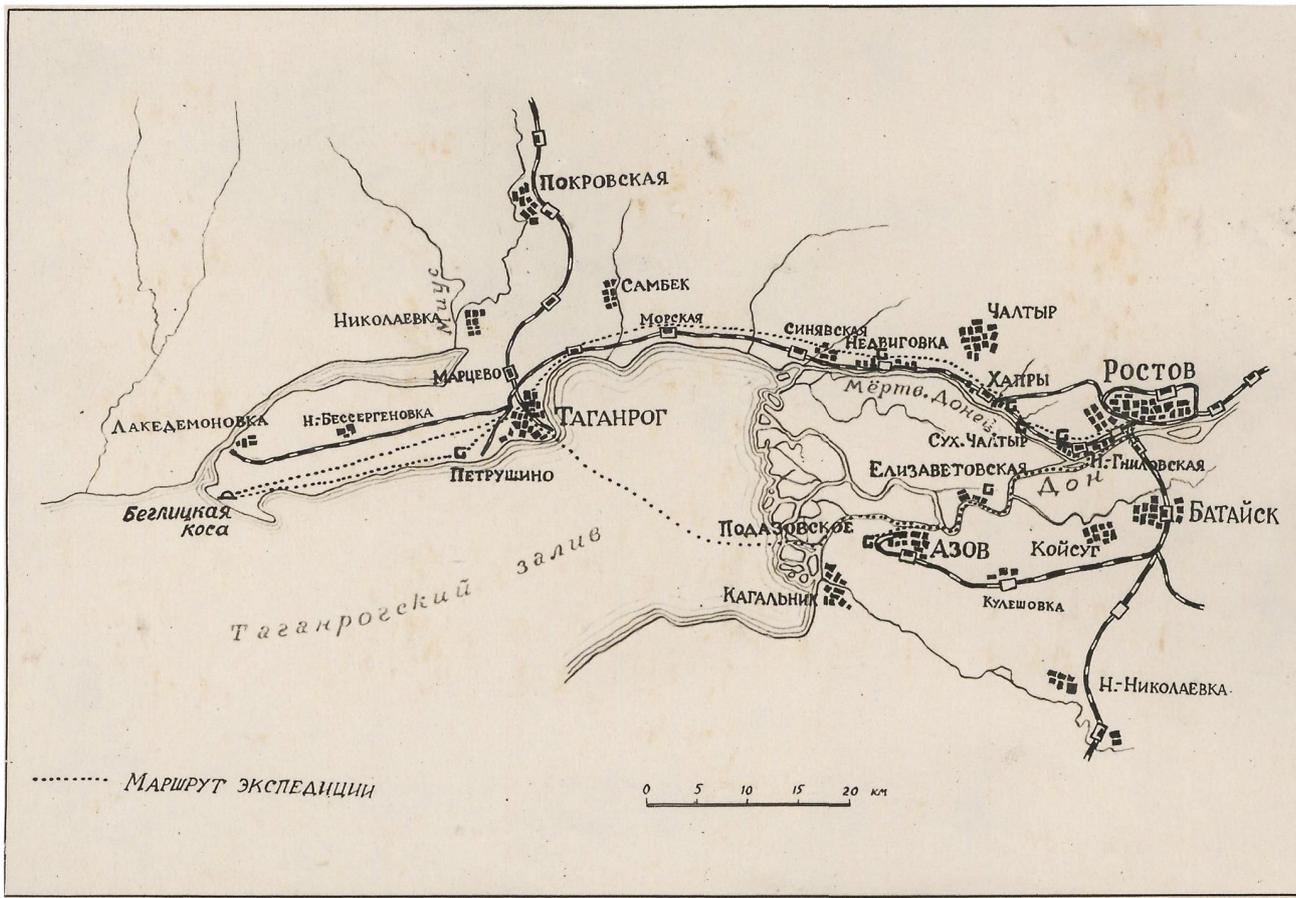
Экспедиция завершила свою деятельность, проведя фотографирование и геометрическую съемку Петровской крепости. (Рис. 8, 2 а-в) Были зафиксированы разрушения памятника вследствие воздействия природных процессов, строительной деятельности и возведения укреплений времен Отечественной войны (Шелов, 1950. С. 36).

В целом, экспедиция оказалась весьма успешной: были приняты меры по обследованию текущего состояния памятников археологии и предотвращению их дальнейшего разрушения. Сделаны выводы об угрожающем состоянии, прежде всего, Гниловского и Елизаветовского городищ и необходимости скорейшей организации археологических работ в регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арсеньева Т.М., Ильяшенко С.М., Науменко С.А.* Укрепления в центре западной оборонительной линии Танаиса конца III – II вв. до н.э. // Проблемы истории, филологии и культуры. Вып. 1 (27). Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2010. С. 315-323.
2. *Ильяшенко С.М., Арсеньева Т.М., Науменко С.А.* Оборонительные рвы Танаиса во II – I вв. до н.э. // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. С. 174-188, рис. на вкладке 1-3, 5-6, 8, 10-11, 14, 20.
3. *Ильяшенко С.М.* Северные и южные ворота Танаиса из раскопок П.М. Леонтьева // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 201-206.
4. *Ильяшенко С.М.* Южные ворота Танаиса // Археологические записки. Вып. 8. Ростов-на-Дону, 2013. С. 159 – 177.
5. *Книпович Т. Н.* Танаис: историко-археологическое исследование. Москва: Издательство и 1-я типография Академии наук СССР в Ленинграде, 1949. 179 с.
6. *Леонтьев П.П.* Археологические розыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях // ПроPILEI. СПб., 1854. Т.IV. С. 397-424.
7. *Панин А.В., Хохлова О.С., Бунин Д.С., Ильяшенко С.М.* Природно-географический фон экономической жизни Танаиса (предварительные данные работ 2015-2016 гг). // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения: материалы международной научной конференции. Симферополь; Керчь, 2017. С. 394-400.
8. *Шелов Д.Б.* Альбом иллюстраций к отчету о разведках в низовьях р. Дон археологической экспедицией Ростовского областного музея в 1950 г. // Архив РОМК. Ф. 2, оп. 1 д. 18, св. 4. 56 с.
9. *Шелов Д.Б.* Альбом иллюстраций к отчету о раскопках в Танаисе в 1958 г. // Архив АМЗ «Танаис». АМЗТ НВФ 169/2. 38 с.
10. *Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н. э. М.: Наука, 1970. 251 с.
11. *Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. М.: Наука, 1972. 351 с.
12. *Шелов Д.Б.* Отчет о разведках в низовьях р. Дон археологической экспедицией Ростовского областного музея в 1950 г. // Архив РОМК. Ф. 2, оп. 1 д. 17, св. 4. 45 с.
13. *Шелов Д.Б.* Танаис – потерянный и найденный город. М.: Наука, 1967. 143 с.

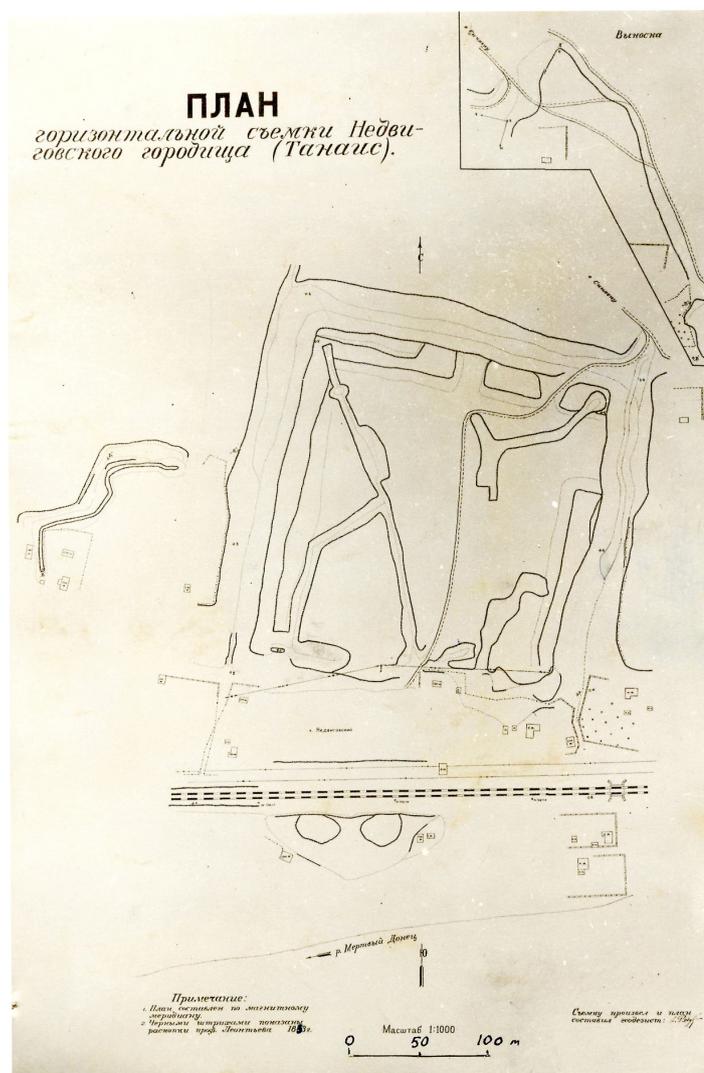

1

2

Рис. 1. 1 – маршрут разведок Д.Б.Шелова в 1950 г.;
2 – панорама Недвиговского городища с северо-восточного угла.

1

2

3

Рис. 2. 1 – топографический план Недвиговского городища 1950 г.;
2 – ров западной стороны с севера; 3 – ров северной стороны с запада.

1

3

2

4

Рис. 3. 1 – выход кладки вала в северо-восточном углу Недвиговского городища;
2 – повреждения городища сельской застройкой; 3 – холм восточной стороны, вид с севера;
4 – южный холм городища.

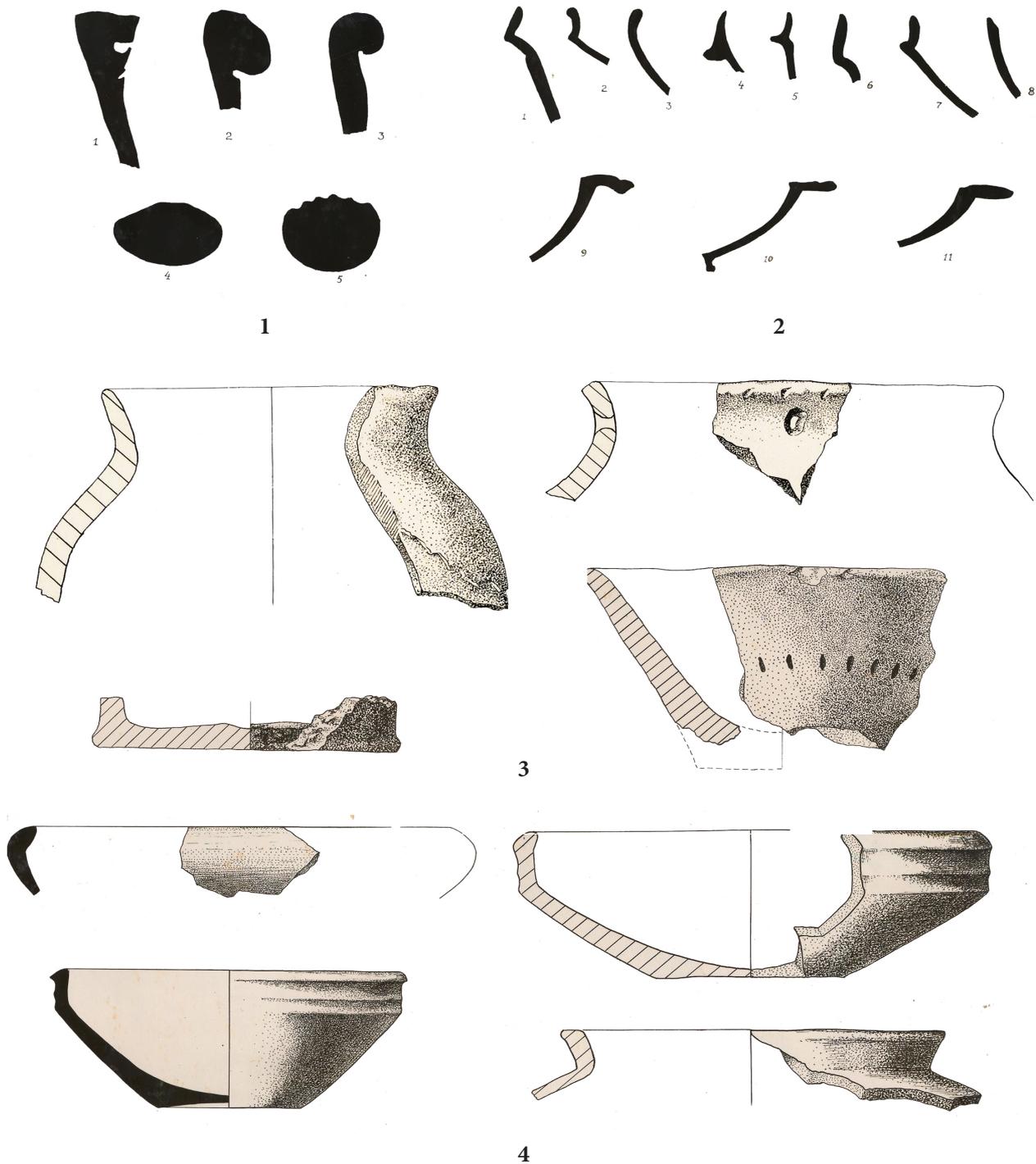

Рис. 4. 1 – профили амфорной керамики; 2 – профили краснолаковой керамики;
3 – фрагменты лепной керамики; 4 – фрагменты лощеной керамики.

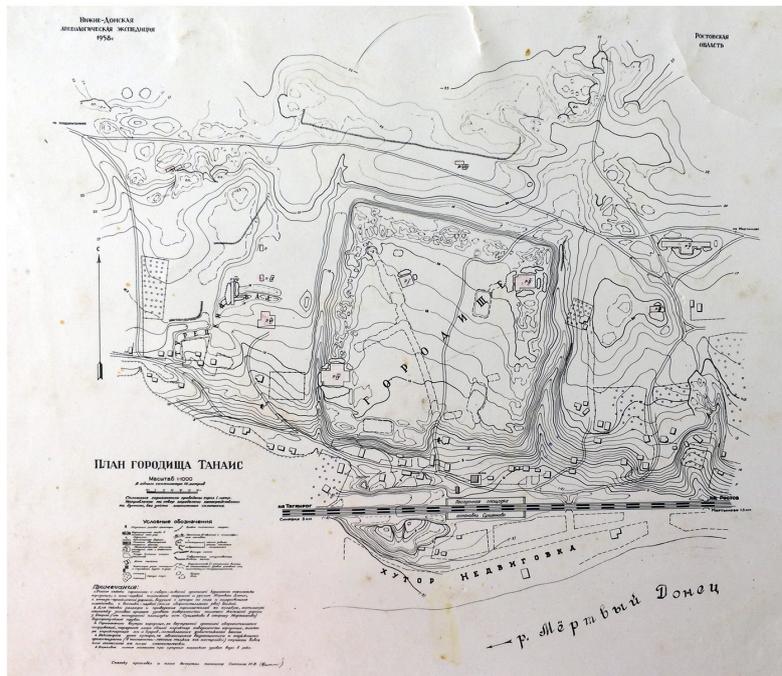
1

2

3

4

Рис. 5. Аэрофотосъемка 1957 г: 1 – раскоп IV; 2 – раскоп VII; 3 – общий вид городища; 4 – топографический план Недвиговского городища (Танаика) 1958 г.

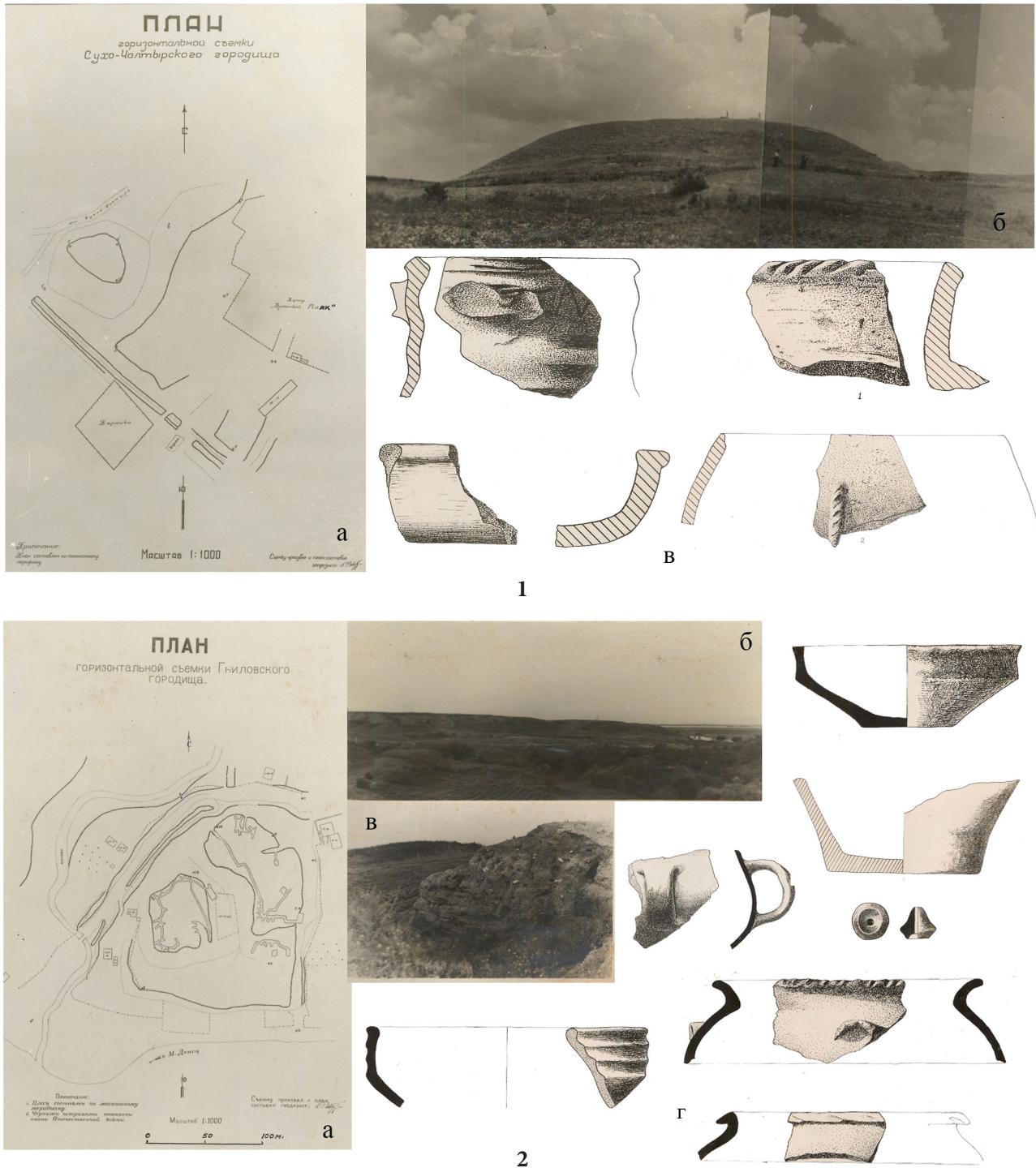
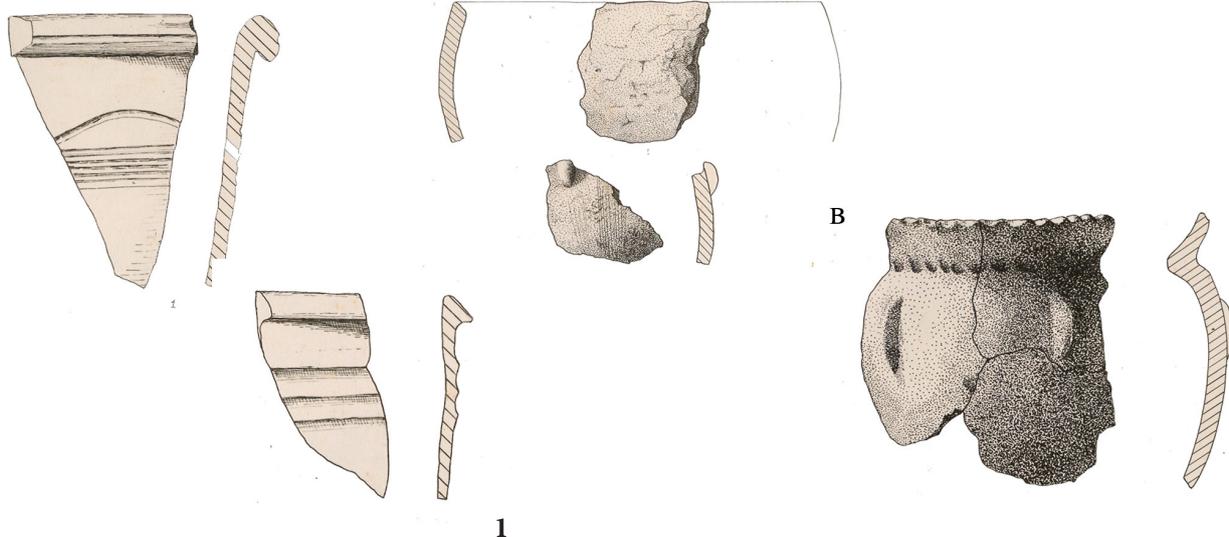
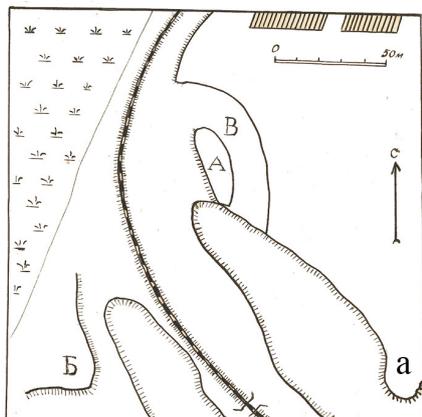

Рис. 6. 1 – Сухо-Чалтырское городище: а – топографический план; б – центральный холм с юго-запада; в – фрагменты лощеной и лепной керамики; 2 – Нижне-Гниловское городище: а – топографический план; б – вид на городище с СЗ; в – обнажение культурного слоя; г – фрагменты керамики.

ΣΑΤΥΡ [ΟΞ
ΜΕΝΟΙΤΙ (ΟΞ)

2

3

Рис. 7. 1 – Подазовское городище: а – топоплан (составлен в 1948 г. И.Д. Тиуновым); б – вид на городище с отметками о разведках 1955 и 1962 гг.; в – фрагменты керамики ;2 – клеймо на фрагменте гераклейской амфоры с Елизаветовского городища; 3 – Петрушина коса, место древнего поселения;

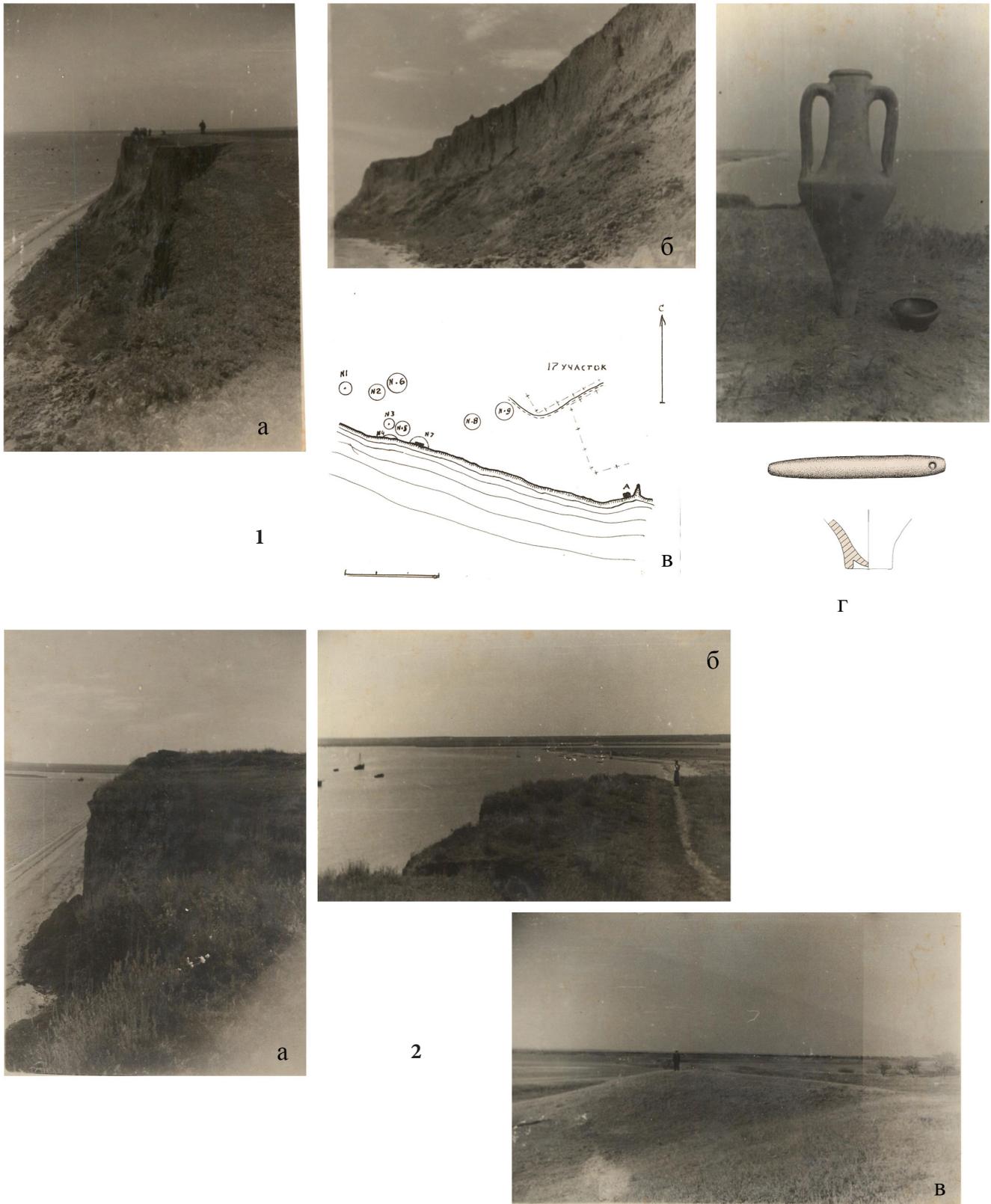
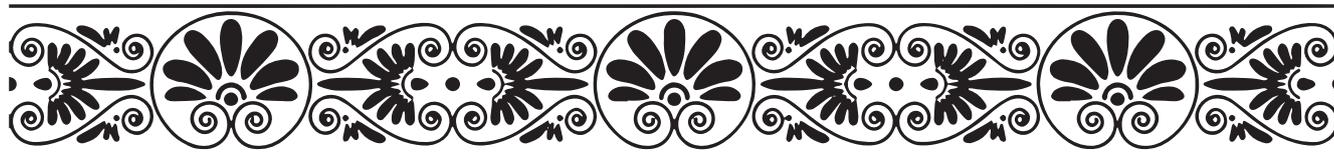

Рис. 8. 1 – Беглицкая коса: а, б – береговой обрыв в районе курганного некрополя; в – топлан курганного некрополя; г – находки из насыпей кургана; 2 – Петровская крепость: а, б – выходы валов к морскому обрыву; в – западный участок валов крепости.

«НА РЕКЕ И НА ОЗЕРЕ ЛЕЖИТ ГОРОД...»: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАЛЕОГЕОМОРФОЛОГИИ ПРИРЕЧНОЙ ТЕРРИТОРИИ ТАНАИСА. 1

Д.С. Бунин^{1*}, А.В. Панин²,
А.Л. Чепалыга³, С.М. Ильяшенко⁴

¹ Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
(г. Владимир)

² Институт географии РАН, Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова (г. Москва)

³ Институт географии РАН (г. Москва)

⁴ Археологический музей-заповедник «Танаис» (г. Ростов-на-Дону).

*E-mail: bunidenis@gmail.com

В 2015-2017 гг. проводились исследования, направленные на выявление состояния низовьев Дона в античное время и оценку положения Танаиса относительно морского края дельты. Установлено, что рукав Мертвый Донец был значительно полноводнее современного. Это позволяло ему исполнять функции транспортной магистрали. Вероятнее всего, портовая зона города находилась внутри дельтового рукава, а не на морском побережье. Было определено, что внешний край дельты Дона достаточно древний, что противоречит бытующим оценкам быстрой скорости выдвигания дельты.

Ключевые слова: геоморфология, палеогеография, дельта Дона, Танаис, Мертвый Донец.

Голоценовая дельтовая равнина р. Дон в настоящее время расположена между современным основным руслом и рукавом Мертвый Донец. Ширина дельты по морскому краю составляет примерно 25 км, а протяженность равнины от истока Мертвого Донца до взморья – 30 км. Поверхность дельты плоская, сформированная в основном тяжелосуглинистыми отложениями, с высотами, как правило, не превышающими 1-2 м над уровнем моря. Ближе к морскому краю

¹ Исследования выполнялись в рамках гранта РФФИ 15-29-01151 «Палеоэкосистемы и палеогеография античного Танаиса».

дельты наблюдается нарастание густоты мелководных ериков, имеющих, по видимому, грунтовое питание. Большая часть дельты представляет собой дно мелководного эстуария, наращенное пойменной аккумуляцией. Известно, что образование современного Азовского моря произошло в результате послеледникового подъема уровня океана в среднем голоцене. До этого периода моря не существовало и древнее русло Дона следовало непосредственно к Черному морю по дну будущего Азовского моря. В результате трансгрессии произошло формирование крупного эстуария – Таганрогского залива. В целом, уровень моря стабилизировался около 4000 л. до н.э., после чего началось, продолжающееся и теперь постепенное наполнение вершины эстуария дельтовыми осадками.

Городище Танаис располагается в западной части хутора Недвиговкана известняковом понтическом ярусе коренного берега, перекрытого четвертичными лессовидными суглинками мощностью 5-8 м. В основании коренного склона прослеживаются морские глины сарматского яруса (верхний миоцен). Сам склон опирается на полого наклонную аккумулятивную поверхность поймы рукава Мертвого Донца. Ширина рукава вблизи Танаиса варьируется от 100 до 180 м с глубиной до 2-2.5 м (Рис. 1).

Вопрос конфигурации дельты Дона в античное время и расположение Танаиса относительно береговой линии с самого начала исследований памятника привлекал внимание исследователей.

Еще П.М. Леонтьев предполагал, что две с половиной тысячи лет назад раз-

меры дельты были значительно меньше, а ее морской край проходил значительно восточнее современного, в районе линии Недвиговка-Азов (Леонтьев, 1854.С. 507). Таким образом, Недвиговское городище помещалось на морском краю дельты, непосредственно при впадении Мертвого Донца в Таганрогский залив. Эта точка зрения была принята за аксиому и заложила основу почти вековой традиции, в русле которой, исследователи, опираясь на умозаключения Леонтьева и известную фразу Страбона(Strabo. XI, 2, 3) постепенно «отодвигали» в своих трудах восточный край дельты вплоть до Елизаветовского городища (Белявский, 1888. Сравн.: Богачев, 1910; Самойлов, 1952; Родионов, 1958; Самохин, 1958).

Эта тенденция была раскритикована В.Г. Житниковым(Житников, 1992. С. 12), который на основе анализа археологических и исторических материалов предположил, что в середине I тыс. до н.э. морская граница дельты Дона в северной части проходила несколько восточнее Недвиговки. а в южной части выдвигалась сильнее, проходя несколько западнее хут. Рогожкино и в 6-7 км к западу от г.Азова (Сравн.: Шелов, 1970. С. 82-86).

Отметим, что, таким образом, во всех предложенных вариантах реконструкции античного облика территории низовьев реки, Танаис помещался либо при впадении крупного рукава донской дельты, либо уже на морском побережье. При этом, аргументация исследователей выстраивалась на сведениях античных авторов и попытке применить данные

о современных скоростях выдвигания дельты Дона ко времени существования города. Однако, скорость выдвигания дельты и ее конфигурация в прошлом могли не соответствовать современным показателям. Видимо поэтому, за столь длительное время общепринятая реконструкция античного облика дельты так и не была выработана. Полярность оценок нарастания дельты варьировалась в диапазоне от 122 м в год до «весьма незначительной» (Житников, 1992. С. 10-11 с лит.).

На наш взгляд, в наиболее полной мере раскрыть особенности античной географии низовьев Дона и округа Танаиса может изучение отложений дельты, что до настоящего времени не было сделано ни одним из исследователей. Соответственно, одной из задач проводимых нами в 2015-2017 гг. комплексных работ была оценка положения Танаиса относительно морского края дельты Дона в период существования города по данным о геолого-геоморфологическом строении и возрасте дельтовых отложений.

Выводы о геологическом строении дельты были сделаны в результате анализа данных, полученных в результате ручного и механического бурения (Рис. 1). Органический материал из скважин был отобран для радиоуглеродного датирования. Также был сделан комплексный анализ (гранулометрический, геохимический, малакофаунистический) кернов, полученных во время исследований в предполагаемой портовой зоне

Танаиса, проводимых В.В. Козловской и С.М. Ильяшенко в 2009 г.

Результаты проведенных анализов позволяют реконструировать ситуацию в античное время. Нижние части скважин представляют собой русловой аллювий, формирование которого свидетельствует об активном течении в нынешнем слабопроточном Мертвом Донце.

Датирование ^{14}C (AMS) по углю из скважины в предполагаемой портовой зоне дало результат 215 ± 50 гг. н.э. и отвечает времени существования Танаиса. Дата может быть принята за основу абсолютной хронологии отложений. Таким образом, культурный слой в прибрежных скважинах относится к послеполюмоновскому периоду Танаиса. Судя по всему, в первые века н.э. рукав был более многоводным, чем сейчас, что и позволяло ему исполнять функции транспортной магистрали. Возможно, Донец был в античное время главным рукавом Дона, где концентрировалась большая часть расхода воды. Присутствие в кернах из портовой зоны культурного слоя лишь позднего периода можно объяснить тем, что он формировался в подводной обстановке за счет смыва с берега и река уничтожила более ранние следы портовой деятельности.

Соответственно, так называемый Нижний город располагался внутри рукава реки. С этим можно связывать и отсутствие морского сигнала в малакофауне.¹ Береговая линия речного рукава, предположительно, проходила

¹ В геохимических свойствах осадков морской сигнал выражен, что указывает на регулярное проникновение солоноватых вод, проявлявшихся в низовьях дельты за счет ветровых нагонов, характерных и для нашего времени.

у подножья скального склона, где и была сконцентрирована основная активность в предполагаемой портовой зоне Танаиса. Не исключено, что ее следы погребены теперь под проходящей здесь железнодорожной насыпью.

Положение культурного слоя конца I – начала III в. н.э. точно на литологической границе, свидетельствует об изменении динамики среды осадконакопления. С этого времени активность рукава Мертвый Донец стала убывать, рукав стал заливаться, а культурный слой был захоронен под толщей заиления, а затем и под пойменной фацией аллювия, что обусловило сохранность слоя. Уменьшение водности рукава и скорости течения произошло, вероятно, в результате перераспределения стока между дельтовыми рукавами.

Таким образом, среди существующих гипотез о расположении Танаиса относительно Меотиды наиболее правдоподобными оказываются те, которые помещали портовую зону Танаиса у края дельты при впадении Мертвого Донца в Азовское море. Однако авторы этих гипотез располагали прибрежные районы города на морском побережье, а согласно нашим результатам, как минимум, в начале III в. н.э., портовая зона находилась внутри дельтового рукава. К этому времени возраст Танаиса насчитывал уже около пяти столетий. С учетом того, что сейчас город находится примерно в 7 км. от взморья, представляется возможным определить среднюю скорость выдвигания северной части дельты. За последние 1800 лет она составляет около 4м/год. Следовательно, можно предпо-

ложить, что к началу III в. н.э. край дельты мог располагаться на 1-2 км к востоку от современного. Во время основания, город мог располагаться при впадении реки в Меотиду, а к концу своего существования оказаться уже внутри дельты.

Каковы в этом случае были особенности судоходства и функционирования порта? Наиболее распространенные греческие торговые суда, имели водоизмещение 25-80 т. Соответственно, можно рассчитать, что их осадка в грузу вряд ли могла превышать 1.5-2,5 м (Кисельников, 2006. С. 319 слл.с лит.). Промеры, сделанные в створе предполагаемой танаисской портовой зоны, показали, что глубина уже изрядно заилившейся протоки Мертвый Донец составляет сейчас 2-2.5 м, а при нагонах – и до 3-4 м. Конечно, в случае сильных ветровых стонов протока может практически пересыхать, но это явление носит эпизодический характер. Учитывая значительно более полноводный характер рукава в античное время, можно представить, что самый распространенный по тоннажу класс судов мог беспрепятственно входить в гавань Танаиса.

Отметим также, что малое транспортное судоходство в протоке существовало и в новое время. Так, исследователь дельты В.В. Богачев в 1910 г. отмечал, что 300 лет назад турки поставили на берегу М.Донца, верстах в 10 от взморья, укрепление Люттик, «дабы мешать проходу казачьих флотилий Мертвым Донцом» (Богачев, 1910. С. 243).

Не следует забывать и о том, что береговая линия северо-восточной части Таганрогского залива не имеет удобных

мест для корабельных стоянок, закрытых от штормов. Это обстоятельство могло послужить важным поводом для изначального расположения портовой зоны внутри протоки.

Страбон сообщает о двух устьях Танаиса, впадающих в Меотиду и находящихся друг от друга в 60 стадиях (Strabo. VII, 4, 5). Известно, что компилируя многочисленные источники своего произведения, Страбон часто брал из них сведения о расстояниях без пересчета в единую универсальную систему и, соответственно, под стадием им могло пониматься 157,7, 177,6 или 185 м. (Агбунов, 1992, С. 28-29). Если полагать, что античные географы от Эратосфена до Страбона в своих измерениях пользовались стадием, равным 8 римским милям или 185 метрам (Агбунов, 1992, 28-29; Щеглов, 2015. С. 71-78), расстояние между рукавами можно оценить, примерно, в 11 км (при условии использования при измерениях так называемого «короткого» стадия это расстояние сокращается почти до 9,5 км.). Следовательно, учитывая полноводность Мертвого Донца в первые вв. н.э. и полагая этот рукав одним из двух главных, заметим, что современный Дон не мог быть вторым из упоминающихся Страбоном устьев, так как расстояние между Доном и Донцом в створе Недвиговка-Азов в полтора, а на мористом крае дельты – как минимум, в два раза больше указанного

Страбоном. Взяв за основу стадий в 185 м. и отложив расстояние в 11 км. на юг, вдоль мористого края дельты от предполагаемого по результатам наших исследований места впадения Мертвого Донца в Меотиду в первые вв. н.э., получаем, что второй главный рукав впадал в море в средней части дельты, где-то между современными гирлами Большая Кутерьма и Мокрая Каланча

Судя по всему, современный Дон в античное время мог быть настолько малозаметным рукавом, что не удостоивался большого внимания мореплавателей и географов. Характерно, что к близкому выводу пришел ранее и Д.Б.Шелов (Шелов, 1970. С. 82-86), считавший, что южным руслом Дона был современный рукав Каланча.

Таким образом, если общие размеры дельты изменились за последние 2 тысячи лет не претерпели радикальных изменений, то ее гидрографическая структура испытала значительные трансформации, так как основные объемы водного стока, а вместе с ними и транспортные пути, переместились из северной половины дельты в южную. Более подробную реконструкцию связи процесса освоения дельты и формирования водных торговых путей в регионе могут дать лишь дополнительные исследования истории формирования дельты Дона в голоцене с оценкой скорости выдвигания и конфигурации ее края для всех периодов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азбунов М.В.* Античная география Северного Причерноморья. М., 1992. 240 с.
2. *Белявский П.Е.* Донские гирла. СПб., 1888. 336 с.
3. *Богачев В.В.* Географическое развитие дельты р. Дон, в связи с ее заселением // Сб. Учёно-Литературного общества при Императорском Юрьевском университете. Т.ХVI. Юрьев, 1910. С.205-264.
4. *Житников В.Г.* Дельта Дона в скифское время // Историческая география Дона и Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, изд-во Ростов.ун-та, 1992. С.12.
5. *Кисельников А.Б.* К вопросу о классификации греческих и римских торговых судов V в. до н. э. –IV в. н.э. Античный мир и археология. Вып. 12. Саратов, 2006. С. 313-333.
6. *Леонтьев П.П.* Археологические розыскания на месте древнегоТанаиса и в его окрестностях // ПроPILEI.СПб.,1854. Т.IV. С. 397-424.
7. *Родионов Н.А.* Гидрология устьевой области Дона. М., 1958. 98 с.
8. *Самохин А.Ф.* Река Дон и ее притоки. Ростов-на-Дону, 1958. 120 с.
9. *Самойлов И.В.* Устья рек. М., 1952. 526 с.
10. *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в III – I вв. до н.э. М., 1970. 251 с.
11. *Щеглов Д.А.* Стадий Эратосфена и измерение окружности Земли: использовали ли в античности «короткий» стадий? // Аристей. Т. 12. 2015. С. 62-97.

Рис. 1. Вид со стороны Танаиса на современное место впадения Мертвого Донца в Таганрогский залив Азовского моря. Аэрофотосъемка.

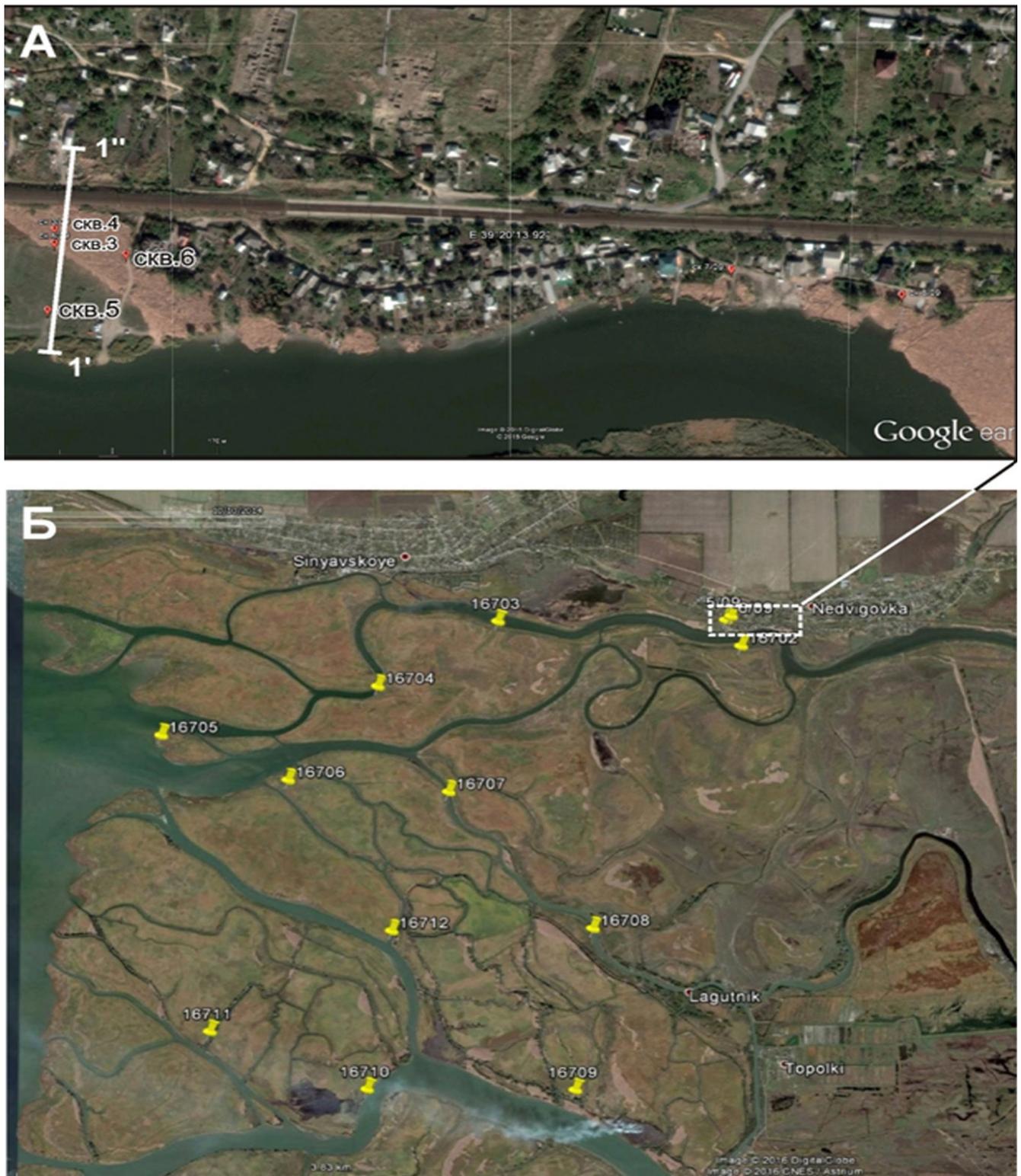

Рис. 2. А – Карта скважин, пробуренных в портовой зоне Танаиса;
Б – прилегающей части дельты Дона.

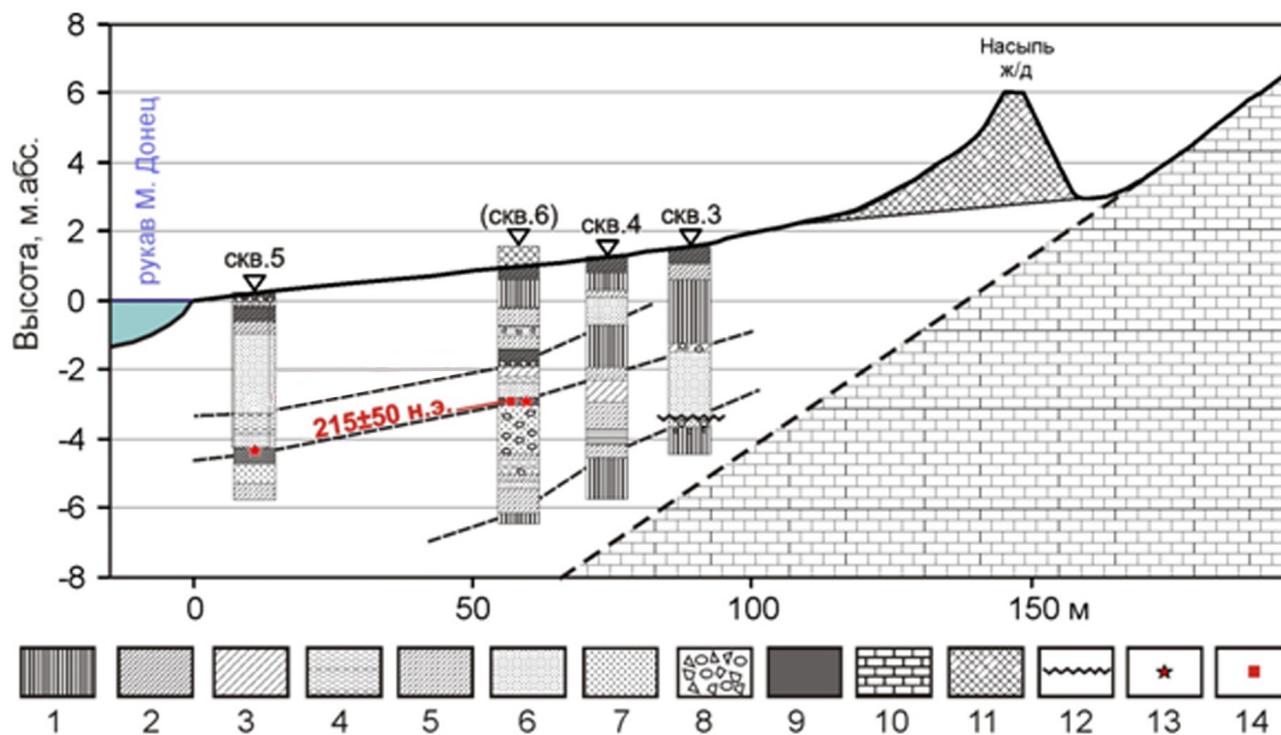
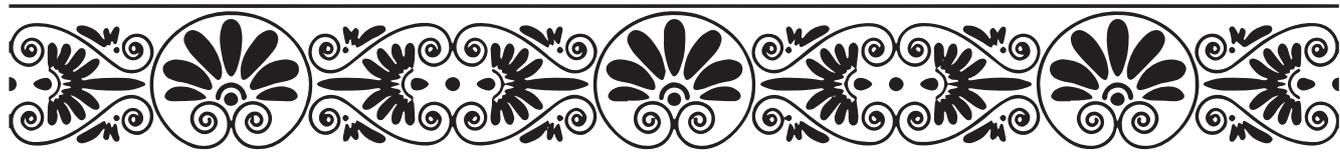

Рис.3. Профиль через правобережную пойму рукава М.Донец в районе предполагаемой портовой зоны Танаиса. Положение линии профиля см. на рис.2.

Условные обозначения: 1 – глина; 2 – суглинок тяжелый, средний; 3 – суглинок легкий; 4 – алеврит; 5 – супесь; 6 – песок тонкий, мелкий; 7 – песок средний, крупный; 8 – включения щебня и гальки; 9 – органогенные осадки, гумусовые горизонты почв; 10 – коренные скальные породы; 11 – техногенный грунт; 12 – эрозионные контакты; 13 – находки артефактов; 14 – образец 14С

ХРИСТИАНСКИЕ ДРЕВНОСТИ БЕЛИНСКОГО ГОРОДИЩА В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

Д.Ю. Синьковский–Васильев

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н.Толстого (г. Тула)
e-mail: sd-pandorabox@yandex.ru*

В статье рассматриваются христианские древности городища «Белинское» в Восточном Крыму в контексте сохранения духовных традиций, идущих еще с позднеантичного времени. По мнению автора, это могло произойти по той причине, что не все жившее здесь население, принявшее христианство, покинуло в V в. родные места. Похоже, что именно его потомки, сохраняя христианскую веру, продолжали проживать на этой территории и в средневековый период.

Ключевые слова: Боспорское царство, городище Белинское, алтарная вымостка, христианство, крест, штамп.

Городище «Белинское» расположено на южной окраине села Державино (ныне нежилого), в 1,5 км от села Белинское (Керченского полуострова). По уточненным данным, время основания городища относится к началу II в. н.э. (Зубарев, Куликов, 2011. С. 178). Окончательно жители покинули свои дома в первой половине V в. н.э. На протяжении своей истории, городище за-

нимало узловое место в системе обороны Европейского Боспора, защищая северный участок Узунларской оборонительной линии. На его развитие оказало влияние и то обстоятельство, что оно находилось на скрещивании путей, ведущих как к северу, в сторону степного Крыма, так и к югу, в сторону Феодосии (Зубарев, 2005. С. 284-285). Уже на раннем этапе своего существования, городище значительно выделялось среди подобных поселений, прежде всего, своими размерами. Общая площадь распространения культурного слоя на памятнике более 12 га.

Как уже говорилось выше, выявленный материал, в том числе находки керамики эллинистического и позднеантичного времени, уточняет время существования Белинское городища II-V вв. (Зубарев, Седых, 2013. С. 251; Ярцев, Зубарев, Бутовский, 2015. С. 427). В конце этого срока жители пограничной крепости покинули свои жилища. Однако, наличие большого количества фрагментов посуды салтовского типа в верхних сло-

ях памятника дает основания полагать, что в хазарский период на городище вновь возродилась жизнь.

В связи с этим огромный интерес вызывают находки на городище, отражающие сложный процесс распространения христианской религии среди жившего здесь населения. С одной стороны, хронология этих находок позволяет сделать вывод о достаточно длительном периоде пребывания здесь христиан. Однако, с другой стороны, достаточно неясной представляется картина преемственности христианской традиции средневековой и позднеантичной христианских общин.

Из объектов позднеантичного времени, которые связываются авторами раскопок с распространением на городище христианства, необходимо отметить на раскопе «Восточный» алтарную вымостку треугольной формы с каменным жертвенником, имеющим чашеобразное углубление в центре. Вымостка была выявлена на раскопе «Восточный», в слое золистой супеси второй половины IV–первой половины V в. н. э. (Ярцев, Зубарев, Бутовский, 2015, С. 429). По мнению авторов раскопок¹, на каком-то этапе конструкция вполне могла иметь отношение к раннесредневековым христианским обрядовым действиям. На это указывают, в частности, ее выраженная треугольная форма, что может символизировать знак Святой Троицы (Зинько, 2003, 79-80), и раннехристианские знаки, вырезанные на камнях вымостки. Первый знак представляет собой про-

стой крест с удлиненной вертикальной линией, второй знак – крест в круге. Необходимо отметить, что подобные символы известны в некоторых малоазийских церквях, обращенных из языческих храмов. По мнению христиан, они уничтожали силу демонов, населявших храм.

К сожалению, мы не знаем точное время появления этих знаков на камнях вымостки, тем более, что последняя изначально могла не иметь отношения к отправлению христианских обрядов. Другие христианские древности Белинского городища относятся уже к более позднему хазарскому периоду.

Так, на некрополе городища «Белинское» в восточном углу погребальной камеры склепа № 19, были выявлены кресты и тамга, напоминающая двузубец. Подобный простой крест, рядом с тамгообразным знаком в виде нескольких пересекающихся линий, был также зафиксирован в восточном углу погребальной камеры склепа № 23. Следует обратить внимание и на находку каменного блока с прочерченным в аналогичной технике крестом из заполнения дромоса склепа № 23, явно выполнявшего функцию надгробия (Майко, Зубарев, Ярцев, 2016. С. 320). Принимая тот факт во внимание, что самые поздние захоронения в подобных склепах датируются второй половиной IV – началом V вв. н. э. (Зубарев, Ланцов, 2016. С. 113-139), появление здесь крестов могло быть связано с процессом постепенного проникновения и распространения христианской идеологии среди местного населения.

¹ Городище с 1996 года исследуется Белинской археологической экспедицией ТГПУ им. Л.Н.Толстого под руководством профессора В.Г. Зубарева.

Аналогичное сочетание тамгообразного знака и христианского символа в виде простого креста зафиксировано и в обкладке детской плитовой могилы № 8 на некрополе Судак–IV и могилы № 43 Судак–II. (Майко, Фарбей, 1995. С. 77).

Еще одной уникальной христианской находкой хазарского времени на Белинском городище является фрагмент керамического просфорного штампа. Он был обнаружен в 2015 г., на глубине 0,4 м в слое золистой супеси участка раскопа «Восточный». В центре данного изделия в медальоне расположен крест с расширяющимися лучами, отдельными треугольниками. Далее по кругу следует пояс из крестов, образованных треугольными углублениями и разделенных глубокими прочерченными линиями. В верхней части – штампа сохранился фрагмент греческой посвятельной надписи, прочерченной тонкими линиями (Майко, Зубарев, Ярцев, 2016. С. 320).

К сожалению, из-за плохой сохранности находки интерпретировать ее крайне сложно. Тем не менее, было замечено, что подобные штампы ранее

на памятниках салтово–маяцкой культуры не находили. Более того, христианские древности на Белинском городище фиксируются тогда, когда рядом в ближайших окрестностях – городище Артезиан, активно продолжали совершаться языческие обряды и ритуалы.

Таким образом, анализ христианских древностей Белинского городища позволяет утверждать, что в средние века здесь продолжали сохраняться христианские традиции, идущие еще с позднеантичного времени. Вероятно, это могло произойти по той причине, что не все жившее здесь население, принявшее христианство, покинуло в V в. родные места. Похоже, что именно его потомки продолжали проживать на этой территории и в средние века. Следовательно, какие-то выявленные христианские древности Белинского городища должны относиться и к позднеантичному периоду. Поэтому вымостка треугольной формы с раннехристианскими символами вполне может отражать сложные течения в духовной жизни христианской общины на Боспоре в IV–V вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зубарев В.Г., Куликов А.В. Монетные находки с городища «Белинское» // Древности Боспора. 2011. № 15. С.173-178.
2. Зубарев В.Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 284–285
3. Зубарев В.Г., Седых Е.Е. Планировка и основные этапы застройки городища «Белинское» во II – первой половине V вв. н.э.//Боспорские исследования. Симферополь, Керчь, 2013. Вып. XXVIII. С. 250–251.
4. Зубарев В.Г., Ланцов С.Б. Некрополь Белинское (предварительные результаты первых раскопок) // Древности Боспора. 2006. № 10. С.113-139.
5. Майко В.В., Зубарев В.Г., Ярцев С.В. Раннесредневековые материалы городища «Белинское» в Восточном Крыму // Древности Боспора. 2016. № 20. С.320–324.

6. Майко В.В., Фарбей О.М. Християнізація тюрко–болгар Криму в світлі археологічних джерел //Археологія. 1995. № 4. С. 77.
7. Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю. Греко-варварский Крым в период поздней античности (III-IV вв. н.э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2015. С. 428 – 433.

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ КОСТЮМА ЖИТЕЛЬНИЦЫ ТАНАИСА НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ РАСКОПОК ГРУНТОВОГО НЕКРОПОЛЯ ТАНАИСА

Галушко Е. В.

ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис» (г. Ростов-на-Дону)
E-mail: rena-telt@mail.ru

Танаис являлся контактной зоной эллинской и варварской (кочевой) культур, что могло найти отражение и в костюме его жителей. Способы орнаментации одежды можно проследить в закрытых погребальных комплексах, учитывая при этом некоторые особенности проведения археологических работ, обработки и хранения материала. В связи с плохой сохранностью органической составляющей реконструкции на основании положения бисерных нашивок, бус подлечит лишь силуэт костюма

Ключевые слова: Танаис, реконструкция костюма, некрополь, бисер, бусы

Танаис – боспорская колония, основанная в первой четверти III в. до н.э. в Нижнем Подонье, в нижнем течении реки Дон? и просуществовавшая до конца V в. н.э., является контактной зоной эллинской и варварской (кочевой) культур, что способствовало сосущество-

ванию и взаимному влиянию и обмену традицией, что отражалось в погребальном обряде, костюме.

В качестве объекта изучения в статье представлен женский костюм, датированный II-I вв. до н.э.

Следует отметить, что изображения костюма жителей Танаиса скудны. В связи с отсутствием достаточно хорошо сохранившихся элементов одежды в закрытых погребальных комплексах (на материалах которых производится реконструкция) восстановлению подлечит с изрядной долей допущений лишь силуэт. За основу в данном случае берется положение бисерных расшивок, бус, фибул. При этом необходимо учитывать ряд особенностей, как то: возможные различия «прижизненного» положения инвентаря и его положения на момент фотофиксации объекта (перемещение деталей расшивки в процессе разложения погребенного, наличие нор мелких грызунов, «человеческий фактор» при

расчистке); сравнительно малое количество фотографий *in situ* и чертежей в масштабе 1:1 применительно к массовым находкам типа бисера и бус; при работе с некоторыми публикациями и отчетами изображение всего погребения так же может быть достаточно схематичным; в музейных же коллекциях собранные в низку бусы зачастую не передают способ орнаментации и рисунок.

Открытым остается вопрос и об этнической принадлежности населения, степени взаимного влияния эллинов и представителей автохтонного населения, что в немалой степени отражалось и на костюме. Автор доклада склоняется к точке зрения, что костюм жителей Танаиса не перенял варварские черты, что обуславливалось не только контактами межэтническими, но и климатическими условиями.

В статье в плане реконструкции костюма рассматриваются материалы раскопок грунтового некрополя Танаиса 1981-1995 гг. (Арсеньева, 2001.), 2012 г. (Беспалый, 2016) и 2013-2018 гг. (Ильяшенко, 2014; Ильяшенко, 2015; Ильяшенко, 2018; Ильяшенко, 2019). В первую очередь, погребение 78, площади XXXIII, экспедиции музея-заповедника «Танаис» полевого сезона 2018 года (Ильяшенко, 2019. С. 123-128).

Т-18-XXXIII, пл.2, погребение 78 (II-I вв. до н. э.)

Погребение не ограблено. Могильная яма подпрямоугольной формы с запле- чиками (?), на которых находился ка- менный заклад из 11 крупных камней, ориентирована длинной осью по линии

СЗ-ЮВ. Длина по верхнему контуру – 1,97 м, ширина – 0,84 м. На дне распо- лагался костяк взрослой женщины 25-35 лет достаточно грацильной внешности (определение А.О. Китовой) (Рис. 1-2).

Инвентарь погребения разнообразен. Помимо бронзовой фибулы среднела- тенской схемы и нескольких скоплений бус, представляющих интерес для этой статьи, он включал бронзовое зеркало, железное шило, пряслице и пр. (Рис. 3;4).

Судя по расположению бус и мелкого бисера, на погребенной находилось три яруса декора: первый включает в себя скопление мелких бусин прозрачного стекла с внутренней позолотой (84 единицы) и гагатого бисера (98 единиц) (Рис. 3.6), а также шаровидных бусин прозрачного белого стекла с внутрен- ней позолотой (Рис. 4.4), обнаруженных в области шеи и плечевого пояса, от ли- нии ключиц до лопаток, что позволяет предположить наличие достаточно бо- гатого декора ворота.

Аналогичные бусы так же обнаруже- ны в районе грудного отдела (под челю- стью) позвоночника и в районе обеих лопаток (Рис. 4.2-3). Наличие в скопле- нии 2 глазчатых, 1 цилиндрической и 13 эллипсоидной формы сердоликовых бусин (Рис. 3.7) позволяет отнести его либо к расшивке ворота, либо-к отдель- ной низке бус.

Бронзовая фибула среднелатенской схемы (Рис. 3.1) над правой ключицей, обращенная иглоприемником влево, ча- стично подтверждает наличие ворота либо же наличие накидки, застегнутой посмертно(?) так как в большинстве слу- чаев фибулы отмечены у женщин, и наи-

более распространенное их положение у сарматов и сарматизованных соседей – у левой ключицы, острием к плечу и головкой вниз, что связано с застегиванием разреза ворота платья с левой стороны (Яценко, 2006. С.242)

Редкой находкой, не имеющей своих аналогов в Танаисе, стал пояс из 75 бус разных типов и одного бронзового колокольчика (Рис. 4.4), зафиксированный на уровне поясничного отдела позвоночника и составляющий второй ярус декора.

Третья зона декора – низки бус голубого непрозрачного стекла, располагавшиеся на щиколотках обеих ног (Рис. 4.5). Скорее всего, являлась расшивкой нижнего края шароваров или же верхнего края обуви. Диаметр низки достаточно мал, что не позволяет рассматривать ее как наножный браслет, если не предполагать изначальное наличие органической составляющей. Подол, края рукавов и линии швов лишены какого-либо прослеживаемого орнамента, следов органики на дне могильной ямы не обнаружено, что затрудняет выявление материала. В цветовой гамме расшивок преобладают холодные сине-зеленые тона.

Если принимать во внимание возможное влияние сарматского компонента на формирование костюма жителей Танаиса (по мнению М. А. Миллера, основная одежда женщин-сарматок состояла из длинной рубахи с прямым разрезом ворота, который скальвался фибулой. Рукава у запястья обшивались бисером (Яценко, 2006. С.224), то предположительно перед нами достаточно

широкое нераспашное платье с узкими рукавами и горизонтальным воротом с дополнительным вертикальным разрезом на груди (Рис. 5.1).

Практика декорирования бисером (стекло, гешир) и бусами краев рукавов, горловин подтверждается данными и из других погребений грунтового некрополя Танаиса (Арсеньева, 2001. С.140). Занимательно, что орнаментировались либо оба запястья (в этом случае можно говорить как о симметричном декорировании рукавов, так и о парных браслетах), либо, как правило, правое (в этом случае логично предположить все же браслет, украшение расшивкой «рабочей» руки маловероятно). Чаще бусины подбирались в близкой цветовой гамме: красно-коричневой или сине-желтой, с вкраплениями бус белого стекла с внутренним золочением, сердолика и гешира.

Т-92 – XVII, погребение 15

(I вв. до н. э.)

Предположительно, могила с подбоем. Частично разрушена. Камера подпрямоугольной формы со скругленными углами, ориентирована по оси СВ-ЮЗ. На дне могильной ямы на спине, вытянуто, головой на СВ находилась женщина старше 45 лет (антропологическое определение Е.Ф. Батиевой). Руки вытянуты вдоль тела, правая отведена к стенке ямы. Левая рука и часть левой ноги отсутствует (Рис. 5.2) (Арсеньева, 2001. с.140).

Из инвентаря интерес представляют низка стеклянных бус, зафиксированная на костях кисти правой руки, собранная в близкой цветовой гамме (буро-красно-желтые), а также скопление мелкого би-

сера желтого и синего стекла в области шеи (Рис. 5.3). Расположение бус и бисера предполагает расшивку горловины и рукава. Так же в районе черепа обнаружены два бронзовых височных кольца.

**Т-12 – VIII, погребение 437
(II-I вв. до н. э.)**

Погребение подбойной конструкции, с камерой к северу, эллинистического времени. Входная яма прямоугольной формы вытянута по линии В-З. Дно входной ямы на глубине – 3,48 м, ровное, на одном горизонте с камерой. Вход в камеру был закрыт плоскостной кладкой из камней среднего размера, на высоту 0,5 м. Камера в плане полуовальной формы, размером 0,9x2,35 м, дно на глубине – 3,56 м. На дне камеры, лежал костяк погребенной взрослой женщины, кости плохой сохранности, лежала вытянуто на спине, головой к востоку. Череп слегка завален вправо, кости рук вытянуты вдоль костяка, кисти ладонями вниз, стопы оттянуты к западу. Инвентарь погребения включает тонкие серебряные проволочные серьги правой и левой височных костей (Рис. 6.1) (Беспалый. 2016. Том X. С.50-52).

В районе шейного отдела погребенной располагалась низка гагатовых бус и бисера желтого стекла, вероятно, служившего расшивкой ворота (Рис. 6.3,4). На правом запястье – также низка бус из гагата (Рис. 6.5).

**Т-12 – VIII, погребение 522
(середина II в. до н.э.)**

Погребение заплечиковой конструкции, По верхнему контуру яма прямо-

угольной формы, размером 1,2x2,35 м, вытянута по линии СВ-ЮЗ. На глубине – 4,12-4,15 м, вдоль длинных стен были устроены широкие заплечики. На перекрытие были положены четыре плоские, крупные каменные плиты, щели проложены мелкими камнями, с просадом грунта плиты сломались по полам и просели в могильную яму. Могильная яма в придонной части узкая, прямоугольной формы. По дну ямы шел тонкий древесный коричневый тлен (фиксировался местами) гробовища. Внутри лежал костяк погребенного (вероятно, судя по инвентарю женщины) взрослого человека, кости представлены в виде слабого тлена, вытянуто на спине, черепом к СВ (Рис. 7.1) (Беспалый. Том 11. 2016. С.20;22-26).

У правой и левой височных костей зафиксированы идентичные золотые серьги в виде львиного рогатого грифона, серьги встречены *in situ*, лежали петлей вверх, застежкой наружу (Рис. 7.2,3).

Следует выделить три области локализации бус: в районе шейного отдела и верха грудной части погребенной ближе к черепу – низка гешира, здесь же несколько глазчатых бус, крупная янтарная шайба и мелкие стеклянные катушковидные с внутренней позолотой. Ниже по грудной части располагалось большое количество крупных сердоликовых овально-вытянутых в плане бусин (Рис. 7.4). Согласно Е.М.Алексеевой, подобные бусы эллинистического времени (тип 36 по Алексеевой) распространены главным образом на территории Таманского полуострова и Танаиса. Практика составления из них длинных ожерелий

в римский период сходит на нет (Алексеева, 1982. С.14). В районе правого запястья погребенной встречена низка бус и фрагмент серебряной подвески (Рис. 7.5). Предположительно, первая область может являться частью декора ворота, вторая и третья – отдельными аксессуарами, ожерельем и браслетом (опять же на правой руке).

В целом, реконструкция женского костюма, в том числе с привлечением неопубликованных материалов раскопок грунтового некрополя, позволит в дальнейшем проследить интенсивность взаимопроникновения различных традиций, а так же изменение этнического состава населения Танаиса в разные эпохи и сопоставить с периодами существования города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

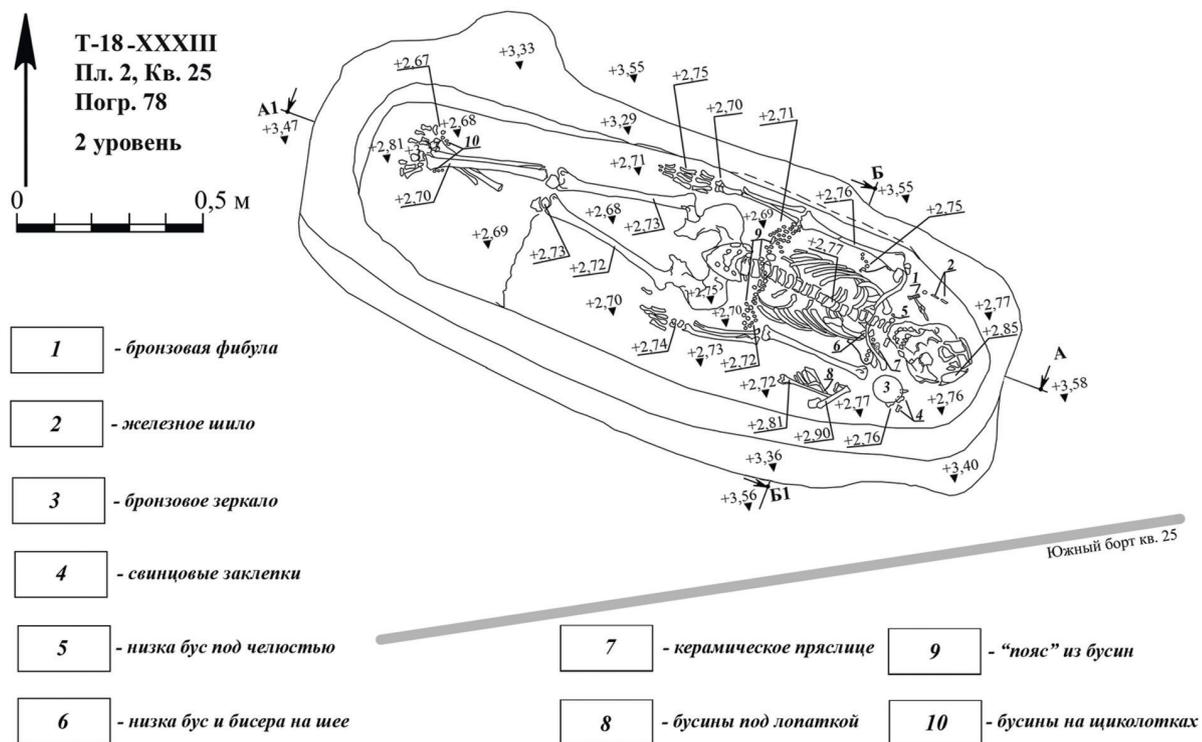
1. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. Том II // Археология СССР. Свод археологических источников. 1982. Выпуск Г1-12. 104 с.
2. Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981-1995 гг. М., 2001, ПАЛЕОГРАФ. 383 с.
3. Яценко С.А. К реконструкции плечевой одежды Сарматии // Советская археология. 1987. №3. С.166-176
4. Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М., Издательская фирма «Восточная литература». РАН, 2006. 446 с.

Отчеты о полевых исследованиях:

5. Беспалый Г.Е. Отчет о проведении археологических раскопок на участках строительства музейного здания, объектов инфраструктуры и экспозиционного показа в границах объекта культурного наследия федерального значения «Археологический музей-заповедник «Танаис» в хут. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области в 2012 году (в 14ти томах). Том II (текстовая часть). Ростов-на-Дону, 2016 г. 269 с.
6. Беспалый Г.Е. Отчет о проведении археологических раскопок на участках строительства музейного здания, объектов инфраструктуры и экспозиционного показа в границах объекта культурного наследия федерального значения «Археологический музей-заповедник «Танаис» в хут. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области в 2012 году (в 14ти томах). Том IV (полевая опись). Ростов-на-Дону, 2016 г. 213 с.
7. Беспалый Г.Е. Отчет о проведении археологических раскопок на участках строительства музейного здания, объектов инфраструктуры и экспозиционного показа в границах объекта культурного наследия федерального значения «Археологический музей-заповедник «Танаис» в хут. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области в 2012 году (в 14ти томах). Том V (полевая опись). Ростов-на-Дону, 2016 г. 198 с.
8. Беспалый Г.Е. Отчет о проведении археологических раскопок на участках строительства музейного здания, объектов инфраструктуры и экспозиционного показа в границах объекта культурного наследия федерального значения «Археологический музей-заповедник «Танаис» в хут. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области в 2012 году (в 14ти томах). Том X (альбом иллюстраций). Ростов-на-Дону, 2016 г. 198 с.
9. Беспалый Г.Е. Отчет о проведении археологических раскопок на участках строительства музейного здания, объектов инфраструктуры и экспозиционного показа в границах объ-

- екта культурного наследия федерального значения «Археологический музей-заповедник «Танаис» в хут. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области в 2012 году (в 14ти томах). Том XI (альбом иллюстраций). Ростов-на-Дону, 2016 г. 200 с.
10. *Ильяшенко С.М.* Отчет о проведении охранно-спасательных археологических исследований на западном участке некрополя Танаиса в 2013 году. 2014г. Том II. Ростов-на-Дону. 2016 г. 224с.
 11. *Ильяшенко С.М.* Отчет о проведении охранно-спасательных археологических исследований на участке некрополя городища Танаис в 2014 году. Том II. Ростов-на-Дону. 2015. 176 с.
 12. *Ильяшенко С.М.* Отчет о проведении археологических раскопок на территории объекта культурного наследия федерального значения «Археологический музей-заповедник «Танаис» в хут. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области в 2017 году. Том IV.(альбом иллюстраций). Раскоп XXXIII, площадь 2, 3. Ростов-на-Дону. 2018. 155 с.
 13. *Ильяшенко С.М.* Отчет о проведении археологических раскопок на территории объекта культурного наследия федерального значения «Археологический музей-заповедник «Танаис» в хут. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области в 2018 году. Том I (раскопы XIX, XXV, XXXIII, XXXIV). Ростов-на-Дону. 2019. 250 с.

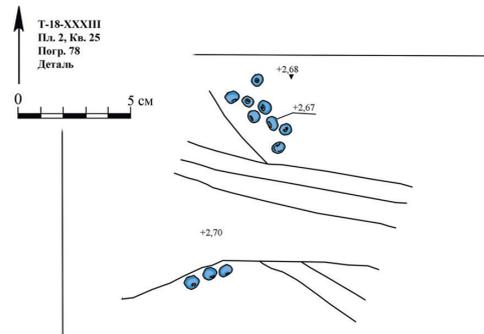
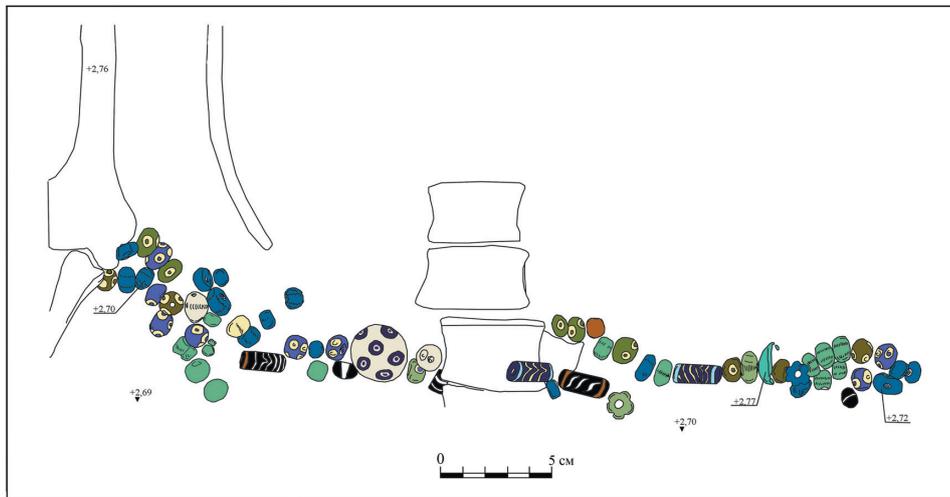

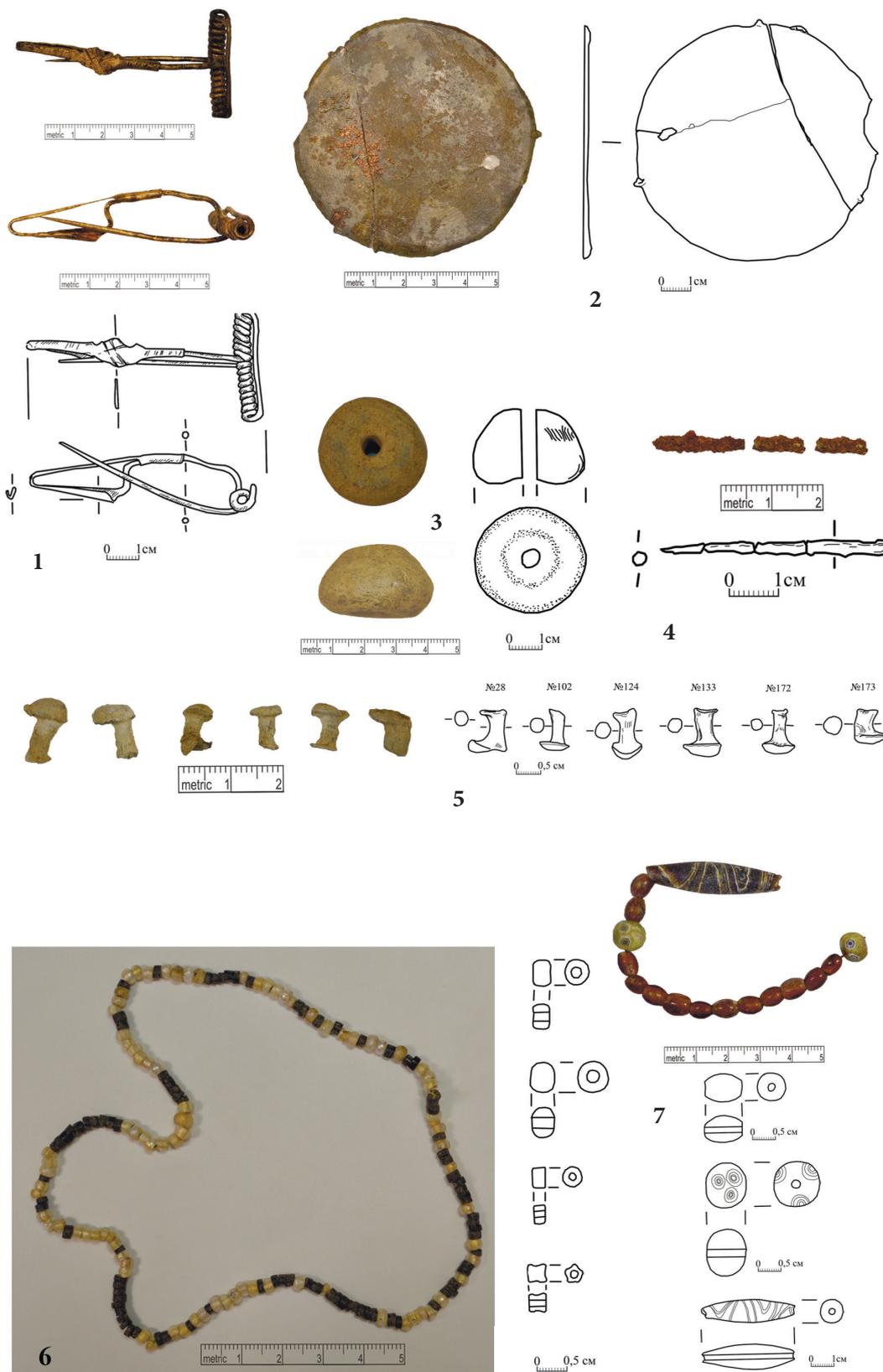
1. Погребение 78, раскопXXXIII, площадь 2, полевого сезона 2018 года.

Т-18-XXXIII
Пл. 2, Кв. 25
Погр. 78
Деталь

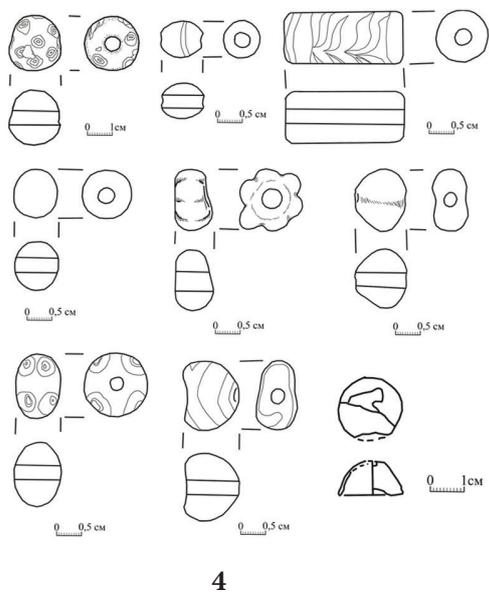
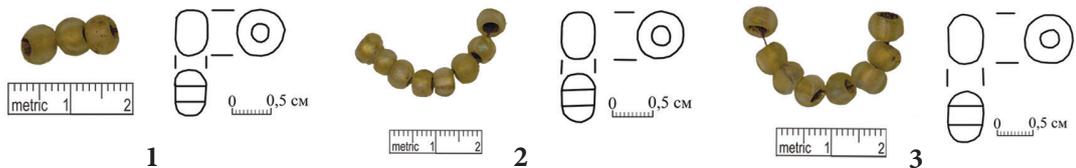

2. Погребение 78, раскопXXXIII, площадь 2, полевого сезона 2018 года. Рис. 1,2,4-фотографии insitu, Рис. 3,5 – чертежи в масштабе 1:1

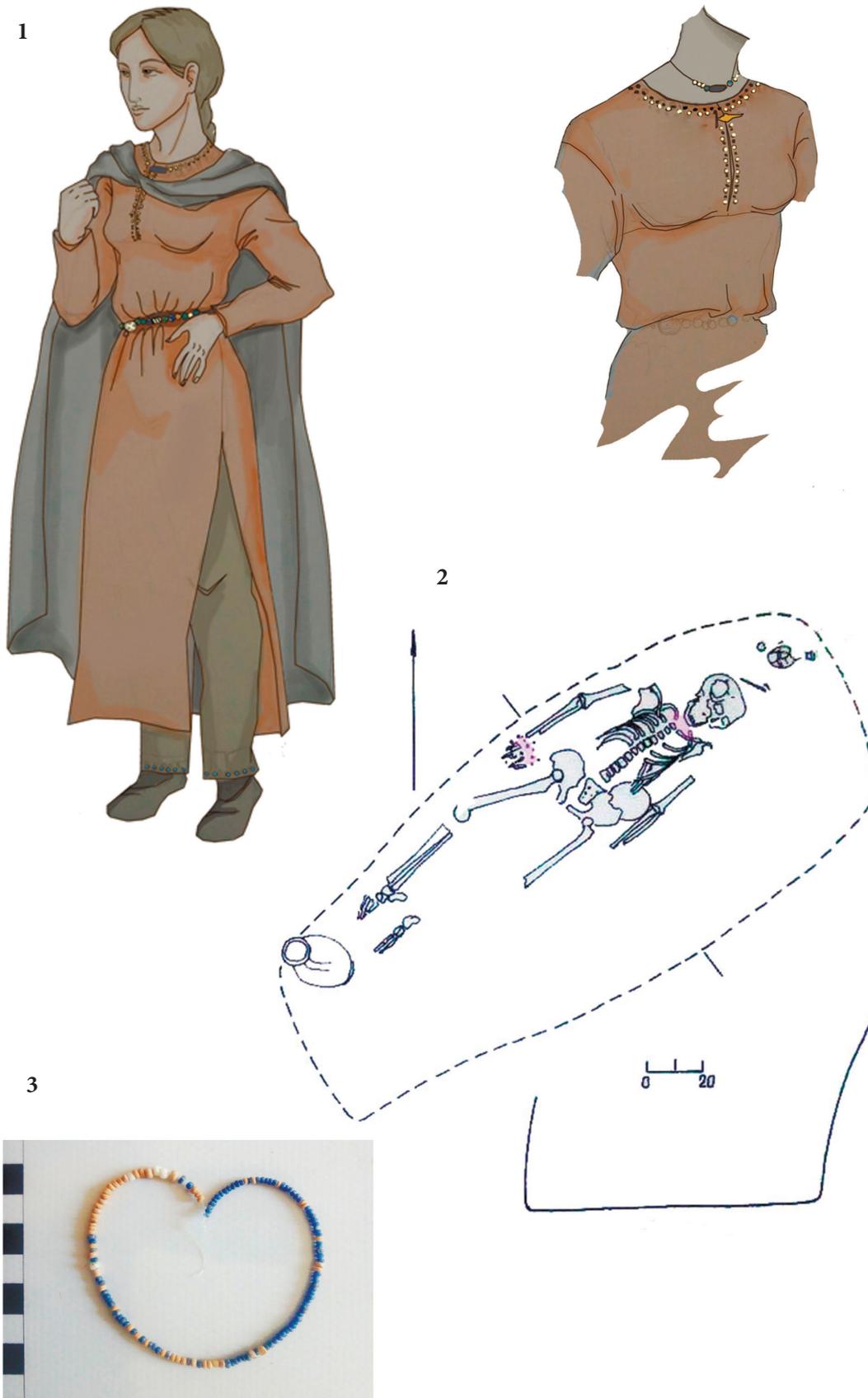

6

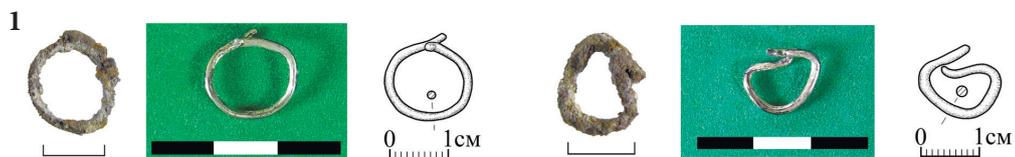
3. Инвентарь погребения 78

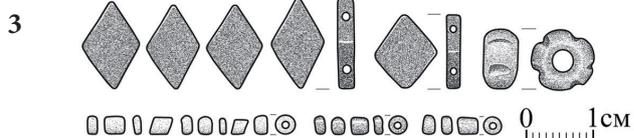
4. Инвентарь погребения 78

5. Рис.1-реконструкция костюма из погребения 78, рис.2 – погребение 15, раскопXVII, полевой сезон 1992 г., рис.3 –низка бисера из погребения 15

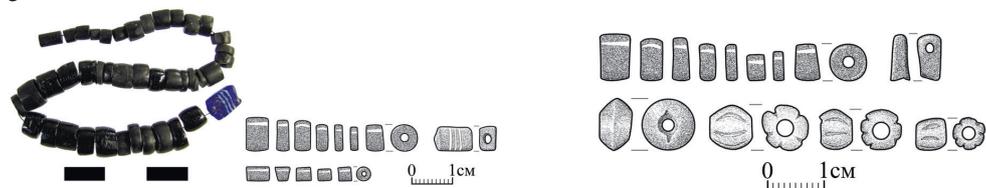
2

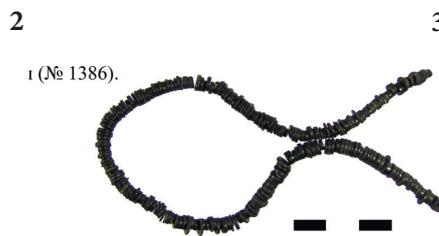
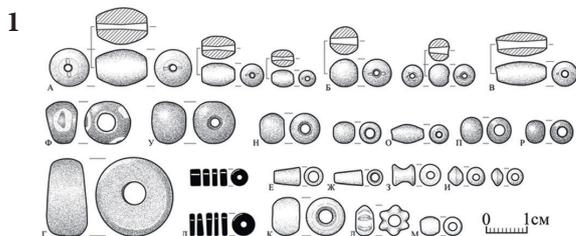
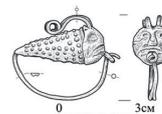
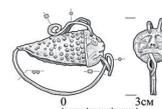
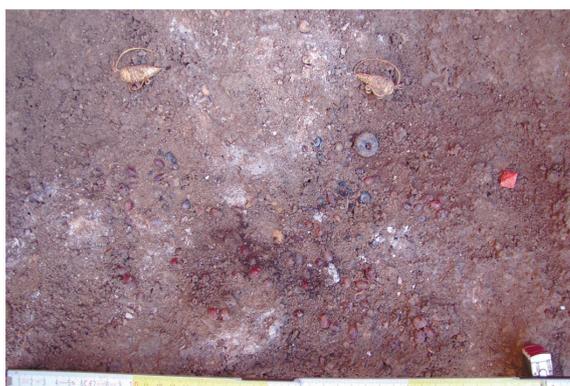
4

5

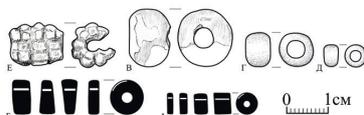
6. Рис. 1-погребение 437, раскоп XVIII, полевой сезон 2012 г., рис.2-одновитковые серьги из погребения 437, рис.3-4-низки гагатových бус и бисера в районе грудного отдела костяка погребения 437, рис. 5-гагатových бусы на запястье погребенной

Pr

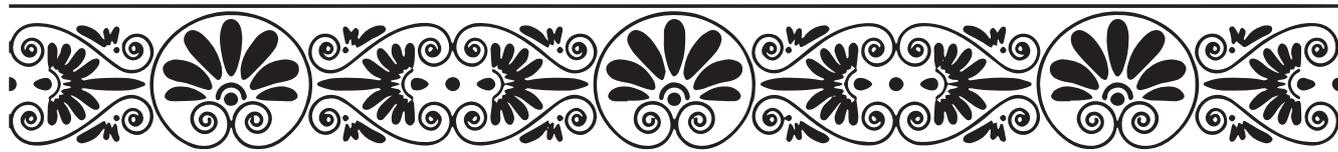

4

5

7. Рис.1-погребение 522, раскоп XVIII, полевой сезон 2012 г.,рис.2-погребение 437, положение бус и серег , рис.3-золотые серьги в виде львиного рогатого грифона, insitu, рис.4 – бусы из погребения 522, рис.5-низка бус на правом запястье погребенной

КУРГАНЫ НА ВОСТОЧНОМ УЧАСТКЕ НЕКРОПОЛЯ ТАНАИСА.

В. К. Гугуев

*ГАУК РО «Донское наследие» (г. Ростов-на-Дону)
e-mail: guguev@mail.ru*

Статья посвящена результатам раскопок курганов на Восточном участке некрополя Танаиса в 1979-1980 годах. Благодаря этим работам удалось обнаружить прямые археологические свидетельства пребывания сарматов в Танаисе в конце II в. н.э – первой половине 3 века нашей эры. Курганы были окружены ровиками с перемычками в южной части. В большинстве ровов были обнаружены остатки тризн в виде фрагментов амфор конца II в. н.э – первой половины III в. н.э., серолощенной посуды, понтийской краснолаковой керамики. В центре пространства, окруженного ровиками преобладали погребения в подбойных могилах. Подобные курганы с ровиками, подбойные могилы, северная ориентировка погребенных и обычай деформации черепа находят параллели в курганных могильниках кочевников-сарматов. Подробно рассмотренный в статье инвентарь погребений обнаруживает поразительное сходство с некрополем Крыма конца II в. н.э – первой половины III в. н.э. Среди захоронений степного облика особняком выглядит обнаруженный на участке семейный склеп-усыпальница, имеющий аналогии

в городском некрополе Танаиса. Однако в городе подобные склепы служили усыпальницами знати. Здесь же были обнаружены захоронения с рядовым инвентарем. Обнаружение границы городского некрополя и могильников кочевников – одна из задач археологов на ближайшие годы.

Ключевые слова: курганы Танаиса, погребальный обряд, тризны в ровиках, кочевники-сарматы.

В 1979 – 1980 гг. на базе археологического музея-заповедника «Танаис», бывшего в те годы филиалом Ростовского краеведческого музея (РОМК), автором под патронажем руководителя Нижне-Донской экспедиции Т.М. Арсеньевой была создана Танаисская новостроечная археологическая экспедиция. На протяжении двух полевых сезонов этим подразделением проводились раскопки на пустыре в зоне будущей застройки в 600 м к востоку от СВ угла основного четырехугольника Танаиса (рис. 1, 1). В современных границах Недвиговки участок находится между улицами Строительной и Октябрьской и с запада на восток занимает территорию от кор-

пуса 1 до корпуса 4 под №98 (рис. 1, 2.). По итогам этих работ автором был сделан доклад на 5 Донской археологической конференции 1983 г. (Гугуев, 1983, с.77-79).

Материалы конференции были изданы лишь в виде кратких тезисов без иллюстраций. Публикации материалов этих раскопок с учетом накопившихся за последние десятилетия новых фактов и посвящена данная работа. Следует отметить, что так называемые «спасательные» раскопки на указанном выше участке были начаты в 1978г. сотрудником музея «Танаис» В.В.Чалым. Однако эти работы из-за отсутствия финансирования носили ограниченный характер и состояние документации не всегда позволяет разобраться в деталях исследований. В силу этого будет рассмотрена лишь результативная часть раскопок В.В Чалого.

Зона застройки представляла собой отдаленную часть коренного берега древнего русла р. Дон, нынешнего – Мертвого Донца. Здесь издавна велась распашка почвы под огороды и сады. В связи с этим рельеф был ровным, следов курганных насыпей не прослеживалось. Небольшое понижение поверхности наблюдалось в западной части участка. При снятии верхнего слоя на этом месте обнаружилась небольшая балочка, заполненная почвой. На указанной территории находились мои раскопы 1979-80гг., соединенные в единый участок подпрямоугольных очертаний. К востоку от этого участка располагался раскоп и три небольших площадки, исследованные В.В.Чалым (рис. 1, 2). Верх-

ний слой снимался техникой или вручную с оставлением стратиграфических бровок в направлении З-В. Впрочем, стратиграфия повсюду была предельно лаконичной: под мощным слоем распашки лежал материковый суглинок, остатки курганных насыпей не прослеживались. Тем не менее в ходе работ обнаружилось сохранившиеся в той или иной степени 16 кольцевидных ровиков диаметром 8-12 м, часть из которых имела перемычку шириной около 1 м в южной части (рис. 1, 2 ; рис. 2, 1-2). Ровики вместе с относящимися к ним погребениями получили нумерацию: курганы №31-42 и №46-50. Аналогичные 5 курганов с ровиками в раскопах В.В. Чалого получили нумерацию №23-27. Крупная насыпь, находившаяся вне территории строительства, была обозначена, как курган №44. В ровиках были обнаружены остатки тризн в виде скопления развалов керамики, преимущественно амфор, и обломки известняка, сползшие с насыпей. Всего было расчищено 22 подобных комплекса, обозначенных римскими цифрами. Внутри двух ровиков курганов 36 и 41 погребений обнаружено не было. Не исключено, что в данном случае мы имеем дело с кенотафами. Курган 50 содержал в центре неглубокую яму неправильных очертаний. В ней под каменным закладом были обнаружены остатки очень крупной рыбы (сома ?). В южной части ровика кургана были обнаружены остатки тризны в виде скопления керамики (комплекс XXII): обломки узкогорлой светлоглиняной амфоры с профилированными ручками типа С – IVC (по С.Ю. Внукову) (рис.13, 1),

бортик понтийской краснолаковой миски (тип 6 по Хейзу) (рис. 13, 3) и серолощенная миска с гладким наклонным внутрь бортиком и выступающим краем (тип СЛ-I-M6 по И.С.Каменецкому) (рис. 13,2). Большая часть исследованных на Восточном участке захоронений оказалось практически полностью ограбленными в древности. Однако четыре кургана содержали неразграбленные могилы. В них был обнаружен немногочисленный рядовой инвентарь, впрочем, весьма показательный в плане хронологии. Рассмотрим эти комплексы более детально.

Курган 35 (рис. 2, 1).

Ровик был обнаружен в ЮЗ углу раскопа и уходил в борта. Внутри его была обнаружена могила с подбоем в западной стенке, отделенным от колодца деревянными плашками и тремя кусками известняка. В заполнении входного колодца была найдена дисковидная бронзовая пластинка, на одной из сторон которой в центре имелся круглый выступ, а по краю пунсоном были нанесены насечки (рис. 8, 6). В камере был погребен взрослый мужчина 35-40 лет вытянуто на спине, головой на север. Череп погребенного носил следы ярко выраженной «шлемовидной» деформации (рис. 2, 2).

1. В изголовье погребенного на дне камеры был найден железный предмет в виде стержня, один край которого был заострен, другой – не сохранился (рис. 5, 12). Длина предмета – 17,5 см.

2. С юга к железному предмету примыкал раздавленный кружальный сероглиняный кувшин с воронкообразным канелированным горлом, яйцевидным

туловом, коленчато изогнутой ручкой и плоским дном (Рис. 5, 10, рис. 12, 1). Ручка присоединена посредством штыря через пробой в стенке сосуда. На дне – отпечаток доски, в тесте примесь слюды и черного минерала. Высота сосуда – 35 см, диаметр тулова – 20 см.

3. На левой части груди погребенного была найдена бронзовая одночленная лучковая подвязная фибула с пластинчатым приемником и верхней тетивой. Спинка прогнута так, будто нависает над пружиной (рис. 5, 15). Размеры – 5,8 см x 2,7 см.

4. Поперек правого предплечья лежал железный однолезвийный нож с черенком для крепления рукояти (рис. 5, 13). Длина клинка – 14 см.

5. У левого бедра был найден сланцевый оселок с отверстием для подвешивания (Рис. 3, 6).

6. У левой кисти находился железный предмет в виде кольца с тремя выступами – фрагментированная пряжка или кольцо-распределитель ремня (рис. 5, 11). Размеры 2,3 см x 2 см.

7. В ногах погребенного стояла краснолаковая тарелка, внутри которой находился серолощенный сосудик-кубышка (рис. 3, 1). Миска имеет прямой, слегка наклонный внутрь бортик, косые, чуть выпуклые стенки, кольцевидный поддон (рис. 5, 17, рис. 9, 4). Глина светлая, почти белая. Лак кирпичного цвета с потеками, в придонной части отсутствует. Диаметр венчика – 24,5 см, максимальный диаметр – 26,5 см.

8. «Серолощенный» сосудик в виде кубышки имеет реповидную форму со слабо выделенным отогнутым наружу

венчиком и плоским дном (рис. 5, 16, рис. 9, 1). Цвет глины – светлоричный, лощение слабое, поверхность слонится. В тесте примесь мела или извести. Высота сосуда – 7 см, диаметр тулова – 11,7 см.

В плане хронологии в инвентаре п. 1 к. 35 показательны два предмета: одночленная проволочная лучковая подвязная фибула 5 варианта по А.К. Амброзу (рис. 10, 15) и краснолаковая тарелка с гладким наклонным внутрь бортиком, косыми слегка выпуклыми стенками, на кольцевом поддоне (рис. 9, 4; 10, 17). Датировка А.К. Амброзом фибул 5 варианта – первой половиной III в. н.э. выдержала проверку временем и представляется мне убедительной (Амброз, 1969. С. 252). Правда, недавно В.В. Кропотковым была предпринята попытка совместить хронологические позиции лучковых фибул 4 и 5 вариантов (Кропотов, 2010. С. 80). При таком подходе нижняя граница датировки фибул 5 варианта должна быть смещена во вторую половину II в. н.э. Однако приведенные этим автором аргументы, основным из которых служит факт встречаемости фибул 4 и 5 вариантов в одних погребениях, не вполне убедительны. На Нижнем Дону в комплексах близких к середине III в. н.э. (в Танаисе этот рубеж хорошо маркируется светлоглиняными узкогорлыми амфорами с профилированными ручками типа С IVD) фибулы 5 варианта практически вытесняют застёжки 4 варианта. Кроме того, они находятся в том хронологическом пласте, где присутствуют предметы, получившие широкое распространение уже во второй

половине III в. н.э.: бронзовые и серебряные пряжки с площадкой на язычке с прочерченным крестом, массивные двучленные лучковые фибулы с широко расплющенной ножкой и т.п. Лучковые фибулы 4 варианта для этого хронологического пласта не характерны. В недавней публикации позднесарматского погребения у ст. Камышевской против полной синхронизации 4 и 5 вариантов лучковых фибул высказался С.И. Безуглов (Безуглов, 2017. С. 100). Найденная вместе с фибулой краснолаковая тарелка относится к типу 5, варианту 7 по классификации И.С. Каменецкого (Каменецкий, 1993. С. 80 рис. 17, № 144). Эта форма обнаружена исследователем в поздних слоях Нижне-Гниловского городища и отнесена им к первой половине III в. н.э. (Каменецкий 1993, с. 86-87). Практически идентичная тарелка происходит из подвала ЕМ усадьбы 17 в Танаисе, разрушенной в середине III в. н.э. (Арсеньева, Науменко, 1992. С. 174, рис. 58,1). Аналогичные тарелки были найдены в могилах 702 и 846 Усть-Альмы первой половины III в. н.э. (Пуздровский, 2007. С. 460, рис. 186, 11 ; Труфанов, 2010. С. 154-157, рис. 8; с. 179-180, рис. 25).

Ближих очертаний, но несколько более глубокие, миски или тарелки входили в инвентарь погребений III в. н.э. – начала IV в. н.э. некрополя «Дружное» в Крыму (Храпунов, 2002. С. 212, рис. 112, 9. С. 219, рис. 119, 6, с. 247, рис. 146, 1). Создается впечатление, что эта форма появляется ближе к середине III в. н.э. и продолжает существование во второй половине этого столетия. Вызывает ин-

терес находка в п.1 к.35 серолощенного кувшина. Форма и техника изготовления сосуда имеют кавказское происхождение (рис. 5, 10) Придонная часть подобного кувшина (КП 47/31) была обнаружена в составе тризны в кургане 31 (комплекс VIII) (рис. 14, 5).

Кавказская керамика занимает существенную долю в кружальной посуде римского времени на Нижнем Дону и неоднократно попадала в поле зрения исследователей (Гугуев, 1993. С. 114-139; Гугуев, Ильяшенко, Казакова, 2007 с. 432-467; Гугуев, 2017, с 135, 147, рис. 9) . Кувшины с шаровидным туловом, воронкообразным канелированным горлом и коленчато изогнутой ручкой являются одним из наиболее распространенных типов кавказской посуды в нижнедонских памятниках римского времени: в курганах кочевников, в некрополях меотов, и в самом Танаисе (рис. 14). Подобно некоторым другим типам кавказской посуды, эта форма была довольно консервативна. Так например, кувшины из п.9 к.16 Криволиманского I могильника I в.н.э. (рис. 14, 3) и п. 89 раскопа V в Танаисе II – III вв. н.э. (рис. 14, 2) практически идентичны. Чаще всего эта, специфическая по составу глины и технике керамика, рассматривается исследователями, как импорт. Однако рост числа таких находок, расширение ассортимента типов и обнаружение в Танаисе и вблизи Крепостного городища специфичных глиняных цилиндров-подставок, характерных для кавказского керамического производства, позволяет предположить, что, по крайней мере, часть такой посуды могла быть изготов-

лена мастерами-кавказцами непосредственно на Нижнем Дону (Гугуев, Малашев, Рылов, 2017, с. 59). Недавно оригинальную идею о существовании вблизи меотского Крепостного городища в центре Азова аланского «стойбища», поставившего меотам свою керамику, высказала В.М. Косяненко (Косяненко, 2019 с. 134). Оставляя за рамками статьи вопрос о фрагментарности полученных материалов, нечетком археологическом контексте и применении термина «стойбище» к памятнику античной культуры, следует отметить следующее. Аланы (из числа номадов), как и кочевники-сарматы в целом, никогда не славились своими достижениями в области изготовления кружальной посуды. В этой связи продажа жителям Крепостного городища керамики, уступающей по своему качеству меотской посуде, выглядит достаточно экзотической гипотезой. Даже если изданные В.М. Косяненко артефакты принадлежат «аланскому стойбищу» (временному поселению кочевников), то вряд ли они синхронны Крепостному городищу, прекратившему свое существование в конце II в. н.э. Подводя итог рассмотрению инвентаря п.1 к.35, можно сделать вывод, что его наиболее вероятная дата не выходит за пределы первой половины III в. н.э.

Курган 38 (рис. 2, 1, рис. 4, рис. 5, 1-9, рис. 7).

Курган располагался в центральной части раскопа. С севера к нему примыкал курган 37, с запада – курган 39. К юго-востоку от него проходил прямой траншееобразный ров. Насыпь кургана не прослеживалась, однако о его разме-

рах можно судить по сохранившемуся в северо-западном секторе участке рва. Ровик имел в плане кольцевидную форму, ширина достигала 0,6 м, диаметр – около 7 м. В ровике были прослежены два горизонта тризны (комплексы IV, XIII), отделенные друг от друга стерильной прослойкой. В составе тризн преобладали обломки светлоглиняных узкогорлых амфор с профилированными ручками типа С IVD (по С.Ю.Внукову), а также были найдены немногочисленные фрагменты лепной и кружалной посуды (рис. 11, 5-7, рис. 13, 2-3). В северо-восточном секторе кургана среди скопления обломков известняка было найдено горло красноглиняной амфоры с граффити (комплекс V).

Погребение 1 (рис. 4).

Могила представляла собой катакомбу – семейный склеп. Колодец в плане по верхнему краю имел вид неправильного овала и был вытянут продольной осью по линии С-Ю. Стенки шахты были неровными, обвалившимися и спускались к дну под отрицательным углом. Создавалось впечатление, что в верхней части яма долгое время стояла открытой и затекала грунтом с поверхности. Не исключено, что во входную яму было впущено погребение, ограбленное в древности. В нижней части колодец имел вид узкого прямоугольника длиной 2,2 м, шириной 0,4-0,7 м. Дно было ровным и находилось на глубине 4,23 м от горизонта обнаружения могильного пятна. В северной стенке была устроена камера. Вход был заложен рваными обломками известняка. Камера имела в плане вид прямоугольника с закругленными угла-

ми, размерами 2,3 м x 1,6 м. В ней было обнаружено три костяка. Черепа погребенных были искусственно деформированы. В западной части камеры в дощатом гробу, вытянуто на спине, головой на ССЗ был погребен подросток 9-12 лет (костяк №1). Инвентарь находился в ногах погребенного. В него входили следующие предметы:

1. Краснолаковый кувшинчик с невысоким горлом, плавно переходящим в грушевидное ребристое тулово, изогнутой в виде знака вопроса профилированной желобками ручкой и кольцевым поддоном (рис. 5,4, рис. 6,5). Высота кувшина – 20,5 см, диаметр тулова – 12,5 см.

2. На дне гроба, по обе стороны от берцовых костей лежали кучкой и рассыпью 17 астрагалов.

3. У левой стопы находилась лепная лощеная миниатюрная амфорка красного цвета (рис. 5, 9, рис. 6, 6) Высота сосуда – 17 см, диаметр тулова – 8 см.

4. Вплотную к амфорке с севера примыкал раздавленный стеклянный кувшин с отогнутым наружу венчиком, оплавленным краем, грушевидным туловом, высоко поднятой изогнутой в виде знака вопроса ручкой и слегка вогнутым дном (рис. 5, 1). Сосуд сплошь орнаментирован напаянными нитями. На дне имеются следы понтии. Высота – около 13 см, диаметр венчика – 5,2 см.

Центральную и восточную половину камеры занимал скелет женщины 25-30 лет, лежавшей вытянуто на спине, головой на север (костяк № 2). Левая рука была смещена с анатомического положения при установке очередного гроба с ребенком (костяк №3). Учитывая, что

часть костей левой руки находились в сочленении, можно сделать вывод о небольшом промежутке времени между этими двумя захоронениями. Предположительно к погребению женщины можно отнести следующие находки:

1. Между бедрами погребенной был найден лепной горшок с отогнутым наружу венчиком, коротким цилиндрическим горлом, шаровидным туловом и плоским дном (рис. 5, 8, рис. 6, 7). На плечиках имеются три вертикальных налепа. Высота сосуда – 10,2 см, диаметр тулова – 9,7 см.

2. У венчика горшка находился лепной сосудик в виде чашечки на устойчивой ножке, вероятно служивший крышкой. (рис. 5, 7, рис. 6, 4). По краю венчика расположены насечки, на стенках врезной орнамент в виде зигзага. Высота крышки – 4,5 см, диаметр венчика – 6 см.

3. У левого колена находились три фрагмента сильно коррозированного железного предмета. Там же был обнаружен комок кристаллического вещества розового цвета – «румяна».

4. Между берцовыми костями погребенной был найден отпечаток деревянной шкатулки 11 см х 9 см.

Между костяком №2 и восточной стенкой камеры в дощатом гробу, вытянуто на спине, головой на север был погребен ребенок 5-6 лет. Погребенного сопровождал следующий инвентарь:

1. Под челюстью на позвоночнике находилась серебряная подвеска в виде лунницы с заостренными, загнутыми внутрь в виде завитков концами. Корпус, сегментовидный в сечении, отлит так, что с лицевой стороны он пло-

ский, с оборотной – выпуклый (рис. 5, 6, рис. 6, 2). В центре подвески имеется отверстие, в которое вставлена заклепка, соединяющая петельку с корпусом. Петелька пластинчатая, профилирована желобками. Размеры подвески 2х2см.

2. По обе стороны от лунницы были обнаружены 37 удлиненных бочковидных бусин из прозрачного бесцветного стекла с золотой прокладкой (рис. 7, 2). Тип 2/601.1102.02.01.712/ по Е.М. Алексеевой. Размеры: 4, 6, 4, 1 и 3, 6, 3, 1. Аналогичные бусы были найдены на нашем участке в разграбленном п.1 к.48 (рис. 8, 3).

3. На правой половине груди погребенного лежало зеркало из белого сплава с центральной петлей и орнаментом на оборотной стороне (рис. 5, 2, рис. 6, 3). В центре композиции тонким валиком обозначен квадрат. По краю украшения проходят два узких концентрических валика, между которыми заключены радиально расположенные отрезки. На краю имеется закраина, образовавшаяся при литье. Диаметр зеркала – 4, 6 см.

4. На зеркале, у правого плеча погребенного была обнаружена бронзовая одночленная проволочная лучковая подвязная фибула с пластинчатым приемником и передней тетивой (рис. 5, 3, рис. 6, 1). Спинка изделия высокая, как бы нависает над пружиной – вариант 5 по А.К Амброзу.

5. Вплотную к спинке фибулы лежал бронзовый колокольчик полусферической формы (рис. 5, 5). Язычок был изготовлен из бронзовой проволоки. Один конец его был продет в отверстие в корпусе и загнут снаружи в петлю, другой – с прикипевшим кусочком железа, про-

пущен внутрь и изогнут в виде знака вопроса. На корпусе имеются концентрические параллельные линии, нанесенные гравировкой. Размеры: 2 x 2,2 см.

6. У запястья правой руки погребенного находились 29 округлых бусин из глухого синего стекла (рис. 7, 5): Тип 15(101.1101.01.02.621). Вариант А-1, Г-1, Е-1, Ж-0,1-03 (по Е.М. Алексеевой). Размеры от 5, 4, 4, 1 до 7, 5, 4, 1

7. У запястья левой руки погребенного находилось 25 округлых мелких бусин из синего стекла, того же типа, что описанные выше (рис. 7, 4). Вероятно, аналогичные бусы из упомянутого выше п. 1 к. 48 также служили для украшения обшивки рукавов, либо в качестве браслетов (Рис. 8, 3).

8. У стоп погребенного находилось скопление 168 округлых мелких бусин из глухого стекла бирюзового цвета, часть из которых была покрыта плотной желтой или грязно-серой патиной (рис.7, 1, 3). Тип. 13 (101.1101.01.+ 0,6+ 0,1 + 0,2.0561). Вариант А – 1, Ж – 0,1. Пропорции бусин варьируют от 1:1:1 до 1:2:2. Размеры от 4: 4:4:1 до 6:5:5:2.

Подводя итог описанию п.1 кургана 38, следует отметить, что на основании стратиграфических наблюдений устанавливается следующий порядок захоронений в склепе: первой была погребена женщина, затем девочка 5-6 лет и наконец – подросток 9-12 лет.

Рассмотрим теперь находки из катакомбы с точки зрения хронологии. Для определения времени функционирования склепа наиболее важны фибула, зеркало, обнаруженные на груди ребенка, лунница из состава ожерелья, а также

краснолаковый и стеклянный кувшинчики, относящиеся вероятно к инвентарю подростка.

Застежка из детского погребения в кургане 38, относится к той же разновидности, что и в п.1 к.35 – к 5 варианту одночленных лучковых подвязных фибул по классификации по А.К.Амброза и соответственно должна быть отнесена к первой половине III в. н.э. Обратимся теперь к зеркалу с центральной петлей. Наиболее ранние образцы таких зеркал встречаются вместе с сильно профилированными фибулами с плоской овальной или ромбической спинкой, время использования которых приходится на вторую половину II в. н.э. – рубеж II-III вв. н. э. (см. например: Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001, табл. 91). Датировка зеркала с центральной петлей из погребения 1 (Л) 2004г некрополя Крепостного городища первой половиной 1 в.н.э. представляется недоразумением, вызванным отнесением вещи к изделиям ханьского Китая (Горбенко, Косяненко, 2011. С.47, Табл. X, 8 с. 52). Морфология предмета свидетельствует, что оно принадлежит к известной группе причерноморских зеркал с центральной петлей. Аналогичная орнаментальная схема имеется на зеркале из находящегося вблизи Азова позднесарматского кургана №18 группы Высочино V (Беспалый, Лукьяшко, 2008. С. 198, Табл. LXXXIV, 2). К тому же, римская брошь (Экснер – тип III 26 ; Риха – тип.7.13) не могла попасть в могилу в первой половине II в. н.э., т.к. подобные изделия начали производиться во второй половине этого столетия (Riha 1994, S.161). Неко-

торое время зеркала с центральной и боковой петельками сосуществуют и даже имеют одинаковую орнаментальную схему на оборотной стороне: квадрат (иногда с окружностями по углам). При раскопках с участием автора Восточного участка некрополя Нижне-Гниловского городища на территории микрорайона Екатерининский 2019 г. (держатель Открытого листа В.В. Алейников), в погребении 7 были найдены два зеркала: с центральной и боковой петлями, оба – с орнаментом в виде квадрата в центре. Дату могилы уточняют две фибулы, найденные там же: сильнопрофилированная с длинной плоской, ограниченной двумя бусинами спинкой и лучковая одночленная 4 варианта по А.К. Амброзу. Обе датируются второй половиной II в. н.э. К середине III в. н.э. на Дону зеркала с боковой петелькой в основном вытесняются образцами с центральной петлей. Они варьируют в размерах, орнаментальные схемы становятся более разнообразными. Вероятно, большая часть зеркал с центральной петлей, найденных на Нижнем Дону, изготавливалась в Танаисе. Литейная форма для отливки зеркала с центральной петлей, правда необычно большого диаметра – 9,5 см и редким орнаментом в виде свастики, была найдена в Танаисе в слое разгрома середины III в. н.э. (Арсеньева, 1984. С. 20-24).

Весьма показательна с точки зрения датировки серебряная подвеска в виде лунницы из п.1 к.38 (Рис. 5, 6, рис. 6, 2). Ранние подвески 1-2 вв. н.э. отличаются от нашего экземпляра оформлением концов: они не загибаются внутрь и ино-

гда имеют утолщения в виде шишечек (см. например : Гугуев, 1989, рис. 194.; Ларенок, 2013. С. 391, рис. 108, 2; Guštin M., Popović I., 2017 P.65. Fig 8,2-3). У более поздних экземпляров края заострены и завитками загнуты внутрь. Серия подобных украшений, выполненных, как правило, из серебра (тип 3 по классификации Храпунова) обнаружена в ряде Крымских могильников 3-4 вв. н.э. (Храпунов, 2002. С. 19. С. 197, рис. 97, 23-25; Пуздровский, 2007. С.152; Пуздровский, Труфанов, 2016. С. 219, Рис. 101, 2). Нередки находки подвесок в виде лунниц в раннеаланских могильниках Кавказа (Абрамова, 2007. С. 159, рис. 40,3 . С. 163, рис. 44, 1). Морфологически нашей луннице наиболее близки бронзовые подвески из Перевального (Пуздровский, 2007. С. 400, рис. 126, 3, 6, 7), серебряное украшение из погребения второй половины III в. н.э. – начала IV в. н.э. из могильника Три Брата 2 в Поволжье, переизданное М.Г.Мошковой (Мошкова, 2008. С. 247-248, рис. 5) и подвеска из п.20 некрополя «Дружное» (Храпунов, 2002. С.19. С. 197, рис. 97, 23-25). Они датируются временем не ранее середины III в. н.э. Серия подвесок : семь серебряных и одна бронзовая были найдены в курганах второй половины 3 в.н.э – начала IV в. н.э. могильника Московский 1, расположенном на р. Сал в 200 км от Ростова-на-Дону (Ильюков, 2017. С. 71-72 ,Ильюков, 2019. С. 112-118. С. 114, рис. 1,1-3). Морфологически они почти идентичны луннице из п.1к.38. Любопытно, что подвески не только входили в состав женского ожерелья, но и использовались как украшения рукояти меча в мужском

погребении. Еще одна лунница рассматриваемой разновидности, но несколько больших размеров происходит из п.121 2-3 вв.н.э. некрополя Ростовского городища (раскопки А.А. Нечипорука 2017 г.). В комплексе с ней обнаружена бронзовая спираль, с помощью которой подвеска была соединена с входившими в состав ожерелья бусами. Аналогичные крепления с чередованием бус и бронзовых спиралей зафиксированы и еще в нескольких ожерельях с лунницами (Абрамова, 2007. С. 159 рис. 40,3 . С. 163, 44,1; Ильюков, 2019. С. 114, рис. 1.1-3 . С. 116). Вероятно, корпус большинства таких украшений изготавливался литьем. По крайней мере так изготовлена танаисская подвеска. Литейная форма для производства подобных украшений была найдена в подвале ВВ Танаиса, в слое разгрома середины III в. н.э. (рис. 8, 4). Наконец следует упомянуть золотую лунницу «римской эпохи», происходящую из Томи. Изданная в каталоге Национального музея истории и археологии Констанца, она имеет морфологию близкую нашему украшению (Virgil Lungu, Zaharia Covacef, Constantin Chera, 2012, P. 123, Pl. LIX, 6 Nr. Inv.). Однако имеющиеся отличия в форме и технике изготовления подвески не позволяют рассматривать ее в качестве прямой аналогии.

Перейдем к рассмотрению посуды, найденной в катакомбе.

Кувшины, аналогичные нашему образцу, широко представлены в хорошо изученной краснолаковой посуде некрополей римского времени в Крыму (Форма 39 по Д.В. Журавлеву, Форма К-7 по Э. Кюнелт). Крымские находки

(около двух десятков целых сосудов) в основном происходят из хорошо датированных комплексов первой половины III в. н.э. (Пуздровский, 2007. С. 457, рис. 183; Kuehnelt, 2008, S. 195-197, Kat. № 97-106; Труфанов, 2010. С. 146 – 178, рис. 5,1, 8,1, 18,3 ; Журавлев, 2010. С. 171, 254, Табл.58, № 480; Пуздровский, Труфанов, 2016. С. 163, рис. 45,5 с. 174, рис. 56,6. С. 178, рис. 69,3. С. 248, рис. 130,2). В специальной работе, посвященной хронологии крымских некрополей римского времени, кувшины этого типа помещены в фазу 1 : 190/200-260/270 гг. н. э. (Юрочкин, Труфанов, 2007. С. 361, 377, рис. 3). Дата нашего кувшина может быть сужена до первой половины III в. н.э.

Стеклянный кувшинчик из п.1 к.38, несмотря на простую морфологию, представляет определенную сложность при поиске прямых аналогий. У Айсингс точно такая форма отсутствует, нет прямых аналогий и в известных мне сводах западноевропейского стекла. Близкие по форме кувшинчики с отогнутым оплавленным краем, округлым туловом и орнаментацией напаянными нитями известны на Боспоре (Танаис, Широкая Балка, Горгиппия) в комплексах конца II в. н.э. – начале III в. н.э. (Малышев 2011. С. 194, рис. 159; Алексеева, Сорокина 2007. С. 77, табл. 62, рис. 18). К этому типу относится и неопубликованный кувшинчик из п.1 кургана 12 из раскопок И.С. Каменецкого 1972 г., помещенный в экспозицию музея (КП 239/31 АН 32). Однако в отличие от перечисленных сосудов у кувшинчика из п.1 к.38 отсутствует кольцевой поддон и орнаментация напаянными нитями не ограничи-

вается горлом, а охватывает весь сосуд целиком. Близкой формы кувшинчик с округлым или грушевидным, расширяющимся к низу туловом и слегка вогнутым дном был недавно найден Г.Е. Беспалым на Западном участке грунтового некрополя Танаиса в детском погребении (Беспалый, 2016, том 4. С. 127 № 478), относящимся, вероятно, к концу II в. н.э. – началу III в. н.э. Однако он орнаментирован не напаянными нитями, а врезным и шлифованным геометрическим орнаментом. Учитывая наличие в Танаисе остатков производства стеклянных изделий, можно вслед за Д.Б. Шеловым предположить местное изготовление рассмотренных выше сосудов (Шелов, 1972 с.102 – 105). Однако прямых подтверждений этого тезиса пока нет.

Интересна найденная в п.1 к.38 лепная амфорка, вероятно относящаяся к инвентарю подростка. На Боспоре имеется небольшая, но выразительная серия подобных сосудиков (Храпунов, Стоянова, 2016. С. 296. С. 234, рис. 17, 4). Эти артефакты, являясь репликами кружальных амфорок, происходят из детских могил и не исключено, что изготавливались специально для погребения. Наш сосудик морфологически повторяет амфорку из Тиритаки, найденную в слое позднеперимского времени (Кастанаян, 1981. С. 72, 97, Табл. XX, 1). Вероятно, из Танаиса происходит лепная амфорка, хранящаяся в фондах Новочеркасского музея истории донского казачества (КП 3796). Она имитирует тип амфоры, отличный от того, что был взят за образец при изготовлении сосудика из п.1 к.38. Однако по технике исполнения, цвету поверхно-

сти и характеру лощения оба артефакта весьма схожи.

Курган 39 п.1 (рис. 2, 1).

Курган находился в центральной части раскопа. С юго-запада к нему примыкал курган 38, с северо-запада – курган 37. Насыпь кургана не прослеживалась, о его примерных границах можно судить по сохранившему участку ровика, прослеженному к северу от погребения. В северо-западном секторе кургана было обнаружено несколько обломков керамики (комплекс XIV), в том числе фрагменты ручек узкогорлых светлоглиняных амфор типа C IVC и C IVD.

Погребение 1 (рис. 3, 3).

Могила принадлежала к типу – «с подбоем». Шахта размерами 2мх0,7м в плане имела вид прямоугольника с закругленными углами и была вытянута продольной осью по линии С-Ю. Дно находилось на глубине 1 м от горизонта зачистки. Вдоль западной стенки колодца на дне был обнаружен заклад входа в камеру сложенный из обломков известняка. Камера, устроенная в западной стенке шахты, имела в плане вид сегмента. Продольные оси колодца и камеры совпадали. На дне камеры находились остатки костяка подростка, сильно потревоженные норой грызуна. Судя по ним, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на север. В могиле был обнаружен следующий инвентарь:

1. У северной стенки на дне находился фрагмент перламутровой раковины.
2. В районе челюсти и возле таза были найдены 4 пронизи из бесцветного прозрачного стекла, составленные по 3 в столбик, длиной – 1,5см.

3. Возле раковины находилась бусина цилиндрической формы, сжатых пропорций, из полупрозрачного фиолетового стекла. Размеры: 4,5,4,2х3.

4. В южной части камеры в норе грызуна была обнаружена бронзовая пряжка-сюльгама (рис.10,5). Пряжка имеет округлую рамку, свитую из прямоугольного в сечении дрота. Концы не сомкнуты, свиты в спираль. Язычок изогнут дугою, конец его заострен. Размеры рамки – 3х2,4 см, Длина язычка – 3,2 см. Бронзовая пряжка-сюльгама относится к числу редких находок на Нижнем Дону. Эти застежки, часто морфологически идентичные, имеют огромный ареал распространения и широкий хронологический диапазон. На Дону находки сюльгам редки. В степи мне известна одна такая находка, причем в погребении уже второй половины 3 в.н.э – начала IV в. н.э. (Ильюков, 2019. С.113). В римское время наиболее близким к Нижнему Дону регионом, где они были широко распространены в 3-4 вв.н.э. являлся Кавказ (Абрамова, 2007, 159, рис. 44, 6; Багаев, 2007. С. 373. С. 375, Рис. 2 3-6). В Танаисе кроме нашего экземпляра известна еще одна сюльгама в погребении 162 на Раскопе 3, датированном 1-3 вв.н.э. (Арсеньева, 1977. С.14. С.117, табл. XXXV, рис.1), также обнаруженная в могиле подростка. Железная пряжка-сюльгама происходит из позднеантичного погребения в дельте Дона (Толочко. С. 178-212, рис. 8, 18). Находки из кургана 39, с учетом материалов тризны позволяют отнести его к концу II в. н.э. – началу III в. н.э.

Курган 49 (рис. 2, 1).

Курган был расположен в северо-восточном углу раскопа. После снятия пахотного слоя был прослежен западный сегмент кольцевидного ровика с подбойной могилой в центре. С запада к этой уцелевшей части рва примыкал ровик кургана 47, обрывавшийся в месте пересечения. В центре ровика кургана 47 также находилась ограбленная подбойная могила. Таким образом, курган 47 был фактически пристроен к кургану 48, что свидетельствует об их хронологической близости. В месте пересечения ровиков были обнаружены остатки тризны (комплексы XIX, XXIII) в виде скопления обломков не менее 9 светлоглиняных узкогорлых амфор с профилированными ручками типа С IVD и фрагмент лепного горшка.

Погребение 1 (рис. 3, 2).

Могила подбойного типа находилась в центре пространства, окруженного ровиком к.49. Входная шахта в плане имела вид вытянутого прямоугольника с закругленными углами размерами 2,25м х 0,8м. и была вытянута продольной осью по линии ССВ-ЮЮЗ. Пол шахты плавно понижался по направлению к камере. Камера была устроена в западной стенке колодца. Она имела вид неправильного прямоугольника размерами 2,3м х 0,6м и была ориентирована продольной осью по линии С-Ю. На дне камеры находился скелет мужчины 50-60 лет. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на север. Его сопровождал следующий инвентарь:

1. Сверху на дистальных эпифизах берцовых костей лежала раздавленная краснолаковая миска со слегка выпу-

клым почти вертикальным бортиком, округлыми стенками на кольцевидном поддоне (рис.9, 2, рис.10, 2). По верхней и нижней части бортика проходят два сглаженных желобка. Краснолаковые сосуды из п.1 к.49 не равноценны в плане хронологии. Достаточно надежно датируется миска с вертикальным бортиком, косыми округлыми стенками и кольцевым поддоном (рис. 9, 2). Эта форма, именуемая мисками или чашами, имеется в основных классификациях причерноморской краснолаковой посуды: тип 6 Понтийской сигиллаты по Хейзу (Hayes, 1985, Pl.1-2), Form S – 5a, Э. Кюнелът (Kuehnelt Kat/ S.448 № 246), Тип 2, вариант 4. И.С. Каменецкого (Каменецкий, 1993. С. 63-64, рис. 13 № 74), Тип 1. подтип 8 В.Г. Зубарева, – М.С.Шапцева (Зубарев, Шапцев, 2011. С. 38. С. 51, рис. 4,2) и др. Причем у одного и того же исследователя номенклатура типа на разных памятниках может отличаться (Сон, Шапцев, 2012, с. 91, рис. 10, 6-8 «Форма 27»). Целые экземпляры аналогичных сосудов на Боспоре, видимо, уже исчисляются многими десятками и образуют мощный хронологический пласт с другими индикаторами, включая монеты. В Танаисе эта форма неоднократно встречается в некрополе в могилах конца II в. н.э. – первой половины III в. н.э. (Арсеньева, 1977. С.75, табл. XIX, 2. С. 84. С. 87, табл. XXIV, 3; Арсенъева и др., 2001. С. 143, Табл. 58, №734) и, что особенно ценно, в городских постройках, разрушенных и законсервированных в середине III в. н.э. (Арсеньева, Науменко, 1992 с. 73, рис. 57,1; Арсенъева, Науменко, 1994. С. 75, рис. 20). А.А.

Труфанов, издавая аналогичные сосуды, найденные в склепах Усть-Альмы №294 и №861 III в. н.э., уже привлекал находки из танаисских подвалов (Труфанов. С. 185, рис. 31, 1). Следует отметить наличие фрагмента миски рассматриваемой формы с остатками ручки-налепа в составе остатков тризны в кургане 50 на нашем раскопе (комплекс XXII) (рис. 13, 2) вместе с профильными частями узкогорлой светлоглиняной амфоры типа C IVС (рис. 13, 1). Там же была найдена фрагментированная серокошенная миска с прямым, слегка наклонным внутрь бортиком и плоским дном (рис. 13, 2). По моим наблюдениям эта форма к середине III в. н.э. вытесняет миски с желобчатым бортиком.

Отдельные краснолаковые сосуды типа 2, вариант 4 по И.С Каменецкому встречаются в сарматских курганах конца 2 в.н.э – первой половины III в. н.э. в окрестностях Танаиса (Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009. С. 67, рис. 39, 14). В развитии этого типа наиболее хронологически значимы следующие признаки: исчезновение рудиментарной ручки-налепа на бортике, увеличение высоты чашек, усиление одутловатости стенок и сглаживание горизонтальных желобков на бортике, что особенно заметно к середине III в. н.э.

Датировка второй миски или глубокой тарелки из п.1 к. 49. в силу простоты и универсальности формы более размыта. Подобные тарелки – Форма S – 4b Э. Кюнелът (Kuehnelt, 2008, Taf. S. 447), несколько различаясь в размерах, глубине орнаментальной бороздки под венчиком и характером перехода от бортика

к стенкам сосуда, согласно авторам публикаций, были найдены в комплексах II вв. н.э. – III вв.н.э. Так Э. Кюнелт датировала две похожих тарелки из Альма-Кермен одну от 1(?) в.н.э – до второй половины II вв. н.э., а другую – второй половиной II в. н.э. – началом III в. н.э. (Kuhnelt, 2008, S. 243, №242-243). Авторы, издавшие аналогичную «миску» из Тиры, отнесли ее ко 2-3 вв.н.э. (Сон, Шанцев, 2011. С. 85, рис. 2,10). В погребении 132 некрополя Илурата тарелка того же типа: с выступом по краю, вертикальным бортиком переходящим через ребро в косые, слегка выпуклые стенки на кольцевом поддоне была найдена вместе с фибулой, «датирующей второй половиной II в. н.э.» (Хршановский, 1998. С. 85-86, Табл. 3 рис. 3,2). На Восточном участке некрополя Нижне-Гниловского городища (Раскопки В.В. Алейникова, В.К. Гугуева 2019 г.) в п.№50 и п.№52 Раскопа 5, в комплексе с хорошо датированными вещами конца II в. н.э. – первой половины III в. н.э. были найдены две краснолаковые тарелки рассматриваемого типа. Еще одна аналогичная тарелка, несколько менее глубокая, была найдена в погребении 237 1990 г. некрополя Нижне-Гниловского городища (раскопки автора). Ажурные крестовидные перламутровые пронизи позволяют отнести захоронение в конце II в. н.э. – первой половине III в. н.э. Для датировки Формы S – 4b особенно важны находки такой посуды в подвале Д усадьбы 20 и подвале ЕЛ усадьбы 17 в слое разгрома середины III в. н.э. вместе с амфорами типа C IVD (Арсеньева, Науменко, 1992, с. 173, рис. 57, 4 с. 188, рис. 50, 2). Этот

факт позволяет, отнести дату кургана 49 к первой половине III в. н.э. Подводя итог обзору хронологически значимых находок, следует сказать несколько слов о бусах, обнаруженных в погребениях на нашем участке. К сожалению, нам не встретились бусы, имеющие узкие хронологические рамки. Однако показательно, что в ряде погребений в наборы этих украшений входили бусы одних и тех же типов: удлиненные бочковидные с золотой прокладкой – тип Тип 2 (601.1102.02.01.712) (рис. 7,2, Рис. 8,3), округлые из глухого синего стекла – Тип 15 (101.1101.01.02.621) (рис. 7,4,5), уплощенно-бочковидные ребристые из глухого черного стекла с рыжей патиной – Тип 141 (101.2101.06.02.0.111; А-4) (рис. 8, 1-3, рис. 10, 1) и т.д. Этот факт на мой взгляд также свидетельствует в пользу хронологической близости исследованных курганов. Наиболее ранними из них являются курганы 35 и 37, содержавшие в составе тризн узкогорлые светлогляняные амфоры с профилированными ручками типа C IVС, датированные преимущественно второй половиной II в. н.э. Остальные комплексы, равно как и погребения датируются первой половиной III в. н.э.

Фактически, работы на Восточном участке некрополя Танаиса подтвердили во многом варварский характер города. В Танаисе небольшие курганы с ровиками конца II в. н.э. – начала III в. н.э. выглядят в целом достаточно инородным явлением. Преобладание подбойных могил, северная ориентировка погребенных, обычай деформации черепа и данные антропологии свидетельству-

ют в пользу сарматской принадлежности погребенных. Особая роль ираноязычных кочевников в Танаисе во II-III вв. н.э. с момента выхода в 1972 г. монографии Д.Б.Шелова «Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры» стала общепризнанным фактом. Вопрос о более раннем включении сарматов в городскую общину долгие годы оставался открытым. Раскопки последних лет на Западном участке некрополя Танаиса С.М. Ильяшенко и особенно Г.Е. Беспалого существенно скорректировали тезис о включении номадов в состав жителей города лишь на позднем этапе сарматской культуры. Стало очевидным, что сарматы «прописались» в Танаисе не позднее середины I в.н.э. одновременно с инфильтрацией на городища донских меотов (Гугуев, 2017. С. 135-136). Таким образом, гипотеза о «попадании побежденных средних сарматов в Танаис» лишь со II в. н.э. (Вдовченков, Яценко, 2018. С. 272) не соответствует археологическим фактам и нуждается в корректировке.

Возвращаясь к особенностям погребального ритуала к востоку от основного четырехугольника Танаиса следует отметить нюансы, которые необходимо учитывать при сопоставлении обрядовых норм кочевого и оседлого населения Нижнего Дона римской эпохи. Некоторые черты обряда при значительном морфологическом сходстве могут иметь генетически разное происхождение. Уже приходилось отмечать некоторую условность при отнесении подбоев с широтной ориентировкой костяков в некрополях римского времени на Нижнем Дону

к сарматам. Как оказалось, у донских меотов подобный обряд практиковался по крайней мере с середины I в.н.э., т.е. еще до перехода номадов на северную ориентировку (Гугуев, 2017. С. 133). В этой связи безусловное отнесение всех конструкций с ровиками с перемычкой в южной части к осевшим на городищах сарматам вряд ли правомерно. Учитывая распространение этого ритуала на широкой территории от Казахстана до Венгрии, можно скорее говорить о влиянии кочевников на генезис данной обрядовой нормы. В нижнедонских некрополях ровики с перемычкой в южной части сошлись также вокруг меотских катакомб с чучелами и тушами животных во входных колодцах и набором ориентировок не характерным для сарматов. Восточный участок курганного некрополя Танаиса в целом обнаруживает значительное сходство с синхронными памятниками сарматской степи. Однако здесь был обнаружен семейный склеп-катакомба многоразового использования (курган 38 п.1), что свидетельствует о влиянии некоторых универсальных для оседлого населения Боспора обрядовых норм. В Танаисе аналогичные гробницы использовались, как правило, в качестве усыпальниц знати. Курган 38, содержащий рядовые погребения, стоит в этом ряду особняком. В этой связи возникает проблема неопределенности восточной границы курганного некрополя собственно Танаиса. Недавно в нескольких сотнях метров к северу от раскопов 1979-80 гг. в кургане диаметром около 10 м, в разрушенной грабителями могиле было раскопано типичное

сарматское воинское погребение конца II в. н.э. – начала III в. н.э. (Нидзельницкая, 2017. С. 32-44). В состав инвентаря наряду с оружием и деталями ременной фурнитуры входил оселок с тамгой сарматского типа. Несмотря на значительное сходство с описанными выше курганами Восточного участка Танаиса и территориальную близость, отнесение этого комплекса к городскому кладбищу

уже не столь однозначно. Морфологически в рельефе этот курган находится на одной линии с сарматскими могильниками «Царский» и «Валовый» типично степного облика. Нащупать, где пролегает рубеж между «крупнейшим после Пантикапея торжищем варваров» и сарматскими кочевьями – актуальная задача ближайших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова М.П. Курганные могильники Северного Кавказа первых веков нашей эры // *Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. МИАР. Вып. 8. М.: Изд-во ИА РАН – Таус, 2007г. С. 13-188.*
2. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // *САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1982. 105 с.*
3. Алексеева Е.М., Сорокина Н.П. Коллекция стекла античной Горгиипии (I-III вв.). М.: Интербук-бизнес, 2007. 334 с.
4. Амброз А.К. Фибулы из раскопок Танаиса // *Античные древности Подонья-Приазовья. МИАР АН СССР. Вып. 159. М.: ИА РАН, 1969. С.248-272*
5. Арсеньева Т.М. Некрополь Танаиса. М.: Наука, 1977. 152 с.
6. Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Усадьбы Танаиса. М.: ИА РАН, 1992. 232 с.
7. Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Комплекс находок из подвала МБ II-III вв.н.э. // *Вестник Танаиса. Вып. 1. Ростов н /Д;Гефест, 1993. С.61-113*
8. Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., И.В. Толочко И.В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981-1995 гг. М.: ИА РАН, 2001. 273 с.
9. Багаев М.Х. О хронологии могильника Галайты – 2 // *Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. МИАР. Вып. 8. М.:Изд-во ИА РАН – Таус, 2007. С.369-373 .*
10. Безуглов С.И. Позднесарматский курган у станицы Камышевской на Дону // *Вестник Танаиса. Вып. 4. Х. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области: АМЗ «Танаис», 2017. С. 84-127.*
11. Безуглов С.И., Глебов В.П., Парусимов И.Н. Позднесарматские погребения в устье Дона (курганый могильник Валовый I). Ростов н/Д: Медиа-Полис, 2007. 127 с.
12. Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганый могильник у с. Высочино.Т. I.Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. 224 с.
13. Беспалый Г.Е. *Отчет о проведении археологических раскопок на участках строительства музейного здания, объектов инфраструктуры и экспозиционного показа в границах объекта культурного наследия федерального значения «Археологический музей-заповедник «Танаис» в хут. Недвиговка Мясниковского р-на Ростовской области в 2012 году. Том 4. Ростов-на-Дону, 2016, 213 с. Архив музея-заповедника «Танаис».*
14. Внуков С.Ю. *Еще раз о типологии эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегерарклейских) узкогорлых амфор Российская археология. №. 2. М.: ИАРАН, 2016. С. 36–47.*

15. Горбенко А.А., Косяненко В.М. Некрополь Паниардиса (Крепостного городища) // Донские древности. Вып. 11. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2011. С.511
16. Гугуев В.К. Новые подкуранные захоронения в Танаисе и их этническая принадлежность // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1983. С. 77-79.
17. Гугуев В.К. Отчет об исследованиях некрополя Нижнегниловского городища в 1989 г. // Архив ИА РАН. 1989. № 14232, 14233.
18. Гугуев В.К. Структура ритуала некрополей донских меотов (о роли сарматов в формировании населения городищ) // Вестник Танаиса. Вып. 4. х. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области: АМЗ «Танаис», 2017. С. 128-148.
19. Гугуев Ю.К. Центральнокавказская керамика в Танаисе во II – первой половине III в. н.э. (к постановке проблемы) // Вестник Танаиса. Вып. 1. Ростов н /Д:Гефест, 1993. С. 114-139.
20. Гугуев Ю.К., Ильяшенко С.М., Казакова Л.М. О возможности этнической и социальной идентификации владельца усадьбы середины III в.н.э. в Танаисе// *Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. МИАР. Вып. 8. М.: Изд-во ИА РАН – Таус, 2007г. С. 13-188.*
21. Гугуев Ю.К., Малашев В.Ю., Рылов В.Г. Керамический импорт из Центрального Предкавказья в Танаисе в середине III в.н.э (по результатам минералого-петрографических исследований) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 16, № 1. С. 45-61.
22. Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I-III вв. н.э. (По материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) // МАИЭТ. Supplementum. 2010. Вып. IX. 320 с.
23. Зубарев В.Г., Шапцев М.С. Краснолаковая керамика из раскопок городища Белинское // ПИФК. Вып. 2. Город: Изд-во, 2011. С. 30-57
24. Ильюков Л.С. Позднесарматские лунницы из Нижнего Подонья // Международная научная конференция «Новое в исследованиях раннего железного века Евразии: проблемы, открытия, методики»: тезисы докладов. М.: Макс Пресс 2018, С.71-72.
25. Ильюков Л. С. Позднесарматские погребения III – IV нашей эры из могильника Московский-I из сальских степей // Крым в сарматскую эпоху (II в до н.э. – V в. н.э.). Вып. V. Материалы X Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2019. С.112-119
26. Каменецкий И.С. Городища донских меотов: вопросы датировки. М.: Авто, 1993. 176 с.
27. Кастанаян Е.Г. Лепная керамика боспорских городов. Л.: Наука, 1981. 177 с.
28. Косяненко В.М. Новое аланское стойбище I – II вв. н. э. вблизи меотского поселения в центре г.Азов// Крым в сарматскую эпоху (II в до н.э. – V в. н.э.). Вып. V. Материалы X Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2019. С. 130-135.
29. Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина, 2010. 384 с.
30. Ларенок В.А. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов некрополя Кобякова городища из раскопок 1999-2000гг. Ч.1 Ростовн/Д: Донской издательский дом, 2013. 488 с.
31. Мальшев А.А. Погребальный инвентарь Цемдолинского некрополя. Аспургинане на юго-востоке Азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского некрополя. М.: ИА РАН, 2008. 299 с.
32. Мошкова М.Г. Позднесарматские погребения могильника «Три брата» // Проблемы современной археологии. Сборник памяти В. А. Башилова. М.: ИА РАН, 2008. С.243-264.
33. Нидзельницкая Л.Ю. Позднесарматское воинское захоронение вблизи Танаиса// Вестник Танаиса. Вып. 4. X. Недвиговкамясниковского района Ростовской области: АМЗ «Танаис», 2017. С. 32-44.

34. Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в.н.э. : НАН Украины Инт. Археологии, Крым фил. – Симферополь: Бизнес Информ . 2007. 479 с. Пуздровский А.Е., Труфанов А.А., Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008-2014 гг. Симферополь: ИП Бровко А.А., 2016. 306 с.
35. Сон Н.А, Шапцев М.С. Краснолаковая керамика из Тиры // Археологія і давня історія України. Вип. 8. Киев: ІА НАН України, 2012. С. 83-103.
36. Толочко И.В. Дельта Дона в эпоху поздней античности // Археологические записки. Вып.8. Ростов н/Д: Изд-во «Донское археологическое общество», 2013. С.178-212.
37. Труфанов А.А. Погребения III в.н.э. на юго-западной окраине Усть-Альминского некрополя // StratumPlus. 2010. № 4. С.145-180 .
38. Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III-IV вв. н.э.). Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodzkiej, 2002. 213 с.
39. Храпунов И.Н., Стоянова А.А. Первые погребения в могильнике Нейзац // История и археология Крыма. Вып. 3. Симферополь: Институт археологии Крыма , 2016. С. 200-236.
40. Хршановский В.А. Погребения I – II вв. н.э. с краснолаковой керамикой из некрополя Илурата // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. Труды ГИМ. Вып. 102. М.: 1998. С.77-85 .
41. Шелов Д.Б. Некрополь Танаиса (Раскопки 1955-1958 гг.). М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1961. 95 с.
42. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. М.: Наука, 1972. 351 с.
43. Яценко С.А., Вдовченков Е.В. О характере сарматского «присутствия» в некрополе Кобяково I–III вв. н. э. // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Вып. 15. Санкт-Петербург: издательство, Санкт-Петербургского государств университета промышленных Технологий и дизайна 2018. С. 268–274.
44. Guštin M., Popović I. Early roman hoard from Mačvanska Mitrovica (?) Contribution to the precious metal working cultural // Starinar, Vol 2017, Iss 67, Pp 53-74 (2017).
45. Kuehnelt E. Terra Sigillata aus Alma Kermen, Sudwest-Krim. Typologie, Datierung, Rohstoffgruppen der Pontischen Sigillata. Band 1: Text., Band 2: Anhang, Band 3: Tafeln. Berlin: Freien Universität, 2008. Ссылка на электронный источник <https://refubium.fu-berlin.de/handle/fub188/13807> (на 28.10.2019)
46. Lungu V., Covacef Z., Chera C. Bijuterii antice din aur din colecțiile Muzeului de Istorie Națională și Arheologie Constanța, Bibliotheca Tomitana VI, Editura Ex Ponto, Constanța, 2012, 147 p., 66 pl.

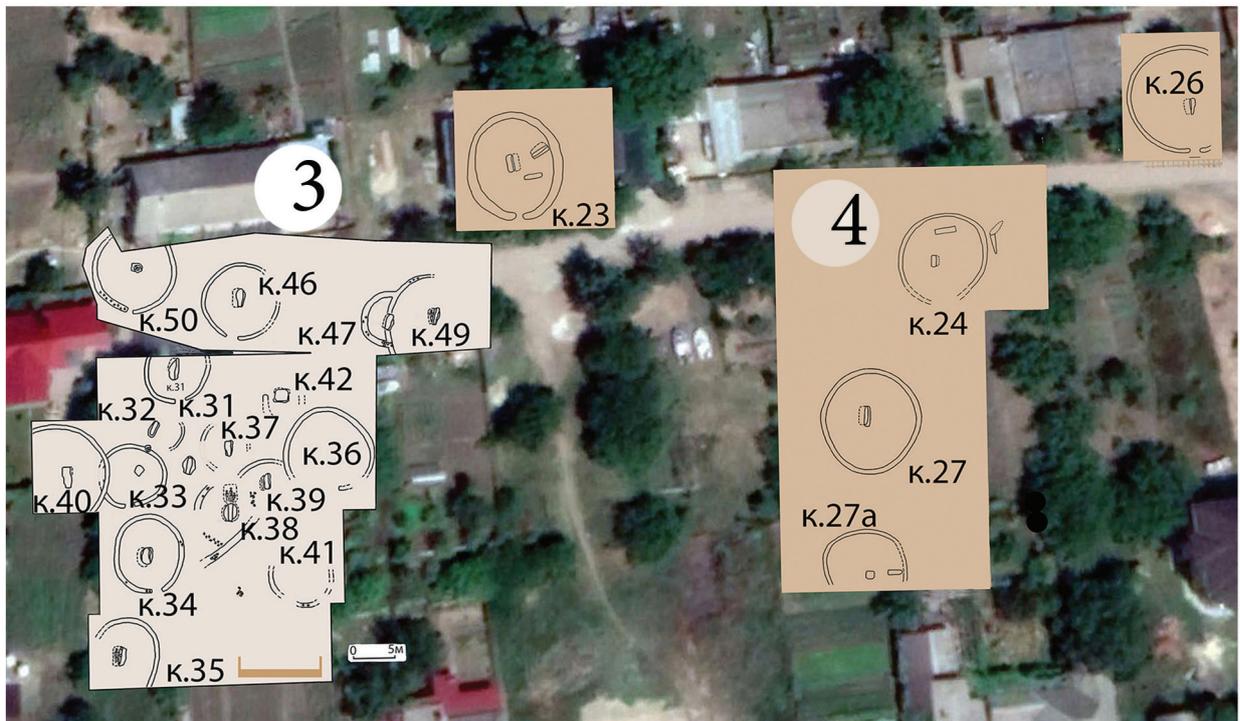

Рис. 1 КУРГАНЫ НА ВОСТОЧНОМ УЧАСТКЕ НЕКРОПОЛЯ ТАНАИСА
1. Цитадель Танаиса. 2. Восточный участок курганного некрополя Танаиса. 3. Раскоп Танаисской новостроечной археологической экспедиции 1979-80гг.

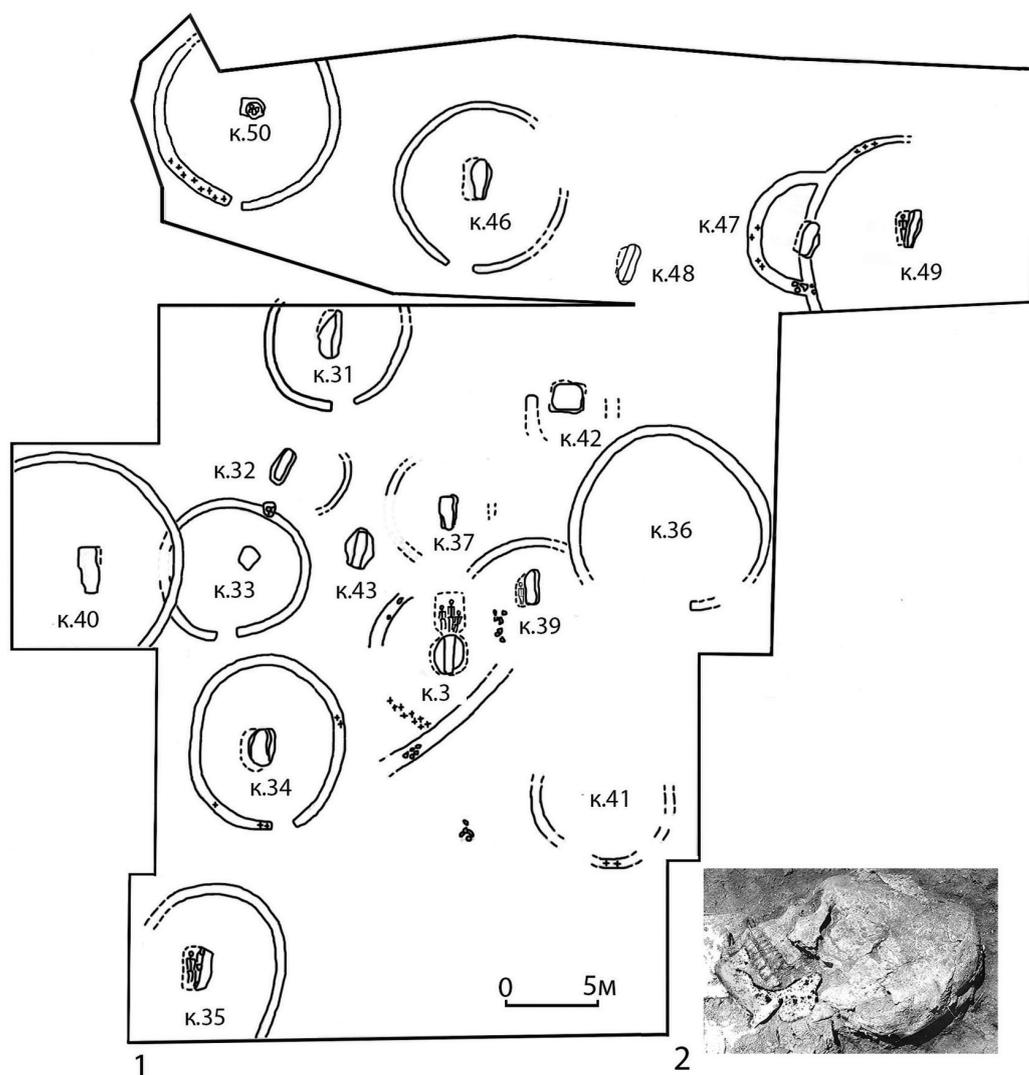

Рис. 2 РАСКОП 1979-80 гг. ТАНАИССКОЙ НОВОСТРОЕЧНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1. План раскопа 2. Деформированный череп из погребения 1 кургана 35. 3. Курган 46 Вид с северо-запада.

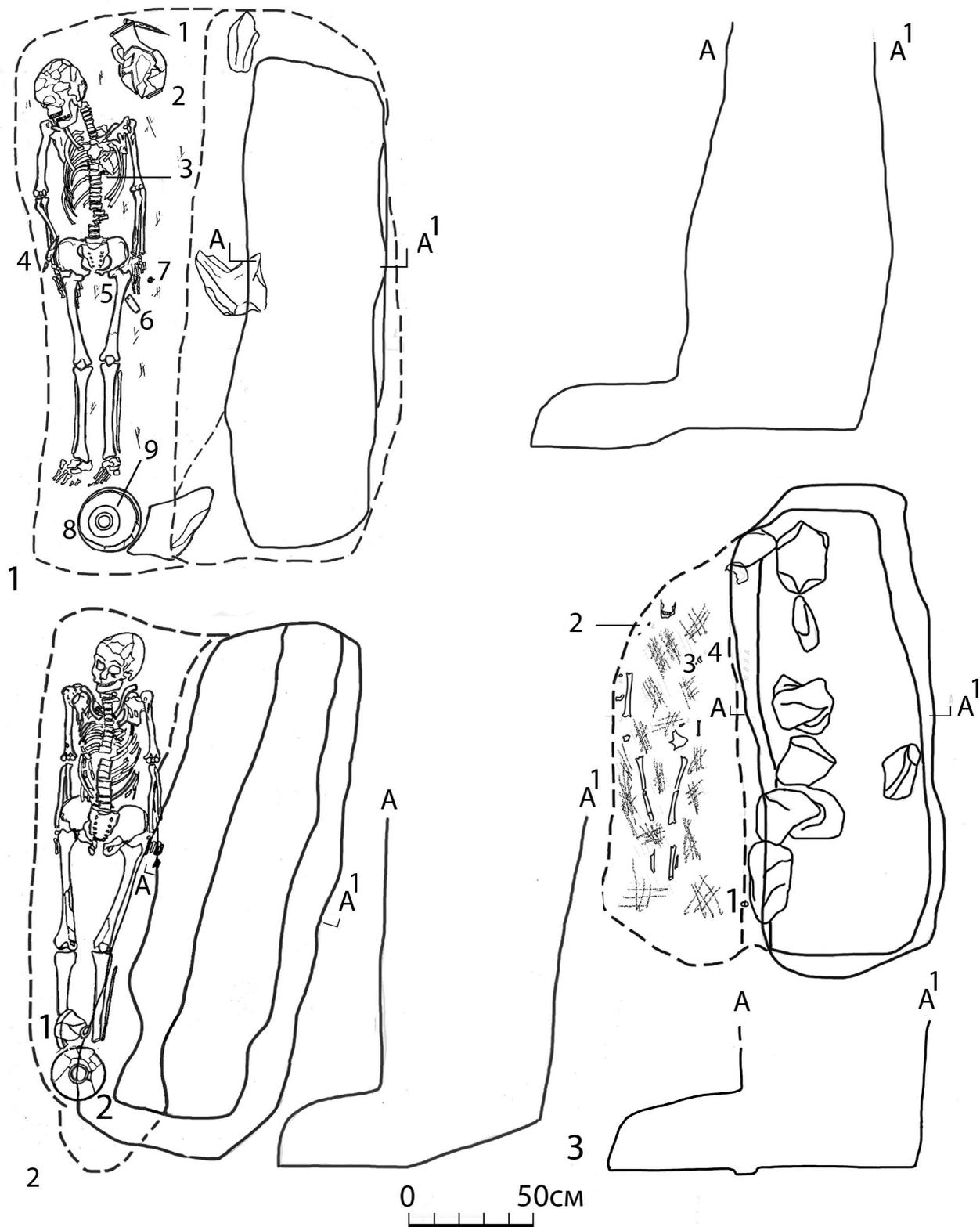

Рис. 3 ПЛАНЫ ПОГРЕБЕНИЙ В КУРГАНАХ НА ВОСТОЧНОМ УЧАСТКЕ НЕКРОПОЛЯ ТАНАЙКА 1. Курган 35, погребение 1: 1 – железный предмет, 2 – серолощенный кувшин, 3 – фибула, 4 – нож, 5 – игла, 6 – оселок, 7 – железная пряжка, 8 – серолощенный горшочек, 9 – краснолаковая миска, 2. Курган 49, погребение 1: 1 – краснолаковая чашка, 2 – краснолаковая миска 3. Курган 39, погребение 1: 1 – бронзовая пряжка, 2-3 – бусы, 4 – раковина

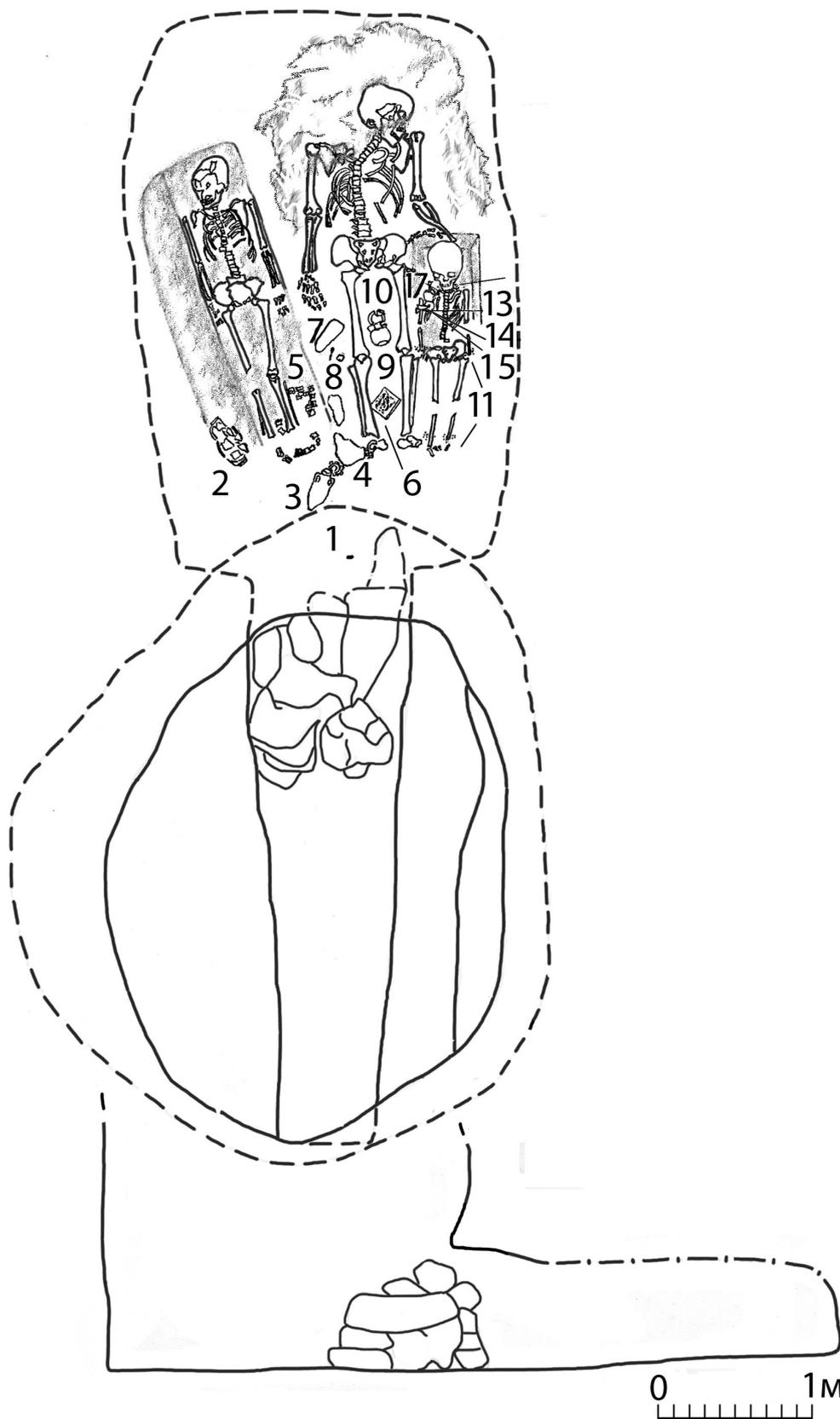

Рис. 4 ПЛАН ПОГРЕБЕНИЯ 1 КУРГАНА 38 1 - гвоздь, 2 - краснолаковый кувшин, 3 - лепная амфорка, 4 - стеклянный кувшинчик, 5 - альчики, 6 - остатки шкатулки, 7 - шило, 8 - румяна, 9 - лепной горшок, 10 - крышка, 11-12,16 - бусы, 13 - колокольчик, 14 - фибула, 15 - зеркало, 17 - серебряная подвеска.

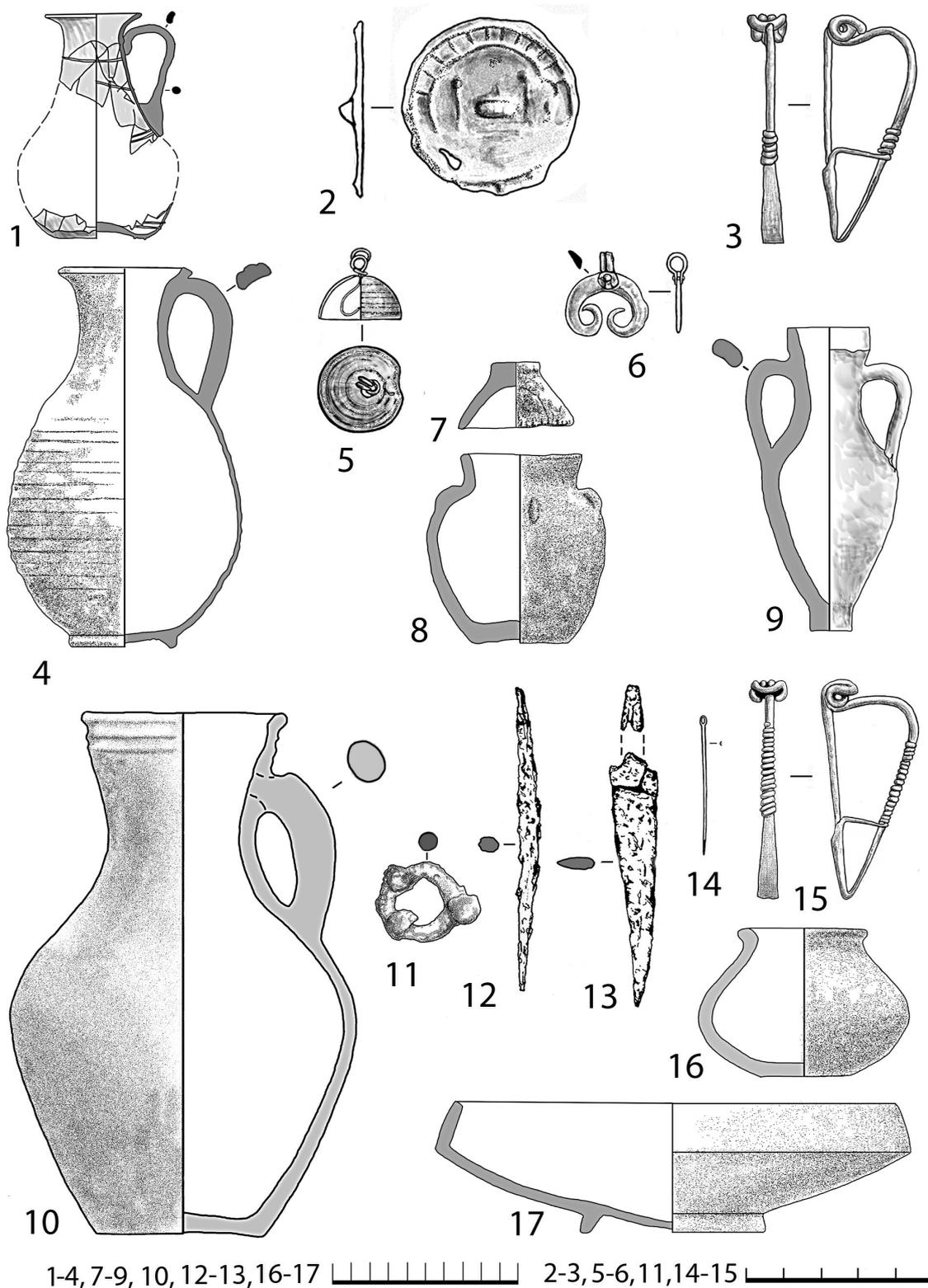

Рис. 5 ИНВЕНТАРЬ ПОГРЕБЕНИЯ 1 КУРГАНА 38 (1-9) ИНВЕНТАРЬ ПОГРЕБЕНИЯ 1 КУРГАНА 35 (10-17). Курган 38, погребение 1 : 1 – стеклянный кувшин, 2 – зеркало, 3 – фибула, 4 – краснолаковый кувшин, 5 – колокольчик, 6 – серебряная подвеска, 7 – крышка, 8 – горшок, 9 – лепная амфорка. Курган 35 погребение 1 : 10 – кувшин, 11 – пряжка, 12 – острие, 13 – нож, 14 – игла, 15 – фибула, 16 – горшочек, 17 – тарелка.

Рис.6 ИНВЕНТАРЬ ПОГРЕБЕНИЯ 1 КУРГАНА 38 (ФОТО) 1 – фибула, 2 – серебряная подвеска
3 – зеркало 4 – лепная крышка, 5 – краснолаковый кувшин, 6 – лепная амфорка, 7 – лепной горшок.

Рис. 7 БУСЫ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ 1 (ДЕТСКОЕ) В КУРГАНЕ 38
1-3 – бусы из района стоп, 2 – бусы ожерелья, 4-5 бусы у запястий.

Рис. 8 НАХОДКИ ИЗ КУРГАНОВ 35,38 и 48 НА ВОСТОЧНОМ УЧАСТКЕ КУРГАННОГО НЕКРОПОЛЯ ТАНАЙСА 1-3 – бусы из погребения 1 кургана 48, 4 – форма для отливки лунниц из танаисского подвала ВВ, 5 – подвеска из погребения 1 кургана 38, 6 – бляшка из погребения 1 кургана 35

Рис. 9 КРУЖАЛЬНАЯ И КРАСНОЛАКОВАЯ ПОСУДА ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ В КУРГАНАХ 35 и 38
1,4 – горшочек и тарелка из погребения 1 кургана 35;
2-3 – краснолаковые сосуды из погребения 1 кургана 49

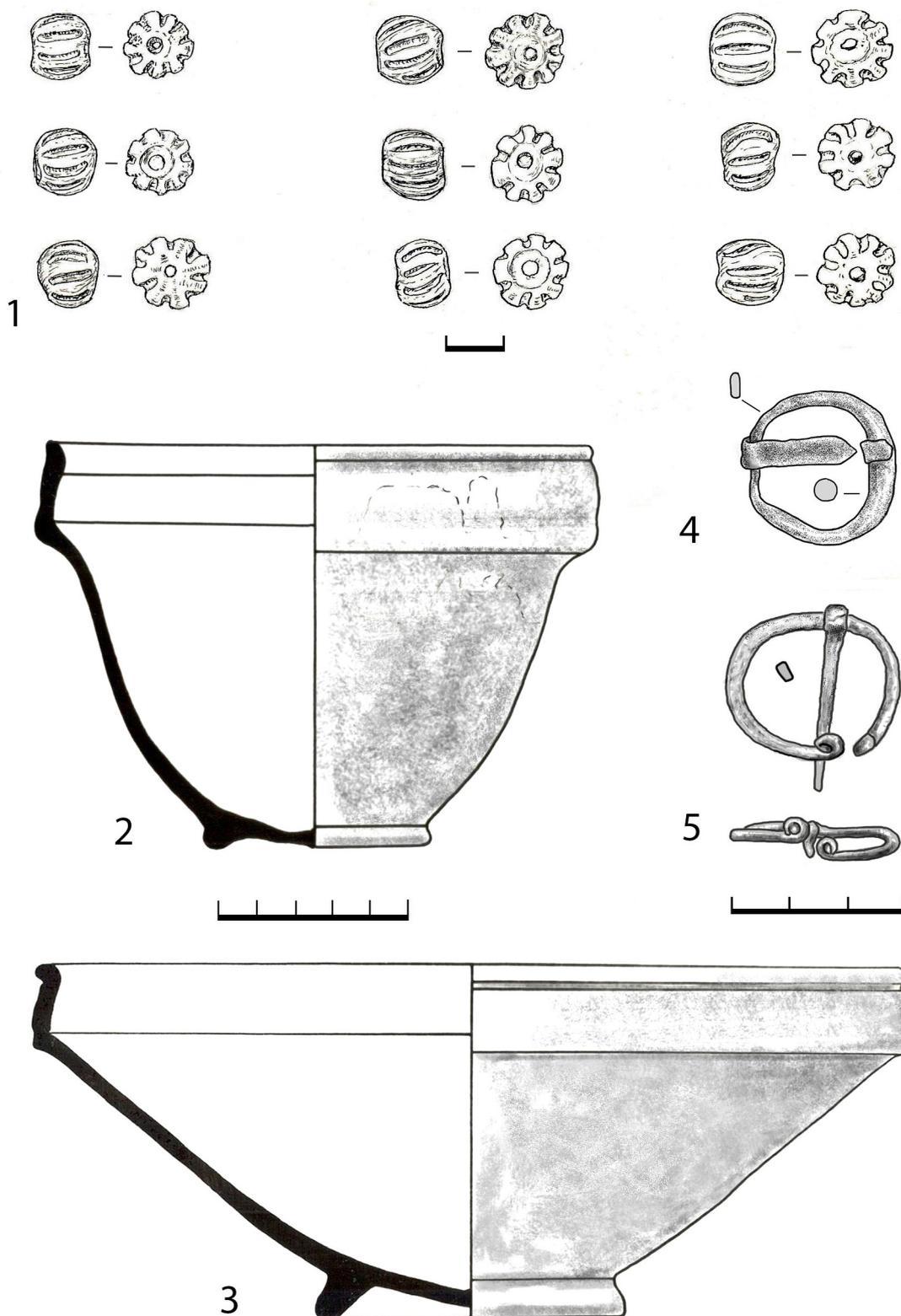

Рис. 10 НАХОДКИ ИЗ КУРГАНОВ НА ВОСТОЧНОМ УЧАСТКЕ НЕКРОПОЛЯ ТАНАИСА
 1 – стеклянные бусы из погребения 1 кургана 48, 2-3 – краснолаковые сосуды из погребения
 1 кургана 49, 4 – бронзовая пряжка из погребения 1 кургана 37, 5 – пряжка-сьюльгама
 из погребения 1 кургана 39

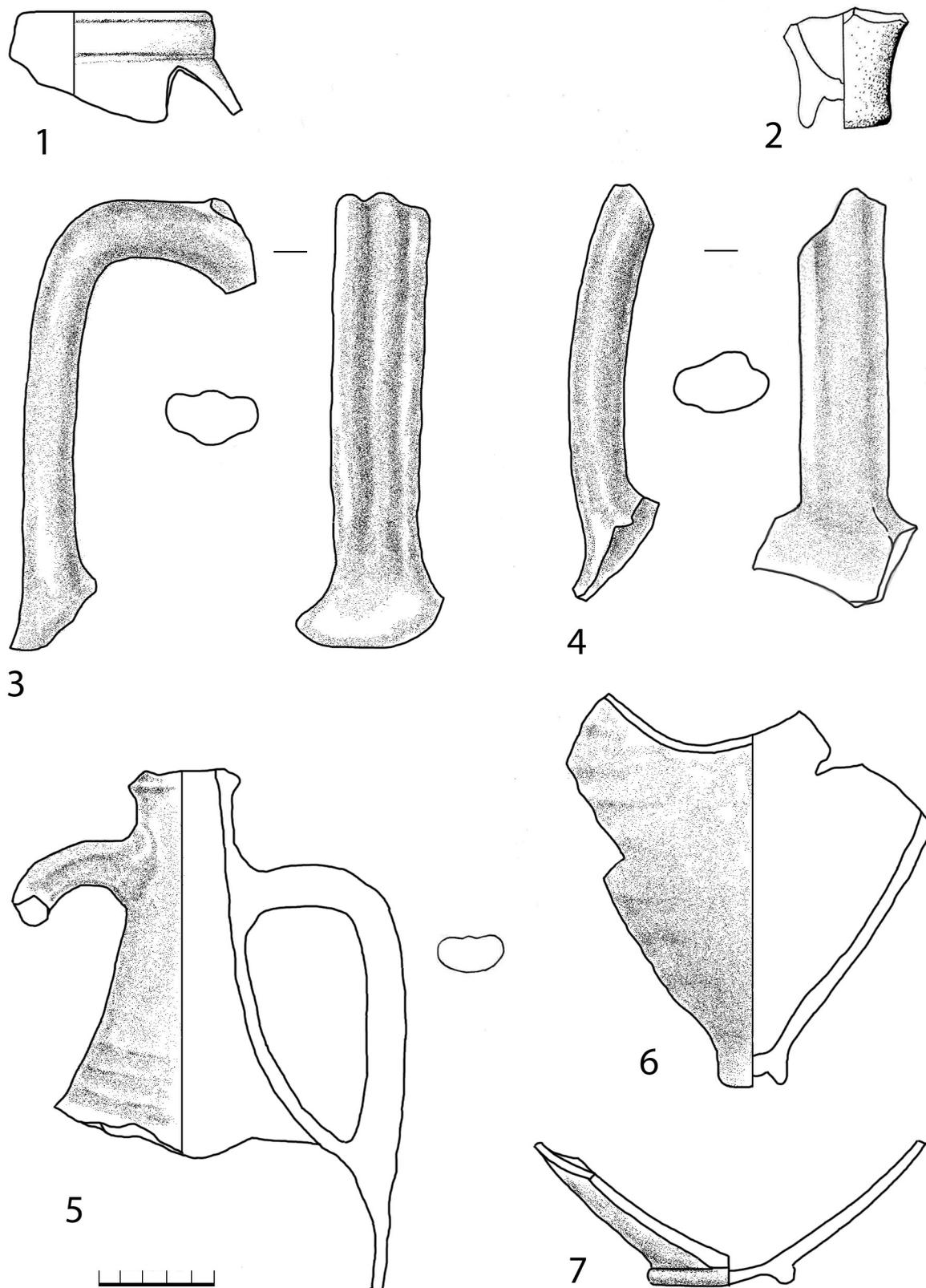

Рис. 11 КЕРАМИКА ИЗ КОМПЛЕКСОВ В КУРГАНАХ НА ВОСТОЧНОМ УЧАСТКЕ НЕКРОПОЛЯ ТАНАЙСА 1-4 – находки из комплекса VI кургана 37, 5-7 – находки из комплекса IV кургана 38

Рис. 12 КЕРАМИКА ИЗ ТРИЗНА НА ВОСТОЧНОМ УЧАСТКЕ КУРГАННОГО НЕКРОПОЛЯ
ТАНАЙСА 1 – комплекс IX кургана 34, 2 – комплекс IV кургана 38,
3 – комплекс XIII кургана 38, 4-6 – комплекс XIX кургана 47

Рис. 13 КЕРАМИКА ИЗ ТРИЗН НА ВОСТОЧНОМ УЧАСТКЕ НЕКРОПОЛЯ ТАНАЙКА
1-3 – комплекс XXII кургана 50, 4 – комплекс XVIII кургана 46, 5 – комплекс VIII кургана 31

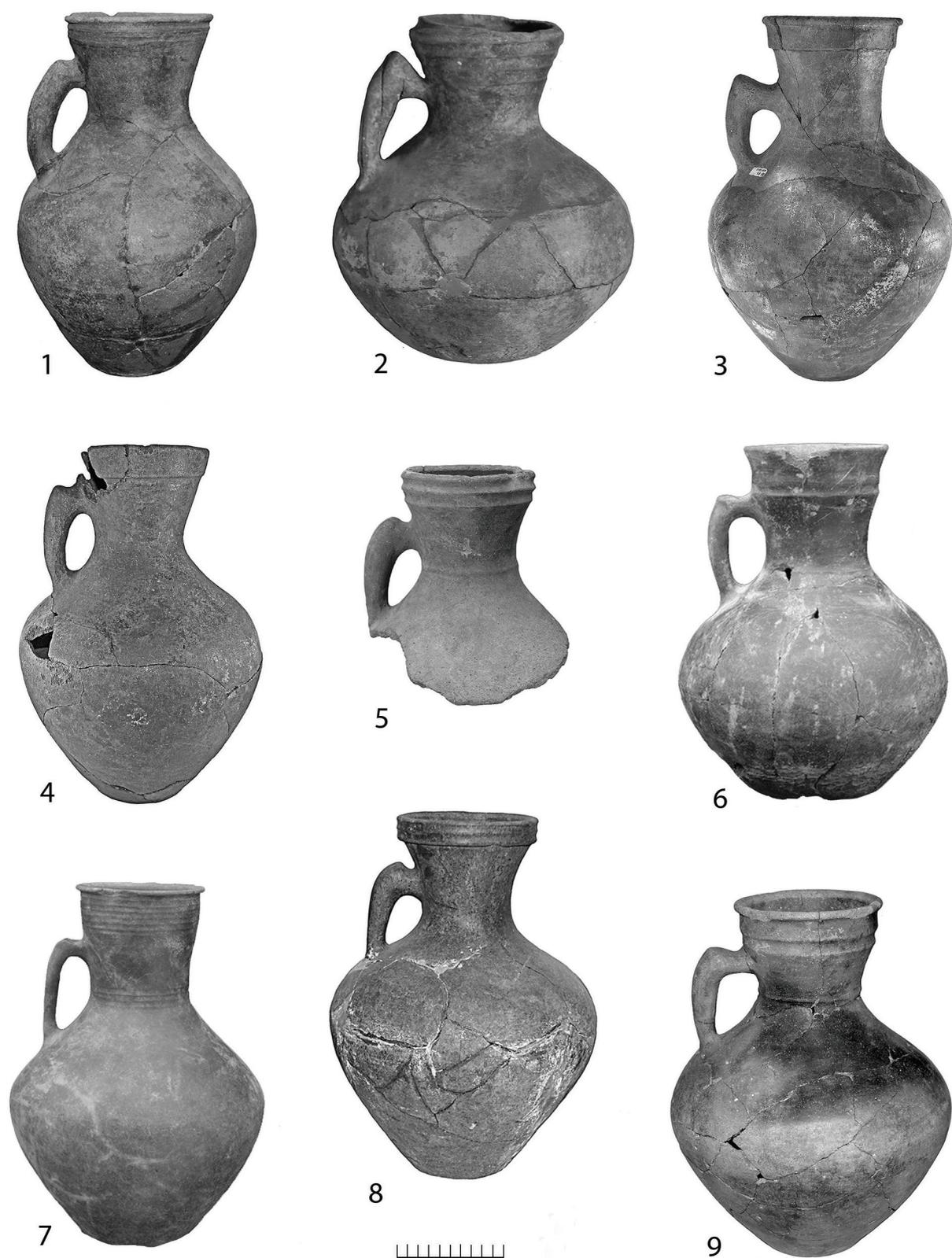

Рис. 14 КУВШИНЫ ЦЕНТРАЛЬНО-КАВКАЗСКОГО ПРОИЗВОДСТВА ИЗ НЕКРОПОЛЕЙ
РИМСКОГО ВРЕМЕНИ НА НИЖНЕМ ДОНУ Танаис: 1 – к.35,п.1 1979г., 2 – п.89 1957г.;
Кобяково: 3 – п.67 2011г., 4 – п.17 2011г., 5 – п.21 1984г., 6 – п.36 1985г., 7 – п.3 1985г.
Криволиманский 1 : 8 – к.16, п.9 Ливенцовский VII : 9 – к.66, п.1

АНТИЧНАЯ ЭПИГРАФИКА НА ТЕРРИТОРИИ АБХАЗИИ

А.И. Джопуа, В.А. Ньюшков

*Абхазский государственный музей, Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа (г. Сухум)
e-mail: arkadi100@rambler.ru*

Все эпиграфические памятники с территории Абхазии уже публиковались в разных изданиях и порой в труднодоступных. Поэтому целью настоящей работы является попытка собрать всю эту категорию источников воедино и, насколько это возможен, внести уточнения в их интерпретацию и датировку.

Ключевые слова: Греческие надписи, латинские надписи, Восточное Причерноморье, Абхазия, эпиграфика, граффити.

Известно, что эпиграфические памятники являются единственным сохранившимся реликтом, по которому можно воссоздать исторические события, их связь, даты, территории расселения народов, имена правителей, языки и письменности, а в условиях лапидарности информации по Восточному Причерноморью / Абхазии они становятся важнейшим дополнительным письменным источником по изучению истории древней Абхазии.

Так, на её территории были обнаружены эпиграфические памятники различных эпох, которые имеют большую

научную ценность и проливают определённый свет на многие проблемы исторического прошлого Республики Абхазия. К сожалению приходится констатировать, что эпиграфические памятники по ранней и поздней античности на территории нынешней Абхазии были встречены в малом количестве. В своей статье мы постараемся отметить все памятники, которые нам доступны. Начнём с памятников на греческом языке.

«Греческие надписи, найденные в Абхазии, могут свидетельствовать о грамотности не только греческого населения, но и местного, которое к тому времени в античных городах, скорее всего, уже было смешанным» (Бгажба, Лакоба, 2007. С. 57). Их фиксация начинается (по данным археологических раскопок) с периода ранней античности, с истории раннеантичных полисов как на территории Абхазии, так и всего Черноморского бассейна. Она, как известно, была связана с древнегреческой колонизацией. По данным археологических и письменных источников, в данном регионе Западного Закавказья засвидетельствовано три крупных очага производственной дея-

тельности древних элиннов, создавших колонии (полисы): Диоскуриада (Сухум), её хорион – Эшерское городище (Н.Эшера), Гюэнос (Очамчыра).

В этой связи, наше внимание привлекает многократно исследованное археологами Эшерское городище (Сухумский район). Как показывают находки, городище ещё до греческой колонизации было населено, но с приходом греков, не позже середины VI в. до н. э., на территории поселения начали только пользоваться древнегреческой керамикой. Это, в первую очередь, столовая и тарная посуда. Была встречена также парадная керамика. Присутствие импортной керамики связано, скорее всего, с тем, что она была привезена сюда самыми первыми греческими переселенцами (Шамба, 1980. С. 56). Это может касаться и выставленной в экспозиции Абхазского госмузея панафинейской чернофигурной амфоры-вазы с росписью (530–520 гг. до н.э.). Амфора, как считается, её форма, расположение и стиль росписи соответствуют сосудам, вышедшим из мастерской Андокида, и приписывается вазописцу Лисипиду или кому-то из его последователей (Шамба, Эрлих, Джоуа, Ксенофонта, 2008. С. 968). Найдена ваза (амфора) была Г.К. Шамба к востоку от Эшерского городища. По словам находчика сосуда, вазу мог приобрести один из эшерских очень состоятельных племенных вождей или же выражаясь, термином Страбона, – «скептух» – «жезлодержатель». Амфора, в частности, интересна тем, что

на ней есть надпись и состоит она из одного слова – «*Никон*». Высота сосуда – 70 см., длина дна – 22 см. (Шамба, 2005. С. 68. Рис. 1). Поверхность сосуда богато расписана. Тема росписи – деятельность древнегреческих богов, подвиги воинов-спортсменов и их покровителей. Несмотря на имеющиеся повреждения росписи, на одной из сторон амфоры нетрудно распознать прекрасно сложенные фигуры атлетов-воинов, готовящихся к предстоящим состязаниям на боевой колеснице. За всей подготовкой строго наблюдает мудрый учитель в длинном одеянии, с посохом в руке. По мнению Г. К. Шамба, в надписи указывается имя мастера (Шамба, 2005. С. 68). Есть предположение, что часть надписи на амфоре утрачена, поскольку «за надписью *NIKON* следует крупная утрата, возможно, здесь могло быть написано слово *КАЛОΣ*». В этом случае можно полагать, что роспись посвящена некоему лицу, победившему в конных соревнованиях¹. Примером этому может служить Панафинейская амфора из Вульчи с изображением колесницы и надписью *КАЛОΣ NIKON* (Эрлих, Ксенофонтова, Джоуа, 2016. С. 26).

Надо отметить, что среди раннеантичных памятников античного искусства Северного Причерноморья во время раскопок было найдено несколько экземпляров таких амфор, преимущественно в могилах местных высокопоставленных людей.

Также следует указать на надписи, относящиеся к эпиграфическим памятни-

¹ В одной из своих версий Г.К. Шамба допускал, что отмеченное имя принадлежит одному из участников торжеств (см. Ахба, 2016. С. 19).

кам – граффити. Они возникли на местной основе. Граффити можно найти в самых ранних античных слоях Гюэноса и Эшеры. Например, на одной из амфор с утолщённым венчиком (Эшерское городище) на уровне основания ручки каким-то острым предметом был «нанесён граффити до обжига в виде М, а на противоположной стороне шейки таким же способом вырезан крест» (Шамба, 1978. С. 168). На другой амфоре с плоско срезанным и слегка расширенным венчиком на горле «нанесено прямоугольной формы клеймо с неясными знаками. Под шейкой до обжига нанесено граффити АП, а на противоположной стороне – знак Ж. Амфора происходит из позднеэллинистического помещения вместе с монетой Амиса» (105-90 гг.) (Шамба, 1978. С. 169). Приковывает внимание и следующая коричневоглиняная амфора из Эшерского городища, именно её ручка с отпечатком клейма ΔΥΟΣ ΚΟΥ (Воронов, 2006. С.129), точнее с ретроградной надписью ΥΟΥ Σ ΟΥΔ (Шамба, 1978. С. 170). По мнению Г.К. Шамба, «по форме венчика, профилированной ножке и составу глины амфора с клеймом ΥΟΥ Σ ΟΥΔ во многом напоминает тип фасосской амфоры». Сам исследователь считает, что по размеру штампа букв и их строчному начертанию создаётся впечатление, что все эти клейма из одной мастерской, штампы наносились одной матрицей. В начертании явно угадывается слово Диоскурия (Диоскуриада), название древнегреческого полиса. Высказано мнение, что амфоры с диоскурийскими клеймами могли изготавливаться как

пришлыми гончарами, так и местными (Шамба, 1978. С. 170).

Впервые амфоры с означенным клеймом были обнаружены в 1964 г. в с. Эшера, в посёлке Гуандра на морском береговом валу в завале гончарной печи. Там было найдено большое количество обломков амфор (горловины, доньшки, ручки с клеймами «ΔΙ-ΟΣ-ΚΟΥ»). Клейма ставились до обжига. Печь датируется III в. до н.э. (Трапш, 2019. С. 259; Шамба, 2005. С. 73).

Однако, местное ремесленное производство возможно было только в условиях стабильного развития Эшерского городища. В этот период (эллинизма) были построены сооружения, в том числе монументальные постройки из гладкотесанных блоков с колоннами и капителями. Внутренние стены оштукатурены многоцветными (полихромными) красками, а полы покрыты мозаикой (Бгажба, Лакоба, 2007. С. 71). В руинах одного из монументальных зданий (общественного) (на нижней площадке городища), сложенного из крупных каменных блоков, была найдена бронзовая дощечка из десятков обломков с древнегреческой мемориальной надписью IV–III вв. до н. э с сохранившимися буквами, словами и, в одном случае, строчкой, образующими текст (Шамба, 1980. С. 55; Шамба, 2005. С. 69. Рис. 2). Обломки происходят от одной цельнолитной бронзовой плиты – дощечки. Было собрано 19 фрагментов с древнегреческими буквами, сильно пострадавшими от огня. Размеры: толщина плиты 0,65-1 см., самый большой фрагмент плиты с надписью имеет размеры 5,7 x 6,3 см, остальные гораздо меньше, высота букв: от 0,5 – 0,8 см (Шамба,

2005. С. 69). Технику изготовления надписи можно проследить по афинским судебским табличкам IV в. до н.э., соответственно, надпись была прорезана так: сначала на концах букв делались углубления сверлом, которые потом соединялись при помощи резца. Круглые буквы наносились по циркулю; полукружия «беты» и «ро» исполнены в виде треугольника (Шамба, 2005. С. 69).

Судя по отдельным словам (в расшифровке А.И. Болтуновой они звучат: «...силой много...могли...получая на... и всех... царской власти (царства) и...»). Ю.Г. Виноградов, отметил в той же надписи выражения «военная сила, войско», «захватив (с собой) в город», «царство», заключает, что эта надпись «исполнена греческим мастером на безупречном греческом языке» (цит. по Воронов, 2006. С. 129). Надо отметить, что по данному письму им было сделано экспертное заключение, в котором сказано «Эшерское письмо на бронзовых дощечках является документом особой важности, типа декрета или исторической хроники. В древности плита была выставлена для чтения и публичного обозрения там, где её и нашли археологи...» (цит. по Шамба, 2000а. С. 38). Так, в частности, в самом большом фрагменте дощечки можно видеть следующие начертания:

ΒΩΜΗΠΟΛΥΤΗ
ΔΥΝΑΣΩΑΙΑΥΤ
ΑΜΒΑΝΩΝΕΙΣ
ΠΑΝΤΩΝΤΩΝ
ΒΑΣΙΛΕΙΑΣΚΑ

По мнению Г.К. Шамба, в одной строчке читается выражение: «захватив с собой в город». Двумя строками ниже читается слово «басилеа» в именительном падеже или родительном, означающее «царство», менее вероятно – «царица» (Шамба, 2005. С. 69). Более подробно свое мнение по поводу Эшерской надписи он изложил в статье, специально посвятив её древнегреческой надписи (Шамба, 2006. С. 38). Так, исследователь отмечает, по тексту первым идёт слово «полис» (отмечая, что следует подразумевать жителей Эшерского городища вместе с Диоскуриадой), вторым словом – «гераклейцы» (в данном случае следует подразумевать жителей южнопонтийского греческого города Гераклея), но главное Г.К. Шамба заострил своё внимание на слове «Басилеас». Он считал, что некое царство «Басилеас» было одним из участников эшерского боя, но, в тоже время, исследователь резонно ставит вопрос: «Кого подразумевают составители надписи под этим словом?» (Шамба, 2006. С. 39)¹. На взгляд Г.К. Шамба, «под словом «Басилеас» в Эшерской надписи следует видеть общество гениехов», аргументируя это тем, что «гениехийцы вошли в историю Причерноморья как воинственный народ, большей частью известный как пираты. Они держали под своим контролем многие прибрежные области» (Шамба, 2006. С. 40).

Между тем, если исходить из полного содержания, которое, как видно из-за порчи дощечки, установить невозмож-

¹ Не исключено, что в этом слове имеется полное личное имя ΒΑΣΙΛΙ. Такое имя было написано на обломке светлоглиняной амфоры, найденной в 1965 г. на IV раскопе в Танаисе. Д.Б. Шелов уверен, что это греческое имя Басилид, популярное имя во II – и в первой половине III в. (Шелов, 1978. С. 48).

но, ясно следующее, – пишет Г.К. Шамба, – где-то в районе находки письма после мощного военного столкновения на суше и на море, при участии нескольких воюющих сторон, был взят некий приморский пункт (видимо, Эшерское городище) (Шамба, 2000б. С. 38).

В тоже время В.Т. Личели считает, что инициатором военного столкновения было Боспорское царство. «В этой надписи, – отмечает он, – удастся выделить лишь отдельные слова и фразы («царство», «Гераклеотиды», «сильный морской флот», «гибель», «покорил» и т.д.). В первую очередь, исследователь обращает внимание на факт упоминания какого-то «царства», одновременно отрицая Иберию, Колхиду (поскольку, в IV–III вв. до н.э. не существовало мощных государственных объединений с «сильным флотом», способным участвовать в какой-нибудь войне.), а также Понтийского царства, занимавшего в этот период довольно скромное место на исторической арене и при Митридате I не имевшего даже выхода к морю. Поэтому, В.Т. Личели полагает, что это было Боспорское царство, игравшее довольно активную роль, и только им могла быть совершена какая-нибудь военная акция с «сильным флотом». Что же касается упоминания в надписи «Гераклеи» или «Гераклеотидов», то он объяснет это связями Боспорского царства с Гераклеей в IV в. до н.э. Таким образом, В.Т. Личели полагает, что надпись повествует о единой крупной карательной операции (связанной частыми пиратскими нападениями, от которых страдала морская торговля), участниками которой

были Боспорское царство, гераклеоты и Эшерский отряд. Но так как надпись была найдена на Эшерском городище, «то следует предполагать особую роль этого города в этом событии» (Личели, 2001. С. 33,34). В каком-то смысле данное мнение подкрепляется выводами О.Х. Бгажба и С.З. Лакоба, отмечающими, что «в надписи говорится о какой-то битве с неприятелем, которая закончилась победой жителей Эшерского городища» (Бгажба, Лакоба, 2007. С. 71).

Есть и такое предположение. Как отмечает один из авторов данной статьи (А.И. Джопуа), в Эшерской надписи, где упомянуто войско и флот, указано ведение каких-то военных действий с Боспором, либо южнопонтийскими центрами. Все это свидетельствует о том, что на Эшерском городище в это время уже непосредственно присутствовало греческое население. Пока среди немногочисленных погребений этого периода, обнаруженных в окрестностях Эшерского городища и непосредственно на верхней площадке, нет ни одного, которые мы могли бы однозначно сопоставить с греческим обрядом. Единственным некрополем в Колхиде, где определенно присутствуют погребения греков, является участок с греческими могилами в Пичвнари. Однако влияние греческого погребального обряда ощущается в двух открытых в 1972 г. на верхней площадке Эшерского городища погребениях конца IV – начала III вв. до н.э. (погребения 2 и 5) (Джопуа, 2009. С. 19).

Следует отметить римскую чашу с надписью, датируемой I в. н.э. Она происходит из ограбленного кургана в рай-

оне Сочи и была нелегально вывезена за границу и продана в частную коллекцию. В 2008 г. её издали в Англии с атрибуцией М. Трейстера. Есть мнение, что в надписи на чаше имеется имя князя или вождя – ΒΑΣΙΛΕΥΣΨΟΧΑΣ «*Басилеос Псохас*» (Эрлих, 2016. С. 173).

Далее также следует сказать и о надписи на сухумском глиняном светильнике, найденным в 1954 г. абхазским археологом М.М. Трапш при раскопках на северо-западной окраине г. Сухум на участке Одинец, в культурных слоях сторожевой башни II в. н.э. Здесь были обнаружены четыре глиняных светильника из местной глины, один из которых имел древнегреческую надпись из шести строк (Шамба, 2005. С. 71), нанесённую на верхней стороне ещё до обжига. В переводе Т.С. Каухчишвили надпись читается: «*Давай поклоняйся владыке Гермесу ради спасения*» (Каухчишвили, 1957. С. 227) или в переводе Л.А. Ельницкого: «*Соверши поклонение всемогущему Гермесу Меркурию о спасении (души)*». На взгляд Л.А. Ельницкого, в надписи на сухумском светильнике можно видеть ритуальный текст (молитву), обращённый к божеству, являвшемуся предметом культа, близкого раннему христианству (Ельницкий, 1964. С. 144), что весьма сомнительно¹. Интересен и другой эпиграфический памятник. Речь идёт о цезельдинском серебряном медальоне (середина V в. н.э.) из могильника на Грушевом холме, найденном М.М. Трапш.

На медальоне изображена голова Горгоны, на лбу которой – два соединённых узких птичьих крыла. Перья крыльев представляют собой параллельные прямые линии, и вокруг горгонейона – греческая надпись, в которой выражена монотеистическая тенденция, по мнению Л.А. Ельницкого, «имеющая корни в иранских и сиро-иудаистских религиозных представлениях, несомненно, близка христианству» (Ельницкий, 1964. С. 145).

Известно, что Себастополис времён Поздней античности имел торговые отношения с Северным Причерноморьем, Малой Азией и другими центрами, тому подтверждение мы находим в этой надписи, свидетельствующей о том, что многие странствовавшие купцы, в том числе и владелец сухумского светильника, поклонялись Гермесу–Меркурию ради спасения и сохранения своей жизни. Видимо в то время (светильник лежал в слое IV–V вв.) в Себастополисе почитали культ Гермеса–Меркурия, как божество торговли и путешествия (Шамба, 2005. С. 71). И сами торговцы, проживавшие в черте современного Сухума, которым приходилось разъезжать, поклонялись своему божеству (Каухчишвили, 1958. С. 133).

Вместе с тем, наряду с почитанием языческого пантеона, происходит проникновение христианства в Восточном Причерноморье, в Абхазию по двум путям. «Первый путь – через сосланных

¹ Как представляется, данная надпись указывает лишь на преемственность античной традиции в Абхазии. Не зря на основании изучения языковых данных и очертаний букв эту надпись Т.С. Каухчишвили считает достоверной в Диоскурии-Себастополисе культа Гермеса как божества торговли и путешественников. Тем более, что если учесть, что сам город имел торговые сношения с другими городами Причерноморья (Каухчишвили, 1958. С. 132.).

христианских мучеников и святителей и второй путь – через воинов христиан Римской империи, служивших в частях, дислоцированных в Абхазии» (арх. Дорофей (Дбар), 2015. С. 118). Особым почитанием в Абхазской Церкви пользовались двое из семи братьев-мучеников, сосланных в царствование императора Максимиана (284 – 305) на Кавказ – Орентий и Лонгин. «Мученичество Орентия и его братьев» сохранилось и в грузинском переводе св. Григория Афонского (арх. Дорофей (Дбар), 2015. С. 119).

В этой связи интересен текст мозаичной напольной надписи, найденной в Пицунде, в которой имя В.А. Леквинадзе читал как Орентий, считая, что речь идёт об этом мученике, поэтому, по его мнению, базилика (где находилась мозаика) носит погребальный или поминальный характер (цит. по Хрушкова, 2002. С. 80). Тем не менее, означенная мозаичная напольная надпись на древнегреческом языке, найденная в Пицунде, на месте самого раннего христианского храма, была прочитана Т.С. Каухчишвили (занимавшаяся подробным её исследованием), как: «*в молении за Орэла и за весь его дом...*» (Каухчишвили, 1978. С. 232). Как видим, тут уже фигурирует имя Орэл. Надпись сохранилась частично, начертание букв довольно небрежное и нерегулярное, но в целом, – подчёркивает Л.Г. Хрушкова, – текст легко восстанавливается, поскольку здесь употреблена стандартная формула (Хрушкова, 2002. С. 79. Рис. 3).

ΥΠΕΡ

Ε[ΥΧ]ΗΣ/ΩΡ

Ε[Λ/Κ]ΑΙ/ΠΑ[Ν]

ΤΟ[Ν/ΤΟ]Υ/Ο[Ι]

ΚΟ[Υ]

Важно, суть от этого не меняется, поскольку представляется более верным прочитывание имени в надписи мозаики как «*Орэн*» и соотнесение его с мучеником Орентием (арх. Дорофей (Дбар), 2015. С. 120). Л.Г. Хрушкова же предложила свой вариант прочтения имени, полагая, что мы имеем здесь латинское имя Aurelius, Аврелий, переданное по-гречески как Ὠρέλιος, с заменой η на ε (Хрушкова, 2002. С. 81).

Вместе с тем, возвращаясь к более принятому имени «Орэл», есть мнение, что он («Орэл») строил храм и принадлежал к местной знати (Пачулия, 1968. С. 120). О том, что это имя («Орэл») является собственным, предположила Т.С. Каухчишвили. С этим не согласился арх. Дорофей (Дбар) и поставил вопросы: «Но, где это собственное имя? Почему оно не приводится на территории Абхазии?» (арх. Дорофей (Дбар), 2015. С. 122). Что касается датировки, то по очертанию букв пицундская напольная надпись отнесена к параллелям, датируемым преимущественно V–VII вв. н.э.

Другая находка, которая представляет также немалый интерес – это надпись с пространном греческим эпиграфическим текстом Поздней античности. Она была обнаружена на погребальной стеле, найденной на развалинах (Сухумской) октогональной церкви. «В начале надписи нет ни креста, ни иного христианского символа, хотя текст типичен для христианских эпитафий». Надпись

читается хорошо, и смысл текста ясен: ΟΠΟΛΛΑ / ΜΩΝΕΝΘΑ / ΛΕΚΑΤΑΚΙ / ΤΕΟΡΕΣΤΗ / ΣΤΡΑΤΙΩΤ / ΛΕΓΕΩΝ / ΡΙΣΧΑΡΙΝ / ΜΗΣΑΝΕΓ / ΜΕΝΟΙΚΟ. В дополненном и исправленном виде он гласит: «...здесь покоится Орест, воин-легионер, в память о нём мы возвели «ойкос» (Хрушков, 2002. С. 233. Рис. 4), т.е. церковь, которая датируется Л.Г. Хрушковой концом IV – началом V вв. (Хрушков, 2002. 233) (правда, некоторые специалисты считают, что хронология возникновения и эволюция октогональной церкви в ранневизантийскую эпоху требует уточнения) (Горлов Ю.В., Безрученко И.М., Бжания Д.С. 2007. С. 182). Возможно, что этот Орест был одним из основателей местной христианской общины, которые в ту эпоху почитались после смерти как святые. В память об Оресте была построена церковь (Хрушкова, 2002. С. 236)¹. Что выглядит правдоподобно.

К новейшим обнаруженным эпиграфическим памятникам можно отнести фрагмент известняковой плиты с древнегреческой надписью², представляющую собой «почётную» надпись о заслугах или, точнее, в ней восхваляется заслуга человека, совершившего какое-то важное общественное деяние. Само имя человека не сохранилось (Габелия, 2006. С. 139; Габелия, 2014. С. 384, 456-460. Рис. 5). Надпись содержит 5 достаточно

симметричных строк, нанесённых с соблюдением интервалов между буквами и строками. Характер письма, нанесения знаков, стиль написания свидетельствует о датировке надписи II веком.

1.]δαμ[[*Постановление*] народа
2.](α)ναγασαστ(α)[ι[] *выразить восхищение* [
3.][α]ντιδιδωνου[] *возмещающий* [
4.](υ)ασενυμι(ω)[] *снарядил (ваши?) [триеры]* [
5.][α]νεμο[ς][] *(ветер?)* []

Данный вид надписи широко представлен в Восточном Причерноморье и относится к жанру декретов (Габелия, Ветроградова, 2004. С. 222; Габелия, 2006. С. 138) и может свидетельствовать «о непрерывной традиции использования греческого языка в культурном пространстве древней Абхазии» (Габелия, 2014. С. 384, 457, 460). По мнению В.В. Ветроградской, осуществившей первую научную публикацию, в надписи (сделанной на месте) говорится о заслугах незаурядного человека, имя которого, к сожалению, не сохранилось. «В данном случае, имея возможность восстановления в последней строке слова «ветер», вероятнее всего предположить в качестве заслуги снаряжение триер» (Ветроградова, 2002. С. 389).

Сама находка важна тем, что на территории Восточного Причерноморья была найдена надпись, относящиеся

¹ И снова некоторые ученые отождествляют воина-легионера Ореста с мучеником Орентием, который, согласно житию, был римским воином. Вместе с тем из жития святых мучеников братьев известно, что Орентий скончался «в Ризее (близ нынешнего Батума)». Скорее всего, в сухумском храме был погребен не Орентий брат Лонгина, а другой мученик, память о котором не сохранилась. Для нас важно, что среди первых христиан Абхазии широкое распространение получило почитание мучеников за Христа (<https://farisaios.livejournal.com/17544.html>).

² Найденна в 1999 г. во время раскопок в Сухумской крепости. Руководитель археологической экспедиции АГУ А.Н. Габелия.

к декретам, являющимися важнейшими источниками по экономике, политике, культуре античных городов во всём Циркумпонтийском регионе. В качестве примера можно привести декрет в честь Диофанта. В нём содержится упоминание о рабском восстании Савмака на Боспоре и др. (Сапрыкин, 1982. С. 192).

Не менее значимыми являются почитательные надписи, помогающие исследовать этнический и социальный состав населения причерноморских государств или районов.

Так в 2005 г., при исследовании затронутого грабительскими раскопками могильника у с. Ачмарда Гагрского района Абхазии, было обнаружено одно неповрежденное погребение античной эпохи – № 5. В нём нет вооружения, но сопутствует богатый инвентарь, в т.ч. серебряный сосуд с почитательной надписью на древнегреческом языке. Надпись под венчиком нанесена точечной гравировкой, предварительно читаемая как: Ἐὐὼ Πακούρος ὁ βασιλεὺς τοῖς ἀμνοῖς ἔδωκε «Я, царь Пакур, овцам [своим] дал». находка датируется первой пол. III в. н.э. (Бжания, Агумаа, Бжания, Хондзия и др., 2008. С. 893; Бжания, Агумаа, Бжания, Виноградов и др., 2007. С. 565). Есть несколько версий о ком идёт речь, мы не будем на них останавливаться и хотим отметить ещё одну новейшую находку, которую также можно отнести к почитательным (эпитафия). Она была найдена абхазской археологической экспедицией в 2011 г. вблизи Сухумской крепости во время зачистки и разбора каменной выкладки пола древнего строения. Надпись выполнена каллиграфиче-

ским шрифтом римского эпиграфического письма, без видимых изменений, бытовавших в I–III вв. н.э. Плита имела постамент в виде обработанного с трех сторон плоского камня из гранита-дикаря. Перевод надписи гласит: «Памяти благословенного судьбой Валерьяна погребальная песнь царственному дражайшему супругу». Кто он Валерьян, нам неизвестно. Можно предположить, что в надписи речь могла идти как о местном царе-басилевсе с римским именем Валерьян (как в случае с Юлианом с басилевсом у апсилов), так и о римском императоре Публии Лицинии Валерьяне (но это маловероятно) (Бгажба, Агумаа, Сангулия, Джопуа и др., 2017. С. 105), возможно, надпись посвящена знатному римлянину, прославившемуся своими подвигами и нашедшему в Севастополисе свой покой в окружении любящей его супруги. Можно также предположить, что он мог быть комендантом крепости Севастополис.

Между тем, в Восточном Причерноморье Римская империя с начала нашей эры активно укрепляет свои позиции и можно, судя по эпиграфическим памятникам (кирпичи с клеймом, плиты), говорить о непосредственной зависимости данного региона от империи с начала нашей эры. Наглядно это видно на примере Херсонеса, там о стоянке римского легиона свидетельствуют две надписи, вырезанные на мраморных пьедесталах, на которых стояли памятники, поставленные от имени народа: одна в честь «Секста Ветуллея Керуалиса, легата и пропретора императора Веспасиана Кесаря Августа» (IPE I2, 421). другая

в честь «Секста Октавия Фронтон, легата и пропретора императора Домициана» (Белов, 1948. С. 109).

Для Восточного Причерноморья характерны и кирпичи с клеймами. Сами кирпичи различных форм в то время широко применялись в строительстве (прямоугольные, треугольные, квадратные и круглые) (Габелия, 2003. С. 44). В частности, можно в этой связи отметить кирпич с клеймом VEXFA. В.А. Левинадзе датировал его II–III вв. и расшифровал клеймо как знак вексилляции двух легионов, Фульмината и Аполлинарис (цит. по Хрушкова, 2002. С. 40). Интерес представляют и другие кирпичи с клеймами (II–III вв.), найденные в районе Сухумской крепости под полом древней церкви, составлявшей часть городского квартала Себастополиса. Речь идёт о серии находок – 17 фрагментов черепицы с оттиском рельефных клейм XV Апполонова легиона. Обращает внимание, что обычная латинская надпись LEGXVAP на штемпеле была вырезана прямо. Этого же легиона клейма были найдены в Пицунде (Хрушкова, 2002. С. 224). Правда, Л.Г. Хрушкова, ссылаясь на письменные источники, отмечает, что в них нет упоминания, что Питиунт служил местом для стоянки XV легиона, допуская, что некоторые его части были посланы в Колхиду позже (Хрушкова, 2002. С. 254). Тем не менее, найденная в Пицунде в культурном слое конца II– первой половины III в. керамическая плитка с сохранившейся частью латинской надписи leg. могла являться клеймом размещенного в крепости Питиунт римского легиона (Анчабадзе,

1964. С. 192). Оборонительные римские сооружения Питиунта представляли «целую систему сторожевых крепостей, блокировавших не только приморскую полосу, но и подходы с гор» (Габелия, 2017. С. 278).

Вместе с тем, о присутствии римских воинов на современной территории Абхазии во II в. указывает фрагмент (17 x 16, 5 см.), представляющий собой нижнюю часть посвянительной надписи на латинском языке. Буквы были глубоко вырезаны в камне и окрашены в красный цвет для большей видимости. На сохранившейся части можно прочесть: 1 строка – Nad..., 2 строка – rev FI. A., 3 строка – leg (Трапш, 2019. С. 318. Рис. 6) следующего содержания: «*Адриан через легата Флавия Арриана сей порт соорудил*». Сухумская плита (получившая впоследствии данное название) в 1892 году была найдена В. И. Чернявским на набережной Сухума (по другим данным из Сухумской крепостной стены был извлечён обломок известняковой плиты (цит по: (Амичба, 1999. С. 51)

В 1896 г. В.И. Чернявский выпустил в «Черноморском вестнике» заметку о находке в Сухумской крепости, подтвердившей пребывание в ней римского легиона Флавия Арриана во II в. н.э. в Себастополисе. Стоило ожидать, надпись осталась незамеченной и получила затем рассмотрение в работах М.И. Ростовцева, который подтвердил правильность прочтения её первооткрывателем (т.е. В.И. Чернявским). «М.И. Ростовцев совершенно резонно связывал надпись с обстоятельствами, описанными Аррианом в «Перипле Эвксинского Понта»,

и выдвинул предположение о том, что по своему содержанию она относится, скорее всего, к разряду «строительных». Фрагмент надписи засвидетельствовал пребывание в Севастополе римского легата Флавия Арриана. Следовательно, сухумская надпись, скорее всего, сообщила, что, «легат императора Адриана Флавий Арриан, укрепил римский военный лагерь в Севастополе» (Ельницкий, 1964. С. 138).

И ещё, о раннем распространении христианства на территории Нагорной части Апсилии свидетельствует, обнаруженный в с. Цабал (Цебельде) серебряный медальон. На лицевой стороне медальона вокруг изображения имеется надпись: «Единый Бог, помогающий приносящему». Л.А. Ельницкий, специально изучавший этот медальон, нашел ему аналогии в Антиохии, где они датированы 347 и 398 гг. Цебельдинский медальон найден в комплексе (некрополь Ахаччарху) IV в. н.э. (Воронов, 1975. С. 80; Барцыц, 2010. С. 47). Есть и такое мнение, что данный медальон не был

христианским амулетом, «очевидно, – отмечает Л.Г. Хрушкова, – что население Цебельды было знакомо с разными верованиями позднеантичного времени так называемой эпохи синкретизма» (Хрушкова, 2002. С. 329).

Таким образом, можно видеть, как в раннеантичный (что, вполне понятно), так и в позднеантичный периоды в Восточном Причерноморье был более популярен древнегреческий язык и в меньшей степени латинский язык. Встреченные личные имена в надписях на вещах дают нам приблизительный ономастикон того времени. В целом, с учётом лапидарности письменных источников по данному региону Восточного Причерноморья эпиграфические памятники служат дополнительным источником в изучении древней истории Абхазии. Это касается, безусловно, граффити и клейм, встреченных на сосудах. Надеемся, что в дальнейшем коллекция эпиграфических надписей будет пополняться благодаря проводимым археологическим работам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амичба Г.А. Культура и идеология раннесредневековой Абхазии (V–X вв.). Сухум: Алашара, 1999. 123 с.
2. Анчабадзе З.В. История и культура древней Абхазии. М.: Наука, 1964. 238 с.
3. Архимандрит Дорофей (Дбар). История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. Второе издание. Новый Афон, 2015. 343 с.
4. Ахба Д.В. Древние сокровища Абхазии. Чернофигурная амфора // Дайджест культурной жизни 2015 (4). Страна Абаза. Материалы сайта «Страна Абаза». СПб., 2016.
5. Барцыц Р.М. Абхазский религиозный синкретизм в культовых комплексах и современной обрядовой практике. Сухум, 2010. 160 с.
6. Бжания В.В., Агумаа А.С., Бжания Д.С., Виноградов А.Ю. и др. Охранные исследования в Гагрском районе // АО 2005. М.: Наука: 2007. С. 565-570.
7. Бжания В.В., Агумаа А.С., Бжания Д.С., Хондзия З.Г. и др. Работы в Гагрском районе // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Крупновские

- чтения, 1971-2006. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008. Выпуск VIII. С.892-893.
8. Бгажба О.Х., Агумаа А.С., Сангулия Г.А, Джоуа А.И. и др. Охранные археологические раскопки у стен Сухумской крепости в 2011 году // Материалы IV Абхазской Международной археологической конференции, посвящённой археологу-кавказоведу Л.Н. Соловьёву. Сухум: Дом печати, 2017. С. 99-108.
 9. Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Сухум, 2007. 392 с.
 10. Белов Г.Д. Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк. Ленинград: Государственный Эрмитаж, 1948. 147 с.
 11. Ветроградова В.В. Новая греческая надпись из раскопок Сухумской крепости // ПИФК. Т. XII. М.-Магнитогорск: Магнитогорский университет, 2002. 385-390 с.
 12. Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины. М.: Наука, 1975. 160 с.
 13. Воронов Ю.Н. Научные труды. Том первый. Сухум: Дом печати, 2006.
 14. Габелия А.Н. Строительная керамика из Сухумской крепости // Абхазоведение. История. Археология. Этнология. Выпуск II / Гл. ред. О.Х. Бгажба. Сухум: Алашара, 2003. С. 42-48.
 15. Габелия А.Н. Исследование Сухумской крепости (Предварительные итоги работ экспедиции Абхазского госуниверситета) // Первая Абхазская Международная археологическая конференция / Отв. ред. В.В. Бжания. Сухум: Дом печати, 2006. С.134-139.
 16. Габелия А.Н. Абхазия в предантичную и античную эпохи / Науч. ред. О.Х. Бгажба. Сухум: ООО «Алашарбага», 2014. 505 с.
 17. Габелия А.Н. Севастополис и Питиунт: Важнейшие укрепления «Понтийского лимеса» // Абхазский государственный университет. 85. Сборник статей. Юбилейное научное издание / Отв. ред. А.А. Гварамия. М.: ООО «МАКС Пресс», 2017. С. 273-284.
 18. Габелия А.Н., Ветроградова В.В. Новая греческая надпись из раскопок Сухумской крепости // Кавказ: история, культура, традиции, языки / Отв. ред. В.Ш. Авидзба. Сухум: Дом печати, 2004. С. 218-222.
 19. Горлов Ю.В., Безрученко И.М., Бжания Д.С. Раннехристианский комплекс в Севастополисе // ВАНА. №2 / Отв. ред. Джапуа З.Д. Сухум: Дом печати, 2007. С. 182-188.
 20. Джоуа А.И. Центральная Абхазия в I тысячелетии до н.э. по археологическим памятникам села Эшера (Абхазия). Автореферат дисс. На соискание уч. степени к.и.н. М., 2009. 24 с.
 21. Ельницкий Л.А. О малоизученных и утраченных греческих и латинских надписях Закавказья // ВДИ. №2. М.: Наука, 1964. С. 138-140.
 22. Каухчишвили Т.С. Греческая надпись на сухумском светильнике // ТАИЯЛИ. Вып. XXVIII / Отв. ред. Х.С. Бгажба. Сухуми, 1957. С.227-235.
 23. Каухчишвили Т.С. Эпиграфические новости из Грузии // ВДИ. №4. М.: Наука, 1958. С.129-133.
 24. Каухчишвили Т.С. Греческая надпись Бичвинтской мозаики // ВП. Т.III. Тб.: Мецниереба, 1978. С. 218-241
 25. Личели В.Т. К интерпретации Эшерской надписи // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. Материалы X Международной научной конференции 29 мая – 3 июня 2001 г. Ростов-на-Дону, 2002. С. 33-34.
 26. Пачулия В.П. В краю золотого руна. М.: Наука, 1968. 135 с.
 27. Сапрыкин С.Ю. Греческие государства в Причерноморье в книге «Источниковедение древней Греции / эпоха эллинизма/». М.: МГУ, 1982. С. 183-202.

28. *Трапиш М.М.* Древний Сухуми. Труды. В пяти томах. Том II. Переиздание с 1969. Сухум: АБИГИ, 2019. 414 с.
29. *Хрушкова Л.Г.* Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). М.: Наука, 2002. 500 с.
30. *Шамба Г.К.* Амфоры Эшерского городища // ТАИЯЛИ. Том VII / Отв. ред. Г.А. Дзидзария. Тб.: Мецниереба, 1978. С. 164-173.
31. *Шамба Г.К.* Эшерское городище. Тб.: Мецниереба, 1980. 66 с.
32. *Шамба Г.К.* Абхазия в I тысячелетии до нашей эры. Сухум: Сухум: Алашара, 2000а. 311 с.
33. *Шамба Г.К.* Эшерская древнегреческая надпись и вопрос зарождения государственности в Абхазии // Абхазоведение. История. Археология. Этнология. Сухум: Алашара, 2006. С. 38-42.
34. *Шамба Г.К.* Древний Сухум (Поиски, находки, размышления) / Гл. ред. А. Х. Аргун. Сухум: Алашара, 2005.
35. *Шамба Г.К., Эрлих В.Р., Джоуа А.И., Ксенофонтова И.В.* Элитные архаические комплексы из Центральной Абхазии // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения, 1971-2006 / Гл. ред. А.Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008. С. 967-968.
36. *Шелов Д.Б.* Личные имена на амфорах из Танаиса // Нумизматика и эпиграфика. Том XII. М.: Институт археологии АН СССР, 1978. С. 47-55.
37. *Эрлих В.Р.* К проблеме коммуникации Западного Кавказа в I тыс. до н.э.: Абхазия и меотский мир // Абхазия в мировой истории и международных отношениях. Памяти Владислава Григорьевича Ардзинба к 70-летию со дня рождения. Материалы Международной научной конференции (Сухум, 14-17 мая 2015 г.) / Отв. ред. А.Ю. Скаков. Сухум-М.: АБИГИ, ИВ РАН, 2016. С. 160-174.
38. *Эрлих В.Р., Ксенофонтова И.В., Джоуа А.И.* Древнейшие контакты региона Диоскурии с античным миром. Эшерское городище в архаическую эпоху // Международная научно-практическая конференция: «Древняя Диоскуриада». Материалы. Сухум: Дом печати, 2016. С. 20-35.

Рис. 1. Панафинейская чернофигурная амфора-ваза с росписью (Эшерское городище).

Рис. 2. Бронзовые пластины с древнегреческой надписью (Эшерское городище).

Рис. 3. Надпись мозаики (Питиунт – церковь №2).

Рис. 4. Стела с греческой надписью (Севастополис – церковь).

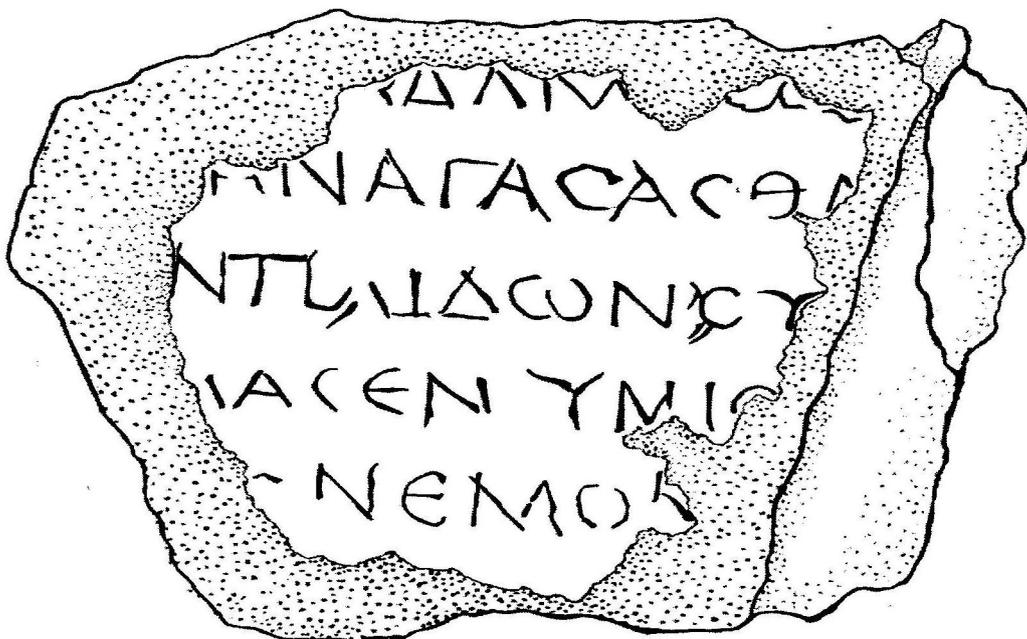
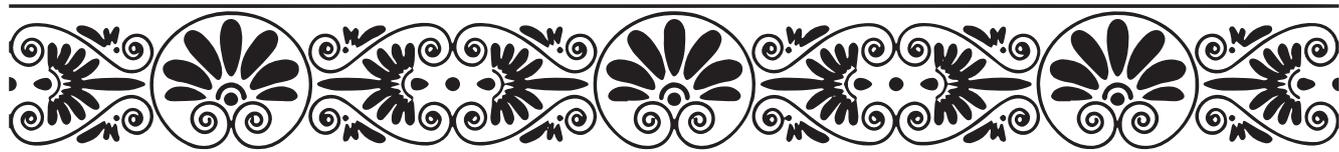

Рис. 5. Фрагмент известняковой плиты с древнегреческой надписью.

Рис. 6. Фрагмент известняковой плиты с надписью Флавия Арриана (Себастополис).

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ФИБУЛЫ-БРОШИ.

Дедюлькин А.В.¹, Зайцев Ю.П.^{2**}

¹ГБУК РО «Новочеркасский музей истории донского казачества
(г. Новочеркасск)

²ГБУ РК «Историко-археологический музей-заповедник «Неаполь Скифский»
(г. Симферополь)

*E-mail:donrumata@inbox.ru

**E-mail:skilur46@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы генезиса и хронологии фибул-брошей эллинистической эпохи. Фибулы-броши из Северного Причерноморья не являются неким местным изобретением, эта традиция была воспринята в готовом виде. И двуйгольный аппарат, и основные разновидности щитков были заимствованы из греческой традиции. Относительная малочисленность находок фибул-брошей в Средиземноморье и на Боспоре обусловлена особенностями погребального обряда. В Северном Причерноморье броши получили распространение в Прикубанье и Крыму. Из Прикубанья происходит серия золотых брошей, большинство из которых является статусными «варварскими» подражаниями. На территории Крыма небольшая серия бронзовых и серебряных фибул-брошей обнаружена в «позднескифских» захоронениях и демонстрирует один из аспектов эллинизации крымских варваров.

Ключевые слова: эллинизм, Северное Причерноморье, Боспор, фибулы-

броши, ювелирные украшения, сарматы, поздние скифы.

Фибулы-броши эллинистической эпохи из Северного Причерноморья неоднократно привлекали внимание исследователей. В данной статье рассматриваются проблемы генезиса и хронологии этих застежек. Относительно происхождения причерноморских брошей высказывались различные версии. М.И. Ростовцев справедливо отметил по поводу полихромных застежек из погребений Азиатского Боспора и Прикубанья, что сложно выделить один центр, где зародилась эта мода, ведь украшения в таком стиле были известны во многих областях эллинистического мира. По мнению исследователя, расцвет новой моды в Пантикапее был обусловлен появлением в Северном Причерноморье номадов, заказчиков подобных украшений, «принесших с собою свой вкус к полихромии из Ирана» (Ростовцев, 1925. С. 578-579). К.Ф. Смирнов указал, что полихромные броши II-I вв. до н.э.

происходят от греческих медальонов IV-III вв. до н.э. и греческих полихромных брошей и пуговиц III в. до н.э. (Смирнов, 1953. С. 29-30). А.К. Амброз поддержал версию К.Ф. Смирнова и отметил, что распространение брошей за пределами боспорских городов является свидетельством эллинизации варварской элиты (Амброз, 1966. С. 30). Позднее исследователь констатировал, что несмотря на обилие изображений, в Средиземноморье не известно археологических находок брошей. Эту ситуацию А.К. Амброз объяснял особенностями погребального обряда (Амброз, 1984. С. 240). М.И. Максимова как аналогии фибулы-броши из Артюховского кургана привела золотые медальоны из Британского музея, происходившие из Средиземноморья (Максимова, 1979. С. 71, прим. 236). Не все они являлись фибулами, но среди них был и щиток двуугольной броши (Рис. 2. 11), что прямо указано в тексте каталога Ф. Х. Маршалла (Marshall, 1911. P. 231, № 2062). Эта брошь была куплена в 1872 г. у А. Кастеллани¹. И.И. Марченко принял версию К.Ф. Смирнова и А.К. Амброза о происхождении брошей II-I вв. до н.э. от греческих застежек IV-III вв. до н.э. (Марченко, 1996. С. 31-32). Наиболее подробно фибулы-броши рассматривал М.Ю. Трейстер (Treister, 2002; Мордвинцева, Трейстер, 2007. С. 131-135). Исследователь отметил, что двуугольные фибулы-броши являются боспорским изобретением, а прототипом для двуугольного аппарата стали булав-

ки т.н. «иллирийского типа» (Рис. 1. 3, 4, 10), распространенные в Македонии и Северной Греции (Treister, 2002. P. 31). В.И. Мордвинцева справедливо указала, что форма аппарата застежки не столь важна для характеристики фибулы-броши, поскольку однотипные щитки могли снабжаться различными аппаратами (Мордвинцева, Хачатурова, Юрченко, 2010. С. 32). Такой подход представляется вполне логичным, поскольку для владельца броши важным был декор щитка, а не форма крепления. Квалификация мастера, необходимая для создания драгоценного щитка, несопоставима с квалификацией, требующейся для изготовления игольного аппарата.

В.В. Кропотов усомнился в правомерности датировки фибулы-броши из Зеленского кургана III в. до н.э. по причине отсутствия аналогий в комплексах раннеэллинистического времени. Исследователь отметил, что в Греции фибулы вышли из моды с началом архаического времени и их заменили другие типы застежек. Появление боспорских фибул-брошей по мнению В.В. Кропотова было вызвано приходом в Северное Причерноморье ранних сарматов, воспринявших фибулы из латенизированных культур, а брошь из Зеленского кургана является доработанным во II в. до н.э. старым украшением (Кропотов, 2010. С. 16, 285-287). А.В. Симоненко тоже высказался в пользу датировки II в. до н.э. погребения В Зеленского кургана. По мнению исследователя, фибулы-броши

¹ М.Ю. Трейстер справедливо отметил, что нет никаких данных о происхождении этой броши (Treister, 2002. P. 30). Остальные предметы, купленные у А. Кастеллани, происходят из Средиземноморья.

неизвестны ранее II в. до н.э., «застежки диадем»¹ в форме Гераклова узла характерны для позднего эллинизма, а «дорогая» пелика из погребения могла долго использоваться варварами (Симоненко, 2015. С. 261-262). Безотносительно этнической принадлежности обладателя золотой броши, он вряд ли бережно хранил чернолаковую пелику, стоившую несколько оболгов. Вполне вероятно, что воин из погребения В Зеленского кургана не являлся варваром. Также обособленно от городских некрополей расположены курганы Васюринской горы с гробницей македонского типа. Буерова могила находится в 6 км от Фанагории, но относится к ее некрополю (Ворошилов и др., 2016. С. 163).

В версии В.В. Кропотова странным выглядит появление на Боспоре, где по мнению исследователя практически не использовались фибулы, нового двуигольного аппарата. В такой ситуации логично было бы ожидать появления греческих медальонов и брошей, дополненных фибулами латенского круга, подобных застежкам из некрополя Беляуса (Рис. 3. 6-7), или Месембрии (Рис. 4. 2).

Версию М.Ю. Трейстера можно было бы принять, предположив, что выбор фибулы «иллирийского» типа для броши был обусловлен происхождением мастера, приехавшего на Боспор из одного из городов Северной Греции или Македонии. Но совершенно не обязательно, что украшенная камнями и эмалью за-

стежка из Зеленского кургана была изготовлена на Боспоре, поскольку в Средиземноморье тоже известны двуигольные броши. В кладе серебряной посуды из Моргантины есть щиток двуигольной фибулы-броши (Рис. 2. 14). П. Дж. Гуццо назвал этот предмет «маленьким блюдом», но его размеры, форма, декор, а также наличие петли для иглы и двойного приемника (Guzzo, 2003. P. 63) не оставляют никаких сомнений в том, что это щиток броши. Золотой щиток с двуигольным приемником происходит из галатской гробницы в Хыдырхышлар² (Рис. 2. 15), погребальная модель двуигольной броши из тонкой золотой фольги была найдена в гробнице в Патрах в Ахайе (Рис. 4. 4; Παλαποστόλου, 1984. Σ. 366, Πιv. 113 δ-ε). Брошь из Моргантины датируется временем не позднее последней четверти III в. до н.э., поскольку клад серебряной посуды был спрятан перед взятием города римлянами в 211 г. до н.э. (Stone, 2014. P. 458-461). В дополнение к немногочисленным двуигольным брошам из Средиземноморья необходимо учесть и серию двуигольных фибул III-II вв. до н.э. из северо-западной Македонии и Иллирии (Рис. 2. 13; Битракова-Грозданова, 1987. С. 77-78, Т. 5. 4-8). Эти фибулы появляются во второй половине III в. до н.э., судя находкам из некрополя Диррахия (Albanien..., 1988. S. 369, Kat. 281), из погребения 143 некрополя Лихнида (Guštin, Kuzman, Preložnik, 2014. P. 96).

¹ Вероятно, речь идет о центральных декоративных элементах диадем, застегивающихся на затылке. В погребении В Зеленского кургана не было диадемы, а небольшой Гераклов узел украшал золотой венчик.

² М.Ю. Трейстер с осторожностью отнесся к атрибуции М. Пфроммером этого предмета в качестве фибулы (Treister, 2002. P. 30). Судя по характерному двойному приемнику (Рис. 2. 15), атрибуция М. Пфроммера (Pfrommer, 1990. S. 238, Fußnote 1814) вполне корректна.

Очевидно, что прав был А.К. Амброз и малочисленность двуугольных брошей в Средиземноморье обусловлена особенностями погребального обряда, их выборка в известной степени случайна и не иллюстрирует реальное распространение тех или иных типов застежек. Вряд ли Пантикапей был законодателем мод для эллинистического Средиземноморья. Действительно, в IV в. до н.э. среди археологических находок в Греции и Македонии преобладают фибулы других типов (Рис. 1. 3-4, 10). В то же время на многих изображениях мужские плащи застегнуты именно при помощи брошей, с выпуклыми круглыми щитками, по форме близкими фибуле из Зеленского кургана (Рис. 1. 5-8). Фибула-брошь аналогичной формы была найдена в богатом погребении 24 в Вани, надежно датируемом IV в. до н.э. (Рис. 1. 9). Щиток украшен в традициях ювелирного искусства Колхиды, но никаких аналогий по форме и конструкции среди местных украшений не имеет, как отмечается в публикации. Несомненно, что это работа колхского ювелира по греческим образцам (Качарава, 2015. С. 252). Таким образом, застежка из Зеленского кургана не является каким-то уникальным феноменом, а продолжает традицию, появившуюся еще в VII–VI в. до н. э., именно этим временем датируются ранние фибулы-броши. В святилище на острове Кифн найдены разные фибулы-броши: с круглым щитком; с фигурным, в форме сдвоенных пальметт; с прямоугольным, с изображением льва (Рис. 1. 1-2; Koukoulidou et al., 2016. P. 205–206, fig. 42, 43, 45). Появление на брошах двууголь-

ного аппарата относится к III в. до н.э. Очевидно, что брошь из Зеленского кургана не является переделанным старым украшением, как представляется В.В. Кропотову. Щитки подобных драгоценных фибул должны были делать искусные ювелиры. На тыльную сторону медальона в зависимости от его предназначения можно было припаять необходимое крепление: иглу, трубочки для подвешивания в качестве периаммы или центральную петельку (Рис. 2. 7-10). Щиток фибулы из Зеленского кургана вполне можно рассматривать вместе с медальонами периамм с похожей композицией декоративных элементов (Рис. 2. 8, 9). Периамма из кургана Аморетти (Рис. 2. 8) и медальон с центральной петлей из погребения, исследованного в 1838 г. возле Карантинного шоссе (Рис. 2. 10) надежно датируются второй половиной III в. до н.э. В погребении, исследованном в 1838 г., помимо сосудов, украшенных в технике West Slope, был найден и тетрагалк Левкона II (Рис. 1. 5-6). Фибула-брошь из Зеленского кургана была создана не позднее второй половины III в. до н.э. Фибулы-броши II–I вв. до н.э. либо выполнены гораздо грубее (Рис. 2. 12), либо демонстрируют совсем иную стилистику декора (Рис. 2. 16). Примечательно, что игла броши из Зеленского кургана отличается от булавок с М-образной головкой из богатых погребений IV в. до н.э. (Рис. 1. 3-4, 10). Наиболее близкая форма у булавок типа III классификации Р. Васича (Рис. 2. 1-2; Vasić, 1982. Abb. 5). Сложно сказать, чем обусловлена эта особенность. Игольный аппарат не было видно за медальоном,

а крепить к щитку проще булавку типа III, нежели булавку с M-образной головкой. Кроме того, одна форма очень легко трансформируется в другую (Рис. 2. 4), поэтому форма иглы, сходная с булавками типа III, могла появиться случайно.

М.И. Максимова предположила, что упоминаемая в делосском инвентарном списке 155/154 гг. до н.э. $\rho\alpha\rho\lambda\iota\omicron\nu\ \acute{\alpha}\sigma\tau\iota\delta\iota\sigma\kappa\eta$ (букв. «застежка/булавка со щитком») (ID 1417 A, Col. II, ll. 162) является булавкой с подвесным медальоном (Максимова, 1979. С. 50). Но слово $\rho\alpha\rho\lambda\iota\omicron\nu$ может обозначать как обычную булавку, так и фибулу. Вполне вероятно, что речь идет именно о фибуле-броши, которая своей формой и выраженным ободом воспроизводит круглый щит- $\acute{\alpha}\sigma\tau\iota\varsigma$. Изображения в центральной части таких медальонов размещаются там же, где эпиграмма настоящего щита. Сходство декора обода броши из Зеленского кургана и парадного щита из гробницы II Большого кургана в Вергине отметил и М.Ю. Трейстер (Treister, 2002. Р. 31). В надписи из Летоона застежки перечисляются вместе с вооружением и воинскими головными уборами, каусией и петасом. К. Ле Руа совершенно справедливо предположил, что в данном случае фибулы ассоциируются с мужскими воинскими плащами, хламидами (Le Roy, 1986. Р. 293-294).

В.И. Мордвинцева отметила, что все разновидности брошей из Северного Причерноморья имеют прототипы в греческой ювелирной традиции (Мордвинцева, Хачатурова. Юрченко, 2010. С. 32). Греческими по происхождению были как круглые броши в форме гоплитского щита, так и ромбовидные (Рис. 2. 17),

и броши в форме щитов-фиреев (Рис. 4. 1, 2, 4). Помимо застежек, восходящих к греческим образцам, известны примеры адаптации фибул-брошей к варварским вкусам. Например, в сарматском погребении кургана I у с. Васильевки была найдена двуугольная брошь с золотой бляшкой-пуговицей, украшенной в зверином стиле, вторично использованной в качестве щитка (Рис. 4. 10; Михлин, 1975. С. 189-190. Рис. 2.1).

В Северном Причерноморье фибулы-броши получили распространение в двух регионах. В Прикубанье известна довольно многочисленная серия золотых брошей из комплексов II-I вв. до н.э., большинство из которых является статусными «варварскими» подражаниями. Они подробно рассматривались М.Ю. Трейстером и В.И. Мордвинцевой (Treister, 2002; Мордвинцева, Трейстер, 2007. С. 131-135; Мордвинцева, Хачатурова, Юрченко, 2010. С. 29-35).

Среди крымских древностей-несмотря на их относительно хорошую изученность-фибул-брошей известно сравнительно немного, однако их специфика и распределение по памятникам показательны и представляют определенный интерес. Так, в греческих городах (в том числе Европейского Боспора) они пока не известны, а на «варварских» территориях Крыма зафиксированы только в шести пунктах.

Некрополь Беляуса: среди представительной коллекции фибул обращают на себя внимание броши нескольких разновидностей:

- с двуугольным аппаратом и кольцевидным уплощенным щитком из скле-

пов-катакомб №№ 31, 38, 119 (Рис. 4. 9; Михлин, 1980. Рис. 8. 1-3).

– с рельефным изображением всадника на щитке из склепа-катакомбы № 90, игольный аппарат не сохранился (Рис. 3. 5; Дашевская, Михлин, 1983. Рис. 5. 14).

– с двуигольным аппаратом и несохранившимися щитками из склепов-катакомб №№ 5, 53 (Михлин, 1980. Рис. 8. 4, 6).

– серебряные чеканные броши с изображением греческих божеств (Рис. 3. 6, 7), снабженные одноигольным аппаратом (Михлин, 1980. Рис. 9. 1; Дашевская, Михлин, 1983. Рис. 5. 15а; 9. 6).

Неаполь Скифский: мавзолей и Восточный некрополь. В мавзолее у центральных крепостных ворот найдено три фибулы-броши с двуигольными аппаратами. Золотой экземпляр с ромбовидным щитком (Рис. 2. 17) является греческим ювелирным изделием высокого качества (Шульц, 1953. Табл. V,13; Погребова, 1961. С.156, рис. 6,10; Зайцев, 2001. Рис. 5. 6,12)

Вторая застежка из каменной гробницы (известная по полевой зарисовке) – с погрудным антропоморфным изображением на круглом бронзовом щитке (Рис. 3.3; Зайцев, 2001. Рис. 6. 14; Зайцев, 2003. Рис. 80. 5).

Круглая брошь с массивным щитком, на котором в высоком рельефе представлен бюст Артемиды (саркофаг XIII), своеобразна (Рис. 3. 2). Весьма вероятно, что это вторично использованный медальон серебряной эллинистической чаши (Шульц, 1953. Табл. XV, 5; Погребова, 1961. Рис. 24, 9). На это могут указывать значительная толщина предмета,

высокий рельеф, а также факт довольно грубого и не вполне симметричного закрепления игольного аппарата при помощи сквозных заклепок. В качестве опосредованной аналогии этой застежке можно привести серебряный щиток фибулы-броши с изображением Артемиды, найденный в Бучине (древние Алкомены) в Македонии (Рис. 3.1; *Битракова-Грозданова*, 1987. С. 143-144. Т. I. 2)

Среди находок из раскопок Восточного некрополя Неаполя Скифского необходимо упомянуть четыре бронзовых броши с двуигольным аппаратом:

– овальную в виде щита-фирея с изображением стилизованного керавна (Рис. 4. 3, склеп-катакомба № 34).

– многоугольную неправильной формы, с рельефным изображением горгонейона (Рис. 4. 5, склеп-катакомба № 37; Сымонович, 1983. Табл. XXV,22).

– овальную с неразборчивым рельефным изображением, окруженным пуансонным орнаментом и полусферическими выпуклостями (Рис. 4. 6; склеп-катакомба № 34, погр. 1)

– круглый щиток с чеканным изображением скачущего всадника (Рис. 3. 4; склеп-катакомба № 40/1978).

Двуигольный аппарат несохранившейся броши также происходит из коллективного склепа-катакомбы № 4 (Сымонович, 1983. Табл. XXV,23).

Все неапольские экземпляры по контексту могут быть датированы в рамках второй половины II-I вв. до н.э., однако комплексы с упомянутыми фибулами из мавзолея относятся к более узкому отрезку времени – конец II – начало I вв. до н.э.

Тавельский курган № 2, коллективное погребение в каменной гробнице. Среди многочисленного инвентаря широкого хронологического диапазона (V-IV вв. до н.э., II в. до н.э. – I-II вв. н.э.) необходимо упомянуть аналогичную беляусской и неапольской бронзовую фибулу-брошь с двуугольным аппаратом и рельефным изображением всадника на щитке (Дашевская, 1991. Табл. 65,3).

4. Ногайчинский курган, погребение 18. В богатейшем женском погребении середины I в. до н.э. было найдено скульптурное изображение дельфина из горного хрусталя и золота, снабженное железным двуугольным аппаратом (Рис. 2. 18; Зайцев, Мордвинцева 2003: рис. 6. 3; 15. 3). Несомненно, что эта фибула относится к шедеврам ювелирного искусства позднеэллинистического времени и могла происходить из сокровищницы царского ранга (Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 294-296). Эллинистические броши со сложными щитками в виде объемных изображений редки. В качестве примера такой фибулы можно привести золотую брошь в форме якоря на мозаике из Тмуиса (Рис. 2.19).

5. Некрополь Левадки. Из коллективного склепа-катакомбы № 18 происходит своеобразная фибула-брошь с круглым бронзовым щитком, украшенным геометрическим орнаментом, и игольным аппаратом раннелатенской конструкции (Рис. 4. 7; Храпунов, Мульд, 2004, Рис. 12. 17; Кропотов, 2010, Рис. 17. 3).

6. Святилище на перевале Гурзуфское Седло. Из культурного слоя памятника

происходят два бронзовых двуугольных аппарата с утраченными щитками (Новиченкова, 2000. Рис. 1. 7, 8).

Таким образом, крымские находки демонстрируют довольно ограниченное распространение фибул-брошей в «позднескифской» среде. Как видно, большинство их найдено в захоронениях наиболее эллинизированных населенных пунктов (Неаполь Скифский и Беляус), не отличалось особой роскошью и служило элементом костюма как знати, так и средних слоев населения. Драгоценные высокохудожественные изделия из каменной гробницы мавзолея Неаполя Скифского и Ногайчинского кургана отражают высокий статус их хозяев. Большинство серебряных и бронзовых фибул с чеканными изображениями божеств, керамна, горгонейонов несомненно восходят к греческой традиции или выполнены по греческим образцам.

Фибулы-броши из Северного Причерноморья не являются неким местным изобретением, эта традиция была воспринята в готовом виде. И двуугольный аппарат, и основные разновидности щитков брошей были заимствованы из греческой традиции. Судя по находке из Вани, не позднее IV в. до н.э. появляются фибулы-броши с выпуклым щитком, похожим на гоплитский щит. Броши с двуугольным аппаратом появляются не позднее III в. до н.э. Полностью справедлив вывод А.К. Амброза, что распространение фибул-брошей среди варварской элиты было связано с эллинизацией.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.
2. Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР. Археология СССР. САИ Д1-30. М.: 1966. 142 с.
3. Амброз А.К. Фибулы// Античные государства Северного Причерноморья. М: Наука, 1984. С. 240-241.
4. Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М., Жуковский М. О., Кузнецов В. Д. Курган Боюр-Гора (Буерова могила) — усыпальница элиты столицы Азиатского Боспора// Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2016 г.). СПб. 2016.
5. Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму // САИ. Вып. Д1-7. М.: Наука, 1991. 141 с.
6. Дашевская О. Д., Михлин Б. Ю. Четыре комплекса с фибулами из Беляусского могильника // СА. 1983. №3. С. 129-147.
7. Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в императорском музее Эрмитажа. СПб. Том 3. Атлас: LXXXVI таблиц; 5 с. чертежей и планов; 2 л. карт. 1854.
8. Ашик А.Б. О вновь найденных древностях близ Керчи. Донесение директора Керченского музея от 29 октября 1838 года// Журнал Министерства внутренних дел. 1839. № 1. С. 60-90.
9. Битракова-Грозданова В. Споменици од хеленистичкиот период во СР Македонија. Скопје, 1987. 328 с.
10. Домарадски М. Келтите на Балканския полуостров, IV—I в. пр.н.е. София: Наука и искусство, 1984.
11. Зайцев Ю. П. Мавзолей царя Скилура: факты и комментарии// Поздние скифы Крыма. Отв. ред. И.И. Гущина, Д.В. Журавлев. Труды ГИМ. Вып. 118. М., 2001. С. 13-58.
12. Зайцев Ю. П. Неаполь скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). Симферополь: Универсум, 2003. 212 с.
13. Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. «Ногайчинский» курган в степном Крыму // ВДИ. 2003. №3. С. 61-99.
14. Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. «Царица» из Ногайчинского кургана: возможности исторических реконструкций// Боспорский феномен. Проблемы хронологии и датировки памятников. Ред. М.Ю. Вахтина, В. Ю. Зуев, С. В. Кашаев, О. Ю. Соколова, В. А. Хршановский. Т. 2. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2004. С. 290-297.
15. Калашник Ю.П. Греческое золото в собрании Эрмитажа: Памятники античного ювелирного искусства из Северного Причерноморья. СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2014. 280 с.
16. Качарава Д. Новые находки из Ванского городища// С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова. Отв. ред. Д.В. Журавлев. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 2015. С. 247-253.
17. Книпович Т.Н. К вопросу о торговых сношениях античных колоний северного Причерноморья в эпоху эллинизма// СА, Вып. XI. 1949. С. 271-284.
18. Кропотков В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДФ-Украина, 2010. 386 с.
19. Максимова М. И. Артюховский курган. Л.: Искусство. 1979. 152 с.
20. Марченко И.И. Сираки Кубани. Краснодар, 1996.
21. Михлин Ю.Б. Сарматское погребение на Южном Донбассе// СА. 1975. № 4. С. 185-192.
22. Михлин Б. Ю. Фибулы Беляусского могильника// СА. 1980. №3. С. 194-213.
23. Мордвинцева В. И., Трейстер М.Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье 2 в. до н.э. – 2 в.н.э. Т. 1: Текст. Симф.; Бонн: Тарпан, 2007.

25. Мордвинцева В. И., Хачатурова Е. А., Юрченко Т. В. Сокровища древней Кубани. Симферополь; Краснодар: Универсум, 2010. 448 с.
26. Неверов О.Я. Глиптика// Античное наследие Кубани. Т. 3. М.: 2010. С. 264-275.
27. Новиченкова Н. Г. Фибулы из святилища у перевала Гурзуфское Седло// РА. 2000. №1. С. 154-166.
28. Погребова Н. Н. Погребения в Мавзолее Неаполя Скифского //МИА. 1961. № 96.
29. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л.: 1925. 622 с.
30. Симоненко А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья (издание 2-е). Киев. 2015.
31. Смирнов К.Ф. *Северский курган*. Труды Государственного Исторического Музея. Памятники культуры. Выпуск XI. М: Культурно-просветительная литература. 1953. 54 с.
32. Сымонович Э. А. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя скифского). К.: Наукова думка, 1983. 173 с.
33. Храпунов И. Н., Мульд С. А. Катакомбы из могильников Фонтаны и Левадки в связи с происхождением позднескифской культуры// Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XIV. М. – Магнитогорск, 2004. С. 239-269.
34. Шульц П. Н. Мавзолей Неаполя Скифского. М.: Искусство, 1953. 88 с.
35. Παπαποστόλου Ι.Α. Ελληνιστικοί τάφοι Πάτρας ΙΙ// Αρχαιολογικόν Δελτίον, 33, 1984. Σ. 354-385.
36. Albanien. Schätze aus dem Land der Skiptaren. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 1988. 476 s.
37. Firatli N. Two Galatian Tumuli in the Vicinity of Bolu// American Journal of Archaeology, Vol. 69, No. 4 (Oct., 1965), pp. 365-367.
38. Guštin M., Kuzman P., Preložnik A. Celtic Helmets from Hellenistic Necropolises at Ohrid // The Clash of Cultures? The Celts and the Macedonian World. Schriften des Kelten-Römer-Museums Manching 9 / Ed. M. Guštin, W. David. Manching. 2014. Pp. 53–67. (In print).
39. Guzzo P. J. A Group of Hellenistic Silver Objects in the Metropolitan Museum// Metropolitan Museum Journal. 38. 2003.
40. Kacharava D., Kvirkvelia G. *Recent Archaeological Finds on the Upper Terrace of the Vani Site*// Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2009. Vol. 14, iss. 3–4. Pp. 237-315.
41. Kottaridi A. Aigai, the Royal Metropolis of the Macedonians. Athens: Olkos, 2013. 369 p.
42. Koukoulidou Ch., Mazarakis Ainian A., Papadopoulou Z., Theodoropoulou T., Touloumtzidou A., Varvarinou-Vai D., Zimi E. Small finds from the sanctuary of Kythnos// Les sanctuaires archaïques des Cyclades/ Alexandre Mazarakis-Ainian (dir.). Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2017. Pp. 193-256.
43. Le Roy C. *Un règlement religieux au Létôon de Xanthos*// Revue Archéologique, Nouvelle Série, Fasc. 2 (1986), pp. 279-300.
44. Lilibaki-Akamati M., Akamatis I.M., Chrysostomou An., Chrysostomou P. The
45. Archaeological Museum of Pella. Athens: Olkos, 2011. 403 p.
46. *Makedonen, die Griechen des Nordens*: Sonderausstellung 11.3.1994-19.6.1994, Forum des Landesmuseums Hannover. Vokotopoulou I. (Hrsg.). Athen: Editionen Kapon, 1994. 279 s.
47. Marshall F.H. Catalogue of the Jewellery, Greek, Roman and Etruscan in the Department of Greek and Roman Antiquities, *British Museum*, London. 1911.
48. Miller S.G. *Two groups of Thessalian gold*. Berkeley: University of California Press, 1979. 78 p.
49. Miller S.G. *An elaborate pin of Illyrian type from Thessaly*// Antike Kunst, 1986, 29. Jahrg., H. 1. Pp. 37-42.

50. Stone S.C. *Morgantina Studies, Volume VI: The Hellenistic and Roman Fine Pottery*. Princeton. 2014.
51. Treister M.Y. Late Hellenistic Bosporan Polychrome Style and its Relation to the Jewellery of Roman Syria (Kuban *Brooches* and Related Forms)// *Silk Road Art and Archaeology: Journal of the Institute of Silk Road Studies, Kamakura, Volume 8, 2002*, Pp. 1-44.
52. Vasić R. Ein Beitrag zu den *Doppelnadeln im Balkanraum*// *Præhistorische Zeitschrift. 1982*, Vol 57, Num 2, S. 220-257.

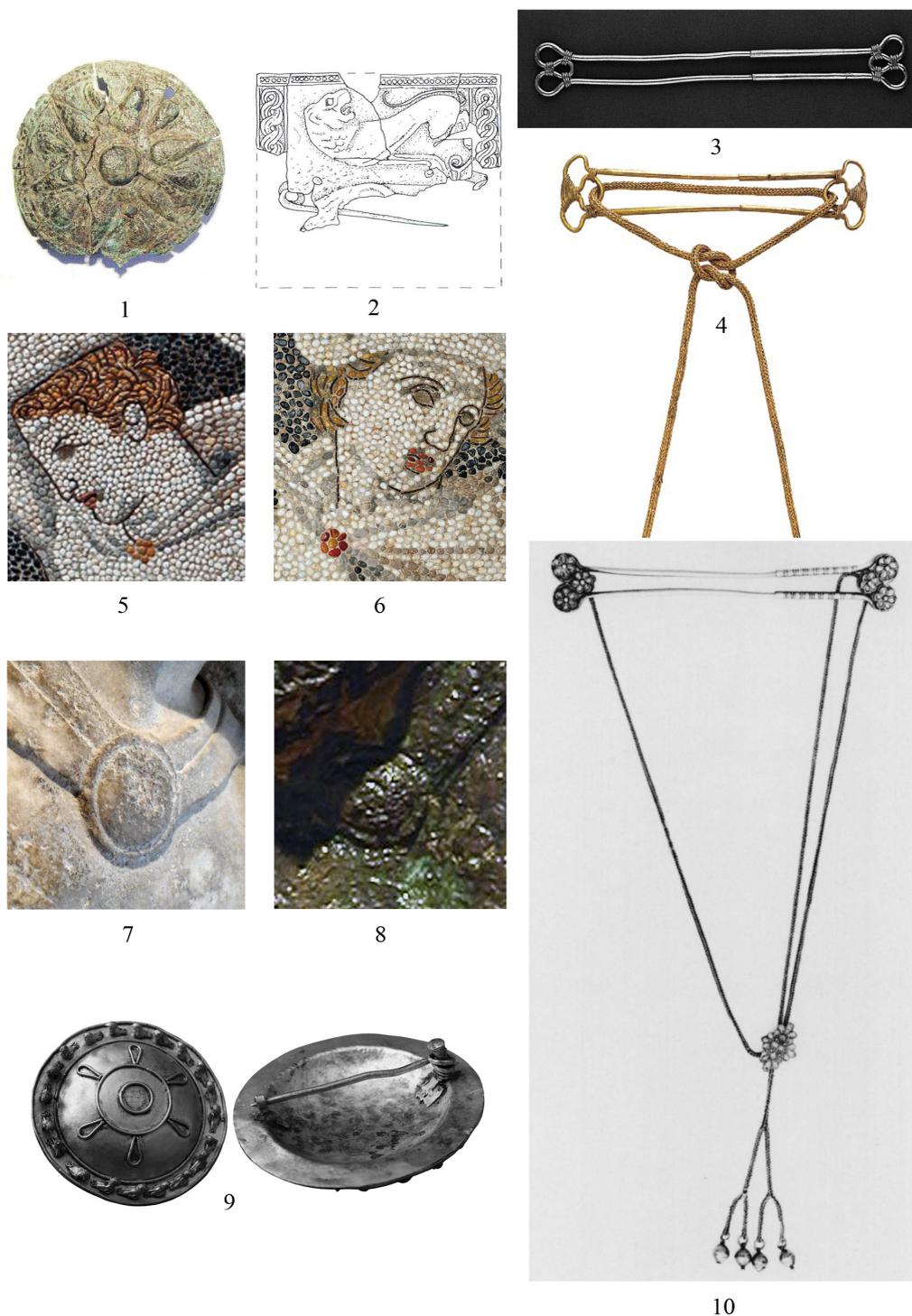

Рис. 1. Генезис эллинистических фибул-брошей. 1-2. Ранние фибулы-броши из святилища на острове Кифн (по Koukoulidou et al., 2017, fig. 43, 45). 3-4, 10. Двойные булавки «иллирийского типа»: 3. Булавка из погребения в Ставруполи, Салоники (по Makedonen... 1994, S. 209). 4. Булавка из Гробницы II Большого кургана в Вергине (по Kottaridi, 2013, p. 267). 5-8. Изображения фибул-брошей: 5-6 – мозаики Пеллы (по Lilibaki-Akamati et al., 2011, p. 142-143), 7 – стела из совхоза «Юбилейный» (фото А.В. Дедюлькина), 8 – кратер из гробницы В в Дервени (по Wikimedia Commons). 9. Фибула-брошь из погребения 24 в Вани (по Kacharava, Kvirkvelia, 2009, Fig. 45b). 10. Булавка из погребения в Кранноне в Фессалии (по Miller, 1986, Pl. 5. 2).

Рис. 2. Эллинистические фибулы-броши и материалы, важные для их хронологии. 1-3. Игла броши из погребения В Зеленского кургана (по Treister, 2002, Pl. I. 2), и ее аналогии. 4. Экспериментальное моделирование иглы (фото А.В. Дедюлькина). 5-6. Датирующие материалы из погребения, исследованного в 1838 г. возле Карантинного шоссе (по Книпович, 1949, рис. 4.3; Ашик, 1839, рис. III. 3). 7. Брошь из погребения В Зеленского кургана (по Неверов, 2010, рис. 11). 8. Медальон периаммы из кургана Аморетти (по Калашник, 2014, с. 226). 9. Медальон периаммы, хранящийся в музее Фитцвильяма (по Miller, 1979, Pl. 6.e). 10. Медальон с центральной петлей из погребения, исследованного в 1838 г. возле Карантинного шоссе (ДБК, 1854, Т. 3, Табл. XXIII. 13). 11. Брошь из Британского музея (№ 1872,0604.742), купленная у А. Кастеллани (по <https://research.britishmuseum.org>). 12. Брошь из кургана у хут. Элитный (по Мордвинцева, Хачатурова, Юрченко, 2010, Цв. табл. 8. 604). 13. Двугильная фибула из некрополя Диррахия (по Albanien..., 1988. S. 369, Kat. 281). 14. Щиток броши из Моргантины (по Guzzo, 2003. P. 63). 15. Щиток броши из гробницы в Хыдырхышлар (по Firatli, 1965, Fig. 6). 16. Брошь из гробницы II Артюховского кургана (по Максимова, 1979, рис. 20). 17. Брошь из каменной гробницы мавзолея в Неаполе Скифском (фото Ю.П. Зайцева). 18. Брошь из погребения 18 Ногайчинского кургана (фото Ю.П. Зайцева). 19. Брошь на мозаике из Тмуиса (по Wikimedia Commons).

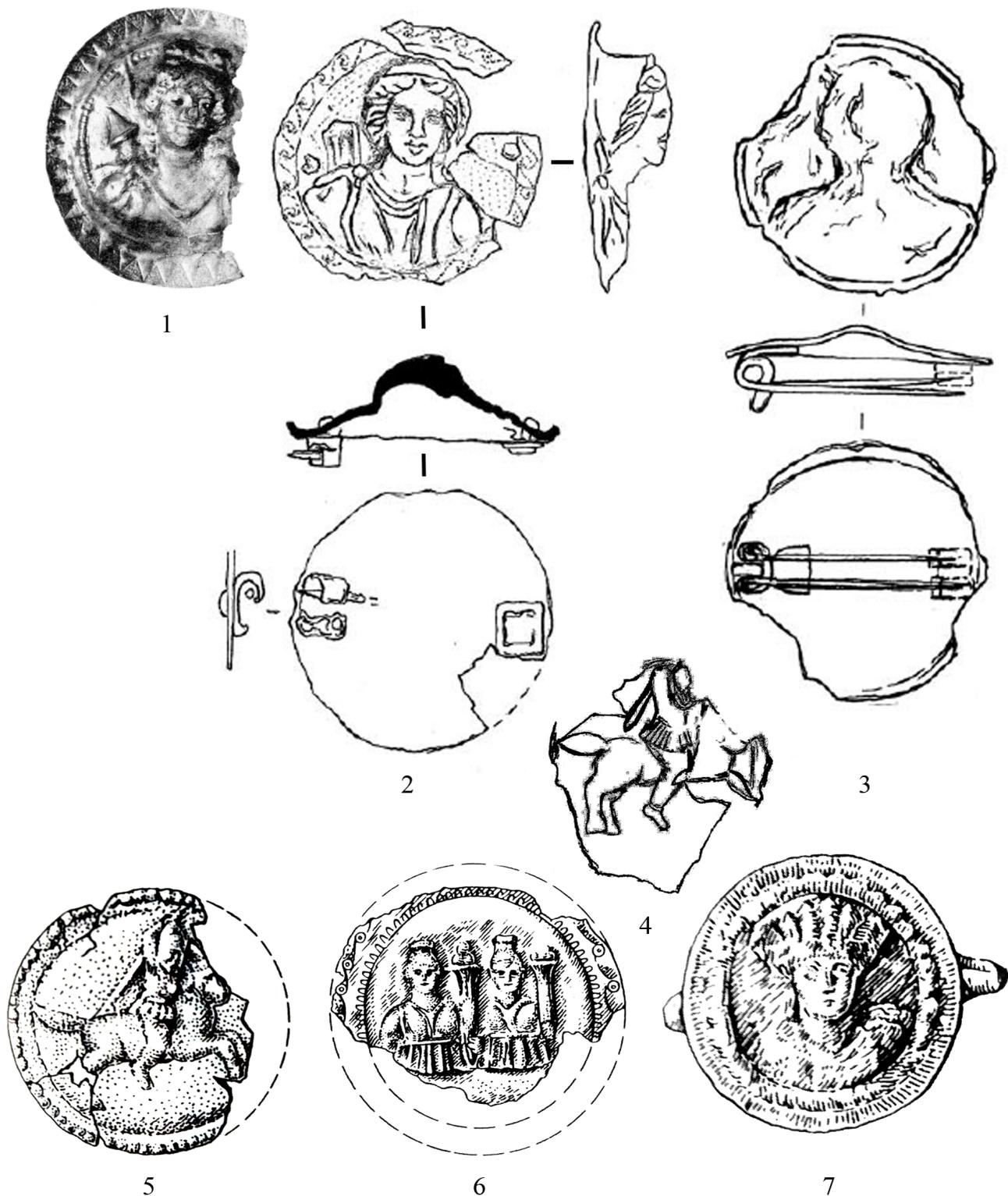

Рис. 3. Фибулы-броши. 1. из Бучина (древние Алкомены) в Македонии (по Битракова-Грозданова, 1987, Т. I. 2). 2-4. из Неаполя Скифского (рисунки Ю.П. Зайцева): 2-3. из мавзолея, 4. из Восточного некрополя. 5-7. из некрополя Беляуса (по Дашевская, Михлин, 1983, рис. 5. 14, 15а; 9. 6).

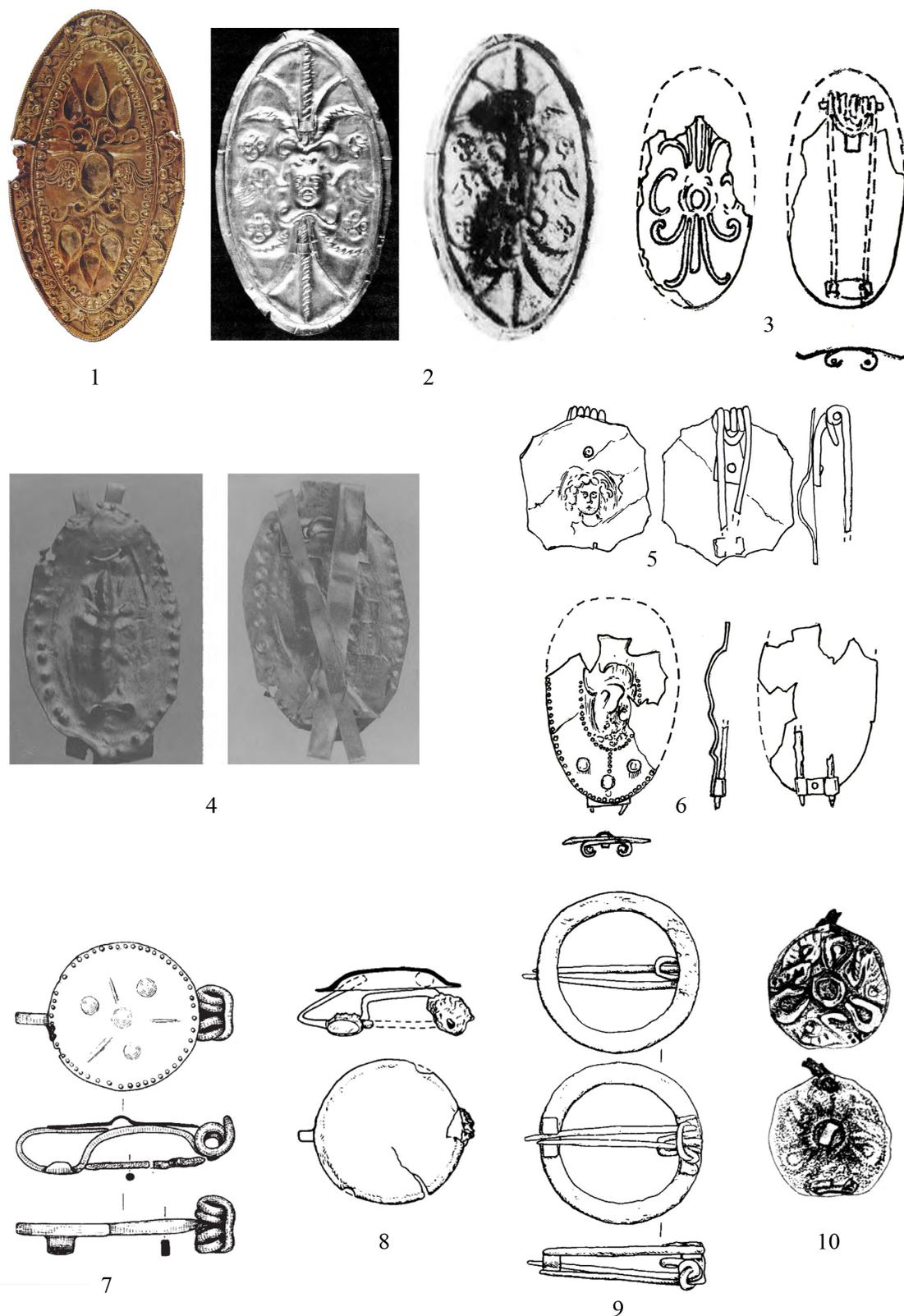

Рис. 4. Фибулы-броши. 1-2. из некрополя Месембрии (по Домарадски, 1984, Обр. 42). 4. из гробницы в Патрах в Ахайе (по Παλαποστόλου, 1984, Πιν. 113 δ-ε). 3, 5, 6. из Восточного некрополя Неаполя Скифского (рисунки Ю.П. Зайцева). 7. из склепа-катакомбы № 18 некрополя Левадки (по Храпунов, Мульд, 2004, Рис. 12. 17). 8-9. из некрополя Беляуса (по Михлин, 1980. Рис. 8. 1, 7). 10. из погребения кургана I у с. Васильевки (по Михлин, 1975, рис. 2.1).

ПАНТЕОН БОЖЕСТВ, КОТОРЫМ ПОКЛОНЯЛИСЬ В ВОЕННОМ ГОСПИТАЛЕ (ВАЛЕТУДИНАРИЙ) В НОВАХ (NOVAE)¹

Р. Dyczek (П. Дычек)

*Центр исследований античности Юго-Восточной Европы
Варшавского государственного университета (г. Варшава)
E-mail: novae@uw.edu.pl*

Новы – римская легионная крепость, в процессе последних исследований которой, были открыты конструкции римского военного госпиталя – валетудинария. В ходе работ детально исследованы принципы строительства и внутреннее устройство больницы. Перед фасадом здания были обнаружены надписи и фрагменты скульптур, поставленные на средства легиона. Возможно, внутренний двор госпиталя был местом поклонения Асклепия и Гигиеи. Открытие этого сооружения имело важное научное значение как для анализа военной архитектуры, истории медицины, так и для лучшего понимания различных аспектов повседневной жизни легионеров

Ключевые слова: Новы, госпиталь, валетудинарий, легионная крепость, культ Асклепия, статуи, алтарь, надпись.

Новы (Novae) – это римская легионная крепость, расположенная на Дунае, в которой с 45 года н.э. дислоцировался

VIII Августов легион, а с 69 года до первой половины V века н.э. I Итальянский легион. Археологи из Института археологии Болгарской академии наук, Варшавского университета и Университета Адама Мицкевича в Познани исследуют стоянку, начиная с шестидесятых годов (Рис. 1). Во время этих многочисленных раскопок было получено очень много информации не только о строительстве легионной крепости, но и об истории самого места, которое, похоже, было уже заселено во времена неолита. Позже на этой территории проживало местное племя мезов, пока оно не было окончательно захвачено римлянами, которые сначала сформировали большую провинцию Мезию, а затем разделили ее на две части: Верхнюю и Нижнюю Мезию.

Причиной такого интенсивного заселения стало удобное расположение на берегах Дуная на наклонном к берегу плато, окруженном с одной стороны рекой, впадающей в Дунай, а с другой –

¹ The projected has been financed with resources provided by the National Science Center, Poland, allotted on the basis of decision DEC 2018/31/B/HS3/02593, ORCID 0000-0001-7011-524X.

глубоким оврагом. Одновременно это точка, где Дунай достигает своей самой южной точки, образуя клин, вдающейся в южный берег, что облегчает переправу через реку. Это стратегическое положение означало, что район был целью многих набегов на протяжении всей своей истории и особенно интенсивных – со второй половины III до VIII в. н.э. Кажется, что первым завоевателем был Александр Македонский, чьи войска достигли Дуная в этом месте, и в то же время, это – самая северная точка его территориальных завоеваний.

В течение многих лет исследований были обнаружены остатки деревянных сооружений, возведенных VIII Августовым легионом, а также каменные сооружения, построенные I Италийским легионом; (Рис. 2) оборонительная стена и ворота, *principia*, *scamnum tribunorum*, бани для легионеров, виллы легата легиона, некрополь и здания, связанные с гражданским периодом до времен с конца III в. н.э., в том числе, самая большая базилика на Балканах (Рис. 3).

Однако на сегодняшний день самым важным событием в Новах было открытие археологами Центра исследований античности Юго-Восточной Европы при Варшавском университете, римского военного госпиталя – валетудинария (Рис. 4) Эти сооружения были уже раньше известны археологам из письменных источников и раскопок. Например, о них упомянул Псевдо-Гигин. Непонятные останки были обнаружены во многих легионных крепостях (von Petrikovits, 1975. С. 98-102). Непонятные, потому что большинство больниц были по-

строены из дерева и были снесены еще а древности времена – остались только следы стен. Самый старый военный госпиталь был открыт в Хальтерн. Он построен из дерева во времена императора Августа. В результате археологических исследований, начатых там в 1927 году, было открыто сооружение размером 80 x 44 м (Stieren, 1928, С. 74). В настоящее время нам известны останки около 30 больниц, в основном, из раскопок, проведенных на античных стоянках вдоль Рейна и Дуная (Press, 1988. С. 69-89). Они также были обнаружены в современной Словении, античной Британии и Северной Африке (Schönberger, 1975. С. 53-55; Johnson, 1987. С. 264. P. 121). Тем не менее, больница, открытая в Новах, отличается сохранностью и размером (Рис. 5). Она занимала площадь почти 6000 м² (81,90 м x 72,90 м). Это – наиболее хорошо сохранившаяся больница из всех, которые до сих пор были обнаружены (Dyczek, 2000. С. 113-128; idem, 2004. С. 159-170; idem, 2005. С. 871-881; idem, 2009. С. 187-197; idem, 2012. С. 103-116).

Валетудинарий в Новах был построен во времена Траяна, непосредственно перед дакийскими войнами. Он был заброшен после смерти императора Максимиана Фракийца в 30-х годах III в. н.э. Следовательно, он непрерывно действовал более 130 лет. В то время в нем были сделаны только незначительные модификации и обновления, основной корпус не был изменен.

Главный вход в валетудинарии в Новах ведет с *via praetoria*. С этой стороны у больницы был наружный портик. Три травеи шириной 5,20 м окружали со всех

сторон просторный двор с внутренним портиком размером 32,60 x 42,40 м с внутренним портиком. Во дворе госпиталя в Новах также были обнаружены резервуары с дождевой водой, сделаны из тегул – по мнению Цельса, лучшей для больных (Celsus De Medicina II 18, 11-3).

Большинство из 94 больничных помещений были расположены в так называемых тройках Коенена (Koennen, 1904. С. 165 ff). Через небольшую прихожую шириной 1,80 м можно было пройти в две квадратные комнаты для больных (5,20 x 5,20 м). Немногие помещения, исключенные из системы троек, выполняли вспомогательные функции. Все археологические данные показывают, что одновременно в госпитале в Новах могло находиться около 300 больных легионеров.

Открытие этого сооружения само по себе имело важное научное значение как для анализа военной архитектуры, истории медицины, так и для лучшего понимания различных аспектов повседневной жизни легионеров. Среди них также была важна религия. В различных легионных сооружениях, в основном *principia*, было обнаружено большое количество надписей, посвященных различным богам. Однако это были только надписи, связанные с официальными церемониями. Храмы этих божеств были за пределами лагеря.

Набор римских божеств, которым поклонялись в различных легионных крепостях, был очень похож. Все они то подчеркивали качества, которыми должен обладать каждый легионер, такие как храбрость, смелость, сила, отождест-

вленные с Марсом или Геркулесом, или в какой-то степени Аполлоном, то олицетворяли абстрактные понятия как Генія покровителя.

Конечно, очень важным, объединявшим всех легионеров, независимо от происхождения или исповедуемой религии, был официальный культ, связанный с императором или, точнее, с его *virtus*, с Капитолийской триадой или культ легионных штандартов: легионного орла, а в случае I Италийского легиона – кабана.

Развивались также культы, значение которых для нас не совсем ясно. Речь идет о культе Либера Патера, который чаще всего ассоциируется с Дионисом и Силванусом. Здесь, однако, отчасти помогает нам история. Так обстоит дело с популярным культом Митры в эпоху Северов. В то время войска I Италийского легиона сражались на востоке, поэтому неудивительно, что эти новые верования, привлекательные из-за обещаний в бессмертие, нашли многочисленных последователей среди легионеров. Мы можем сделать это косвенно, анализируя надгробия ветеранов, очень часто полные митраистской символики того времени: Аттис, сосуды с водой, вороны, жгутики виноградной лозы и т. д., (Рис. 6), которые, между прочим, также вместе со жгутиками плюща, могли быть связаны с культом Диониса. Однако это свидетельствует и о своего рода контактах между различными верованиями, которые содержали аспекты, близкие другим верованиям, например, для Митраизма и Дионисийских культов – бессмертие, перерождение, сила.

Мы думаем, что тот же процесс относится к культу вышеупомянутых Либера Патера и Силвануса.

Особая популярность культа первого из этих божеств известна в эпоху Северов. Так, согласно информации Диона Кассия, во времена Септимия Севера на Квиринале был построен храм Либера Патера и Геркулеса (Cass Dio 76,16,3). Это хорошо вписывалось в общую тенденцию развития духовной жизни и направления религиозного интереса в сторону культов, имеющих отношение к обществу и мистериям.

В этом процессе некоторые ученые ищут генезис популярности культа Либера Патера. В нем можно было найти как элементы дионисийские, так и элементы сообщества, а также аспект «бес-смертия» (Mayor i Olivé, 2009. С. 317-318). Существование дионисийской общины в Мезии подтверждается в надписи, обнаруженной в районе Бутово, датированной 227 годом (CIL III 6150 = 7437 = 12326). Легионер I Италийского легиона был упомянут среди ее членов, а фрагмент мраморной группы, найденный в самой больнице, изображал Диониса с Сатиром (Dyczek, 2009 а. С. 753-762) (Рис. 7).

Конечно, все эти политические и религиозные обстоятельства, несомненно, повлияли на популярность культа среди легионеров. Однако, если в целом посмотреть на авторов надписей, посвященных Либера Патера, можно заметить, что они связаны с военной карьерой. Возможно, Й. Колендо и В. Божилов правы в предположении о связи между поклонением этому богу и символом вла-

сти центуриона – *vitis* (Kolendo, Božilova, 1997. С. 67-68).

Практически в каждом легионе имеются доказательства культа, исповедуемого легионерами. Чаще всего это небольшие фигурки или таблички с изображением периферийных местных божеств. В Новах это связано с фракийским культом, так называемого фракийского всадника (Рис. 8).

Вместе с тем, во время раскопок в валетудинарии в Новах мы получили новые данные, которые в совершенно ином ракурсе ставят проблему религиозной жизни в легионах и во многом опровергают интерпретации, до сих пор применимые к этому вопросу.

Считается, что в пределах легионных крепостей могли находиться небольшие культовые предметы: статуэтки, таблички, небольшие алтари. Также различные божества могли упоминаться на праздниках и церемониях, им приносились жертвы на официальных алтарях. Но, при этом, исключалось нахождение в пределах кастроума храма какого-то божества. Но похоже, что эта концепция возникла больше из нашего современного взгляда на вопросы религиозной жизни, чем соответствовала античной реальности. Считалось, что, учитывая высокую толерантность римлян к другим религиям, создание в крепости одного храма для группы легионеров повлекло бы за собой возведение другого. Это, конечно, было невозможно из-за очень основательного характера легионной крепости, в которой каждый кусок земли был строго закреплен за определенными сооружениями военного характе-

ра. В крепости просто не было места для строительства храмов. И все же ...

На стоянках, где обычно обнаруживают наиболее поврежденные фрагменты военных госпиталей, небольшие конструкции, чаще всего, находились в центре больничного двора, например, в Хальтерне или Виндониссе. Из-за отсутствия каких-либо дополнительных археологических данных были выдвинуты довольно фантастические гипотезы, например, что это была изолированная операционная или морг. В Новах мы открыли истинный характер этих сооружений. Во время археологических исследований во внутреннем дворе, окруженным портиком, были обнаружены остатки небольшого сооружения размером 2,46 x 2,60 м, стоящего на низком возвышении. В здание вели четыре ступени, а у входа стояли две колонны. Форма порога говорит о том, что вход был открыт, разделен только, вероятно всего, низким деревянным барьером. Здание было построено на пересечении двух полос, выложенных перевернутыми тегулами. Эти полосы шириной 6,25 м пересекали больничный двор вдоль осей В-З и С-Ю (Reclaw, Żelazowski, 2008. С. 53-63). На их пересечении, которое находилось перед фасадом здания, были обнаружены надписи и фрагменты скульптур, а также две круглые мраморные менсы. (Рис. 5)

Артефакты, обнаруженные как внутри, так и снаружи этого сооружения, позволили связать его с ранее обнаруженным фрагментом архитрава (Geroy, 1979. С. 223), на котором находилась надпись, посвященная Титу Витразию

Поллиону, легату провинции Нижняя Мезия в 156-158 годах (Kolendo 1992. С. 199-205). После анализа частично сохранившейся надписи, изначально предполагалось, что это была *sacellum*. Однако новый археологический и эпиграфический анализ, проведенный в 2013 году, убедил нас, что это был *templum*, поэтому текст этой надписи теперь выглядит следующим образом: (Рис. 9).

(Templum Aesculapii et Hy)giae leg (I Ital(cia) ex donis)

(dedicatum per T(itum) Vitrasium Pollionem l(eg(atum) Aug(usti) p(ro)pr(aetore),
(Dyczek, Kolendo, 2012. С. 35-46)

Кроме того, как на полу самого *templum*, так и на небольшом расстоянии от него, были обнаружены фрагменты шести скульптур: это мраморная голова Асклепия, мраморная голова и часть драпировки статуи Гигиеи, два фрагмента скульптуры Подалирия, небольшая мраморная статуэтка Гигиеи и статуэтка Исиды, сделанная из разноцветного мрамора, а также небольшая женская статуэтка в мантии с характерно сложенными складками, то есть Эгла – богиня хорошего здоровья (Рис. 10).

Более крупные фрагменты статуи Асклепия Гигиеи и Подалирия подразумевают, что в храме была скульптурная группа целительной триады или группа, изображающая Асклепия и Гигиеи, а также сына Асклепия и нимфу Эпиону.

В классической манере были представлены и Асклепий, и Гигиея, но также и два особых божества: покровитель хирургов и олицетворение хорошего здоровья. Этот комплект создает целостное иконографическое и иконологическое

целое. Это символическое представление всего цикла лечения.

Теперь мы уверены, что внутренний двор госпиталя был местом поклонения Асклепия и Гигиен (Künzl, 2005. С. 55-64). Это можно описать как специфическую форму Асклепиона. Здесь было место обрядов, совершаемых от имени всего легиона, и в то же время – место отправления частного культа пациентов больницы и работающего там медицинского персонала (Ciołek, Dyczek, 2011. С. 21-13).

Площадь перед храмом также была устроена особым образом для культовых целей. Здесь находилась эсхара для совершения жертвы всесожжения, а также ансамбль из 6 памятников: одна база статуи; 5 алтарей, в том числе один со следами букв и один анэпиграфный; (Bunsch, 2003. С. 77-84); фрагменты двух круглых мраморных менс и небольшой композитной капители.

Далее мы остановимся лишь на трех из этих надписей, которые являются существенными для наших выводов.

Наиболее важным был алтарь из известняка с очень тщательно сделанной надписью (Kolendo, 1998, с. 56, р. 1а-с, р. XII 1 а,b): *Aescula/pio sacrum / leg(io) I Ital(ica)*, (Рис. 11). Особо следует отметить две основы серебряных статуй Асклепия и Гигиен с надписями, отредактированными с использованием идентичной формы.

1. Основание статуи Асклепия (Kolendo, 1998. С. 58-60, nr 4, р. 2ab, Pl, XII 2; AE 1998, 1131), изготовленной из серебра, весом 1,774 кг, которую за счет даров поставил от имени всего легиона

легат I Италийский легиона К. Мансуаний Север.

(A)esculapium / ex donis arg(enteum) / p(ondo) V unc(iis) V / C. Mansuanus Severus leg(atu)s Aug(usti) f(aciendum) c(uravit) (Рис. 12).

2. Основание статуи Гигиен (Kolendo, 1985. С. nr 1, р. 1-6; Klendo, Božilova, 1997. С. 55; Kolendo 1998. С. 58, nr. 3)., изготовленной из серебра, весом от 1,514 до 1,556 кг, которую за счет даров поставил от имени всего легиона легат I Италийский легиона, неизвестный из других источников, М. Клодий Лет.

Hygiam / ex donis arg(enteum) / p(ondo) III unc(iis) VII(_ _ _) / M(arcus) Clodius / Laetus leg(atu)s / Aug(usti) f(aciendum) c(uravit).

Что послужило причиной возведения этих двух памятников в честь Эскулапа и Гигиен? Наиболее вероятным является предположение, что был ежегодный (?) или просто нерегулярный обычай выставлять серебряные статуи целебных божеств во внутреннем дворе виллитудинария, который стал местом официального культа Асклепия и Гигиен.

Эти две базы статуй свидетельствуют о существовании в Новах очень специфической формы культа Эскулапа и Гигиен, состоящей в том, чтобы выставлять серебряные статуи, которые были изготовлены *ex donis* – из даров или, как можно судить, из пожертвований солдат всего легиона. Таким образом, в Новах мы имеем дело с особой формой поклонения, при которой все солдаты были отданы под покровительство исцеляющих божеств, организованной легатом легиона. Эта деятельность привлекала

не только всех солдат, которые должны были пожертвовать на возведение памятника, но и легата легиона, который должен был организовать всю церемонию.

Чтобы завершить картину, следует также упомянуть об обустройстве большого двора, где были обнаружены алтари и базы, посвященные другим божествам. Например, Капитолийская триада или Фригийский Сабазий. Конечно, каждому из этих божеств можно приписать определенный медицинский или точнее – трансцендентный характер, сочетающийся с местом их установки, но, в то же время, это указывает на что-то другое. Территория военного госпиталя была своего рода предлогом для некоторых легионеров устанавливать памятники также своим местным божествам или тем, на опеку которых они надеялись. Таким образом, территория валеудинария не только служила асклепионом, но и была своего рода «общим» святили-

щем и для других богов, хотя и под покровительством бога медицины.

Кажется, что таким очень интересным образом римляне решили проблему культов, которые исповедовали легионеры. Здесь не специальный храм, а использовалось существующее здание больницы в качестве основания для создания большого общего культового центра. Такой вывод заставляет нас по-иному взглянуть на вопросы религиозной жизни в легионных крепостях. В то же время это свидетельствует о практичности римлян, их религиозной толерантности, а также о том, что религия или, скорее, разные религии стали элементом, который более тесно связывает легионеров и объединяет их в единое целое. Глядя на современный мир, кажется, что мы должны учиться этому у них, потому что, как оказывается, религии не должны разделять, но могут быть сильным связующим веществом общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bunsch E.* Four small votive altars from the valetudinarium in Novae. Remarks on execution technique // *Novensia*, 14, 2003. P. 77-84.
2. *Ciołek R., Dyczek P.* Novae. Legionary Fortress and Late Antique Town, ed. P. Dyczek. Volume Two. Coins from Sector IV. Warszawa, 2011.
3. *Dyczek P.* Rzymski szpital legionowy w Novae // *Archiwum Historii Filozofii Medycyny*, 63, 2000. P. 113-128.
4. *Dyczek P.* Why the legionary hospital in Novae is unique? // *Ephemeris Dacoromana* NS 12, 2004, fasc. 1. P. 159-170.
5. *Dyczek P.* On the genesis of Roman legionary hospitals // *Limes XIX*, Proceedings of the XIX International Congress of Roman Frontier Studies, Pécs, Hungary, September 2003, Pécs 2005. P. 871-881.
6. *Dyczek P.* On the genesis of Roman legionary hospitals // *Limes XIX*, Proceedings of the XIX International Congress of Roman Frontier Studies, Pécs, Hungary, September 2003, Pécs 2005. P. 871-881.

7. *Dyczek P.* Unikatowy rzymski szpital z twierdzy Legionu I Italskiego, Blisko i daleko // Księga jubileuszowa Instytutu Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa, 2009. P. 187-197.
8. *Dyczek P.* Dionysus from the army hospital of the First Italic Legion in Novae (Moesia Interior). Les ateliers de sculpture régionaux: techniques, styles et iconographie. // Actes du X Colloque International sur L'art Provincial Romain, Arles et Aix-en-Provence, 21-23 Mai 2007, eds. V. Gaggadis-Robin, A. Ermary, M. Reddé, C. Sintes, Arles 2009. P. 753-762.
9. *Dyczek P., Kolendo J.* Archaeological and Epigraphical Sources for the Cult to Asclepius and Hygia in the Army Hospital at Novae // *Archeologia* 51, 2010 (2012). P. 35-46.
10. *Gerov B.* Die Grenzen des römischen Provinz Thracia bis zur Gründung des aurelianischen Dakien // *ANRW*, II 12, 1, 1979.
11. *Johnson A.* Römische Kastelle des 1. und 2. Jahrhunderts n. Chr. in Britannien und in den germanischen Provinzen des Römerreiches. Mainz am Rhein, 1987.
12. *Koenen C.* Beschreibung von Novaesium. *BJb* 111/112, 1904. P. 1-453.
13. *Kolendo J.* Le culte des divinités guérisseuses à Nova à la lumière des inscriptions nouvellement découvertes // *Archeologia*, 33, 1982 (1985). P. 65-72.
14. *Kolendo J. T.* Vitrasius Pollio gouverneur de la Mésie Inférieure et son activité dans cette province // *Studia Aegaea et Balcanica in honorem Lodovicae* Press. Warszawa, 1992. P. 199-205.
15. *Kolendo J.* Inscriptions en l'honneur d'Esculape et d'Hygie du valetudinarium de Novae // *Archeologia*, 49, 1998 (1999). P. 55-71, pl. XII-XIII.
16. *Kolendo J., Božilova V.* Inscriptions grecques et latines de Novae (Mésie Inférieure). Bordeaux 1997.
17. *Künzl E.* Aesculapius im valetudinarium // *Archäologisches Korrespondenzblatt*, 35, 2005. P. 55-64.
18. *Mayer M., Olivé I.* El culto de Liber Pater: culto popular o culto milita? // *L'Armée romaine et la religion sous le Haut-Empire Romain*, (eds. C. Wolff, Y le Bohec). Lyon, 2009. P. 305-308.
19. *Press L.* Valetudinarium at Novae and other Roman Danubian Hospitals // *Archeologia*, 39, 1988. P. 69-89.
20. *Reclaw J., Zelazowski J.* The courtyard pavement of the legionary hospital at Novae: tile stamps // *Archeologia*, 59, 2008. P. 53-63.
21. *Schönberger H.* Kastel Künzig-Quintana. Berlin, 1975.
22. *Stieren A.* Die neuen Grabungen in Haltern // *Germania*, 12, 1928. P. 70 – 76.
23. *Von Petrikovits, H.* Die Innenbaum römischer Legionslager während der Prinzipatzeit. Opladen, 1975.

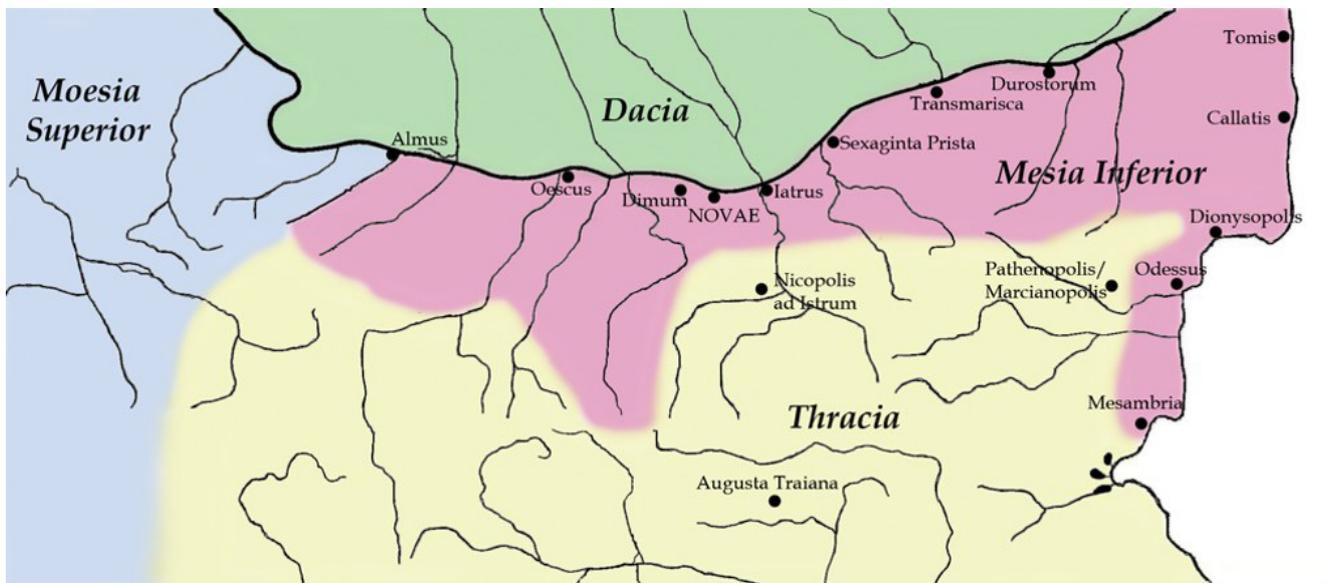

Рис. 1. Карта провинции Нижняя Мезия с отмеченной крепостью Новы. П. Дычек.

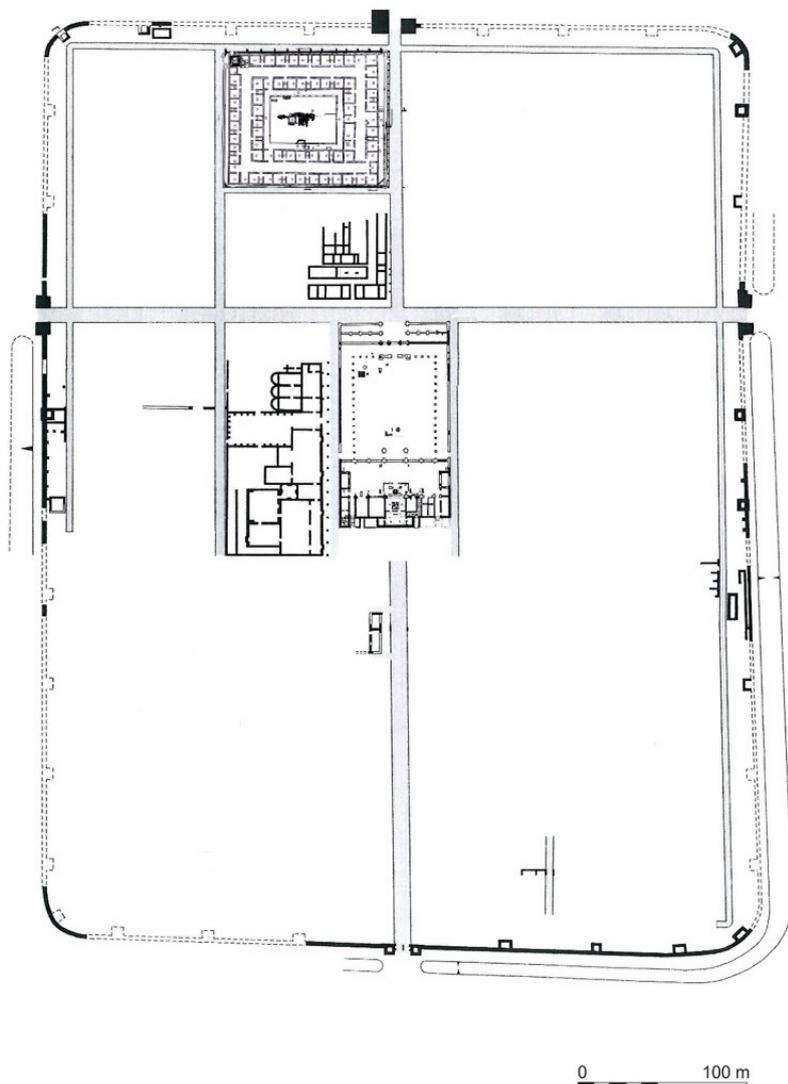

Рис. 2. План лагеря I
Италийского легиона I – III в.
н.э. П. Дычек.

Рис. 3. Ортофотографическое изображение крепости в Новых. М. Лемке.

Рис. 4. Ортофотографическое изображение госпиталя в Новых. М. Пиш.

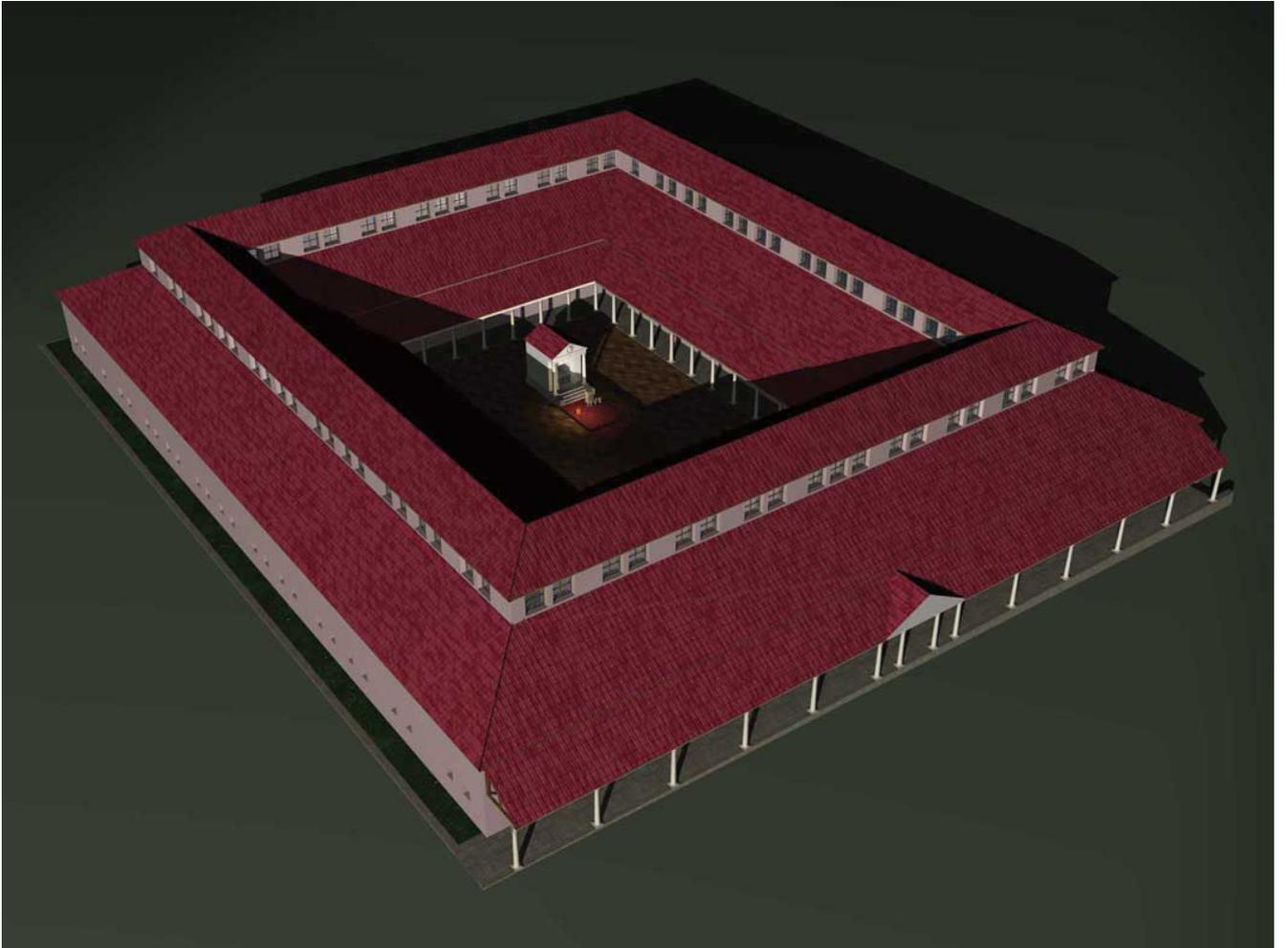

Рис. 5. 3D-реконструкция валетудинария

Рис. 6. Митраистские мотивы на надгробиях в Новах. П. Дычек.

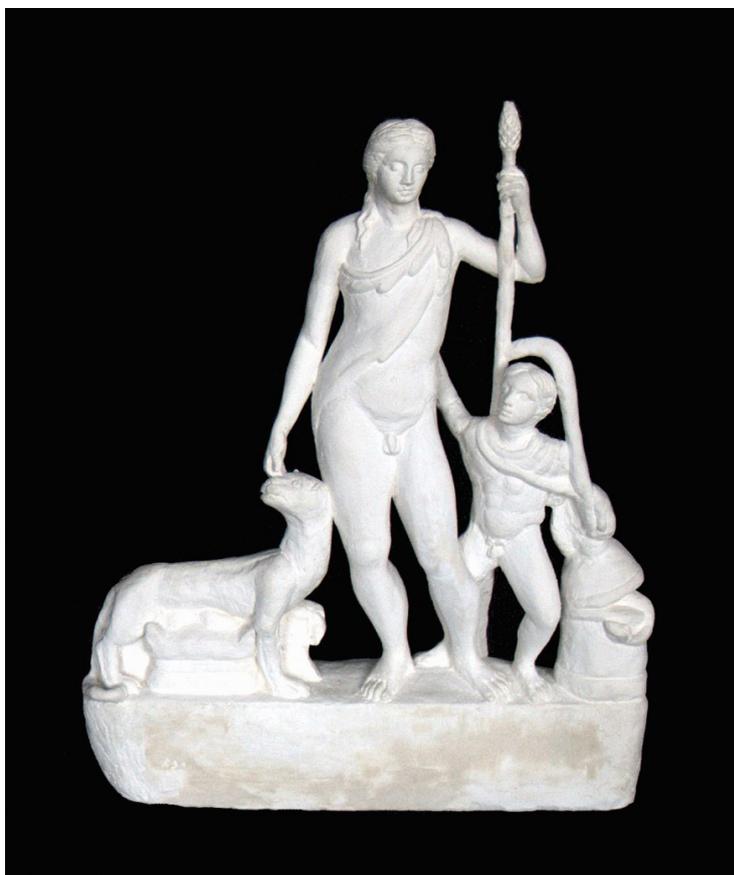

Рис. 7. Группа Диониса из госпиталя. Й. Рецлав.

Рис. 8. Мраморная табличка, посвященная так называемому «Фракийскому всаднику». Й. Рецлав.

Рис. 9. 3D-реконструкция фасада храма Асклепия.

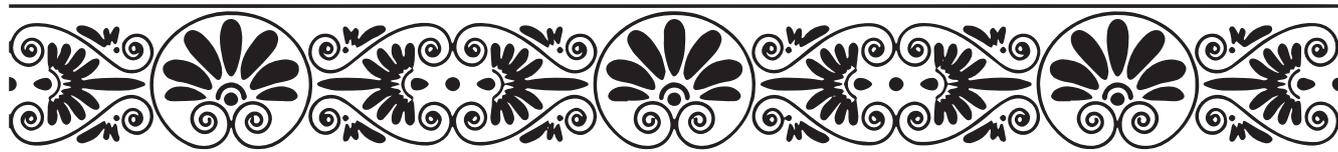
Рис. 10. Скульптуры из храма Асклепия Й. Рецлав, П. Дычек.

Рис. 11. Главный алтарь, посвященный Асклепию. Й. Рецлав

Рис. 12. Надпись, посвященная Гигиее. Й. Рецлав

ЧЕРНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК ЗАПАДНОГО ГОРОДСКОГО РАЙОНА ТАНАИСА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПА XXV).

Т.В. Егорова

*МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва)
E-mail: tvegorova@yandex.ru*

Комплекс чернолаковой керамики из раскопа XXV на территории западного городского района Танаиса включает в себя 28 фрагментов сосудов, датирующихся от первой трети III до середины I в. до н.э. Для него характерен ряд особенностей, обусловленных, преимущественно, расположением участка работ и хронологией слоев. В частности, большой процент сосудов для питья, незначительное разнообразие типов, преобладание неаттического импорта, а также существенная изношенность основной массы находок.

Ключевые слова: Танаис, чернолаковая керамика, поздний эллинизм, хронология, античные памятники Северного Причерноморья.

Работы в западном городском районе Танаиса на раскопе XXV (рис. 1) проводятся с 1999 года Отрядом варшавско-

го университета Археологической экспедиции музея-заповедника «Танаис»¹. Исследуется западная линия фортификации, включающая в себя ров и оборонительные стены, а также небольшой участок позднеэллинистической внутренней застройки. По мнению авторов раскопок, эта часть города могла быть уничтожена в результате карательной экспедиции боспорского царя Полемона в самом конце I в. до н.э. и позже использовалась для сброса мусора. Таким образом, некоторые особенности комплекса найденной здесь чернолаковой керамики обусловлены расположением участка работ и хронологией слоев.

Комплекс включает в себя 28 фрагментов чернолаковых сосудов, датирующихся, в целом, от первой четверти III до середины I вв. до н.э., но преимущественно, рубежом III/II-II в. до н.э.² Из

¹ Статья написана в рамках реализации проекта «Эллинистическая застройка Танаиса - фортификации и прилегающая городская территория. Продолжение исследований» финансируемого Национальным Центром Науки (National Science Centre, Poland), номер проекта: 2016/21/B/HS3/03423.

² Выражаю признательность руководителю экспедиции С.М. Ильяшенко и руководителю Отряда варшавского университета М. Матере за предоставленную возможность публикации материалов.

них около половины составляют сосуды для питья (рис. 2), что существенно отличается от традиционной статистики, характерной для большинства античных поселений (например, Егорова, 2009. С. 71, 72; Егорова, 2014, 174-175; Масленников, 2008. С. 432), а также для остальной части города, где наибольший процент приходится на посуду для сервировки стола. Вероятнее всего, это связано с территорией исследования, поскольку абсолютно аналогичная ситуация наблюдается с материалами из раскопа 1 поселения Голубицкая 2, расположенного на Таманском полуострове, где также раскапывались остатки фортификационных сооружений (рва и вала) и объекты, примыкающие к его оборонительной системе (Журавлев, Шлотцауер, 2014. С. 162. Рис. 12; Егорова, 2016. С. 29). Кроме того, эти комплексы объединяет незначительное количество найденных чернолаковых изделий и их фрагментарность.

Номенклатура типов сосудов для питья не отличается большим разнообразием: канфары классических и эллинистических форм, а также по одному фрагменту эллинистического скифоса и так называемого «книдского кубка». Интересно, что канфары классических форм представлены только одним фрагментом ручки сосуда, изготовленного как близкое подражание аттическим образцам в одном из эгейских центров в III в. до н.э. (кат. 1, рис. 3, 1). К тому же, здесь мы имеем дело уже со вторичным использованием предмета в качестве лощила. Остальные относятся к сосудам «Понтийской группы» (кат. 2-4, рис. 3,

2-4), выделенной А. Божковой при изучении материалов из памятников Западного Причерноморья (Bozkova, 1997. P. 9; 1997a, P. 8-17; 2005. P. 46-49; 2014. P. 210-211). Канфары «Понтийской группы» от классических вариантов отличается очень высокое и узкое горло, размер которого увеличен за счет максимального уменьшения объема тулова. Тулово может быть как гладким, так и каннелированным, а в некоторых случаях его наличие лишь обозначено в нижней части сосуда. Ножки таких канфаров состоят из профилированного основания малого диаметра и высокого ствола, что делает сосуды крайне неустойчивыми. При этом форма ручек с выступами-шипами в месте верхнего крепления, в целом, аналогична традиционным классическим типам, но имеет чуть более удлиненную нижнюю часть. Предполагают их фракийское происхождение (Morel, 2009. P. 159-172). Наиболее обоснованная хронология – рубеж III/II – третья четверть II в. до н.э. (подробнее: Егорова, 2019. С. 127-128). У нас найдены три фрагмента ножек, две из которых также использовались вторично в качестве лощила и пряслица.

подавляющее большинство фрагментов сосудов для питья принадлежат канфарам эллинистических форм (кат. 5-12, рис. 4, 5), из которых семь – канфары с S-видным профилем, преимущественно, пергамского производства. Это глубокие сосуды для питья с прямым, в большей или меньшей степени отогнутым наружу венчиком с заглаженным краем, S-видной формой тулова и невысоким профилированным кольцевым поддо-

ном или ножкой. Две плоские вертикальные ручки чаще всего дополнены ротелями, реже имеют налесты в виде листьев плюща или масок актеров, иногда украшения отсутствуют. В нашем случае это исключительно ротели. Три экземпляра украшены орнаментом в стиле *West Slope*: лента со схематичными подвесками, близкими по форме копьевидным, нанесенные белой краской на лаковое покрытие (кат. 5-7, рис. 4). Один фрагмент (кат. 11, рис. 5), изготовленный из мелкозернистой глины с мелкими известковыми включениями и имеющий желто-серый цвет черепка на сломе (2.5Y 3/2 - 2.5Y 8/6) и слоистую структуру, именуемую гончарами «закалом», на основе этих характеристик нельзя отнести к пергамскому производству. Поскольку подобные формы выпускались еще в целом ряде античных центров, расположенных на территории Малой Азии, Македонии, Фессалии и вероятно, в Западном Причерноморье (Егорова, 2017. С. 73-74), без проведения специальных археометрических исследований на данный момент сложно определить его точное происхождение.

Значительный процент канфаров с S-видным профилем объясняется, в первую очередь, хронологией комплекса. Они были наиболее популярны во второй половине III и во II вв. до н.э., а кроме того, встречаются и в более позднее время (Schäfer, 1968. S. 49; Behr, 1988. P. 113; Meyer-Schlichtmann, 1988. P. 67-68; Özyğit, 1990. S. 94-97). Большинство исследователей прототипами формы считают аттические эллинистические канфары типа *angular*, выпускавшие-

ся в Афинах на протяжении почти всего III столетия (Rotroff, 1997, P. 100-103; Özyğit, 1990, S. 96; Rotroff, 2002, P. 100; Lungu, 2013, P. 194-198; Bulut, 2013. P. 75, 76; Bozkova, 2014, P. 200, 201).

Один из эллинистических канфаров с формованным краем, от которого также сохранился только фрагмент, судя по визуальным характеристикам глины был произведен в одной из малоазийских мастерских, вероятнее всего, в Пергаме (кат. 12, рис. 5). Не смотря на то, что прямых параллелей в малоазийском материале ему найти не удалось, типологическая близость аттическим образцам (Rotroff, 1997. P. 73. Fig. 19, №297) позволяет датировать его второй четвертью – концом II в. до н.э.

Еще один фрагмент принадлежит верхней части эллинистического скифоса предположительно эфесского производства начала II в. до н.э. (кат. 13, рис. 5), для которых характерны прямой венчик, часто со скошенным внутрь краем, подвертикальные стенки глубокого тулова, сужающегося книзу, и невысокий слабопрофилированный или простой кольцевой поддон малого диаметра. Верхнюю треть, как правило, украшает орнамент в стиле *West Slope*, вписанный в пространство, ограниченное двумя-тремя горизонтальными желобками (Gassner, 1997. P. 62, 63). В данном случае, это растительная гирлянда, выполненная белой краской.

Часто встречающиеся в слоях II-I вв. до н.э. так называемые «книдские кубки»: двуручные сосуды на низком кольцевом поддоне, с биконическим туловом, прямым краем и горизонтальными

петлевидными ручками в большей или меньшей степени прижатыми к стенке, представлены здесь всего одним экземпляром (кат. 14, рис. 6). Он имеет сильно отстоящие от тулова ручки, приподнятые над краем, аналогичные сосудам из малоазиатских центров, в частности Пергама, первой половины II в. до н.э. (Kögler, 2014. P. 158. Fig. 1).

Определенный интерес представляют находки фрагментов эллинистических кратеров – крупных сосудов для смешивания вина и воды с массивным широким отогнутым наружу венчиком, большим вместительным туловом, двумя ручками и профилированной ножкой (кат. 15-17, рис. 6). Два из них пергамского производства конца III-II вв. до н.э. (кат. 15, 16). Центр изготовления третьего (кат. 17) пока определить сложно, но аналогичные сосуды происходят из Дидимы из слоев рубежа II/I-I вв. до н.э. (Didyma, 2005. P. 103, 140). Один из пергамских образцов (кат. 15) является частью кратера с массивными ручками-упорами, расположенными непосредственной под венчиком. Стоит отметить, что это далеко не единственный из найденных в Танаисе кратеров подобно формы. Проанализировав результаты макросъемки фрагментов их сколов¹, можно сказать, что как минимум три из них, если не идентичны, то максимально близки структуре, имеют одинаковые примеси и цвет, полученный в результате соответствующего температурного режима во время обжига (рис. 6: кат. 15; Т-60. №133; Т-55. №42, 688,

566), а значит, мы можем предположить их одновременное изготовление в одной мастерской, и соответственно, доставку в Танаис с одной партией товаров, учитывая периодичность поставок в столь отдаленный регион.

От сосудов для подачи вина и воды сохранился еще небольшой фрагмент стенки горла пергамской амфоры с росписью *West Slope*: выполненной белой краской ленты со свисающими концами и копьевидными подвесками (кат. 18, рис. 6). Обычно, это довольно крупные двуручные сосуды с высоким горлом, вместительным, сужающимся книзу туловом, и широкой устойчивой ножкой или поддоном, наиболее активно использовавшиеся в Аттике со второй четверти III в. до н.э., в Пергаме – во II в. до н.э. (Rotroff, 1997. P. 121; Schäfer, 1968. S. 58). Аналогии подобным формам и орнаменту многочисленны.

Чуть менее 40% составляют сосуды для сервировки стола (рис. 2): миски с отогнутым наружу и загнутым внутрь краем и тарелки. Именно фрагмент поддона аттической миски с отогнутым наружу краем является самым ранним в комплексе и датируется первой четвертью III в. до н.э. (кат. 19, рис. 7). Он относится к выделяемой С. Ротрофф «классической серии» мисок, продолжающих свое развитие с IV в. до н.э. (Rotroff, 1997. P. 157–158). К той же серии принадлежит нижняя часть миски со штампованным орнаментом в виде четырех пальметт, окруженных несколькими рядами насечек (ка. 20, рис. 7), имеющим близкие

¹ Макросъемка выполнена в лаборатории кафедры археологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

аналогии в аттическом материале второй четверти III в. до н.э. (Rotroff, 1997. P. 331. Pl. 145, №877). Столь ранние находки являются, по-видимому, случайными для исследованных слоев. Однако они далеко не единственные на памятнике и соотносятся с датой его основания.

Фрагмент еще одной миски (кат. 21, рис. 7) со штампованным орнаментом в виде пальметт и насечек пергамского производства, имеет параллели в эфеском и пергамском материале (Meyer-Schlichtmann, 1988. Taf.36, VK26; Gassner, 1997. P. 41-44, taf.4, 5; Schäfer, 1968. S. 35, 36. C8, C9). На основе этих аналогий она может быть датирована второй половиной II в. до н.э.

Миски с загнутым внутрь краем представлены продукцией малоазийских, в частности, пергамских мастерских, преимущественно, последней трети III – начала II вв. до н.э. (кат. 22-25, рис. 7).

Тарелки с валикообразным краем (кат. 27, 28, рис. 7) на основании анализа характеристик глин также были изготовлены в Коринфе. Близкие по форме сосуды были найдены как в самом Коринфе, так и в Аттике с материалами начала и второй четверти II в. до н.э. (Rotroff, 1997. P. 312, 313. Fig. 48, № 678, 681; Edwards, 1975. P. 37. Pl. 4, №104).

Интересно отметить полное отсутствие в комплексе рыбных блюд традиционно составляющих небольшой, но стабильный процент среди чернолаковых сосудов в том числе и во II в. до н.э. Мало их и на остальной части городища. Этот феномен можно объяснить только

активным использованием их красноглиняных реплик местного (северо-причерноморского) изготовления, встречающихся на порядок чаще. С чем связано такое предпочтение местных жителей сказать сложно.

Практически все чернолаковые сосуды из раскопа XXV, за редким исключением, не аттического производства. Представлены, главным образом, малоазийские центры (в первую очередь, Пергам и, возможно, Эфес), а также Коринф. Ранее неоднократно отмечалось, что начиная с середины III в. до н.э. и на протяжении всего II столетия происходит падение общего количества аттического импорта и, соответственно, увеличение числа изделий из разных регионов Эгейского бассейна и Причерноморья (например: Егорова, 2009. С. 76). Публикуемый керамический комплекс наглядно это подтверждает.

Довольно значительный процент (около 17%) составляют сосуды со следами древнего ремонта. Подавляющее большинство, судя по повреждениям внешней поверхности, имели значительную степень изношенности, поскольку использовалось продолжительное время, а впоследствии – вторично, в качестве лоцил или пряслиц. По всей видимости, все это вкуче можно связать с удаленностью и некоторой обособленностью города от основных центров античной цивилизации и большей зависимости от возможностей и продолжительности периода навигации.

КАТАЛОГ.

Сосуды для питья.

Канфары классических форм.

Т-08. Р. XXV. Б/н. Рис. 3.

Ручка канфара во вторичном использовании (лощило). Глина бежевая (7.5YR 6/6), хорошо отмученная, без заметных включений. При увеличении видны мельчайшие поры и примесь кальцита. Лак черный, матовый, тонкий неровный слой.

Сохранность: сколы, заизвесткованность.

Псевдоаттика.

III в. до н.э.

С измененными пропорциями.

Т-09. Р. XXV. Кв. 106-107-108. №49.

Рис. 3.

Ножка канфара во вторичном использовании (лощило). Высокое слабопрофилированное основание (низ отбит) на высоком стволе. Глина красно-бежевая (5YR 6/8), плотная, с известковыми включениями и примесью кальцита. Лак черный, блестящий, тонкий ровный слой, покрывает весь сохранившийся фрагмент.

Сохранность: сколы лака, потертости.

Типологически близка: Егорова, 2019. С. 128. Рис. 3, №4.

Один из понтийских центров (?).

Рубеж III/II – середина II в. до н.э.

Т-00. Р. XXV. Кв. 3/5. Зондаж 2. Гл. -5.37. №70(52р). Рис. 3.

Ножка канфара во вторичном использовании (пряслице). Основание

высокое, непрофилированное или слабопрофилированное в верхней части. Отверстие в центре. Глина серо-бежевая (10YR 5/4), мелкозернистая, с мельчайшими включениями слюды и известняка. Лак черный, матовый, тонкий неровный слой.

D-3.0.

Сохранность: сколы, потертости.

Типологически близка: Егорова, 2019. С. 128. Рис. 4, №2, 5, 8.

Один из понтийских центров.

II в. до н.э.

Т-15. Р. XXV. Кв. 15/4. Дом СА. №145. Рис. 3.

Фрагмент ствола ножки канфара. Глина серо-бежевая (10YR 5/4), мелкозернистая, с известковыми включениями. Лак черный, чуть блестящий, тонкий ровный слой.

Сохранность: сколы, потертости.

Типологически близка: Егорова, 2019. С. 128. Рис. 4, №2, 5, 8.

Один из понтийских центров.

Вторая половина III - II в. до н.э.

Канфары эллинистических форм.

С S-видным профилем.

Т-02. Р. XXV. №46. Рис. 4.

Фр-т венчика S-видного канфара. Орнамент *West Slope* выполнен белой краской: лента со схематичными подвесками. Глина бежево-серая (7,5YR 6/8), мелкозернистая, с мельчайшими включениями кальцита. Лак черный с графитовым оттенком и легким металлическим блеском, тонкий ровный слой.

D-8.0.

Сохранность: лак стерт по краю, сколы по поверхности.

Орнамент типологически близок: Behr, 1988. P. 118, 119, 123. Abb. 2, 6, №6, 18.

Пергам.

Конец III – третья четверть II в. до н.э.

Т-08. Р. XXV. Кв. 109. Гл. -1.69. №130. Рис. 4.

Фр-т венчика S-видного канфара. Орнамент *West Slope* выполнен белой краской: лента со схематичными подвесками. Глина бежево-серая (7,5YR 6/8), мелкозернистая, с мельчайшими порами и включениями кальцита. Лак черный, чуть блестящий, с бурым оттенком снаружи, оливковым изнутри, тонкий неровный слой.

D-9.0.

Сохранность: лак стерт по краю, сколы по поверхности.

Орнамент типологически близок: Behr, 1988. P. 118, 119, 123. Abb. 2, 6, №6, 18.

Пергам.

Конец III – третья четверть II в. до н.э.

Т-06. Р. XXV. Кв. 101. Гл. -2.12. №16. Рис. 4.

Стенка канфара с S-видным профилем. Орнамент *West Slope*: небрежно нанесенная белой краской гирлянда с копьевидными подвесками и лентой. Поле орнамента ограничено снизу двойными желобками. Глина бежево-серая (7,5YR 4/6), мелкозернистая, с мельчайшими порами и включениями кальцита. Лак черный, с бурым оттенком и легким

металлическим блеском, тонкий неровный слой.

Сохранность: сколы, потертости.

Типологически близка: Behr, 1988. P. 118, 119. Abb. 2, №6.

Пергам.

Конец III – третья четверть II в. до н.э.

Т-09. Р. XXV. Кв. 109. Гл. -3.29 -3.32. №145. Рис. 4.

Фрагмент миниатюрной ручки с ротелем канфара с S-видным профилем. Глина бежево-серая (7,5YR 4/6), плотная, без видимых включений. Лак черный с бурым оттенком, матовый.

Сохранность: сколы, потертости.

Пергам.

Вторая половина III – II вв. до н.э.

Т-12. Р. XXV. Кв. 116. Гл. -1.78, №45. Рис. 4.

Фрагмент ручки с частью стенки канфара с S-видным профилем. Ручка украшена ротелем. Сохранились следы ремонта. Глина бежево-серая (10YR 6/8), мелкозернистая, с мельчайшими порами, без видимых включений. Лак черный матовый снаружи, красный изнутри, тонкий ровный слой.

Сохранность: потертости лака.

Типологически близка: Behr, 1988. P. 117. Abb. 1, №1.

Пергам.

Вторая половина III в. до н.э.

Т-04. Р. XXV. Кв. 18-20. Гл. -4.31. №35. Рис. 5.

Ножка канфара с S-видным профилем. Низкое профилированное основание без ствола. Подошва плоская,

конический выступ в центре внешней поверхности дна. Глина розово-серая (7.5YR 7/6), мелкозернистая, с полостями и мелкими включениями. Лак черный с легким металлическим блеском, тонкий неровный слой, покрывает всю поверхность сохранившегося фрагмента.

D-4.5.

Сохранность: лак сильно стерт на подошве, сколы, потертости.

Типологически близка: Behr, 1988. P. 117. Abb. 1, №1.

Пергам.

Вторая половина III в. до н.э.

T-09. P. XXV. №22. Рис. 5.

Кольцевой поддон канфара с S-видным профилем. Внешняя поверхность профилированная, подошва плоская. Глина желто-серая с закалом (2.5Y 3/2 – 2.5Y 8/6), мелкозернистая, с многочисленными включениями кальцита. Лак черный, с металлическим блеском, тонкий неровный слой.

D-5.0.

Сохранность: сколы, потертости.

Типологически близок: Behr, 1988. P. 117. Abb. 5, №17.

НЦ.

Вторая половина II в. до н.э. (?)

С формованным краем.

T-08. P. XXV. LXXIC. Рис. 5.

Венчик эллинистического канфара профилированный. Следы ремонта. Глина красно-серая с закалом (7.5YR 6/8 – 10YR 5/2), плотная, без видимых включений. Лак бурый, матовый, тонкий неровный слой.

D-11.0.

Сохранность: лак сильно стерт.

Типологически близок аттическим образцам второй четверти II в. до н.э.: Rotroff, 1997. P. 73. Fig. 19. №297.

Пергам (?).

Вторая четверть – конец II в. до н.э.

Скифосы эллинистические.

T-18. P. XXV. Кв.120, гл. -2,80 -3,14 -3.58. №108. Рис. 5.

Верхняя часть скифоса (кубка). Орнамент в стиле *West Slope* нанесен белой краской: растительная гирлянда. Глина бежевая (10YR 6/8), мелкозернистая, с мельчайшими порами и включениями кальцита. Лак черный с бурым оттенком, тонкий неровный слой.

Dв.-18.0.

Сохранность: сколы, потертости.

Типологически близок сосудам из Эфеса: Gassner, 1997. Taf. 10. P. 62, 63. №169, Эфес (?).

Начало II в. до н.э.

«Книдские кубки».

T-15. P. XXV. Кв. 106, гл. -1.65. №85. Рис. 6.

Верхняя часть с ручкой чаши с коническим туловом и вертикальным бортиком. Ручка горизонтальная, петлевидная, отстоит от тулова, слегка приподнята над краем. Глина бежевая (10YR 6/8), мелкозернистая, с мелкими известковыми включениями. Лак – матовое покрытие темно-бурого цвета. Покрывает внутреннюю и две трети внешней поверхности сосуда.

Сохранность: склеен из фрагментов, потертости покрытия.

Типологически близок: Kögler, 2010. P. 83. Abb. A. Кн. 265. Form1. Type A, но другая глина; Kögler, 2014. P. 158. Fig. 1.

Пергам.

200 – 60 гг. до н.э.

Сосуды для подачи вина и воды.

Эллинистические кратеры.

Т-04. Р. XXV. №121. Рис. 6.

Фрагмент ручки-упора эллинистического кратера. Глина бежевая (7.5YR 6/6), хорошо отмученная, с мелкими включениям слюды и кальцита. При увеличении видны мельчайшие поры и примесь кальцита. Лак черный, чуть блестящий, тонкий неровный слой.

Сохранность: сколы, потертости.

Типологически близка: Schäfer, 1968. S. 58–60. Taf. 13, 14. D35, D38.

Пергам.

Рубеж III/II – II вв. до н.э.

Т-18. Р. XXV. №10. Рис. 6.

Фр-т ножки эллинистического кратера. Ножка не массивная, профилированная. Глина бежевая (7.5YR 6/6), мелкозернистая, без заметных включений. При увеличении видны мельчайшие поры и примесь кальцита. Лак коричнево-черный, матовый, тонкий ровный слой покрывает всю поверхность сосуда.

D-16.0

Сохранность: сколы, потертости.

Типологически близка аттическим кратерам: Rotroff, 1997. P. 306. Fig. 43. №608.

Пергам (?).

Первая четверть II в. до н.э.

Т-09. Р. XXV. Кв. 107. Гл. -2.22. №76.

Рис. 6.

Фр-т нижней части эллинистического кратера. Ножка массивная, профилированная. Низ тулова украшен схематичными каннелюрами. Глина серая (10YR 5/2), мелкозернистая, с полостями и включениями кальцита. Лак черный матовый, тонкий ровный слой снаружи и неровный изнутри. Подошва ножки в цвете глины.

D-18.0.

Сохранность: сколы, потертости.

Аналогии: Wintermeyer, 2005. P. 103, 140. Type S 6.23, 1357.

НЦ

Рубеж II/I – I в. до н.э.

Амфоры столовые.

Т-04. Р. XXV. Кв. 19. Гл. -5.96. №55.

Рис. 6.

Стенка горла столовой амфоры с росписью в стиле *West Slope*. Сохранилась часть свисающей ленты, выполненной белой краской. Глина красная (7.5YR 6/8), мелкозернистая, с мелкими включениями кальцита. Лак черный блестящий снаружи, красный матовый изнутри.

Типологически близка: Schäfer, 1968. S. 58–60. Taf. 18. D67.

Сохранность: лак сильно стерт.

Пергам.

II вв. до н.э.

Посуда для сервировки стола.

Миски.

С отогнутым наружу краем.

Т-04. Р. XXV. Кв. 20. Гл. -5.67. №109.

Рис. 7.

Фрагмент поддона миски с отогнутым наружу краем «классической серии». Поддон кольцевой, с желобком на подошве. Глина бежевая (7.5YR 6/8), хорошо отмученная. При увеличении видны мельчайшие поры и примесь кальцита. Лак черный, блестящий, толстый ровный слой. В цвете глины подошва поддона.

D-9.6.

Сохранность: сколы, потертости.

Аттика (?).

Типологически близка: Rotroff, 1997. P. 339, 340. Fig. 62, №981, 982.

Первая четверть III в. до н.э.

Т-12. Р. XXV. Кв. 116. Гл. -0.98. №17.

Рис. 7.

Нижняя часть миски с отогнутым наружу краем «классической серии». Высокий кольцевой поддон с плоской подошвой. Штампованный орнамент: четыре (сохранилось две) сильно вдавленные пальметты в обрамлении нескольких рядов насечек. Глина бежевая (7.5YR 8/6), хорошо отмученная, без видимых включений. При увеличении видны мельчайшие поры. Лак черный блестящий, толстый ровный слой. Лента на стыке поддона и стенки в цвете глины.

D-6.5.

Сохранность: сколы лака.

Близкая аналогия форме поддона и штампу: Rotroff, 1997. P. 331. Pl. 145, 877.

Аттика.

Вторая четверть III в. до н.э.

Т-04. Р. XXV. Кв. 16. №47. Рис. 7.

Нижняя часть миски с отогнутым наружу краем «эллинистической серии». Низкий кольцевой поддон с плоской подошвой. Штампованный орнамент: три схематичных пальметты расположены в центре над окружностью малого диаметра и окружены четырьмя рядами насечек, вписанных в сдвоенную окружность. Следы ремонта. Глина бежево-розовая (5YR 7/8), плотная, без видимых включений. Лак черный, матовый, тонкий неровный слой покрывает внутреннюю и верхнюю треть внешней поверхности.

D-5.5.

Сохранность: сколы, потертости.

Аналогии орнаменту и форме: Meyer-Schlichtmann, 1988. Taf. 36, VK26; Gassner, 1997. P. 41-44. Taf. 4, 5, №74, 87; Schäfer, 1968. S. 35, 36. C8, C9.

Пергам.

Вторая половина II в. до н.э.

Миски с загнутым внутрь краем.

Т-09. Р. XXV. Кв. 107-108. №134. Рис.

7.

Верхняя часть глубокой миски с загнутым внутрь краем. Стенки тонкие ровные. Глина бежево-серая (10YR 6/8), мелкозернистая, с мелкими и крупными включениями кальцита. Лак черный, матовый изнутри, чуть блестящий снаружи. Покрывает всю внутреннюю и верхнюю треть внешней поверхности сосуда. Подтеки.

D-14.0.

Сохранность: сколы, потертости.

Типологически близка: Rotroff, 1997. P. 342. Fig. 63. № 1007-1010.

Малая Азия.

Конец III - начало II в. до н.э.

Т-04. Р. XXV. Кв. 16-17. №133. Рис. 7.

Венчик миски с загнутым внутрь краем. Стенки тонкие ровные, край закруглен. Глина бежево-серая (7.5YR 5/6), мелкозернистая, с мельчайшими порами, без видимых включений. Лак черный, чуть блестящий, тонкий неровный слой.

D-20.0.

Сохранность: сколы, потертости.

Типологически близка: Schäfer, 1968. S.

34. Taf. 1. С3.

Пергам.

II в. до н.э.

Т-04. Р. XXV. Кв. 16. -3.85. №101. Рис. 7.

Венчик миски с загнутым внутрь краем. Стенки тонкие ровные, край закруглен. Глина бежево-серая (10YR 6/8), мелкозернистая, без видимых включений. Лак черный, чуть блестящий, тонкий неровный слой.

D-22.0.

Сохранность: склеен из фрагментов, сколы, потертости.

Типологически близка: Schäfer, 1968. S.

37. Taf. 4. С18.

Пергам.

Последняя треть III – первая половина II в. до н.э.

Т-18. Р. XXV. Кв. 113. Пом. С. Гл. -3.18 -3.43 -3.22 -3.59. №171. Рис. 7.

Венчик миски с загнутым внутрь краем. Глина серая, плотная, с закалом (10YR 5/2 – 2.5Y 6/2), с единичными включениями кальцита. Лак черный, блестящий, толстый ровный слой.

Сохранность: сколы лака.

D-12.0.

Типологически близка: Schäfer, 1968. S.

37. Taf. 4. С18.

Малая Азия (?).

Последняя треть III – первая половина II в. до н.э.

Миски неопределенного типа.

Т-09. Р. XXV. Кв. 23. -2.20. №33. Рис. 7.

Фр-т донца миски. Низкий кольцевой поддон с плоской подошвой. Глина красная (7.5YR 6/8), мелкозернистая, с мелкими известковыми включениями. Лак черный, в центре – с оливковым оттенком, чуть блестящий, тонкий неровный слой. Покрывает всю поверхность сохранившегося фрагмента.

D-7.5.

Сохранность: сколы, потертости.

Типологически близка аттическим мискам конца III – первой четверти II вв. до н.э.: Rotroff, 1997. P. 342. Fig. 63. №1007-1011.

Малая Азия (?).

Конец III – первая четверть II в. до н.э.

Тарелки.

Т-11. Р. XXV. №44. Рис. 7.

Венчик тарелки с валикообразным краем. Край уплощен. Глина желтого тона (5Y 7/4), мелкозернистая с многочисленными мельчайшими включениями кальцита. Лак черный, матовый, тонкий ровный слой.

D-17.0.

Сохранность: лак сильно стерт.

Типологически близка аттическим тарелкам второй четверти II в. до н.э.: Rotroff, 1997. P. 312, 313. Fig. 48. № 678,

- 681, но меньшего диаметра. *Отдаленно:* Edwards, 1975. P. 37. Pl. 4. №104 – начало II в. до н.э.
 Коринф (?).
 Первая половина II в. до н.э.
- Т-16. Р. XXV. Кв.27-29. Гл.-3.63-3.99, 3.70-3.99. №73. Рис. 7.**
 Фр-т верхней части тарелки с валикообразным краем. Глина желтого тона (5Y 8/4), мелкозернистая, с многочисленными мельчайшими включениями кальцита. Лак черный матовый. Следы ремонта.
 D – 19.0.
Сохранность: сколы, потертости.
Типологически близка аттическим тарелкам второй четверти II в. до н.э.: Rotroff, 1997. P. 312, 313. Fig. 48. № 678, 681, но меньшего диаметра. *Отдаленно:* Edwards, 1975. P. 37. Pl. 4. №104 – начало II в. до н.э.
 Коринф (?).
 Первая половина II в. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Егорова Т.В. Чернолаковая керамика IV–II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма. М.: МГУ, 2009. 253 с.
2. Егорова Т.В. Предварительный анализ комплекса чернолаковой керамики VI – II вв. до н.э. из раскопок Пантикапея 1945 – 1992 гг. // Древности Боспора. 2014. Т. 18. С. 174–195.
3. Егорова Т.В. Комплекс чернолаковой керамики из раскопа 1 поселения Голубицкая 2 // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. М: ГИМ, 2016. С. 29–33.
4. Егорова Т.В. К вопросу о датировке S-видных эллинистических канфаров // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы международной научной конференции, Севастополь, 10-12 октября 2017 года. Саки: ИП Боровко, 2017. С. 73–79.
5. Егорова Т.В. Проблемы датирования неаттических канфаров классических форм // Нижневолжский археологический вестник. 2019. Т. 18, № 1. С. 123–137.
6. Журавлев Д.В., Шлотцауер У. Некоторые итоги работ Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове. 2006—2013 гг. // Труды ГИМ. Вып. 201. Государственный Исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников. М.: ГИМ, 2014. С. 150-186.
7. Масленников А.А. Чернолаковая посуда из раскопок поселения Бакланья скала // Древности Боспора. 2008. Т. 12. С. 430-448.
8. Bozkova A. Pontic Pottery Group of the Hellenistic Age. A Survey Based on Examples from the Bulgarian Black Sea Coast // Archaeologia Bulgarica. 1997. №2. P. 8–17.
9. Bozkova A. La ceramique des necropolis hellenistiques de Cabyle // Δ'Επιστημονική Συνάντηση για την ελληνιστική κεραμική. Αθήνα: Comteko E.Π.Ε. 1997a. P. 123–127.
10. Bozkova A. 2005. Hellenistic Cantharoi from South-Western Bulgaria // Studia Archaeologica Universitatis Serdicensis. Suppl. IV. Sofia: Св. Климент Охридски. P. 46–51.
11. Bozkova A. 2014. West Slope Pottery from Mesambria Pontike // Pottery, Peoples and Places. Study and Interpretation of Late Hellenistic Pottery. Black Sea Studies. № 16. Aarhus: University Press. P. 199–214.
12. Behr D. 1988. Neue Ergebnisse zur pergamenischen Westabhangkeramik // Istanbuler Mitteilungen. Vol. 38. P. 97–178.
13. Bulut H. 2013. West Slope Ware from Daskyleion // Istanbuler Mitteilungen. № 63. P. 75–127.

14. *Edwards G.R.* Corinthian Hellenistic pottery // *Corinth*. Vol. VII. Princeton-New Jersey. 1975. 254 p.
15. *Gassner V.* Das Südtor der Tetragonos-Agora. Keramik und Kleinfunde // *Forschungen in Ephesos*. Bd. XII/I/I. Wien, 1997. 269 p.
16. *James S.A.* Hellenistic Pottery. The fine wares // *Corinth*. Vol. VII.7. Princeton; New Jersey: The American School of Classical Studies at Athens, 2018. 240 p.
17. *Kögler P.* Feinkeramik aus Knidos vom mittleren Hellenismus bis in die mittlere Kaiserzeit (ca.200 v. Chr. Bis 150 n. Chr.). Wiesbaden: Reichert-Verlag, 2010. 623 p.
18. *Kögler P.* Table Ware from Knidos: The Local Production during the 2nd and 1st centuries BC // *Pottery, People and Places. Study and Interpretation of Late Hellenistic Pottery*. Aarhus: University Press, 2014. P. 157-173.
19. *Lungu V.* La céramique de style west slope // *Histria. Les résultats des fouilles*. XIV. Bucarest, Paris, 2013. 307 p.
20. *Meyer-Schlichtmann C.* Die pergamenische sigillata aus der Stadtgrabung von Pergamon: Mitte 2. Jh. v. Chr. – Mitte 2. Jh. n. Chr. // *Pergamenische Forschungen*. Band 6. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1988. P. 267.
21. *Morel J.-P.* Observations sur les faciès régionaux ou locaux des céramiques du Pont-Euxin (IVe-Ier siècle avant J.-C.) // *Il Mar Nero* 6, 2004/2006. Actes du colloque international “Les productions céramiques du Pont-Euxin à l’époque grecque”. Bucarest, 2009. P. 159–173.
22. *Özyğit O.* Ceramiques hellenistiques d’après les fouilles de Pergam/Kestel // *Β’Επιστημονική Συνάντηση για την Ελληνιστική Κεραμική*. Αθήνα: 1990. P. 94-97.
23. *Rotroff S.I.* Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material // *The Athenian Agora*. Vol. XXIX. Princeton; New Jersey: The American School of Classical Studies at Athens, 1997. 612 p.
24. *Rotroff S.I.* West Slope in the East // *Productions et diffusion en Méditerranée orientale, Chypre, Égypte et côte syro-palestinienne. Céramiques hellénistiques et romaines*. Lyon, 2002. P. 97–116.
25. *Schäfer J.* Hellenistische Keramik aus Pergamon // *Pergamenische Forschungen*. Bd. 2. Berlin: De Gruyter, 1968. 161 p.
26. *Wintermeyer U.* Didyma. Die hellenistische und frühkaiserzeitliche Gebrauchskeramik. Band 2. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 2005. 171 p.

Рис. 1 Расположение раскопа XXV. Аэрофотосъемка Д.С. Бунина.

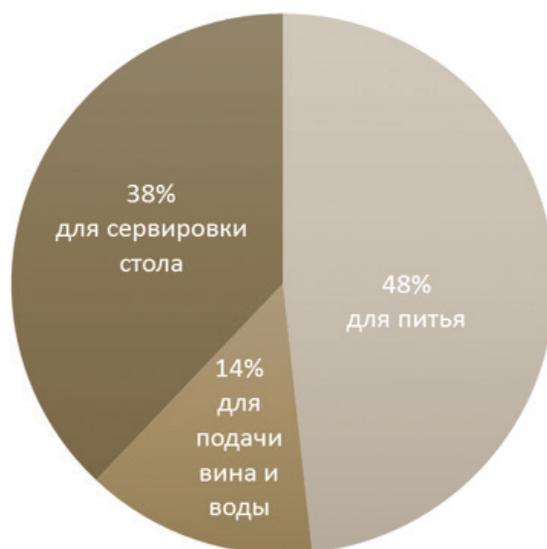

Рис. 2 Процентное соотношение основных групп сосудов.

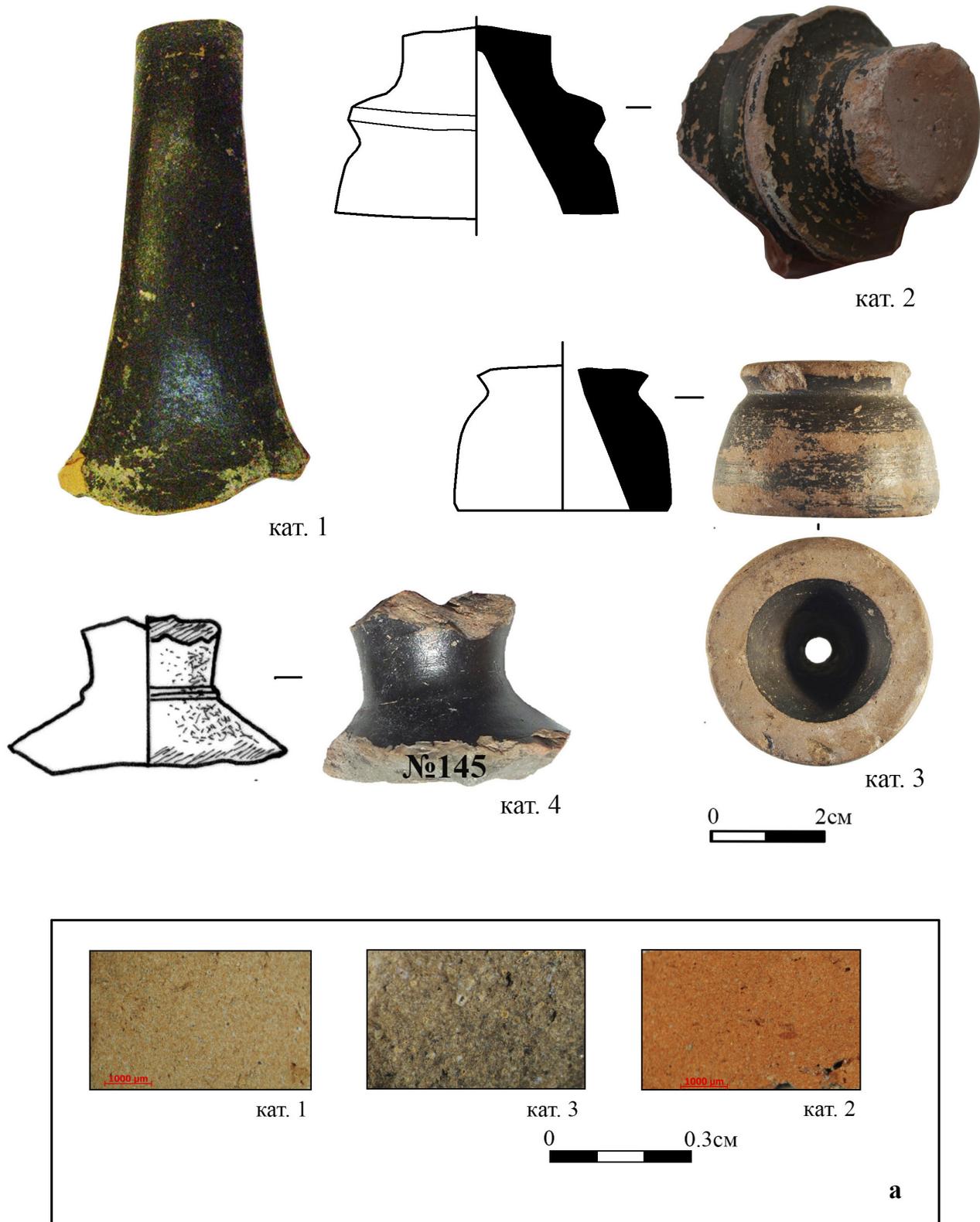

Рис. 3 Фрагменты канфаров классических форм (кат. 1-4). А – макросъемка образцов сколов.

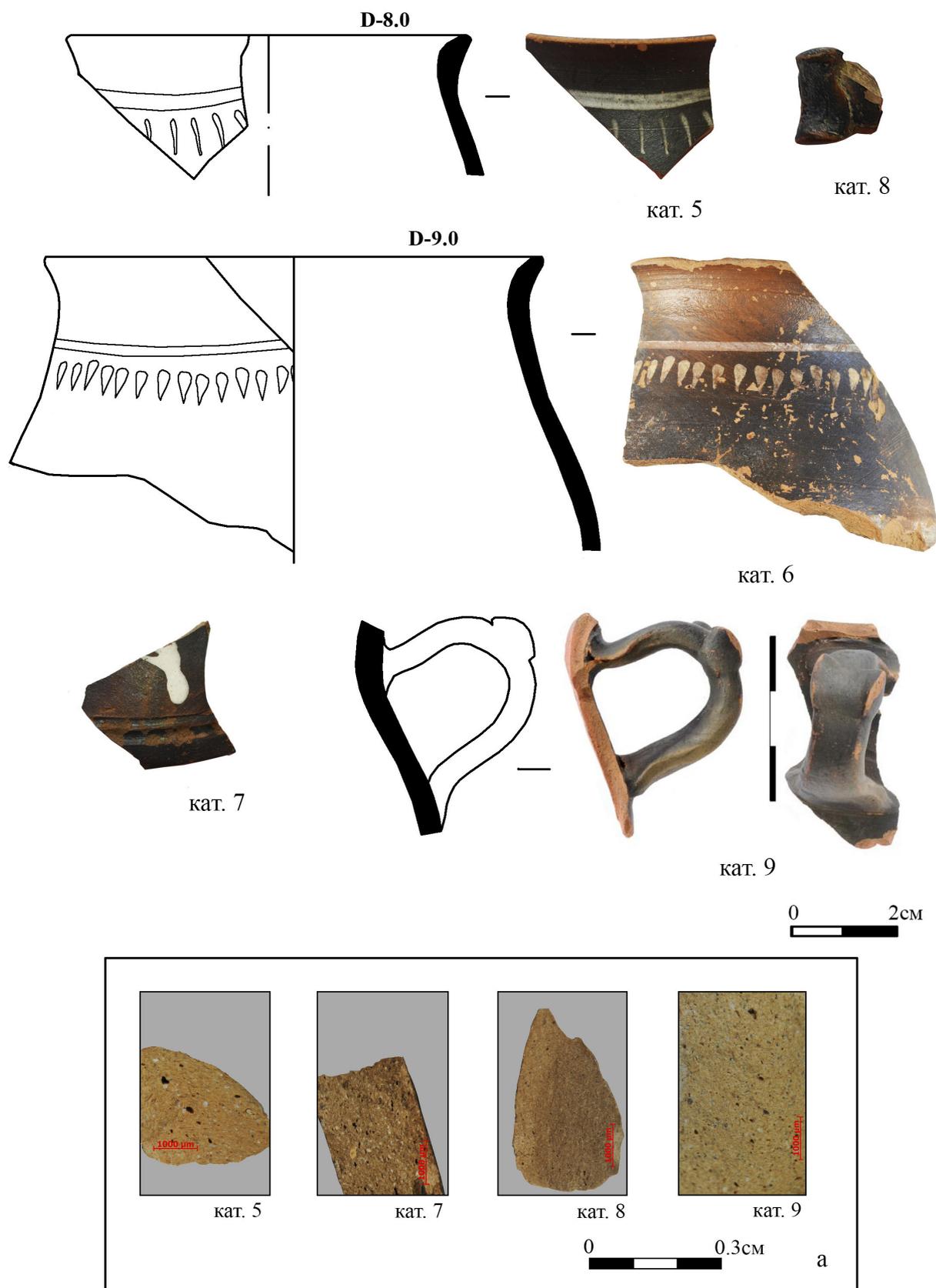

Рис. 4 Фрагменты канфаров с S-видным профилем (кат. 5–9). А – макросъемка образцов сколов.

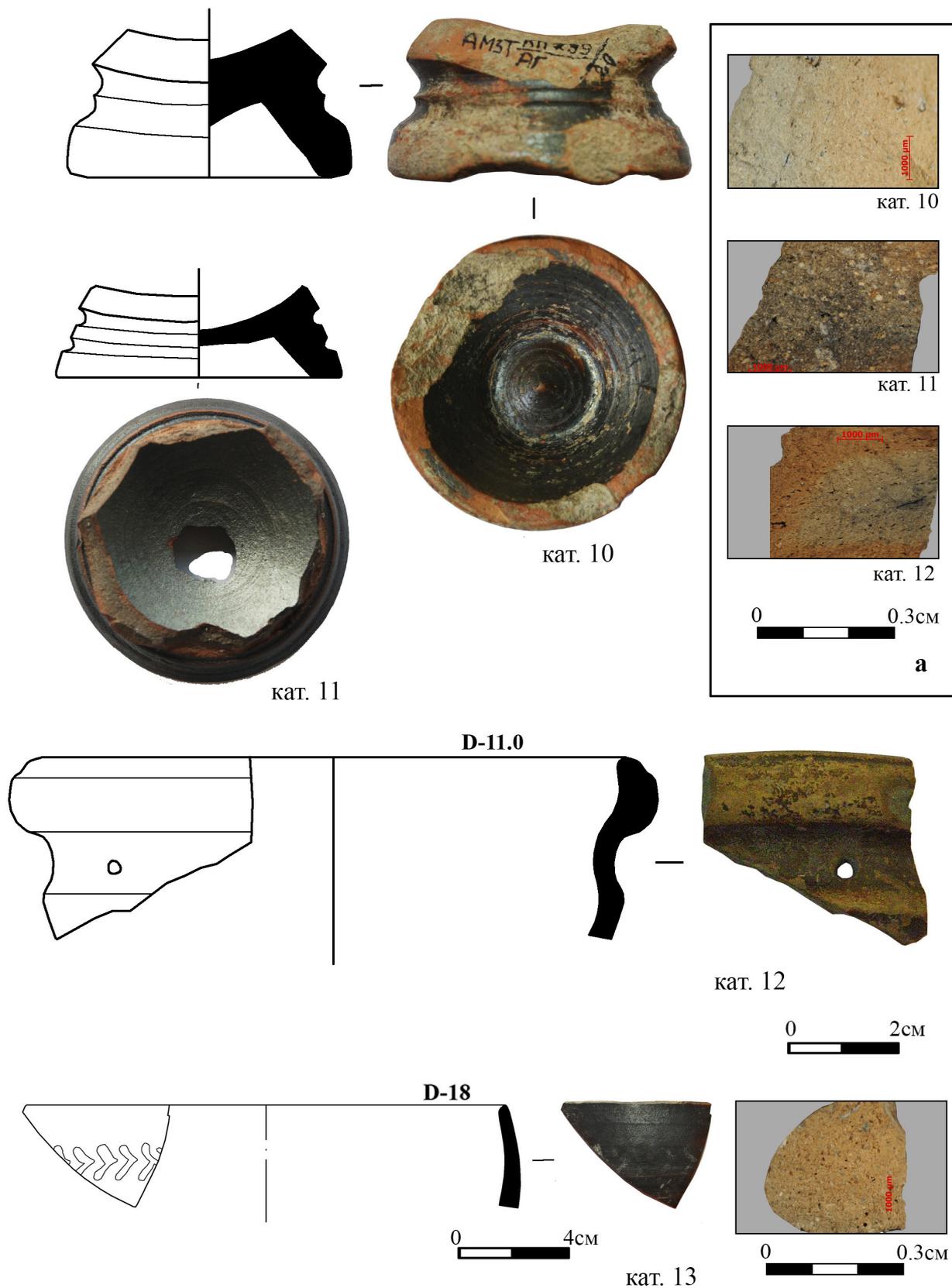
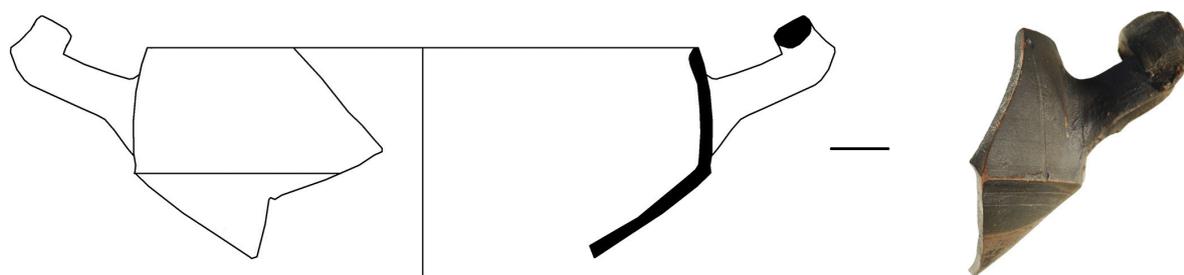

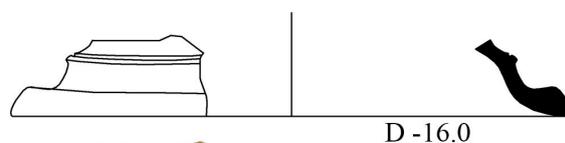
Рис. 5 Фрагменты канфаров с S-видным профилем (кат. 10–11). Эллинистический канфар с формованным краем (кат. 12). Эллинистический скифос (кат. 13). А – макросъемка образцов сколов.

кат. 14

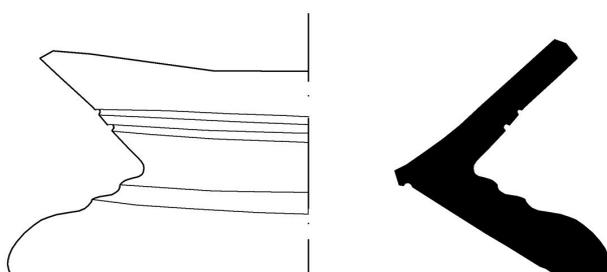

кат. 15

D-16.0

кат. 16

D-18.0

кат. 17

0 4см

T-60. №133 T-55. №42, 688, 566

0 0.3см

0 2см кат. 18

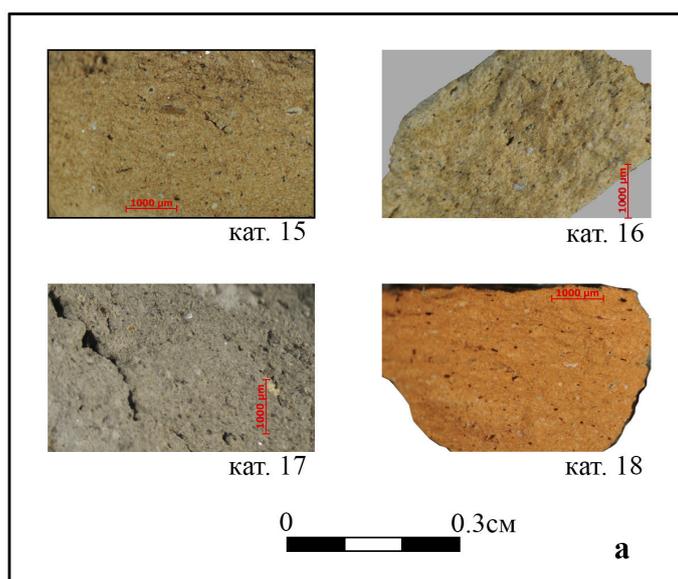

Рис. 6 «Книдский кубок» (кат. 14). Фрагменты кратеров (кат. 15–17). Фрагмент столовой амфоры (кат. 18). А – макросъемка образцов сколов.

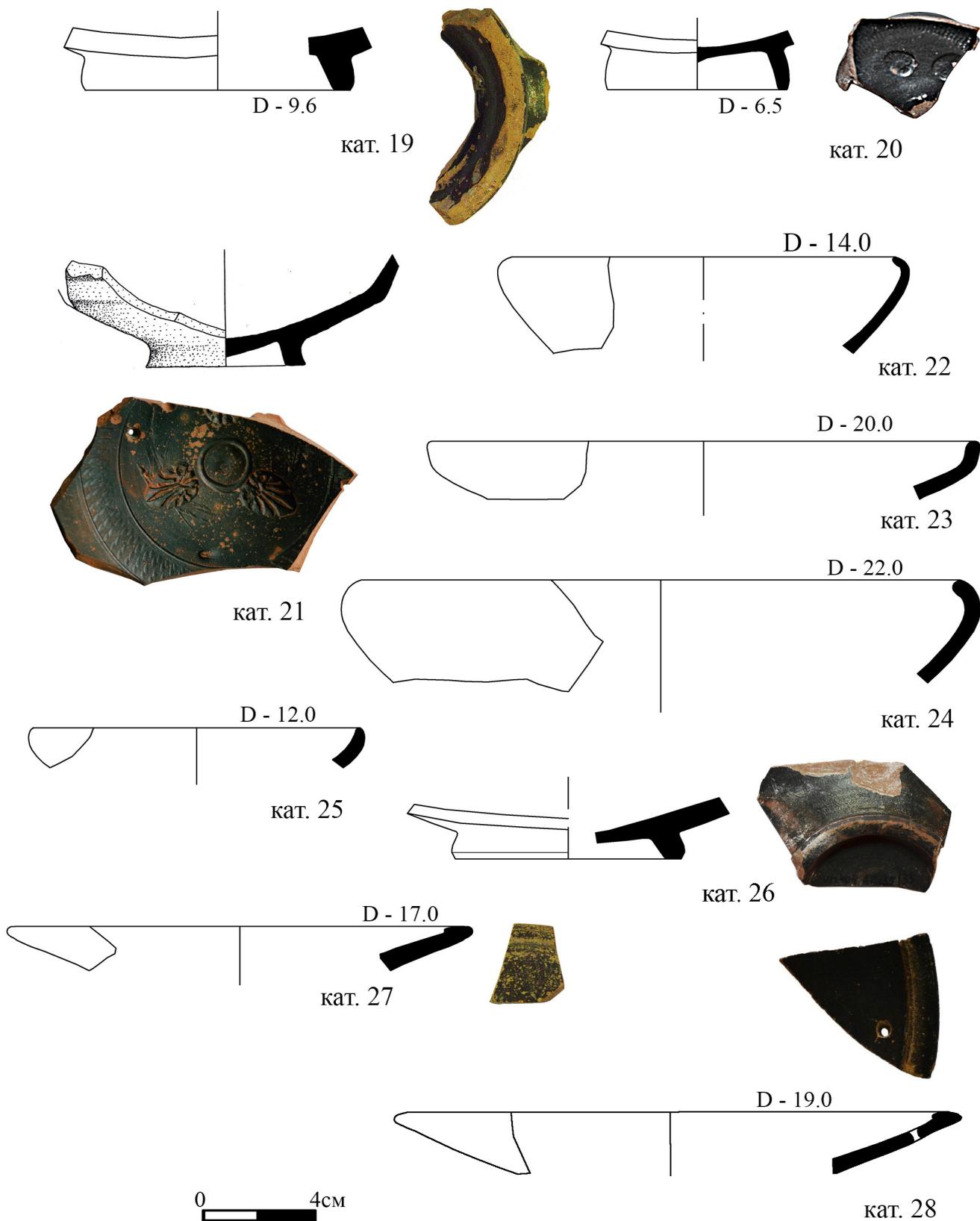

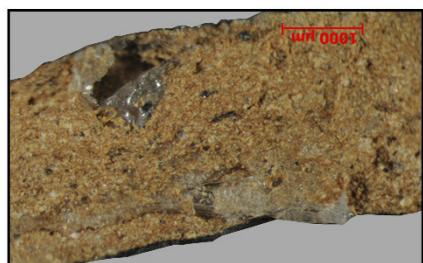
Рис. 7 Фрагменты мисок разных типов (кат. 19 – 26).
Фрагменты тарелок с валикообразным краем (кат. 28, 29).

кат. 24

кат. 23

кат. 22

кат. 20

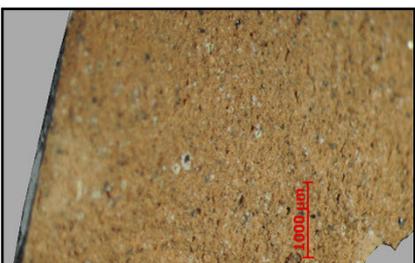
кат. 19

кат. 28

кат. 27

кат. 26

кат. 25

Рис. 8 Макросъемка образцов сколов сосудов для сервировки стола.

ЭЛИТНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ С РАСПИСНОЙ ПОСУДОЙ И ШКАТУЛКОЙ ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА «ЦАРСКИЙ» В ОКРЕСТНОСТЯХ ТАНАИСА

Л.С. Ильюков

*ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр
Российской академии наук» (г. Ростов-на-Дону)
e-mail: iljukov@ssc-ras.ru*

В окрестностях Танаиса находится курганный могильник «Царский», который в 1987-1988 гг. был исследован археологической экспедицией РГУ. Открыта группа элитных погребений. Могилы ограблены. В трех из них обнаружены следы красной и черной краски, которой были окрашены деревянные предметы. В кургане 46 найдены остатки китайской деревянной чаши, покрытой черным лаком и украшенной орнаментом. К сожалению, форму предметов, окрашенных красной краской, в двух других погребениях этого могильника установить не удалось.

Ключевые слова: Нижний Дон, курганы, сарматская культура, деревянная китайская чашка

От античного города Танаиса вглубь степи тянутся длинные ряды курганов, которые тяготеют к водоразделам балок. Один из них, расположенный между балками Каменной и Донской

Чулук, получил условное наименование «Царский». Его северо-восточный участок, расположенный ближе к Каменной балке, был исследован в 1987-1988 гг. экспедицией Ростовского государственного университета. В этом могильнике Л.С. Ильюков исследовал 13 курганов I–II вв.н.э. (Ильюков, 1994). В одном из них могильная яма отсутствовала. На его поверхности найдены амфорная двухствольная ручка и амфорная профилированная ручка типа А. Наряду с ними обнаружены фрагменты столовой посуды. Этот курган № 62 относится к группе поминальных объектов. Широкие прямоугольные или квадратные могилы были сильно разрушены грабителями. В четырех курганах (№№ 38, 41, 46, 66) обнаружены лоскутки краски, которой была окрашена поверхность деревянных предметов, полностью истлевших.

Курган 38 п.1. Высота 0,69 м. Прямоугольная яма (2,05 x 1,8 м) ориентиро-

вана по линии СЗ-ЮВ. На дне ее стоял деревянный ящик, засыпанный глиной. В засыпи могильной ямы найдены кости мелкой рыбы. В могиле был захоронен мужчина (?) 35-40 лет. Скелет полностью разрушен. Найдены комочки обожженной земли и древесные угли. В юго-западном углу обнаружена кованая серебряная кружка с гофрированной поверхностью с припаянной ручкой в виде короткой трубочки и бронзовая полусферическая чаша с плоским дном с кольцевидным поддоном. На дно чаши впаян дисковидный медальон с изображением женской фигуры. Полуобнаженная дама сидит на краю камня. Ее высокая прическа перетянута серебряной ленточкой. В левой руке, локоть которой упирается в колено, она держит зеркало и любуется собой. Ее одежда приспущена на бедрах. У ее ног стоит сосуд. Остальной инвентарь в погребении переотложен: железный нож с бронзовой заклепкой; фрагменты керамика: венчик светлоглиняной амфоры, фрагменты сероглиняной и красноглиняной посуды и стенки от лепного сосуда. В могиле обнаружен кольцевидный стеклянный бисер и золотые бляшки: а) полусферические нашивки с петелькой на обороте; б) треугольники с гофрированной поверхностью и проткнутыми в углах отверстиями; в) пронизи из продольно свернутой гофрированной пластинки; г) ажурные треугольники с парой ушек, покрытых зернью. В каждой бляшке большое треугольное гнездо под стеклянную вставку белого или синего цвета, опоясанное ниткой зерни, а с тыльной стороны бляшки по углам напаяны по три

петельки для крепления ремешков. Из этих треугольников был составлена лента наборного браслета (?) (Ильюков, 1994. С. 199, 200. Рис. 1, 14-26; 2, 22).

В заполнении могильной ямы найдены остатки сиреневой краски с поверхности несохранившегося деревянного предмета.

Курган 41. Высота 0,83 м. В южной и западной полах кургана обнаружены остатки тризны из 10 светлоглинянных амфор типа В (Ильюков, 1994. С. 201. Рис. 2, 1-8). В северо-западном секторе на древней дневной поверхности обнаружен череп лошади. В центре кургана находилась квадратная могильная яма (3,1 x 3,1 м), около нее лежал материковый выкид, покрытый слоем тростника. Могила ограблена. На дне ее был сооружен деревянный ящик. Пространство между ним и стенками ямы засыпано материковой глиной. Длина стенки ящика 2,4 м. У края могилы на древнем горизонте лежал железный наконечник копья, насаженный на древко, ориентированный острием к яме. Скелет мужчины 30-40 лет был разрушен грабителями. Остатки инвентаря обнаружены в заполнении могильной ямы. Это стенки светлоглиняной амфоры; желобчатая костяная пластина на рукоять лука; крупная бусина из обрезка веточки розового коралла; кольцевидная бисеринка из бирюзового стекла; фрагмент крупной каменной шаровидной бусины зеленоватого цвета с полупросверленным отверстием; фрагменты алебастрового сосуда с ручкой, орнаментированной прочерченной елочкой, ее линии заполнены голубой пастой; фрагменты бронзовой пластин-

чатой обоймы с отверстием под заклепку; железное кольцо диаметром 3,8 см; фрагмент железной весловидной петли, крепившейся к деревянной поверхности ножен кинжала; обломки двух железных гвоздиков с круглой шляпкой; две заклепки с овальной шляпкой, соединявшие деревянную основу предмета с ее кожаным покрытием, и фрагмент большой железной петли; фрагменты толстого железного прута, круглого в сечении; два фрагмента золотой фольги и обломков железного прута, частично покрытого золотой фольгой (Ильюков, 1994. С.201, 202. Рис.1, 27-30; 2, 9-13).

В заполнении этого погребения были обнаружены фрагменты костяных деталей от шкатулки: фрагмент пластинки, на которой прочерчены две врезные линии, образующие прямой угол; узкая пластинка, украшенная косыми крестами, разделенными поперечными сдвоенными линиями; фрагменты узкого канта, четырехгранного в сечении; фрагменты широкой пластины, в которой намечены два поперечных паза, на ее поверхности сохранились следы железных и бронзовых гвоздиков (Ильюков, 1994. С.201, 202. Рис. 2, 14-17).

По-видимому, в данном захоронении находилось не только воинское снаряжение: меч или кинжал с портупейным ремнем, который крепился петлей к ножнам, лук, который имел костяную накладку на рукоять, и уздечные принадлежности, у которых стержень псаля был обтянут золотой фольгой. С осторожностью можно допустить, что остатки доски, покрытые кожей и прижатые к ней заклепкой, могли являться

остатками седла. Кроме того, среди инвентаря была шкатулка, инкрустированная костяными пластинками и снабженная небольшим железным кольцом.

В заполнении этой могилы были найдены лоскутки красной краски с поверхности не сохранившегося предмета.

Курган 46. Высота кургана 0,49 м. На древней дневной поверхности собраны фрагменты стенок и горло двух светлоглиняных амфор типа В и овечий астрагал. В центре кургана находилась широкая подпрямоугольная яма (2,6 x 1,65 м) длиной осью ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Могила разрушена. На деревянном настиле находилось парное захоронение: женщины 20-25 лет и ребенка не старше 1,5 лет, ориентированных в южном направлении. Под костями умерших отмечены пятна черного тлена. Около правой ноги погребенной лежали две передние конечности овцы и железный нож. На костях ее грудной клетки обнаружен гешировый и стеклянный бисер бирюзового цвета. Но большая часть бисера из гешира была обнаружена на костях правого запястья. Остальной инвентарь был переотложен: алебастровый шаровидный сосудик с отбитой боковой ручкой; фрагмент большого бронзового зеркала с валиком по краю; гешировый и стеклянный кольцевидный бисер; фрагмент иглы от железной фибулы; обрывок бронзовой ленточки. Кроме того, в заполнении ямы собраны фрагменты керамики: стенки лепного черноглиняного сосуда и фрагменты кружальной посуды от приземистого кувшинчик на кольцевом поддоне с длинной ручкой, стенка от коричневоглиняного сосуда

и фрагменты от большого серолощеного сосуда, плечики которого опоясаны пролощенной горизонтальной линией, под которой расположен процарапанный зигзаг, серолощенный кувшин с гофрированным горлом, опоясанным прочерченной линией (Ильюков, 1994. С.202-203. Рис. 2, 1,20,21; 3, 2-9).

В заполнении могилы обнаружены лоскутки красной и черной краски с поверхности деревянной чашки (рис. 1). На ее черном фоне красными линиями обозначены растительные побеги и лента геометрического узора (Ильюков, 1994. С.203. Рис. 3, 6). В.К. Гугуев их сфотографировал и скомпоновал фрагмент композиции лакового покрытия деревянной поверхности (Гугуев, 2018. Рис.11, 2). По мнению М. Прюх, это была деревянная чашка, покрытая лаком (Прюх, Трейстер, 2017).

Курган 66. Высота кургана 0,15 м. Он был возведен над могильной ямой, которая по дну имела размеры 2,35x2,0 м. Могила разграблена. В ней на дне находился скелет взрослого человека, разрушенный грабителями. Найдена тазовая кость и астрагал овцы. В погребении были обнаружены крупинки румян.

В заполнении могилы собраны остатки погребального инвентаря: фрагмент бронзовой пластинки; янтарная кольцевидная бусина; бронзовая проволоочная скрепка на ручку деревянного сосуда; полусферическая бляшка из золотой фольги, по ее краю симметрично проткнуты два отверстия для крепления; два округлых больших железных кольца с заходящими концами; фрагмент лепного коричневоглиняного сосуда; зауженное

горло серолощеного сосуда с выступающим сливом. Кроме того, найдены лоскутки красной краски с поверхности деревянного предмета (?) (Ильюков, 1994. С.205. Рис. 3, 26-29).

Вероятно, в состав инвентаря входили уздечные принадлежности, украшенные золотыми полусферическими пуговицами, и, возможно, металлический котелок с железными кольцевидными ручками. Кроме крупного кувшина со сливом, была деревянная кружка, ручка которой была снабжена проволоочной скрепкой.

Небольшая выборка из могильника «Царский» представлена погребениями, которые по содержанию погребального инвентаря входили в группу элитных захоронений кочевого сарматского населения в окрестностях древнего торгового города Танаис. Ни в одном из курганов этого могильника не были обнаружены лепные курильницы, которые обычно встречаются в сарматских захоронениях.

Лоскутки краски с поверхности несохранившихся предметов могут быть трактованы по-разному. Что представляла сиреневая краска в погребении кургана 38, – не ясно. Совсем другое дело, лоскутки краски обнаруженные в трех других погребениях. Они происходили с поверхности несохранившихся деревянных изделий (курганы 41, 46, 66). К сожалению, в двух случаях небольшие лоскутки краски, подсыхая, скручивались в пружинки, и не были сразу закреплены между стеклышками в слое клея. В конечном итоге они рассыпались. Лоскутки краски, извлечен-

ные из погребения в кургане 46, было решено поместить в слой клея между двух стекол для дальнейшего их изучения. Их образцы поступили на хранение в музей-заповедник «Танаис» вместе с остальной коллекцией находок из этого могильника. Только после посещения Танаиса немецкой исследовательницей, специалистом по древним китайским лаковым изделиям Маргаритой Прюх, выяснилось, что они являлись остатками лакового покрытия древнекитайской чашечки периода Хань.

В 2015 г. М.Прюх атрибутировала лоскутки краски, найденной в кургане 46, как остатки лака китайского происхождения типа «Эр Бэй» (Прюх, Трейстер, 2017). По ее мнению, аналогичное лаковое покрытие встречается на китайских чашах с боковыми ручками. Они украшены орнаментом в виде «двойного феникса» и относятся к ханьскому времени. Диапазон их распространения 150 до н.э. – 80 гг. н.э. Судя по росписи, наша чаша была изготовлена «в одной из государственных мастерских Шу и Гуанхань в современной провинции Сычуань» (Прюх, Трейстер, 2017). Мотив двойного феникса появился в репертуаре китайских мастеров во второй половине I в. до н.э. и существовал до середины I в. н.э. (Прюх, 2017. С. 385).

М. Прюх обратила внимание на ряд крымских шкатулок, покрытых лаком с использованием черного и красного цвета. Они являлись вместилищами для хранения косметики. Из Ханьского Китая эти предметы преодолевали тысячи километров и становились достоянием элитной части сарматских ко-

чевников. В дальнейшем они оседали в сарматских погребениях на юге Восточной Европы. Ряд китайских шкатулок происходит из элитных погребений Усть-Альминского некрополя в Крыму (Прюх, 2017).

Шкатулки с неокрашенной поверхностью известны в некрополе Танаиса (Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001. С. 220-222). По-видимому, одна из них происходит из «Царского» могильника из кургана 41. Ее лицевая поверхность была покрыта костяной пластиной, а по краю оконтурена сдвоенной врезной линией. В оформлении шкатулки использовался тонкий костяной кант, который, по-видимому, вставлялся в паз. С боков поверхность шкатулки была украшена узкими костяными ленточками с геометрическим орнаментом.

Деревянные шкатулки были известны в позднем Танаисе (Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001. С.221) и в Северном Причерноморье. Но среди них не было лаковых изделий. В кобяковском кургане № 10 на дне деревянного ящика, помещенного в квадратную могильную яму, вдоль погребенной стояли две шкатулки, поверхность которых была покрыта слоем гипса. Одна из них была открыта, вторая повреждена. Ключей от шкатулок не было. Около них обнаружены два парных комплекта лепных курильниц: в большую была вставлена меньшая. Между шкатулками лежало бронзовое зеркало в футляре из луба. Оно имеет центральную петлю для подвешивания. Его обратная сторона по краю украшена широкой лентой с изображениями двух пар бородатых и безбородых дра-

конов. На шее погребенной находилась золотая гривна с изображением трех бородатых драконов в схватке с зооантропоморфными существами (Прохорова, Гугуев, 1992). Бородатые драконы напоминают персонажей на карагалинской диадеме. Аналогичные шкатулки с гипсовой обмазкой известны в могиле Рощава Драгана (Буюклиев, 1986). Гипсовое покрытие кобьяковских деревянных шкатулок восходит к северопричерноморским античным традициям. Согласно им, поверхность деревянных стен саркофага иногда украшали гипсовыми накладками или обмазывали гипсом, служившем грунтовкой для синей краски (Сокольский, 1969. С. 71).

Интересно сочетание в одном погребальном комплексе изображений бородатых и безбородых драконов. Эти пары представлены на разных вещах: на гривне и на китайском зеркале. А на деревянных китайских чашках эти монстры известны в виде двойных фениксов. Истоки этого мотива уходят в восточный мир. Авторы публикации кобьяковских находок подчеркнули восточное происхождение как самой золотой гривны, так и золотых ажурных браслетов, найденных на запястьях погребенной (Прохорова, Гугуев, 1992. С. 156, 157). К ним относится и восточное китайское зеркало из этого погребения.

Среди предметов роскоши в Танаис поставляли краснолаковую посуду так называемого пергамского стиля. В частности, это были канфары, украшенные в стиле *in barbotin* тонкими почти прозрачными валиками с виньеткой на конце (Арсеньева, 1977. С. 125, 126. Табл.

XXIII, 1). На их обратила внимание еще С.И. Капошина (Капошина, 1952). В дальнейшем на эту группу посуды проанализировал Д.В.Журавлев (Журавлев, 2015).

Торговый города Танаис находился на пересечении торговых путей с Востока на Запад и с Запада на Восток. Это ярко отражалось в материальной культуре жителей античного Танаиса и окружающих их кочевников. Столовая посуда являлась атрибутом торговли. Большинство краснолаковой керамики из Танаиса имело малоазийское происхождение (Арсеньева, 1985. С.77). Возможно, едва ли не каждый второй краснолаковый сосуд в Северном Причерноморье был изготовлен в Пергаме (Журавлев, 2015. С. 191). В этом регионе к середине I в. до н.э. произошел переход к производству краснолаковой керамики. Часть ее украшалась «барботином», который наносили жидкой тонкодисперсной глиной на краснолаковое покрытие. На канфарах римского времени легкие тонкие «мазки» глиняного рисунка перекликались с крупными рисунками популярного китайского орнамента, представленного на деревянных чашках, выполненных в стиле «двойного феникса» в эпоху Хань (Полосьмак, Богданов, 2015. С. 68-70). Лаковая китайская чашка из кургана 31 в горах Ноин–Ула имеет на черном фоне такой же штампованный циркульный узор, как деревянный сосуд из кургана 46 в могильнике «Царском».

В среднесарматский период, к которому относились курганы «Царского могильника», процветала торговля, по видимому, через посредников. На Ниж-

нем Дону наряду с лаковой деревянной посудой встречаются ханские металлические зеркала и их подражания (Гугуев, Трейстер, 1995). А металлическая посуда в погребениях нижнедонских кочевников (Раев, 1986)? По-видимому, ее пути поступления к кочевникам могли быть разными (Скрипкин, 2017) – и как дары, и как военная добыча, и как результат торговых сделок и т.д. На сегодняшний день наиболее убедительной является версия об аланской принадлежности погребенных среднесарматской культуры (Скрипкин, 2017. С. 205), к которым принадлежала часть курганов «Царского» могильника.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арсеньева Т.М.* Некрополь Танаиса. М.: Наука. 1977. 152 с.
2. *Арсеньева Т.М.* Две группы краснолаковых сосудов из Танаиса // КСИА АН СССР. 1985. № 182. С. 77-84.
3. *Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В.* Некрополь Танаиса. Раскопки 1981-1995 гг. М.: Палеограф. 2001. 274 с.
4. *Буюклиев Х.* Тракийский могилен некропол при Чаталка Старозгорски округ // Разкопки и пручвания. XVI. Софи. 1986. 152 с.
5. *Гугуев В.К.* Два погребения с западными и восточными импортами с территории Кобяковского курганного могильника // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). III. Сб. научных статей. Симферополь: Наследие тысячелетий. 2018. С. 58-84.
6. *Гугуев В.К., Трейстер М.Ю.* Ханьские зеркала и подражания им на территории юга Восточной Европы // Российская археология. 1995. № 3. С.143-156.
7. *Журавлев Д.В.* Пергамская эллинистическая столовая посуда в Северном Причерноморье (краткий обзор) // ПИФК. 2015. № 1. С.190-215.
8. *Ильюков Л.С.* Сарматские курганы окрестностей Танаиса (могильник «Царский») // Вестник Танаиса. Вып. 1. Ростов-на-Дону: Гефест. 1993. С. 198-214.
9. *Капошина С.И.* Краснолаковая керамика первых веков н.э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935-1940 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 289-326.
10. *Полосьмак Н. В., Богданов Е.С.* Курганы Суцзуктэ (Ноин – Ула, Монголия). Ч. 1. Новосибирск: Инфолио. 2015. 136 с.
11. *Прохорова Т.А., Гугуев В.К.* Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника. СА. 1992. № 1. С. 142 – 161
12. *Прюх М.* Китайские лаковые шкатулки на Крымском полуострове //Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III VII в. н.э.). Симферополь: ИП Зуева Т.В. 2017. С. 380-390.
13. *Прюх М., Трейстер М.* Погребение среднесарматского времени могильника «Царский» в окрестностях Танаиса с китайской лаковой чашей «Эр Бей» //SCYTHIA et SARMATIA / Тезисы ИА. 2017.
14. *Скрипкин. А.С.* Сарматы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. 293 с.
15. *Сокольский Н.И.* Античные саркофаги Северного Причерноморья. САИ. Г I-17. М.: Наука. 1969. 190 с.
16. *Raev B.A.* Roman imports in the Lower Don Basin // BAR International Series. 278. Oxford. 1986. 135 p.

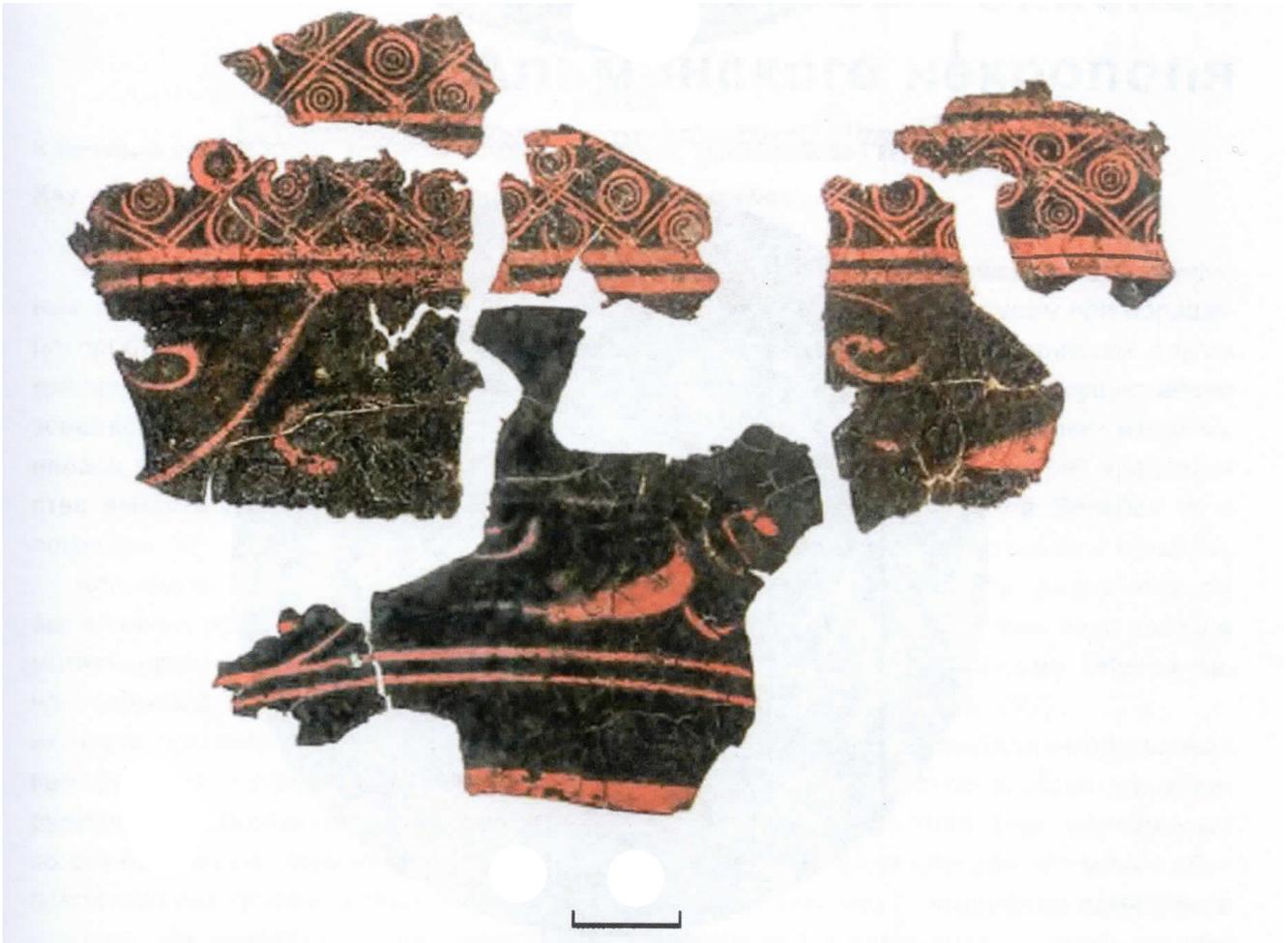

Рис.1. Фрагменты орнамента на лаковой китайской чашке из кургана 46 «Царского» могильника.

ФАНАГОРИЙСКИЕ МЕРНЫЕ СОСУДЫ

Ковальчук А.В.

Институт археологии Российской Академии наук (г. Москва)

E-mail: nako@mail.ru

Мерные сосуды являются мерой емкости сыпучих или жидких тел, официальный характер которых засвидетельствован штампами с эмблемами – *παράσημον* полиса, близкие изображения на монетах и гирях. Все известные на сегодняшний день фанагорийские клейма на тонкостенных сосудах, которые можно отнести к категории мерных, по ряду признаков (форма клейма, размещение изображения и легенды, состав легенды) могут быть разделены на две типологических группы. Изображения, находящиеся в поле клейма, напоминают о.с. и л.с. ранних фанагорийских монет. Археологический контекст и сравнение с нумизматическим материалом позволяет отнести клейма первого типа к концу V – началу IV вв. до н. э., второй группы – к 390-380 гг. до н. э.

Ключевые слова: Боспорское царство, мерные сосуды, Фанагория, керамическая эпиграфика, нумизматика, торговые отношения, хронология.

Под мерными сосудами мы понимаем официальную меру емкости, служившую для измерения сыпучих или жидких тел. В Греции первые мерные сосуды появляются в VIII в. до н. э. и суще-

ствуют вплоть до I в. до н. э. (Guarducci, 1969. P. 465). География находок довольно широка, большинство происходит из Афин, известны также сосуды из Ионии (Эфес, Приена, о. Самос), из Коринфа и с о. Фасос (Killen, 2016. S. 24). Официальный характер сосудов засвидетельствован штампами с эмблемами, которые являются *παράσημον* полиса, что подтверждается сходными изображениями на монетах и гирях. Иногда эти эмблемы дополняются этниконом и/или дополнительными надписями (граффити, дипинти), подтверждающими официальный статус сосуда (*δημόσιον/δημόσια*). Эти штампы являлись свидетельством подлинности самих сосудов и гарантировали их объем, наличие этникона, по всей видимости, указывало на принадлежность сосудов полису (Killen, 2016. S. 24).

Все известные на сегодняшний день фанагорийские клейма на тонкостенных сосудах, которые можно отнести к категории мерных, по целому ряду признаков (форма клейма, размещение изображения и легенды, состав легенды) могут быть разделены на две типологических группы.

К первой группе относятся оттиски круглой формы (диаметр 2,7-2,8 см),

в центре поля находится одиночное изображение, по сторонам от которого располагаются буквы *фи* и *альфа* (Рис. 1, 1-6). В состав этой группы можно включить шесть клейм, выполненных тремя разными штампами. Расположение букв и их палеография совпадают: широкая *альфа* с прямой горизонтальной гостой, *фи* с широкими полукружиями. Оттиски отличаются центральным изображением, в качестве которого в клейме фигурируют канфар (3 экз.), виноградная гроздь (2 экз.) и театральная маска (1 экз.¹). Сюжет клейм на мерных сосудах имеет дионисийскую направленность, а также, по всей видимости, был связан с их назначением (Завойкин, 2011. С. 200; Ковальчук, 2012. С. 223).

Находки найдены на большой территории: четыре оттиска происходят из Фанагории, один найден на городище Патрей, еще один – при исследовании некрополя Корокондамы (о. Тузла).

В 1940 году в Фанагории при исследовании некрополя на раскопе “Восточный” в слое керамической свалки классического и эллинистического времени были найдены обломки трех ойнохой. Все они сохранились очень фрагментировано, сейчас хранятся в виде не склеенных фрагментов в ГМИИ им. А. С. Пушкина (Ф 40. Некр Вост. Кв 1 шт 1-2. № 152, 160, 140, 153, 156. Инв. Ф 320, 318, 321). Ойнохой морфологически и стилистически идентичны, и были, по видимому, произведены в одной и той же местной ремесленной мастерской, о чем

свидетельствуют следы производственного брака – трещины и пятна на тулове. На двух из них (№№ 318, 193) ниже горла отпечатаны круглые клейма с изображением канфара и расположенными по бокам от него буквами *ФА*. В этой же свалке было найдено еще одно клеймо (№ 141) с изображением канфара, идентичное описанным выше, оттиснутое на фрагменте стенки тонкостенного сосуда (Зеест, 1961. С. 19. Табл. 23.2)².

В 1951 году при исследовании Холма И³ была найдена стенка сосуда с частью клейма, в поле которого вырезана виноградная гроздь и буквы *ФА*.

Полное представление о типе и характере данного оттиска дает находка с городища Патрей, выполненная таким же штампом. В центре клейма вырезана трехчастная виноградная гроздь, висящая на вьющейся лозе, слева – виноградный лист, по бокам от грозди – буквы *ФА*.

В 1911 году во время раскопок некрополя на о. Тузла в насыпи одной из могил была найдена практически целая ойнохой (высота – 17 см, диаметр горла – 8,3 см, максимальный диаметр – 13,3 см, диаметр кольцевого поддона – 7,8 см, диаметр ручки – 2,0 см, объем – 1,4 л), на тулове которой оттиснуто клеймо с изображением пожилого мужчины и буквами *ФА* (Шкорпил, 1914. С. 24).

А. А. Завойкин определяет данное изображение как голову бородатого сатира в три четверти, “дряхлого старика-сатира” (Завойкин, 2011. С. 200, 204.

¹ По словам А. А. Завойкина еще одно клеймо с изображением театральной маски было найдено при раскопках Фанагории в 1991 году.

² Ф 40. Некр Вост. Кв 1 Прирезка Д, шт 1+2. № 141. Инв. Ф. 319

³ Холм И, пл. V, № 74, Ф-714 (ГМИИ им. А. С. Пушкина)

Прим. 23). Однако полукруглая форма ушной раковины не подтверждают данное отождествление. Гротескное изображение черт лица, широко открытый рот свидетельствуют в пользу того, что перед нами театральная маска (Brea, 2001. P. 57. Fig. 45 a-b, 95 b).

Для определения времени изготовления сосудов рассмотрим археологический контекст находок.

Большинство оттисков в Фанагории было обнаружено в 1940 году на раскопе “Восточный” (Блаватский 1951, с. 218-219, рис. 16, 5-7), они происходят из слоя керамической свалки, частично перекрывающей участок восточного некрополя (Там же. Рис. 13). Эта свалка начинается формироваться еще с конца VI–V в. до н. э., однако, наиболее интенсивно – в период с IV по III в. до н. э., после чего этот участок опять служит некрополем (Там же. С. 214–215). На кв. 1 прирезки D-D', откуда происходят два клейма, были обнаружены находки классического и эллинистического времени (простая, чернолаковая, расписная посуда), в том числе терракотовая статуэтка конца V – начала IV в. до н. э. (там же, с. 218).

Ойнохоя, происходящая из некрополя Корокондамы, была обнаружена в насыпи погребения № 56 (11). Могила была перекрыта досками и слоем морского песка и содержала следующий погребальный инвентарь: обломок железного копья, бронзовую монету (Бурачков, XX, 93), нож и одноручный глиняный сосуд (Шкорпил, 1914. С. 24). На основании находки монеты во рту погребенного объект датируется временем 330–315 гг. до н. э./ последней четвертью IV в. до н. э.

(Шелов, 1956. С. 216. Табл. V, 55; Коваленко, 2011. С. 39).

Оттиск с виноградной гроздью происходит с городища Патрей. Он был найден на раскопе 26 при исследовании объекта № 46, состоящего из прилегающих друг к другу пятен розового и серого цвета. Первое пятно является очагом, содержащим золу и печину. Серое пятно заполнено слоем желтой глины, фрагментами амфор (эолийские типа с усеченно-конусовидным дном, амфоры Клазомен, типа на сложнопрофилированном кольцевом поддоне) и чернолаковой керамикой (фрагменты киликов). При его расчистке был выявлен слой пещины, который, по всей видимости, следует признать остатками обгорелой сырцово-глиняной стены. При расчистке этой стены была обнаружена стенка сосуда с клеймом. Согласно вышеперечисленным находкам, объект 46 датируется широко – со второй половины VI по вторую четверть V в. до н. э. (Абрамов. 2010. С. 534. Рис. 9, 4).

А. А. Завойкин считает патрейское клеймо более древним по сравнению с остальными оттисками на мерных сосудах (Завойкин, 2011. С. 207), относимыми им к IV в. до н. э. (Там же. С. 200, 204, 205, 207). Выделение данного клейма в особую временную группу ошибочно и связано с его неверным описанием на основе неудачной фотографии (Там же. С. 200).

Традиционное отнесение клейма на мерных сосудах к IV в. до н. э. основывается на мнении А. Н. Зографа (Блаватский, 1951, с. 219) и датировке керамики из черепяной вымостки “Восточного” раскопа.

Находка клейма на Патрее и пересмотр стратиграфии вымостки на Восточном раскопе позволяют говорить об их более ранней датировке.

Что касается нумизматического анализа, то по композиции и стилю эти клейма близки о.с. ранних фанагорийских монет (второй тип первой серии по Н. А. Фроловой (рис. 1, 7-8). Отметим такое же расположение в центре круга одиночного изображения (в случае с монетами – колоса, в случае мерных клейм – канфара, виноградной грозди и театральной маски) и размещение по бокам букв *фи* и *альфы*, палеография которых на монетах и клеймах очень близка.

Ранние фанагорийские монеты на основе изображения оборотной стороны были поделены Н. А. Фроловой на две серии (Frolova, 2004. S. 71-74). Первая серия на о.с. имеет изображение протомы быка в три четверти и/ или зерна, по сторонам от которого (в случае с протомой быка – сверху) располагаются буквы ФА. Эта серия, в свою очередь, по типу аверса и реверса подразделяется на два типа.

Первый тип представлена одним номиналом – *диоболом* (л.с. голова юного безбородого мужчины в пилосе влево; о.с. протома быка в три четверти, зерно сбоку, сверху над быком – ФА). Вес монет в силу разной степени сохранности варьируется от 1,19 до 1,84 г; у А. Е. Терещенко – в интервале от 0,75 до 1,79 г. (Терещенко, 2015. С. 296), средний вес монеты на основании метода весовой шкалы определяется как 1,60-1,76. Это

значение соответствует драхме в 4,8-5,28 г. Диаметр колеблется от 8 до 12 мм.

Второй тип, согласно Н. А. Фроловой, включает в свой состав монеты трех номиналов – *гемиобол*, *тетартеморий*, *гемитетартеморий*. Все они имеют одинаковое изображение на о.с. – зерно в центре, ФА по сторонам от него. На л.с. представлена голова молодого безбородого мужчины влево. Изображения л.с. гемиобола и гемитетартемория сходны, на тетартемории мужчина имеет длинные волосы. Нам кажется, что относительно близкие по весу и размеру монеты, имеющие одно и то же изображение на л.с. и о.с. не могут относиться к разным номиналам одной и той же серии. В связи с этим, здесь следует, по-видимому, выделить два номинала.

Во-первых, *тетартеморий* (л.с. голова юного мужчины с длинными волосами влево; о.с. зерно, по сторонам ФА) со средним весом 0,26-0,29 г. (значения от 0,15 до 0,45 г.) и диаметром 7 мм (от 5,5 до 8 мм). А. Е. Терещенко, отмечая развитие ранней фанагорийской чеканки в русле пантикапейской и появление тетартемориев в последней лишь эпизодически, считает все монеты типа II по Фроловой гемиоболами (Терещенко, 2015. С. 297).

Во-вторых, *гемиобол* (?)¹ (л.с. голова юного мужчины в лавровом венке влево, Аполлон (?); о.с. зерно по середине, по сторонам ФА) со средним весом 0,29-0,35 г. (значения 0,17 – 0,37 г.) и диаметром 7 мм (6,5-7,5 мм). Большинство исследователей относят монеты это-

¹ Сомнения в определении номинала вызывает слишком маленький вес монеты. Нам известен вес только пяти монет, что затрудняет точное определение номинала

го типа ко второй серии, основываясь на присутствии изображения лаврового венка, сближающего их с изображением л.с. большинства номиналов этой серии (Гарбузов, Завойкин, Строкин, Сударев, 2011. С. 132, прим. 1; Терещенко, 2015. С. 297). На наш взгляд, основой для разделения монет на серии является изображение о.с. монет, а лавровый венок служит дополнительным признаком, позволяющим разделять близкие по весу и размеру номиналы одной серии.

В 2004 году в Тамани была найдена монета, которая, если признать ее подлинной, также относится к этой серии и является, по всей видимости, *оболом* (л.с. – голова быка в $\frac{3}{4}$ влево; о.с. – зерно в горизонтальном положении, сверху буквы ФА, вес 0,72 г., диаметр 9 мм (Шалобудов, Шонов, 2004. С. 285-287). А. Е. Терещенко считает эту монету тетартеморием (Терещенко, 2015. С. 298).

Первая серия дает нам следующие средние значения веса – драхма 4,8-5,28 гг (расчетный вес), диобол 1,60-1,76 гг, обол 0,8 – 0,88 гг. (расчетный вес), геммиобол 0,29-0,35 гг., тетартеморий 0,26-0,29 гг.

Близость клейм первой группы о.с. вышеуказанных фанагорийских монет, как и легенда с упоминанием общины полиса – ФА (Φαναγορίτων), свидетельствует об официальном характере сосудов, на которых были отпечатаны клейма, и позволяет отнести ойнохои к категории мерных.

Ко второй группе мерных сосудов из Фанагории относится одно клеймо,

найденное на городище Патрей (рис. 2, 1).

В 2017 году при исследовании объекта 5 было найдено клеймо, отпечатанное на тулове тонкостенного сосуда (кувшина?, ойнохои?), от которого сохранился фрагмент размером 34x39 мм (толщина стенки – 3,5-4 мм)¹. Внешняя поверхность сосуда покрыта черным лаком плохого качества, видны грубые мазки, нанесенные в разных направлениях. Глина сосуда – тонкозернистая, хорошо отмученная, с небольшим количеством белых включений, красного цвета с сероватым закалом. На оборотной стороне сохранилось несколько отпечатков подушек пальцев мастера, который при клеймении в виду тонкостенности сосуда придерживал штампель с двух сторон, чтобы избежать повреждения сосуда. Клеймо отколото сверху и справа, имело, по всей видимости, квадратную форму размером 22 x 22 мм (сохранившиеся размеры – 19 x 22 мм).

В легенде оттиснуто рельефное изображение мужской головы в профиль, повернутой вправо. Мужчина имеет длинные волосы до плеч, зачесанные назад, которые искусно прорисованы отдельными прядями, усы и длинную бороду, немолод, под глазами прочерчены мимические морщины. Выделяются надбровные дуги. На голове мужчины – остроконечная шапка – пилос, украшенный венком из плюща, сверху – петля, которая обычно использовалась для подвешивания или для того, чтобы нести пилос одной рукой. Поля отогнуты

¹ Выражаю свою благодарность Е. В. Захарову за возможность лично ознакомиться с данным клеймом и за ценные замечания по тексту статьи

вниз, отделены от основной части двумя полосками. Листики плюща имеют небольшой размер и, по всей видимости, являются орнаментальной деталью, а не венком¹. Выше мужской головы сохранилась часть надписи, от которой уцелели две буквы – *альфа* и *ню* (Захаров, 2018. С. 55-56, рис. 1).

Клеймо происходит из объекта 5 раскопа 4б, который выделялся на площади квадрата темно-серым пятном подпрямоугольной формы и является, вероятно, ямой. В ходе выборки были найдены отдельно лежащие крупные формы амфор, на дне находилась гераклейская амфора начала IV в. до н.э. Из заполнения происходят также фрагменты амфор Клазомен, Хиоса, Лесбоса, Менды и амфор «на сложнопрофилированном кольцевом поддоне», а также Фасоса и Гераклеи, датирующиеся с VI по IV вв. до н.э. Помимо всего прочего, в комплексе были найдены три амфорных клейма, отпечатанные на горлах гераклейских амфор. В легендах читаются имена фабрикантов Аргия, Архелы и Тимасандра. Все они относятся к т. н. ранней фабрикантской группе (РФГ В. И. Каца) и датируются концом V – началом IV вв. до н.э. (Кац, 2007. С. 429). Имена Аргея и Архелы известны также при именах магистратов первой магистратской группы (90-е годы IV в. до н.э. (Монахов, 1999. С. 160–161, 209).

Изображение, находящееся в поле клейма, напоминает л.с. ранних фангорийских монет (вторая серия по Н. А. Фроловой (Рис. 2, 2).

Вторая серия имеет на о.с. изображение фигуры или протомы бодающегося быка с поднятой левой ногой и колоса, легенда ΦΑΝΑ. Эта серия, по мнению Н.А. Фроловой характеризуется 3 эмиссиями (типами) и 4 номиналами (драхма, триобол, диобол, обол). *Драхма* (л.с. голова юного безбородого мужчины в пилосе влево, о.с. стоящий бодающийся бык влево с поднятой левой ногой, снизу под чертой – колос, над быком – ΦΑΝΑ) весом 4,45 г, 5,17 г, 5, 40 г. Следующий номинал, определяемый Н. А. Фроловой и Е. В. Захаровым как триобол (л.с. голова бородатого мужчины в пилосе, украшенным лавровым венком, влево, о.с. стоящий бодающийся бык влево с поднятой левой ногой, снизу под чертой – колос, над быком – ΦΑΝΑ; Захаров, 2018. С. 55, 5557. Рис. 2) весом 2, 62 г., 3, 08 г., 3, 30 г., 3, 64 г, при сравнении с весом драхмы следует, по всей видимости, признать *тетроболом*. Такого же мнения придерживается А. Е. Терещенко (Терещенко, 2015. С. 299).

У Н.А. Фроловой к этой серии принадлежат также монеты типа пять, имеющие одинаковые изображения на л.с. (голова юного мужчины с украшенным лавровым венком пилосом влево) и о.с. (протома быка влево с поднятой левой ногой, сзади – колос, сверху – ΦΑΝΑ), различающиеся только весом и являющиеся соответственно диоболом и оболлом (Frolova, 2004. S. 73). Вес монет этого типа колеблется в промежутке от 0,92 до 1,50 г., А.Е. Терещенко приводит данные от 0, 81 до 1, 87 г. (Терещенко, 2015.

¹ Выражаю благодарность А. А. Завойкину, взявшему на себя труд прочесть статью и обратившему мое внимание на эту деталь

С. 299). Средний вес по методу весовой шкалы определяется в 1,10-1,35 г. Эти значения и сравнение их с весом диобола первой серии заставили В.Л. Строкина говорить о разных весовых стандартах этих серий (Строкин, 2016. С. 416). Однако, как мы видели выше, средний вес драхмы обеих серий совпадает. По всей видимости, монеты пятого типа по Н.А. Фроловой являются не диоболом, а *тригемиоболом*.

Патрейское клеймо наиболее близко л.с. тетроболу. Сходство прослеживается в общих чертах: повороте головы, прическе, изображении головного убора (поля пилоса, петля). Видны и отличия: голова повернута вправо, а не влево, лавровый венок, характерный для монетных типов со схожим изображением, заменяется на венок из плюща, более тщательно прорисованы волосы, возрастные признаки.

Сравнение клейма с монетами из Фанагории позволяют отождествить изображенного в клейме с мужчиной на монетах. А надпись выше клейма по аналогии с монетой восстанавливается как этникон в сокращенной форме ΦΑΝΑ ([Φ]αv[α] (γορίτων).

Вопрос относительно того, кто изображен на фанагорийских монетах конца V-начала IV вв. до н. э., до настоящего времени остается спорным. Согласно доминирующей точке зрения, на монетах оттиснуто изображение кабира, о чем свидетельствуют как некоторые внешние признаки (пилос), так и распространение этого культа в различных городах Северного Причерноморья (Березань, Нимфей, Пантикапей, Фанагория).

Впервые эта точка зрения была высказана в 1904 году фон Фритце, который пришел к такому выводу на основании высказывания Страбона о почитании кабиров в «отдельных городах Троянской области» (Strabo, X, 473) и сравнения изображения бородатого/ безбородого мужчины в пилосе на монетах различных греческих полисов (Кизик, Лампсак, Митилена, Фокея (vonFritze, 1904. S. 114, 123). Впоследствии она получила широкое распространение в русской историографии, а также была поддержана некоторыми зарубежными исследователями. В частности, Хинд отмечает вулканическую природу окрестностей Фанагории (Майская гора, гора Бориса и Глеба), схожую с северной частью о. Лемнос в районе Гефестии, места почитания Гефеста и кабиров (Hind, 2008. P. 6, 8).

В 2009 году Д. Браунд, изучив материалы, относящиеся к культу кабиров на Боспоре, пришел к выводу, что в нашем распоряжении нет ни достоверных письменных, ни материальных остатков, доказывающих существование этих богов в регионе (Braund, 2009. S. 153). Рассматривая монеты Фанагории, исследователь отмечает отсутствие типичных атрибутов кабиров – топора, сосуда для питья (канфара или ритона (там же. S. 182-183). Анализируя изображения на монетах различных полисов, на которых, согласно фон Фритце, оттиснуты изображения кабиров, Браунд указывает шаткость доказательной базы (там же. S. 181-182) и ошибки в интерпретации (там же. S. 183-184). По его мнению, у нас нет оснований для определения мужчины на монетах Фанагории в ка-

честве кабира, возможно, в нем следует видеть Гефеста, Одиссея или Геракла (там же. S. 184).

Еще один вариант идентификации был предложен Келером (там же. S. 185) и впоследствии принят В. Ф. Гайдукевичем (Гайдукевич, 1949. С. 582), а именно – изображение на монетах основателя города – Фанагора. Отметим также мнение А.А. Завойкина, считающего, что наличие лаврового венка исключает возможность отождествления мужчины на монетах с кабиром, он допускает возможность трактовки данного изображения как ктиста (Завойкин, 2011. С. 202. Прим. 15).

У нас немного данных для интерпретации данного изображения. На тонкостенном сосуде и на монетах его сближает наличие остроконечного головного убора – пилоса. Пилос является типичным головным убором путешественников, моряков, пастухов, его носили боги, герои, представители аристократии и простые ремесленники (Pauly-Wissowa, 1893. S. 1332). Он встречается также у женщин и детей. Пилос является характерным атрибутом Одиссея, а с конца IV в. до н. э. (в сочетании со звездами) – Диоскуров (там же. S. 1331). Нам известны также изображения Гефеста и циклопов, Харона, Гермеса, Пилада, Патрокла, Тесея, Кадма, амазонок и др., носящих пилос.

В связи с этим возникает вопрос, носили ли кабиры пилос, и является ли он их характерным признаком (атрибутом).

С одной стороны, отметим довольно сильные локальные различия в культе кабиров. Так, в Фивах культ и изображения кабиров близки Дионису (Hemberg,

1950. S. 194). В вазописи доминируют мотивы с виноградной лозой, плющом, сам бородатый бог изображен возлежащим, с увитой плющом лентой на голове, подобной той, которую носили мисты Диониса, в руке у него канфар или ритон. Среди votивных приношений доминируют бронзовые фигурки быков с посвятельными надписями (около 600 экз.), а также изображения юношей и детей (около 700 шт., около 250 – с пилосом (там же. S. 192).

На Лемносе культ кабиров был связан с почитанием Гефеста. Кабиры были его сыновьями или внуками (Hemberg, 1950. S. 163-164). Отметим, что Гефест часто изображается в пилосе, с топором или молотом. Возможно, именно от него кабиры получили молот, фигурирующий, например, на монетах Фессалоник (там же. S. 209).

Таким образом, следует сказать, что кабир практически на всех известных нам изображениях, в принадлежности которых ему не приходится сомневаться, представлен без остроконечного головного убора (пилоса), в Фивах он подобно Дионису носит ленту, украшенную плющом, в большинстве случаев – изображен с непокрытой головой. В связи с этим вероятность того, что мужчина, представленный на фанагорийских монетах и клейме на мерном сосуде, является кабиром, очень мала.

Возможно, здесь следует видеть основателя Фанагории. В таком случае, лавровый венок на монетах можно рассматривать как символ покровительства Аполлона, а плющевый – Диониса (или указанием на назначение сосуда).

Вопрос о датировке и последовательности серий ранних фанагорийских монет остается дискуссионным.

Д. Б. Шелов по стилистическим признакам (характер вдавленного круга на о.с. монет) относит фанагорийские монеты к рубежу V–IV вв. до н. э. и первому десятилетию IV в. до н. э., помещая их между второй серией раннего пантикапейского серебра с головой барана и первой серией с головой сатира (Шелов, 1956. С. 50). Он отмечает также заимствование Фанагорией сюжета бодающегося быка с гераклейских монет рубежа столетий (там же. С. 51).

Н. А. Фролова, исходя из логики развития легенды на пантикапейских монетах (ПА, ПАН, ПАНТИ) и наличия мелких номиналов в первой серии, как и у ранних монет Пантикапея и в чеканке синдгов, считала серию с легендой ФА более ранней, чем серию с легендой ФАНА, датируемую ей вслед за Д. Б. Шеловым концом V – началом IV в. до н. э. (Frolova, 2004 52. S. 74).

А. А. Завойкин рассматривает фанагорийские монеты как единую серию и датирует начало выпуска монет Фанагорией завершением синдской чеканки (Завойкин, 2013. С. 363), а окончание – временем захвата и разрушения города Сатиром, которое выделяется им по археологическим данным (слой пожара с находками наконечников стрел, разрушение оборонительной стены города (там же. С. 173). Датировка данного слоя опирается на отсутствие в нем медных пантикапейских монет с изображением на л.с. головы сатира, керамических клейм Фасоса и Гераклеи, и опреде-

ляется исследователем как период с 410 по 400 гг. до н. э. (там же. С. 173, 176). Таким образом, по его мнению, ранняя фанагорийская чеканка ограничивается временем ок. 405-400 гг. до н. э. (там же. С. 363).

Терещенко, отмечая визуальную близость монет серии Фа-2 пантикапейской чеканке первой четверти IV в. до н. э., датирует их 387 или 384-378 гг. до н. э. (Терещенко, 2015. С. 300), а серию Фа-1, выпуск которой он связывает с уменьшением притока пантикапейских монет, началом IV в. до н. э. (рубеж 390/ 380 гг. до н. э. (там же. С. 304).

Иной точки зрения придерживается В. Л. Строкин, считающий серию с бодающимся быком более ранней, чем серию с протомой быка/ колосом. Автор указывает на стилистические особенности – заимствование мотива бодающегося быка из Гераклеи, где он появляется в начале IV в. до н. э., и близость протомы быка монетам Пантикапея 360-340 гг. до н. э. (Строкин, 2016. С. 416). Исследователь отмечает также разницу весовых систем этих серий, что объясняется, по-видимому, неверным определением номинала тригемиобола, и указывает на появление в первой серии нового номинала – обола. Строкин датирует серию с бодающимся быком 392-382 гг. до н. э., где 382 год является временем захвата Фанагории Левконом. А серию с протомой быка 371-362 гг. до н.э., считая, что в 371 г. до н. э. Левкон был изгнан из города, а в 362 г. до н. э. Фанагория окончательно вошла в состав Боспорского царства (Строкин, 2016. С. 418). Отметим лишь умозрительность

данных построений, не подкрепленных ни археологическими, ни литературными источниками.

Таким образом, археологический контекст находок клейм на мерных сосудах и данные нумизматики дают нам следующие сведения. Клейма первой группы по сопутствующим находкам датируются широко – со второй четверти V по последнюю треть IV в. до н. э. Близость их монетам первой серии и уточнение стратиграфии раскопа “Восточный некрополь” позволяет отнести их к концу V – началу IV вв. до н. э. Оттиск второй группы по данным археологии относится к концу V – 90-м годам IV в. до н. э. Эта дата близка датировке фанагорийских монет второй серии.

Широкая география находок фанагорийских мерных сосудов ставит перед нами вопрос о существовании в это время единого стандарта мер и весов на территории Боспорского государства. Близость клейм монетным типам ранней фанагорийской чеканки, которая имела автономный характер и по своим типам отличалась от одновременной ей чеканки Пантикапея, заставляет датировать оттиски на мерных сосудах временем до вхождения Фанагории в состав Боспорского царства. По-видимому, до времени царствования Левкона и завершения процесса создания единого Боспорского царства говорить о существовании на данной территории единой локальной системы весов и мер не приходится. При этом отметим,

что в монетном деле, несмотря на то, что монеты Фанагории, синдов, Феодосии и других городов «по своим типам резко отличаются от пантикапейских и носят самостоятельный характер» (Зограф, 1951. С. 170), в регионе использовался общий эгинский весовой стандарт, а для измерения жидких тел, по-видимому, – аттическая мера.

В связи с этим отметим еще два клейма, которые на основе их близости монетным типам Пантикапея и Феодосии также можно рассматривать как мерные.

Из Керчи происходит целая ойнохоя с анэпиграфным клеймом, на котором изображена голова сатира влево (Ковальчук, 2012. С. Рис. 231. № 10. Рис. 3, 1-2). Изображение очень близко л.с. серебряных пантикапейских монет начала IV в. до н. э. (рис. 3, 3). Д. Б. Шелов отмечает близость этих монет пантикапейским конца V в. до н. э., сходство по фактуре с фанагорийской чеканкой и датирует их первой четвертью IV в. до н. э. (Шелов, 1956. С. 98). А. А. Завойкин относит их к началу правления Левкона I (393-392 гг. до н. э. (Завойкин, 2013. С. 376). Ойнохоя по целому ряду признаков близка фанагорийскому сосуду с клеймом первой группы (театральная маска). Отметим наличие таких же лаковых поясков на тулове, оба сосуда близки по морфологии и параметрам¹. Их объем в 1,38/ 1,4 л равняется пяти котилам (рис. 3, 1; 3, 4).

В 1955 году в Фанагории при исследованиях на раскопе «Керамик» был найден

¹ Фанагорийская ойнохоя (о. Тузла): Н – 17, 0 см, D горла – 8, 3 см, D max – 13, 3 см, D кольцевого поддона – 7, 8 см, D ручки – 2, 0 см, V – 1, 38; Ойнохоя из Керчи: Н – 18, 4 см, D горла – 9, 2 см, D max – 13, 9 см, D кольцевого поддона – 7, 6 см, D ручки – 2, 3 см, V – 1, 4 л

фрагмент тонокстенного сосуда с изображением головы Афины (Никулина, 1981. С. 64-72; рис. 2, 3). Голова богини повернута вправо, изображена в шлеме аттическо-ионийского типа (там же. С. 67), по характеру изображения клеймо близко памятникам конца V – рубежа V–IV вв. до н. э. (там же. С. 66, 67, 71). Н. М. Никулина отмечала его сходство с отдельными произведениями искусства Восточной Греции конца V – начала IV вв. до н. э. и предполагала ионийское происхождение данного сосуда (там же. С. 67, 70).

Принимая эту датировку, укажем на близость данного оттиска типу л.с. второй серии серебряных монет Феодосии, датирующихся концом V – нача-

лом IV вв. до н. э. (Коваленко, Молчанов, 2005. С. 52). Сходство прослеживается как в изображении шлема, так и в общей композиции рисунка (рис. 2, 4). В связи с этим существует большая вероятность того, что данное клеймо стояло на мерном сосуде, изготовленном в Феодосии.

Таким образом, можно утверждать, что в конце V – первой четверти IV в. до н. э. отдельные боспорские города (Фанагория, Феодосия, Пантикапей) выпускали мерные сосуды с клеймами, изображения на которых были близки их монетным типам. Однако, единая локальная система мер и весов сложилась в регионе, по всей видимости, уже после образования единого Боспорского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамов А.П.* Патрей // Античное наследие Кубани / Отв. ред. Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов. Т. 1. М., 2010. С. 528-539.
2. *Блаватский В. Д.* Раскопки некрополя Фанагории 1938, 1939 и 1940 гг. // МИА. 19. М., 1951.
3. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. Москва-Ленинград, 1949. 622 с.
4. *Гарбузов Г. П., Завойкин А. А., Строккин В. Л., Сударев Н.И.* Освоение греками Таманского п-ова в VI-V вв. до н. э. // ДБ. М., 2011. Т. 15. С. 90-172.
5. *Завойкин А. А.* Заметки о культе Диониса в Фанагории // ПИФК. 2011. № 4 (34). С. 199-208.
6. *Завойкин А. А.* Образование боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов // Боспорские исследования. Симферополь-Керчь, 2013. Suppl. 10. 592 с.
7. *Захаров Е. В.* Клеймо на мерном сосуде, найденное на поселении Гаркуша 1 (Патрей) в 2017 году, в контексте типологии ранних монет Фанагории // “Припонтский меняла: деньги местного рынка”. V Международный Нумизматический симпозиум (Москва 20-21.09.2018 г.). Симферополь-Москва, 2018. С. 55-58.
8. *Зограф А. Н.* Античные монеты // МИА. 16. Москва-Ленинград, 1951.
9. *Кац В. И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // Боспорские исследования. Симферополь-Керчь, 2007. Вып. XVIII. 480 с.
10. Керамическое производство и античные керамические строительные материалы / Отв. ред. И. Б. Зеест. М., 1966. Г 1-20.
11. *Коваленко С.А.* Монеты из раскопок Пантикапея 1976 и 1987-1991 гг. // Нумизматика и эпиграфика. Т. XVIII. М., 2011.

12. Коваленко С. А., Молчанов А. А. О монетной чеканке Феодосии в V – IV вв. до н. э. // ВДИ. 2005. № 1. С. 49-62.
13. Ковальчук А. В. Боспорские мерные сосуды IV – III вв. до н. э. // ДБ. Т. 16. М., 2012. С. 220-238.
14. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары. Саратов, 1999. 679 с.
15. Никулина Н. М. Керамическое клеймо с головой Афины из раскопок Фанагории // ВДИ. 1981. № 4. С. 64-72.
16. Строкин В. Л. Нумизматика Боспора при Левконе I // ДБ. М., 2016. Т. 20. С. 405-435.
17. Терещенко А. Е. Ранняя чеканка Фанагории // Боспорские исследования. Симферополь, Керчь, 2015. Т. XXXI. С. 296-308.
18. Шалобудов В. Н., Шульга А. Н. К вопросу о чеканке железных монет в городах античного Боспора // Старожитності степового Причорномр'я і Криму. Том IX. Запоріжжя, 2004. С. 285-28
19. Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI – II вв. до нашей эры. М., 1956. 220 с.
20. Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. (с 26 рис.) // ИАК. Спб., 1914. 56.
21. Braund D. Phanagoria and Kabeiromania: imagined Kabeiroi on the north coast of the Black Sea // Phanagoreia und seine historische Umwelt. Von den Anfängen der griechischen Kolonisation (8. Jh. v. Chr.) bis zum Chasarenreich (10. Jh. n. Chr.). Göttingen, 2009. Hrsg. von N. Povalahev, D. Kuznetsov. S. 153-197.
22. Brea L. B. Maschere e personaggi del teatro greco nelle terracotta Liparesi // Bibliotheca Archaeologica. 32. Roma, 2001. 316 p.
23. Guarducci M. Epigrafia Greca II. Epigrafi di carattere pubblico. Rom, 1969.
24. Killen S. Parasema. Offizielle Symbole griechischer Poleis und Bundesstaaten // Archäologische Forschungen 36. Berlin, 2016. 366 S.
25. von Fritze H. Birytis und die Kabiren auf Münzen // Zeitschrift für Numismatik. Hrsg. von H. Dannenberg, H. Dressel, J. Menadier. Berlin, 1094. Band 24. S. 105-128.
26. Frolova N. A. Die frühe Münzenprägung vom Kimmerischen Bosporos (Mitte 6. bis Anfang 4. Jh. v. Chr.). Die Münzen der Städte Pantikapaion, Theodosia, Nymphaion und Phanagoria sowie der Sinder // Griechisches Münzwerk. Berlin, 2004. 95 S.
27. Hemberg B. Die Kabiren. Uppsala, 1950.
28. Hind J. G. F. Two Notes on Early Coin Types of Pantikapaion and Phanagoreia // The Numismatic Chronicle. 2008. № 168. P. 1-9.
29. Pauly A., Wissowa G. Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1893.

*

1

2

3

4

5

6

7

8

Рис. 1. Клейма на мерных сосудах. Фанагорийские клейма первого типа.

1

2

3

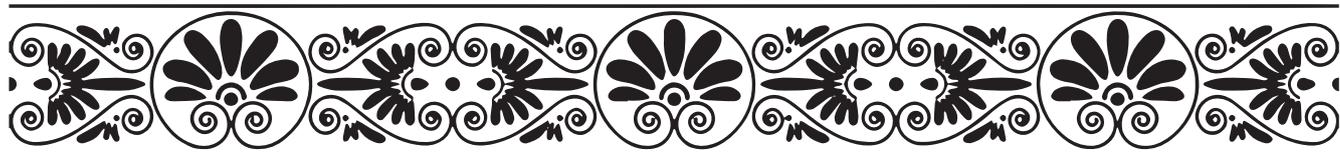

4

Рис. 2. Клейма на мерных сосудах:
1 – фанаторийское клеймо второго типа, 3 – феодосийское (?) клеймо.

Рис. 3. Мерные сосуды: 1 – из керчи, 2 – с о. Тузла.

К ДАТИРОВКЕ БОСПОРСКОЙ СТОЛОВОЙ ПОСУДЫ ПОЗДНЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Кропотов В.В.

Институт археологии Крыма РАН (г. Симферополь).

E-mail: v-kropotov@bk.ru

В работе публикуются результаты исследования одного из античных погребальных комплексов, открытых в 2018 г. при изучении кургана 3 группы «Чистополье-Северное» в Восточном Крыму. Этот объект представлял собой нарушенное в древности детское погребение и содержал два гончарных сероглиняных сосуда, фрагментированный краснолаковый кувшин, железную фибулу, нож и бусы. Указанные вещи позволили узко датировать захоронение концом I в. до н.э. – началом I в. н.э. Находки дают хороший материал, который может быть использован для разработки типологии и хронологии столовой посуды, а также для реконструкции этнического состава населения западной части Боспорского царства конца позднеэллинистического периода.

Ключевые слова: Восточный Крым, Европейский Боспор, погребальные памятники, столовая посуда, поздний эллинизм, античное время.

Определенное своеобразие боспорскому керамическому комплексу позднеэллинистического времени придают

такие группы столовой посуды, как Боспорская сигиллата (*Bosporus Sigillata*) и Понтийская сероглиняная посуда (*Pontic Grey Ware*). Для образцов первой группы характерны глина красно-коричневого цвета с большим количеством известковых включений и коричневый или коричневато-красный лак, нередко покрывающий лишь верхнюю часть сосуда; изделия второй группы – сероглиняные без обмазки или покрытые жидким черным лаком. Среди форм и тех, и других доминируют тарелки, миски и чашки, несколько реже встречаются канфары, пелики и кубки (Domzalski, 1996, p.95-97; Домжальски, Журавлев, 2003, С. 89-91; Журавлев, 2005, С. 240-243). Обе указанные группы керамики были выделены К. Домжальским и Д.В. Журавлевым относительно недавно – в конце 1990-х – начале 2000-х гг. – и пока подробно не изучены. Авторы приводят только их общее описание, подчеркивая, что детальной разработке типологии и хронологии этих изделий препятствует недостаточное количество закрытых комплексов с ними и отсутствие надежных хронологических

индикаторов. В этой связи, публикация новых хорошо датированных памятников с подобной посудой представляется весьма актуальной.

В данном сообщении речь пойдет о комплексе, открытом в ходе изучения грунтового некрополя античного времени, расположенного в 2,2 км к север-северо-западу от С. Чистополье Ленинского района Республики Крым. Памятник был выявлен экспедицией Таврического археологического общества при участии сотрудников Института археологии Крыма РАН под руководством С. Г. Колтухова при исследовании курганный группы «Чистополье-Северное» в 2018 г. Некрополь примыкал с юго-востока к кургану 3 этой группы, сооруженному в эпоху бронзы, частично перекрывая его южную полу. На сегодняшний день вскрыта лишь часть могильника – 30 погребений, входивших в охранную зону кургана. Сопутствующий открытым захоронениям инвентарь позволил разделить их на две разновременные группы: комплексы скифского времени и могилы конца позднеэллинистического периода. Последние численно преобладали и содержали наиболее яркий и выразительный материал, среди которого особое место занимает набор керамической посуды, состоящий в основном из образцов краснолаковых и гончарных сероглиняных изделий (Колтухов, Кропотов, 2019, С. 153-154; Кропотов, Колтухов, 2019, С. 327-329).

Публикуемый ниже комплекс – *погребение 2*, располагался непосредственно в центре кургана 3 (в 0,5 м к югу от R₀),

на некотором удалении от остальных захоронений некрополя. Погребальное сооружение представляло собой простую подпрямоугольную в плане могилу, ориентированную по оси запад – восток с незначительным отклонением к северо-западу. Восточный и западный ее края повреждены траншеями, пробитыми при исследовании кургана. Реконструируемые размеры сооружения – 1,4 × 0,4 м, горизонтальное дно находилось на глубине 0,42 м от R₀ (Рис. 1).

В могиле выявлено нарушенное в древности детское погребение (вероятный возраст усопшего 8 – 10 лет¹), большая часть костей которого отсутствовала. Сохранившиеся останки – череп и отдельные кости посткраниального скелета – были смешаны и сдвинуты к восточному краю могилы. В комплексе также обнаружены: за черепом покойного – гончарные сероглиняные чаша и кубок, фрагменты краснолакового кувшина (Рис. 1,3,4,6), под черепом – кремневый отщеп, две стеклянные и гагатова бусины (Рис. 1,2), ближе к центру могилы – железный нож (Рис. 1,5), в центре могилы и у ее восточного края, под чашей – обломки железной фибулы (Рис. 1,1).

Из перечисленных вещей наибольший интерес представляют керамические сосуды.

Первый из них – гончарная чаша с высоким прямым бортиком и коническим туловом на низком кольцевом поддоне; к бортику прикреплены две горизонтальные сильно изогнутые ручки. Глина, из которой сформован сосуд, серая с включением белесых примесей,

¹ Определение старшего научного сотрудника Института археологии Крыма РАН, к.и.н. А.В. Иванова.

поверхность тщательно залощена, следов какого-либо покрытия не отмечено. Высота изделия 8 см, диаметр венчика 19 см, диаметр поддона 7,5 см (Рис. 1,6).

Второй образец – гончарный кубок с округлым туловом на низком кольцевом поддоне, с двумя вертикальными ленточными ручками; высокий плавно загнутый внутрь бортик отделен от тулова резким перехватом, подчеркнутым двумя врезными линиями. Глина сосуда плотная серая, поверхность хорошо залощена, следов лака не отмечено. Высота 8,2 см, диаметр венчика 7,8 см, диаметр поддона 4,8 см (Рис. 1,4).

Третий предмет – краснолаковый кувшин – представлен лишь во фрагментах, однако сохранившиеся части позволяют восстановить его форму почти полностью. Это аккуратно оформленный сосуд с высоким, чуть расширяющимся кверху горлом, украшенным двумя рядами врезных линий, и резко выделенным венчиком, имеющим вид уплощенного валика; придонная часть приземистого тулова не сохранилась; уплощенная профилированная ручка, по-видимому, была изогнута под прямым углом. Глина коричневато-оранжевая с включением белых и черных частиц; лак матовый, темно-красного цвета. Реконструируемая высота сосуда около 20 см, диаметр венчика 10 см, максимальный диаметр тулова 16,5 см (Рис. 1,3).

Аналогов первому сосуду среди крымских древностей позднеэллинистического времени известно достаточно много, однако большинство из них краснолаковые (Арсеньева, 1970, табл.15,10-13, 16,7; Корпусова, 1983, табл.XIV,9, XXX,4,

XXXVI,6, XXXIX,2, XLIII,10; Масленников, 1995, Рис. 19,5; Ланцов, Труфанов, 1999, Рис. 4,10-13; Уженцев, Труфанов, 2004, Рис. 2,13,14; Кропотов, Лесков, 2006, Рис. 8,7; Журавлев, 2007, Рис. 2,13-20; Дашевская, 2014, табл.34,4, 37,2, 52,4, 61,4, 80,9, 126,2; и др.). Находки сероглиняных образцов, покрытых черным лаком или без него, не столь многочисленны (см., например, Грач, 1999, табл.102,10; Уженцев, Труфанов, 2004, Рис. 2,12; Дашевская, 2014, табл.139,4). Предлагаемые для них датировки в целом соответствуют хронологическим определениям краснолаковых оригиналов: I в. до н.э. (в основном вторая половина столетия) – начало I в. н.э., допуская бытование отдельных экземпляров в более позднее время (Корпусова, 1983, С. 40; Ланцов, Труфанов, 1999, С. 164; Журавлев, 2007, С. 280-281).

Менее многочисленны в Крыму двуручные кубки с высоким плавно загнутым внутрь бортиком. Подобные кубки также известны как в краснолаковом, так и сероглиняном исполнении и происходят из комплексов, датируемых второй половиной I в. до н.э. – началом I в. н.э. (Масленников, 1995, С. 14, Рис. 19,9; Ланцов, Труфанов, 1999, С. 164, Рис. 4,9; Бейлин, 2014, С. 38, Рис. 3,10).

Краснолаковые кувшины, подобные публикуемому, встречаются не часто. В.М. Корпусова относит их к типу I,1 своей классификации и датирует I в. до н.э. (Корпусова, 1983, С. 36, Рис. 10,1). Для определения хронологического положения нашего экземпляра показательны находки очень близкого во всех деталях сосуда в склепе-катакомбе 47 некрополя Золотое, где, помимо прочего, находи-

лась скрепленная фибула среднелатенской схемы второй половины I в. до н.э. (Корпусова, 1983, С. 103, табл. XIII, 2; Кропотов, 2010, С. 43-45, Рис. 19, 7), а также аналогичного кувшина в слое завала помещения XXXVI городища Калос Лимен, датируемого первой третью I в. н.э. (Уженцев, Труфанов, 2004, С. 278, Рис. 4, 35).

Опираясь на приведенные выше определения, публикуемый комплекс можно датировать в пределах второй половины I в. до н.э. – начала I в. н.э. Уточнить эту дату позволяет найденная в этом же захоронении железная застёжка-фибула (Рис. 1, 1), которая, хотя и фрагментирована, но, тем не менее, уверенно определяется как лучковая подвязная фибула I серии варианта 1. Основное время бытования таких изделий – конец I в. до н.э. и первая половина I в. н.э. (Кропотов, 2010, С. 71-72).

Следовательно, вероятная дата публикуемого комплекса должна быть сужена до времени, близкого к рубежу нашей эры, т.е. конца I в. до н.э. – начала I в. н.э.

Сделанному выводу не противоречат найденные в этом погребении бусы. Первая из них – округлая поперечно-сжатая из глухого бирюзового стекла с восемью сине-белыми глазками (тип 131¹) (Рис. 1, 2а), вторая – округлая поперечно-сжатая из глухого черного стекла (тип 1) (Рис. 1, 2б), третья – гагатовая коротко цилиндрическая (тип 27) (Рис. 1, 2в). И хотя для глазчатых бус типа 131 Е.М. Алексеева предлагает довольно раннюю дату – вторая половина V – IV вв. до н.э., она же и указывает, что подобные про-

низи в отдельных экземплярах еще долго использовались в качестве амулетов (Алексеева, 1975, С. 72-73). Аналоги двух других бусин из данного комплекса исследовательница датирует широко – почти всей античной эпохой (Алексеева, 1978, С. 14, 62-63).

Также не влияет на предложенную датировку и найденный в погребении нож (Рис. 1, 5) – подобные изделия в хронологическом плане слишком мало информативны.

Характеризуя этнокультурную принадлежность описанного комплекса, как и всего открытого в 2018 г. участка позднеэллинистических захоронений, следует отметить, что он близок другим античным погребальным памятникам региона, в первую очередь грунтовыми могильникам, расположенным вблизи Казантипского залива и на Караларском побережье (Золотое, Ново-Отрадное, Белинское, Артезиан и др.). Эти некрополи сходны не только по хронологическому положению, но и по особенностям погребального обряда и инвентаря. Принимая данный факт во внимание, а также учитывая существующие представления об этнической принадлежности перечисленных памятников, публикуемый комплекс вместе с остальными синхронными ему захоронениями исследованного участка, следует связывать с греками-боспорянами, широко расселившимися в этой части Керченского полуострова в конце I в. до н.э.

Таким образом, рассмотренный комплекс предоставляет не только хорошо датированный материал для разработки

¹ Здесь и далее используется типология Е.М. Алексеевой (Алексеева, 1975; 1978).

типологии и хронологии столовой посуды, но и дает дополнительные данные к реконструкции этнического состава населения западной части Боспорского царства конца позднеэллинистического периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12. М., 1975. 120 С.
2. *Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12. М., 1978. 124 С.
3. *Арсеньева Т.М.* Могильник у дер. Ново-Отрадное // МИА. 1970. №170. С. 82-149.
4. *Бейлин Д.В.* К изучению хронологии укрепленной усадьбы I в. до н.э. на поселении Бондаренково III // XV Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько, А.В. Зинько. Симферополь-Керчь, 2019. С. 34-42.
5. *Грач Н.Л.* Некрополь Нимфея. СПб.: Наука, 1999. 328 С.
6. *Дашевская О.Д.* Некрополь Беляуса. Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2014. 284 С.
7. *Домжальски К., Журавлев Д.В.* Боспорская сигиллата // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений / Ред. В.Н. Зинько. Керчь, 2003. – С. 89-92.
8. *Журавлев Д.В.* О керамическом производстве на Боспоре в позднеэллинистическое время // *Antiquitas Aeterna* / Отв. ред. О.Л. Гобелко. Казань - Нижний Новгород – Саратов: Отечество, 2005. С. 235-254.
9. *Журавлев Д.В.* О некоторых категориях позднеэллинистической краснолаковой керамики городища «Чайка» // Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму / Ред. В.Л. Янин, Ю.Л. Шапова. М., 2007. С. 275-312.
10. *Колтухов С. Г., Кропотов В.В.* Раскопки курганов в Крымском Приазовье // История и археология Крыма. 2019. Вып. XI. С. 153-154.
11. *Корпусова В.Н.* Некрополь Золотое. Киев: Наукова думка, 1983. 184 С.
12. *Кропотов В.В.* Фибулы сарматской эпохи. Киев: ИД «АДЕФ-Украина», 2010. 384 С.
13. *Кропотов В.В., Колтухов С. Г.* Новый некрополь античного времени в Крымском Приазовье // XX Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько, А.В. Зинько. Симферополь-Керчь, 2019. С. 327-330.
14. *Кропотов В.В., Лесков А.М.* Курган с «коллективным погребением» у С. Кринички (по материалам работ 1957 г.) // Культура народов Причерноморья. 2006. №84. С. 25-39.
15. *Ланцов С. Б., Труфанов А.А.* Столовая посуда с лаковым покрытием из Кутлакской крепости // Древности Боспора. 1999. Т.2. С.161-173.
16. *Масленников А.А.* Каменные ящики Восточного Крыма (к истории сельского населения Европейского Боспора в VI – I вв. до н.э.) // Боспорский сборник. 1995. Вып.8. 124 С.
17. *Уженцев В.Б., Труфанов А.А.* Краснолаковая керамика из Калос Лимена // Херсонесский сборник. 2004. Вып. XIII. С.265-284.
18. *Domzalski K.* Terra Sigillata from Nymphaion. Survey 1994 // *Archeologia* (Warsaw). 1996. Vol.47. P. 95-109.

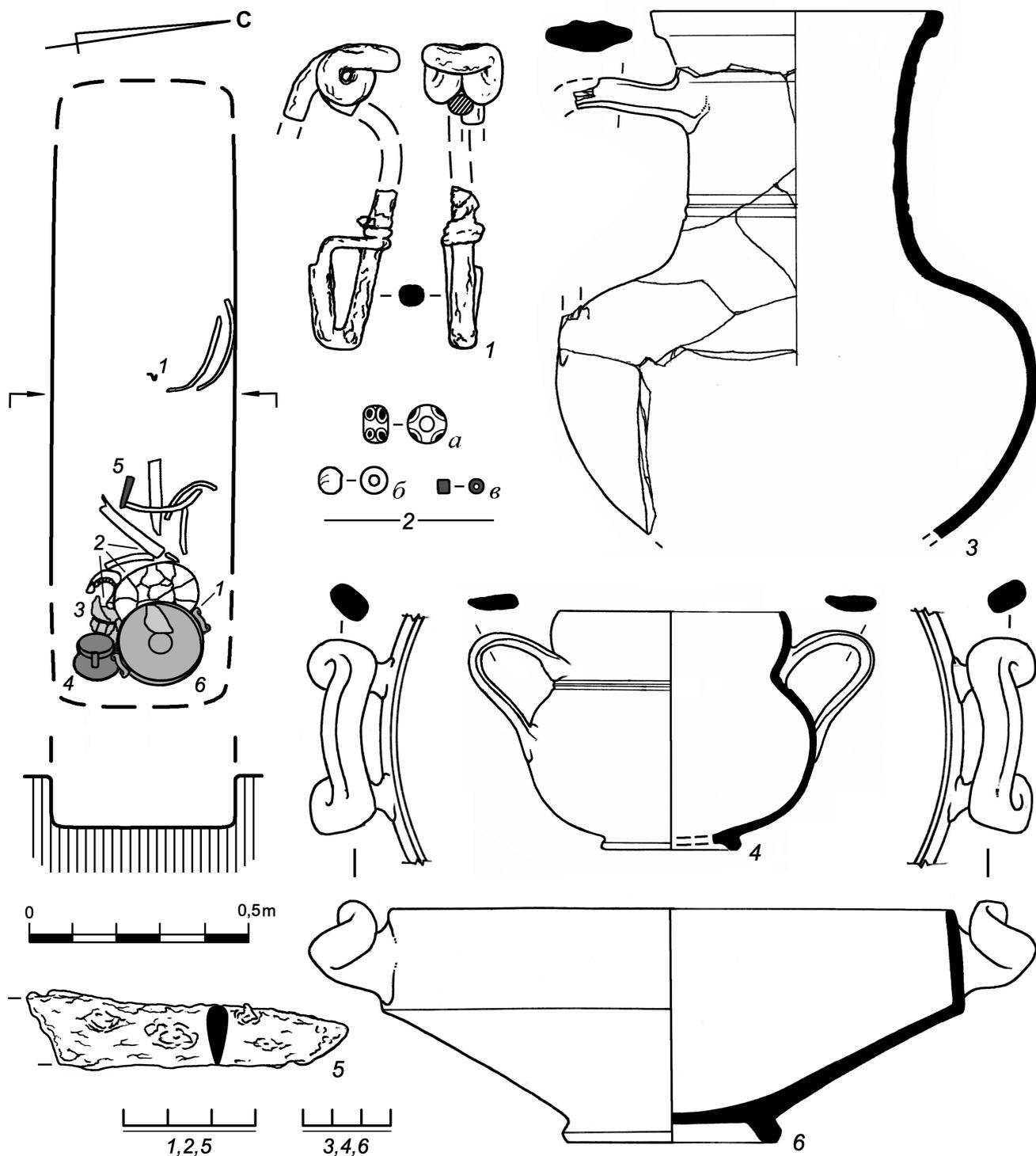
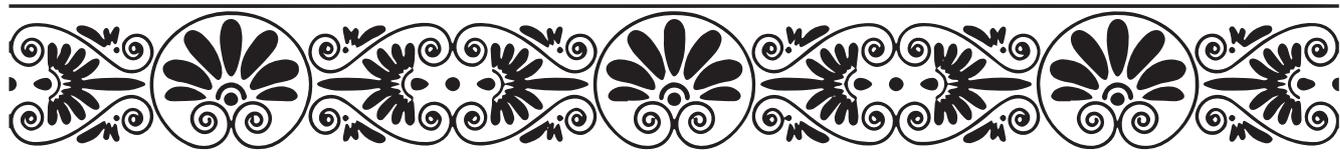

Рис. 1. План и инвентарь погребения 2. 1 – железная фибула, 2 – стеклянные (а, б) и гагатые (в) бусы, 3 – краснолаковый кувшин, 4 – сероглиняный кубок, 5 – железный нож, 6 – сероглиняная чаша.

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕЛЬЕФА НА ОПИСТОГРАФ С НАДПИСЬЮ ГЕРАКА, СЫНА ПОНТИКА, ИЗ НЕКРОПОЛЯ КЫЗ-АУЛ

Кучеревская Н.Л.

ГБУ РР «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник»
(г. Керчь)

e-mail: nlkucherevskaya@mail.ru

В 2018 г. из раскопок Кыз-Аульской экспедиции Института археологии Крыма в фонды Восточно-Крымского музея-заповедника поступил фрагмент опистографа с надписью Герака, сына Понтика, главного переводчика аланов 204 г. н. э. На оборотной стороне вырезан рельеф с изображением коня. Интерпретация сюжета и поиск аналогов изображению приводятся в докладе.

Ключевые слова: эпиграфика, мраморная плита, опистограф, надпись, рельеф, конный сюжет, образы коня и всадника.

В 2018 г. фонды Восточно-Крымского музея-заповедника пополнились уникальным памятником, сразу привлечшим внимание исследователей. Речь идет о фрагменте опистографа, поступившем из раскопок Кыз-Аульской археологической экспедиции Института археологии Крыма под руководством Н.Ф. Федосеева в июле 2017 г. (Федосеев, 2018. С. 27-45)

Памятник представляет собой обломок (угол) мраморной плиты (размеры:

26,3 x 18,5 x 3,8 см). На одной из сторон плиты помещена надпись, от которой сохранились частично семь нижних строк (Pavlichenko, Fedoseev, 2018. P. 315-336, Fig. 4a на с. 319). Текст надписи содержит сведения о восстановлении некоего разрушенного сооружения и посвящении его божеству (?) попечением Герака, сына Понтика, главного переводчика аланов, управляющего царским двором, с указанием даты по понтийской эре – «в 501 году, 25-й день месяца Даисия» (204 г. н. э.) (Pavlichenko, Fedoseev, 2018. P. 328).

На оборотной стороне опистографа вырезан рельеф. Сохранился верхний левый угол гладкого, широкого обрамления эдикулы, в которой изображена в низком плоском рельефе протома коня (Pavlichenko, Fedoseev, 2018. P. 318, 330, Fig. 4B на р. 319). Лошадиная голова сверху увенчана гривой, акцентированной короткими диагональными насечками, начиная от маленького треугольного уха и продолжаясь до перехода длинной шеи в корпус животного. Нос схематично

передан в виде овального утолщения, под ним заметны верхние края уздечки (?). Над холкой коня – фрагмент незавершенного изображения какого-то предмета. Возможно, фрагмент (кисть руки?) всадника. В правой части рельефа сохранился край предмета также неясных очертаний, по-видимому, – конского хвоста.

Н.А. Павличенко в качестве ближайшей аналогии обоснованно приводит стелу Агафуса, сына Гезуса, из пантикапейского некрополя, датированную I в. н. э. (CIRB-Album 328) (Pavlichenko, Fedoseev, 2018. P. 318). На нижнем рельефе надгробия показан всадник в сопровождении коня (без седока). Изображения коня без всадника встречаются и на надгробии CIRB 279, где представлен жеребенок рядом с двумя мужскими фигурам, один из них – с луком в руках. На нижнем рельефе стелы Психариона, сына Гигиенонта, CIRB 659 показан отдельно стоящий конь. Такое же изображение помещено в нижнем ярусе на стеле Деметрия, сына Аполлония CIRB 383. Все надгробия происходят из некрополя Пантикапея и датированы I в. н. э.

Известны надгробия с изображением коня без седока и среди аттических надгробных рельефов (Conze, 1900, Taf. CCCXXVII, s. 213, Taf. CCXXVII, 1001, s. 240, Taf. CCXXVII, 1111).

Для боспорских надгробных рельефов более распространенным сюжетом I–II вв. н. э. являются изображения всадников, показанных наполовину (Савостина, 1992. С. 359-360, кат. № 2, 37, 39, 40, 8, 16, 31, 42). Эти персонажи воспринимаются как второстепенные, например, конные оруженосцы. Среди стел первых веков н. э. мы находим многочисленные аналогии

с этим сюжетом (КБН, №№ 78, 83, 84, 145, 332, 386, 640, 685, 783, 1012).

Е.А. Савостина отмечает связь подобного приема с попыткой передачи движения (Савостина, 1992. С. 360). Фигура лошади на опистографе также изображена в динамике, чему соответствует выраженный наклон шеи и головы. И если предположить, что, по замыслу скульптора, на коне должен был восседать всадник, атрибут над лошадиной холкой – это рука наездника, держащая поводья.

Обращает на себя внимание довольно широкая вертикальная полоса рамы (шириной от 7,0 см в верхней части до 9,5 см – в нижней), в то время как обрамление верхней грани эдикулы – узкое (всего 2 см). Вероятно, мастер начал вытесывать рельеф от центра к краям, сначала обозначив контурно фигуры персонажей, затем постепенно углубляя нужные участки на поверхности, не дойдя до левого края рельефа. В результате изображение всадника по каким-то неизвестным нам причинам осталось незавершенным. Если сохранившиеся участки граней плиты тщательно отёсаны троянкой, а поверхность, содержащая надпись, скрупулезно обработана и сохранила шлифовку, то обработка оборотной стороны с фрагментом рельефа выполнена менее тщательно: фон эдикулы неровный, испещрен потесами, оставленными мелкой троянкой; обрамление рельефа выровнено более аккуратно, но не отшлифовано. На его поверхности заметны мелкие множественные трещины. Из чего напрашивается вывод, что мастер не успел завершить работу.

Рельеф с изображением протомы лошади на основании предложенных ана-

логий можно отнести к I в. н. э. Указанная в надписи дата – 501 г. б. э. (204 г. н. э.) приходится на время правления Савромата II (174/175 – 211/212 гг.).

Главный аланский переводчик Геррак, сына Понтика, упоминается также в строительной надписи CIRB 1053, содержащей в тексте дату 505 г. б. э. (208 г. н. э.). Надпись выполнена тоже на опистографе, под тамгой Савромата II, а обратную сторону плиты занимает надгробный рельеф I в. н. э. на котором представлен всадник, предстоящий сидящей в кресле обожествленной умершей (Шкорпил, 1911. С. 112-114, № 28; Гайдукевич, 1949. С. 429, прим. с. 578; Соломоник, 1959. С. 57-59, № 11-12; КБН, № 1053, 1085; Яценко, 2001. С. 53; Кучеревская, 2011. С. 146-147, № 4). Памятник найден на Тамани в 1910 г., на месте крепости Фанагория.

Интересно, что в обоих случаях для изготовления надписи были выбраны плиты, на которых ранее были конские изображения. Изображение всадника – один из самых популярных мотивов в боспорском надгробном рельефе, их широкое распространение связывается с появлением в степях Северного Причерноморья сарматов. Образ коня как атрибут аристократического происхождения заимствован с востока. Образ всадника являлся у номадов символом культа обожествленного властителя. Греческие изображения всадников служат иллюстрацией идеи героизации умершего, соприкоснувшись на Боспоре с солярными иранскими, те и другие символизируют обожествление власти. Вероятно, выбор плиты (и изображения на ней) для изготовления надписей Герака, сына, Понтика, имел важное значение для человека высокого социального статуса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М., 1949. 624 с.
2. Корпус Боспорских надписей. (Авт.-сост. Т.Н. Книпович, В.Ф. Гайдукевич, А.И.Доватур, Д.П.Каллистов). / Ред. В.Струве. М.-Л. 1965. 950 с.
3. Кучеревская Н.Л. Памятники с тамгообразными знаками из коллекции Керченского лапидария: каталог // Научный сборник Керченского заповедника. III. Симферополь. 2011. С. 143-166.
4. Савостина Е.А. Многоярусные стелы Боспора: семантика и структура // Сообщения ГМИИ им. А.С.Пушкина. 1992. Вып.10. С. 357-386.
5. Соломоник Е.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959. с. 300.
6. Федосеев Н.Ф. Отчет о результатах археологических исследований на территории выявленного объекта археологического наследия некрополя «Кыз-Аул» в 2017 году (Ленинский район, Республика Крым) (Открытый лист № 1347 от 24 июля 2017 г.) с. 27-45.
7. Шкорпил В.В. Боспорские надписи, найденные в 1910 г. // ИАК. 1911. Вып. 40. С. 92-114.
8. Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001. 190 с.
9. Conze A. Die Attischen Grabreliefs. Herausgegeben im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu Wien. Band II. Berlin, 1900. 262 s.
10. Pavlichenko N.A., Fedoseev N.F. A new Inscription of HERAKAS, SON OF PONTIKOS, ARXERMHNEYΣ AΛANΩN // Petropoli. Vol. 24. 2018. Fasc. 2. P. 315-336.

ПОСЕЛЕНИЕ IV ВЕКА ДО Н.Э. МНОГОСЛОЙНОГО ПАМЯТНИКА ДЕЛЬТЫ ДОНА «СВИНЯЧЬЕ ОЗЕРО»

В.А. Ларенок, П.А. Ларенок

*НП «Южархеология» (г. Ростов-на-Дону)
e-mail: dao2@inbox.ru*

Нижнее течение реки Дон и побережье Таганрогского залива в IV в. до н.э. бесспорно входило в сферу влияния Боспорского царства. Свидетельство тому – Елизаветовское городище – центральный памятник региона. В систему экономических и торгово-обменных операций его попадали более мелкие поселки, расположенные в дельте Дона и по северному побережью Таганрогского залива. К настоящему времени проведены раскопки некоторых памятников в том числе практически полностью исследованного поселения «Свинячье озеро», один из слоев которого относится к IV в. до н.э. Это был сельский сезонный поселок с временными летними постройками, оснащенными очагами и погребями-хранилищами. Занятия населения: животноводство, полеводство и рыболовство. О связи с Елизаветовским городищем говорит большое количество фрагментов амфорной керамики разных центров производства. Остальной набор находок также идентичен комплексу Елизаветовки.

Ключевые слова: Боспорское царство, сельские поселения округи Ели-

заветовского городища, полуземлянка, погреб, очаг, хозяйственная яма, импортная амфорная керамика, местная кухонная посуда, каменные зернотерки, пряслица.

Нижнее течение реки Дон и побережье Таганрогского залива в IV в. до н.э. бесспорно входило в сферу влияния Боспорского царства. Яркое свидетельство тому – Елизаветовское городище – центральный памятник региона (Марченко, 1990. С. 129-138; Марченко, Житников, Копылов, 2000. С. 8.), в систему экономических и торгово-обменных операций которого попадали более мелкие поселки, расположенные по левому берегу Дона, Мертвому Донцу, северному побережью Таганрогского залива (Брашинский, 1980. С. 6, 7, *рис. 1, с.101*). Не все они в настоящее время достаточно исследованы и до сих пор известны только по подъемному материалу или шурфовкам. Тем не менее, к настоящему времени проведены раскопки таких памятников как «Дугино-ХI» в дельте Дона (Ларенок П., Хьюи, Цыбрий

А.В. 2011. С. 109-123), Таганрогские поселения, на котором обнаружен слой IV в. до н.э. (Ларенок В., Ларенок П., 2012. С. 147, 151), поселения «Лисовин» (Верещагин, 2001. С. 122) на левом берегу Дона и «Кулешовка» (Беспалый, 1986. С. 7-8; Гудименко, 2000. С. 85-88; Ларенок, 2014. С. 139-141; Голда, 2018. С. 248-252) и Ново-Золотовское поселение на Миусском полуострове (Дали, Хьюи, Ильяшенко, Ларенок П., Ларенок В., Шунке, Шлеффель, Шютт, ванн Хооф, 2013. С. 74-84). Поселение «Свинячье озеро» – недавно выявленный и практически полностью исследованный памятник, один из слоев которого относится к IV в. до н.э.

«Свинячье озеро» расположено в Азовском районе Ростовской области в 800 м севернее поселка Овощной (рис. 1-1). Этот археологический памятник был открыт во время разведки устья реки Койсуг в 2008 году сотрудниками Азовского музея-заповедника (Кравченко, 2008. С. 295-296). Он занимает возвышенность на пойме левого берега дельты реки Дон, южнее его рукава реки Койсуг. В древности это был остров, отделенный от берега старичными руслами (ериками) реки Дон. Одно из них проходило вдоль первой террасы левого берега реки, около нынешней северной окраины поселка «Овощной». Часть русел сохранилась в виде сильно заболоченных озер, таких как Свинячье озеро у северной оконечности острова. Пространство между островом и первой надпойменной террасой левого берега дельты Дона занимают заливные луга, с характерными западинами – блюдцами и выходами солончаков (рис.1-1). В на-

стоящее время эти пойменные земли перерезаны оросительными и дренажными каналами. Остров, как возвышенность, занимает площадь более 3 га, длинной стороной вытянут по линии ВСВ-ЗЮЗ. В 2012 году археологической экспедицией НП «Южархеология» были проведены охраняемые археологические исследования большого участка поселения на площади около 20000 кв. м. в трассе проектируемого участка строительства автодороги общего пользования регионального значения г. Ростов – на – Дону (от магистрали «Дон») – г. Азов. Автодорога пересекает остров по его наиболее высокой части с северо-востока на юго-запад.

Поселение «Свинячье озеро» это многослойный памятник, на котором зафиксированы следы жизнедеятельности человека от медно – каменного века до позднего средневековья. Иногда это разрозненные предметы и единичные комплексы, как например, энеолитическая керамика и кремневые предметы, обломки тарной керамики VIII-IX вв., землянка XVIII века. Основные культурные слои сформированы в позднем бронзовом веке, в IV веке до н.э., II-III вв. н.э., XIV в. н.э. (Цибрий, Ларенок, 2014. С. 131-133)

Культурный слой и объекты IV века до н.э. почти полностью повторяют планиграфию слоя эпохи поздней бронзы. Котлованы построек и основное скопление хозяйственных ям занимают центральную наиболее возвышенную часть острова. Поселок этого времени вероятно, был обитаем только в весенне-летний период, во время посева и сбора урожая сельскохозяйственных культур. Наиболее насыщенные находками IV в. до н.э. площади

в западной части раскопа 3, а также в северной части раскопа 5 (раскоп 5А). Возможно, поселение этого времени представляло собой группу усадеб. Их границы можно проследить по расположению хозяйственных ям, которые как бы вытянуты линиями (или по дуге) по краям подворий. Ямы для сбора отходов – отличительная черта культурного слоя поселения античного времени. В период поздней бронзы кухонные отходы выбрасывались непосредственно перед жилищами. Кроме того, появляются глубокие колоколовидные ямы-погребца для хранения запасов зерна. Но, следует отметить, что слой IV века до н.э. сильно поврежден сооружениями последующих эпох.

В юго-западной части раскопанного участка (раскоп 2) был расположен курган, сооруженный в эпоху ранней бронзы. В IV веке до н.э. он также использовался как могильник, в его центр было впущено погребение (объект 35, раскоп 2). Это захоронение, видимо, сопровождалось тризной, следы которой в виде обломка ручки амфоры сохранились в более позднем перекопе (объект 17 раскоп 2). В южной части раскопа 2 расчищены ямы, в заполнении которых найдена в основном кухонная керамика IV века до н.э. Эти ямы заняли возвышение, возможно небольшой курган, на котором в эпоху средней бронзы было совершено погребение в катакомбе (объект 67) и расширили территорию жилой зоны по сравнению с предыдущей эпохой.

Выделение построек IV века до н.э. сложно из-за плохой сохранности слабо заглубленных в грунт котлованов. Во многих случаях сооружения этого вре-

мени повреждены или почти полностью разрушены более поздними конструкциями. Обожженная глиняная обмазка в заполнении ям (раскоп 2 объект 143) и в слое частью относится к остаткам турлучных сооружений, а частью к обмазке открытых очагов, от которых найдены фрагменты бортика (рис. 2-7; 9-7), а также очажная подставка усеченно-конической формы (рис. 9-4). Мы рассматриваем как надежный признак для датировки построек IV века до н.э. находки плит зернотерок, широко распространенных в это время, например, на Елизаветовском городище (Марченко, Житников, Копылов. 2000. С. 174, рис. 73). Но подобные зернотерки есть и в комплексах позднего бронзового века. Приведем несколько наиболее ярких примеров таких построек и хозяйственных ям.

Объект 143 (рис. 2 – 1) на глубине – 1,33 м находился участок мусорного выброса в виде скопления золы, кусков обожженной глиняной обмазки, и обломков костей животных. Скопление в плане неправильной округлой формы: 1,20 x 1,0 м. В нем найдены фрагменты венчика и придонной части гончарных кувшинов (рис. 2 – 3), венчик лепного кухонного горшка (рис. 2-4) и обломок кремня.

Объект 86, раскоп 2 (рис. 2 – 5) глубина 1,4 м. Нижняя часть мусорной ямы округлой в плане формы диаметром 1,40 м, заполненной серым суглинком. В насыпи в северо-западной части найден развал верхней части лепного горшка (рис. 2-6). К востоку от него на дне ямы лежала плита зернотерки из песчаника (рис. 2-5). Такая же мусорная яма – объект 127 раскопа 3 (рис. 3-1) Глубина – 1,30

м. Яма овальной в плане формы. Размеры верхней части: 1,96 x 1,40 м, вытянута по оси юго-юго-восток – северо-северо-запад. По периметру на отметке – 1 м расположен уступ шириной 0,10 – 0,30 м, образованный обрушением стенок и норами грызунов. В нижней части размеры ямы 1,40 x 1,0 м. Сохранившаяся высота стенок около 0,50 – 0,55 м. В сером суглинке засыпи найдены обломки костей животных и фрагменты лепной керамики, в том числе двух больших лепных горшков с выделенным горлом, один из которых орнаментирован по венчику рядом пальцевых вдавлений, а по шейке – точечными вдавлениями (рис. 3-3, 4). А также еще один большой лепной кухонный сосуд с низким раструбным горлом и биконическим туловом, украшенный по краю венчика косыми насечками (рис. 3 – 2). В одном из таких мусорников (объект 51, раскоп 2) – округлой яме диаметром 1,20 м на глубине 1,23 м найден скелет собаки, который лежал на правом боку и был ориентирован черепом к югу (рис. 3 – 5). На дне под костяком собаки прослежено скопление древесных углей. К северу от собаки обнаружен бронзовый трехлопастной втульчатый наконечник стрелы (рис. 3-6). В сером суглинистом заполнении ямы кроме того находились обломки костей животных.

Второй тип построек – ямы-погребя, например, объект 117 раскопа 7 (рис. 4-1). На глубину – 1,68 м находилось восьмеркообразное сооружение, вытянутое по линии северо-запад – юго-восток со ступенькой с восточной стороны. Входная часть имела вид полукруглой в пла-

не ступеньки размерами 1 x 0,6 м, высота стенок – до 0,25 м. Основная часть погреба в плане округлой формы, в разрезе колоколовидной. Диаметр верхней части 1,6 м, диаметр дна 1,90 м, высота стенок, прослеженных в материковом суглинке – около 0,60 м. Заполнение – серый слабо золистый суглинок. В засыпи основной ямы, в северо-западной ее части найдены два фрагмента придонных частей гераклейских амфор (рис. 4-4, 5) и пест – терочник из ножки такой же амфоры (рис. 4-3). А также фрагменты венчика лепного кухонного горшка и верхней части горшка, украшенного по широчайшей части орнаментом в виде косых насечек, и отверстием (след ремонта) на плече (рис. 4-2).

Третий тип сооружений на поселении – остатки котлованов полуземлянок, вероятно, жилых сезонных построек. Так, например, объекты 7-7Д, раскоп 3 (рис. 5-1). На глубине – 1,20 м сохранилась заглубленная в материк нижняя часть сооружения в плане овальной формы, ориентированной длинной осью по линии север-юг. Частично конструкция была разрушена более поздними постройками. Размеры верхней части – сохранившаяся длина около 7,40 м, ширина – 4,70 м. В нижней части длина сооружения сохранилось на протяжении около 6 м шириной до 3,2 м. Стенки прослежены на высоту 0,15-0,25 м. В заполнении в коричнево-сером суглинке собраны фрагменты лепной керамики эпохи поздней бронзы и IV в. до н.э. В восточной части котлована на слое прокаленного грунта лежал большой лепной тарно-кухонный горшок наклонно на боку устьем к северо-

западу (рис. 5 – 2). Дно сосуда располагалось выше устья. Видимо, первоначально он стоял вертикально. У горшка в древности была утрачена значительная часть дна. Возможно, его вторично использовали как коптильню или как тандыр. Кроме того, внутри сооружения обнаружена колоколовидная яма-погреб – объект 7В (рис. 5-1), длинной осью ориентирована по линии север-юг. Размеры по верхнему краю: 0,85 x 0,95 м, по дну: 1-1,12 м. Прослеженная высота стенок – 0,15 м. В заполнении находились комочки обожженной глиняной обмазки и фрагменты лепной керамики. Под западной стенкой котлована находилась еще одна яма (объект 7Г) в плане округлая диаметр – 0,75-0,78 м. Стенки прослежены на высоту до 0,30 м. В заполнение найдены мелкие фрагменты лепных горшков.

Остатки еще одного сооружения (объект 2) обнаружены в раскопе 5 (рис. 5 – 3). На глубине – 0,94 обнаружена нижняя часть котлована сооружения, слабо заглубленного в материк. Контур постройки не отчетливый из-за многочисленных нор. В плане сооружение «читалось» по серой золистой засыпи и было прямоугольной формы, вытянуто в меридиональном направлении. Размеры: 5,30 x 2,60-3 м. Стенки сохранились на высоту до 0,15 м. В центре котлована на дне расчищены остатки полов в виде аморфного пятна натоптанного суглинка, которое было ориентировано длинной осью по линии юго-запад-северо-восток. Мощность пола до 0,15 м. В его северо-восточной части находился участок прокаленного суглинистого грунта округлой формы. Заполнение насыщено

обломками костей животных и фрагментами лепной керамики преимущественно IV в. до н.э. (рис. 5-6). В южной части сооружения у дна лежали рядом плиты двух зернотерок из серого песчаника, длинной осью они были ориентированы по линии юго-юго-восток-северо-северо-запад (рис. 5-3, 4, 5). Остатки похожей, но лучше сохранившейся постройки были исследованы на расположенном к западу от Свинычьего озера поселении Кулешовка. В ней вдоль стенки была вырублена лежанка, в помещении находились несколько ям с золистым заполнением, а у дна – скопление горелой органики и обмазки с отпечатками камыша (Гудименко, 2000. С. 85 – 88).

По имеющимся археологическим материалам конец эпохи бронзы это время, когда в степях Нижнего Дона активно развивается земледелие. В первой половине 1-го тысячелетия до нашей эры климатические изменения определили доминирование кочевого скотоводства. Но к середине этого тысячелетия возрождается культура земледелия. Переработка зерна на муку первоначально развивалась по двум технологическим линиям: дробление зерен в ступах пестами и растирание на каменных плитах. К началу первого тысячелетия нашей эры эти архаические приемы были вытеснены мельницами с вращающимися жерновами. С земледелием и хранением зерна также связана часть хозяйственных ям, на дне которых отмечены следы гари и древесных угольков. Как правило, это следы окуливания зернохранилищ. В IV веке до н.э. изменяется состав кухонных отбросов. В заполнении ям появляются

кости рыб и чешуя, которые полностью отсутствуют в комплексах эпохи бронзы, что свидетельствует об активной рыбной ловле в том числе и осетровых пород рыбы.

Находки IV века до н.э. хорошо представлены в культурном слое поселения и в небольшом количестве в заполнении хозяйственных ям.

Тарная керамика – амфоры, фрагменты которых позволяют выделить основные центры импортеры вина. Это Гераклея, Синопа, Фасос, Херсонес, Солоха I и другие средиземноморские центры (Голда, 2016. С. 288-293). Больше всего фрагментов относится к амфорам Гераклеи (рис. 4-3 – 6; 6-1-13), на пяти из них сохранились клейма (рис.6 – 1-3), аналогии надписям на которых есть среди находок античных памятников Северного Причерноморья (Голда, 2015. С. 46-50; Монахов, 2002. С. 167-177; Придик, 1917, с. 25, 75). Вторая по числу находок группа – это фрагменты амфор Синопы, на некоторых есть клейма (рис.7-1-6). Найдены также обломки тары из Фасоса (рис. 4-7; 8-10) и Херсонеса (рис. 4 – 8; 7-11-4). Отдельная находка – горло амфоры типа «Солоха» (рис. 7-7). Такой состав тарной керамики характерен и для Елизаветинского городища IV в. до н.э., откуда, скорее всего, вино поступало в этот поселок на левом берегу Дона и других, например, поселение «Дугино-ХI» (Ларенок, Хьюи, Цыбрий А.В. 2011. С. 122). По типу сосудов и клеймам дата поселения может быть определена как середина – вторая половина IV века до н.э. (Брашинский, 1980. С. 94-97; Марченко, Житников, Копылов. 2000. С. 158-160; Монахов. 2002. С. 167).

Столовая керамика малочисленна и сильно фрагментирована. По характеру обжига сосудов можно выделить две группы сосудов – красноглиняные и сероглиняные (рис. 8 – 1, 2). Чернолаковая посуда представлена единственным мелким фрагментом килика. Небольшое количество этого вида сосудов еще раз подчеркивает сельский характер поселения, где основным видом посуды были лепные горшки домашнего производства.

В кухонной керамике можно выделить несколько основных групп. Горшки с яйцевидным или округлым туловом и выделенным низким горлом. Орнамент в виде пальцевых вдавлений или вдавлений стержнем наносился в верхней части сосуда – по площадке венчика или по плечу сосуда (рис. 2-6, 8; 3-2, 3, 4, 7, 8-3-11, 13-17). Орнаментальные композиции скупые, как правило оттиски образуют одну горизонтальную кольцевую линию. Горшки без выделенного горла баночной или яйцевидной формы украшены только по площадке венчика чаще всего в виде пальцевых вдавлений (рис. 8-12, 18). Характерная деталь горшков этого периода – отпечатки на дне ткани из грубых волокон (растительных?) сетчатого плетения (рис. 9 – 1-2), а также отпечатки на дне зерен злаковых растений. На дне еще одного горшка прочерчен орнамент в виде треугольников, заштрихованных параллельными линиями. А в верхней части на тулове сохранилось два сосцевидных налеса (рис. 8-13). По венчику он украшен косыми насечками. Для обоих типов горшков характерны одинаковые примеси в те-

сте – шамот и известковые включения. К кухонной керамике относятся фрагменты лепных крышек, на одной по нижней широчайшей части нанесен орнамент в виде пальцевых вдавлений (рис. 9-5-6). Сохранились обломок лепной кастрюли с вертикальной ручкой и фрагмент бортика лепной миски (рис. 9 – 3). Такая домашняя лепная посуда характерна как для Елизаветинского городища, так и для памятников этого времени округи городища и территорий Северного Причерноморья (Граков, 1954. С. 68-81; Марченко. 1972. С. 122-134; Марченко, Житников, Копылов. 2000. С. 142-144; Ларенок, Хьюи, Цыбрий А.В. 2011. С. 122, Рис. 11). Отпечатки ткани на донцах лепных горшков известны по материалам Каменского городища (Граков, 1954. С. 68, рис. 10-2а-2в).

Особо следует отметить группу орудий, изготовленных из фрагментов амфор: терочки и растиральники, (рис. 4-3; 6-7). Для них использовались как стенки, так и более массивные обломки ручек и придонных частей. Такие находки на одновременных памятниках трактуются также как оселки и лощила в зависимости от их размеров и степени сработанности их поверхностей (Граков, 1954. С. 188, Табл. XX-6а-6в). К предметам домашнего ремесла относится большая группа лепных глиняных пряслиц для веретена в виде конуса, усеченно-биконической и цилиндрической формы (рис. 9-8-10, 19). Особенностью пряслиц этого периода является орнаментирование их нижней части и боковых поверхностей (рис. 9-8, 10) в виде солярных

знаков и точек. Орнаментированные пряслица известны по материалам Каменского городища (Граков, 1954. С. 103, Табл. X-3). Для заточки металлических орудий труда применялись каменные точильные камни-оселки в виде узких плиток песчаника с отверстием в верхней части для подвешивания к поясу (рис. 9-16-18). Орудия труда из костей животных не многочисленны. Это ручка ножа из трубчатой кости, найденная в погребении (рис. 1-3), несколько орудий из метаподий лошади для чистки мездры (рис. 9-20) и астрагалы с подшлифованными гранями и просверленными отверстиями – игральные кости (рис. 9 – 21). В слое и в заполнении ям найдено несколько стеклянных бусин (рис. 9-11-13) и пронизка из позвоночного диска осетровой рыбы (рис. 9-15). Также обнаружены два наконечника бронзовых втульчатых трехгранных стрел (рис. 3-6; 9 – 14), один из них находился в яме с костяком собаки (рис. 3-5). В погребении IV в. до н.э. найден двулезвийный железный меч с навершием в виде уплощенного овала и перекрестием, отличающимся от бабочковидных меньшей шириной и массивностью (рис. 1-4) (Наливкина, 2016. С. 287, Рис. 1-2).

Таким образом в результате раскопок многослойного памятника археологии «Свинячье озеро» было открыто новое поселение IV в. до н.э. представлявшее собой сезонный весенне-летний сельскохозяйственный поселок земледельцев. Судя по находкам, и по территориальному положению он входил в сельскую округу Елизаветовского городища.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Верещагин В.В.* Спасательные археологические раскопки поселения «Лисовин» в Азовском р-не в 2000 г. Отчет. 2001. Ростов-на-Дону. Архив РОМК, Ф. Р – оп. 14 прод. д.231. 122 с.
2. *Беспалый Е.И.* О работах Приморского отряда в 1986 году. // Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1986 году. Тезисы докладов к областному семинару. Азов, 1987. С. 7-10.
3. *Брашинский И.Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Ленинград. Наука. 1980. 268 С.
4. *Голда Н.Н.* Поселение «Свинячье Озеро»: амфоры IV в. до н.э.//Культурные взаимодействия по археологии Западного Кавказа. V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Краснодар. 2015. 334 с.
5. *Голда Н.Н.* Амфоры IV века до н.э. с поселения «Свинячье озеро»// Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2013 – 2014 гг. Вып. 29. Азов, 2016.с. 288-293.
6. *Голда Н.Н.* Керамический комплекс поселения «Кулешовка II» //Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2015 – 2016 гг. вып. 30. Азов. С. 248-252.
7. *Гудименко И.В.* Итоги исследований отряда «Дельта» в 1998 г. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. Вып. 16. Азов, 2000 г. С. 85-88.
8. *Дали О., Хьюи С., Ильяшенко С.М., Ларенок П.А., Ларенок В.А., Шунке Т., Шлеффель М., Шютт Б., Леон ванн Хооф* Германо-российские раскопки на Дону. Результаты раскопок 2008-2010 гг.// Археологические Записки. Вып. 8. Ростов-на-Дону. 2013. С. 74 – 84.
9. *Ларенок В.А., Ларенок П. А.* Итоги исследования Таганрогского поселения// Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2012 г. вып. 26. Азов. С. 2012. С. 139 – 153.
10. *Кравченко С. А.* Археологические разведки в бассейне р. Койсуг Азовского района Ростовской области в 2008 году// Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2007 – 2008 гг. вып. 24. Азов. 2010. С. 295 – 305.
11. *Ларенок П.А, Хьюи С., Цыбрий А.В.* Поселение «Дугино-ХI» (предварительные итоги раскопок 2009 г.)//Археологические записки. Вып. 7. Ростов-на-Дону. 2011. С. 109 – 123.
12. *Ларенок П.А.* Поселение Кулешовка –II (предварительные итоги раскопок 2012-2013 гг.)// Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2012 г. вып. 28. Азов. 2014. С. 139 – 141.
13. *Марченко К.К.* Лепная керамика V – III вв. до н.э. с городища у станицы Елисаветовской на Нижнем Дону// СА. №1. 1972. С. 122-134
14. *Марченко К.К.* Боспорские поселения на территории Елисаветовского городища на Дону//Вестник древней истории. № 1(192). М. 1990. С. 129 – 138
15. *Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П.* Елисаветовское городище на Дону//Pontus Septentrionalis II. ТАНАИС 2. М. 2000. 281 с.
16. *Монахов С.Ю.* «Поздние» серии гераклеийских амфор (конца IV – первой трети III в. до н.э.)// Античный мир и археология. Вып. 11. Саратов. 2002.
17. *Наливкина Н.И.* Погребение скифского времени в кургане на поселении «Свинячье озеро»// Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2013 – 2014 гг. Вып. 29. Азов, 2016. С. 284 – 288.
18. *Придик Е.М.* Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг. 1917.
19. *Цыбрий С.В., Ларенок П.А.* Поселения островов левобережья дельты р. Дон (поселения Свинячье озеро, Скопин Ерик III, предварительные итоги раскопок 2012 г.)// Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2012 г. Вып. 28. Азов. 2013. С. 131-133.

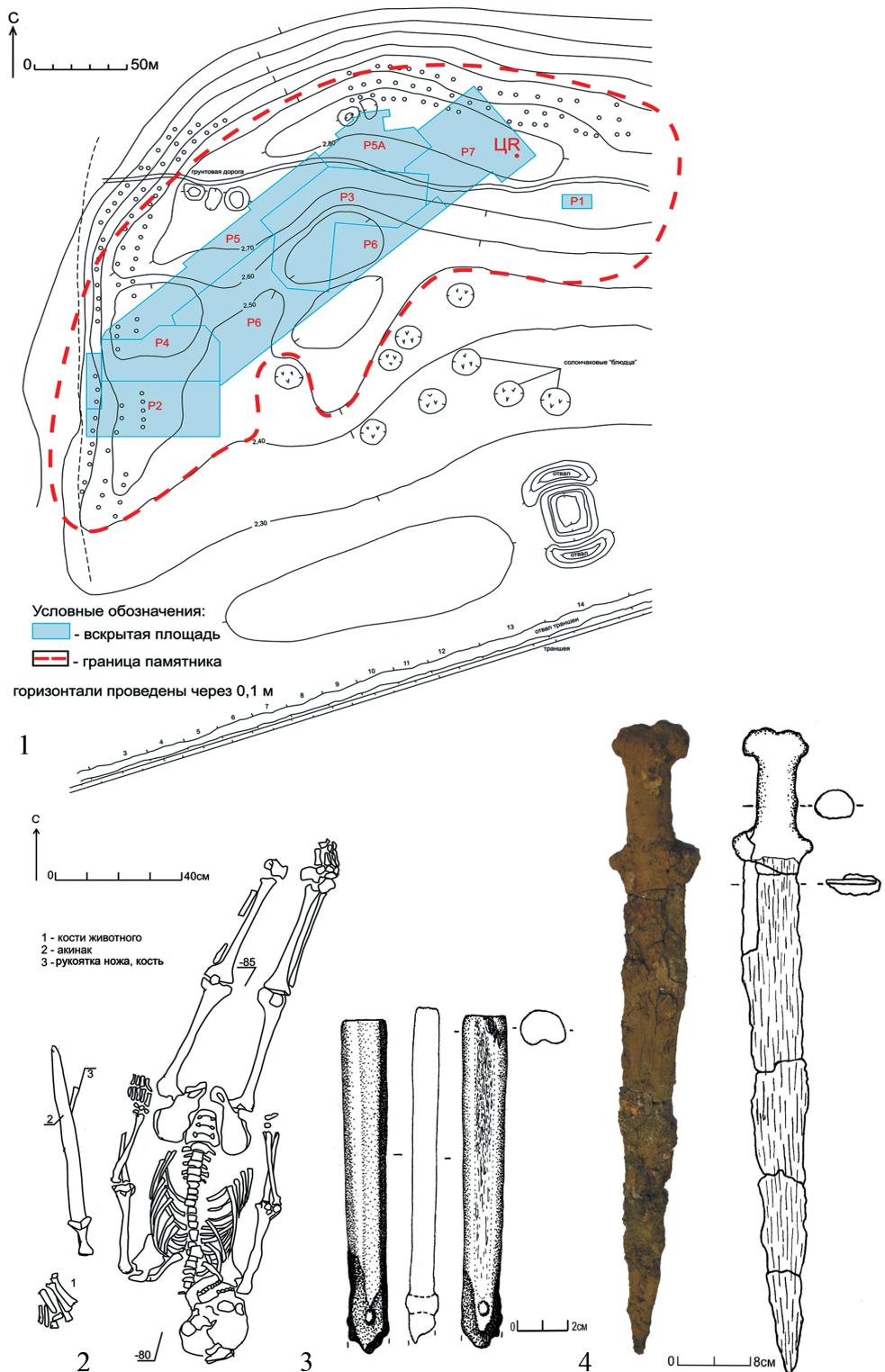

Рис. 1. Поселение «Свинячье озеро». 1 – План памятника. 2 – раскоп 2, погребение (объект 35) IV в. до н.э. Находки из погребения. 3 – рукоять ножа, кость. 4 – меч, железо.

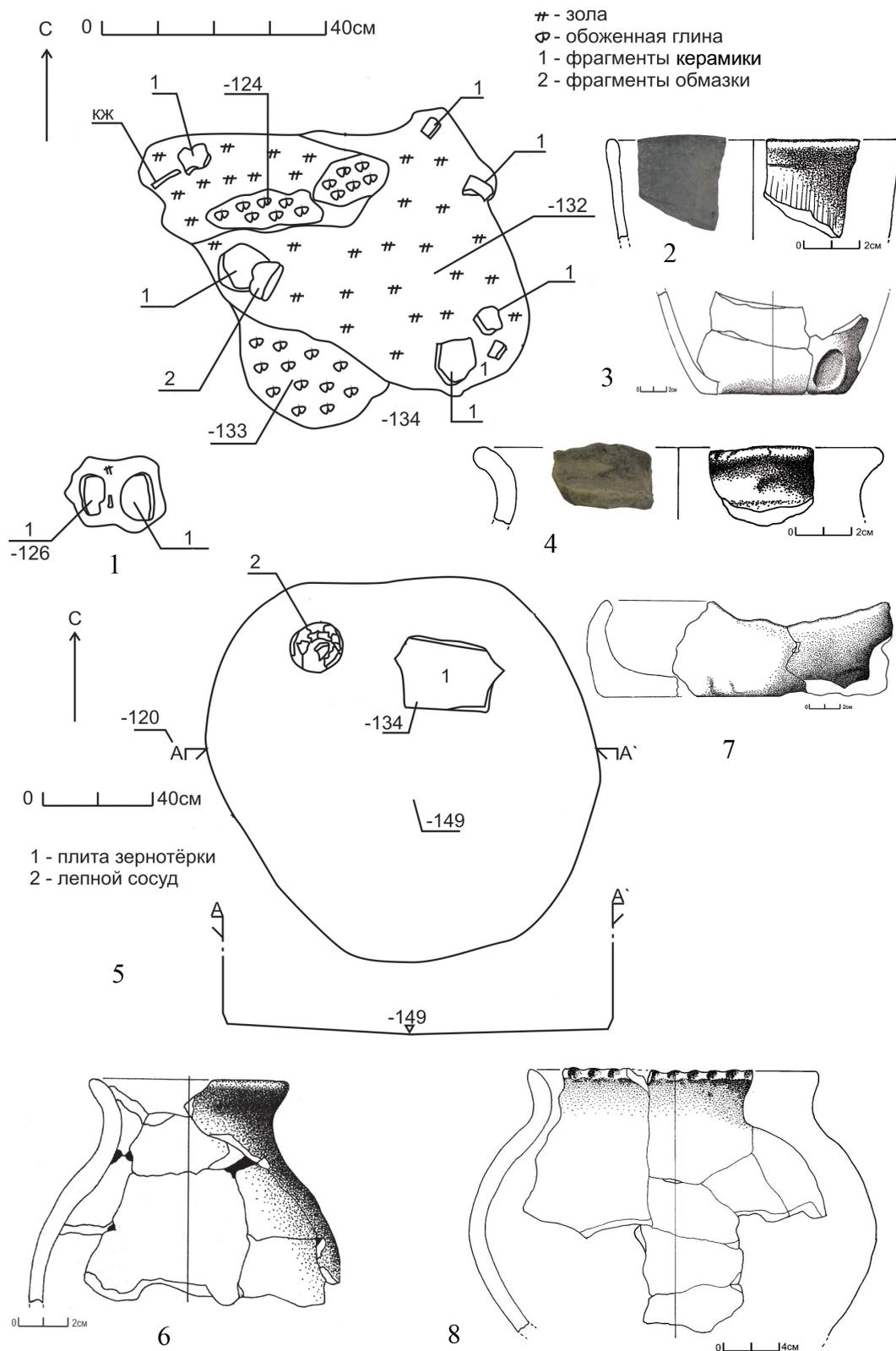

Рис. 2. Поселение «Свинячье озеро», слой IV в. до н.э. 1 – Участок выброса мусора, раскоп 2, объект 143. 2 – 3 – фрагменты гончарных кувшинов, глина. 4 – фрагмент лепного горшка. 5 – мусорная яма, раскоп 2, объект 86. 6 – фрагмент горшка, глина. 7 – раскоп 2, объект 10, бортик очага, глина. 8 – раскоп 2, объект 10, горшок, глина.

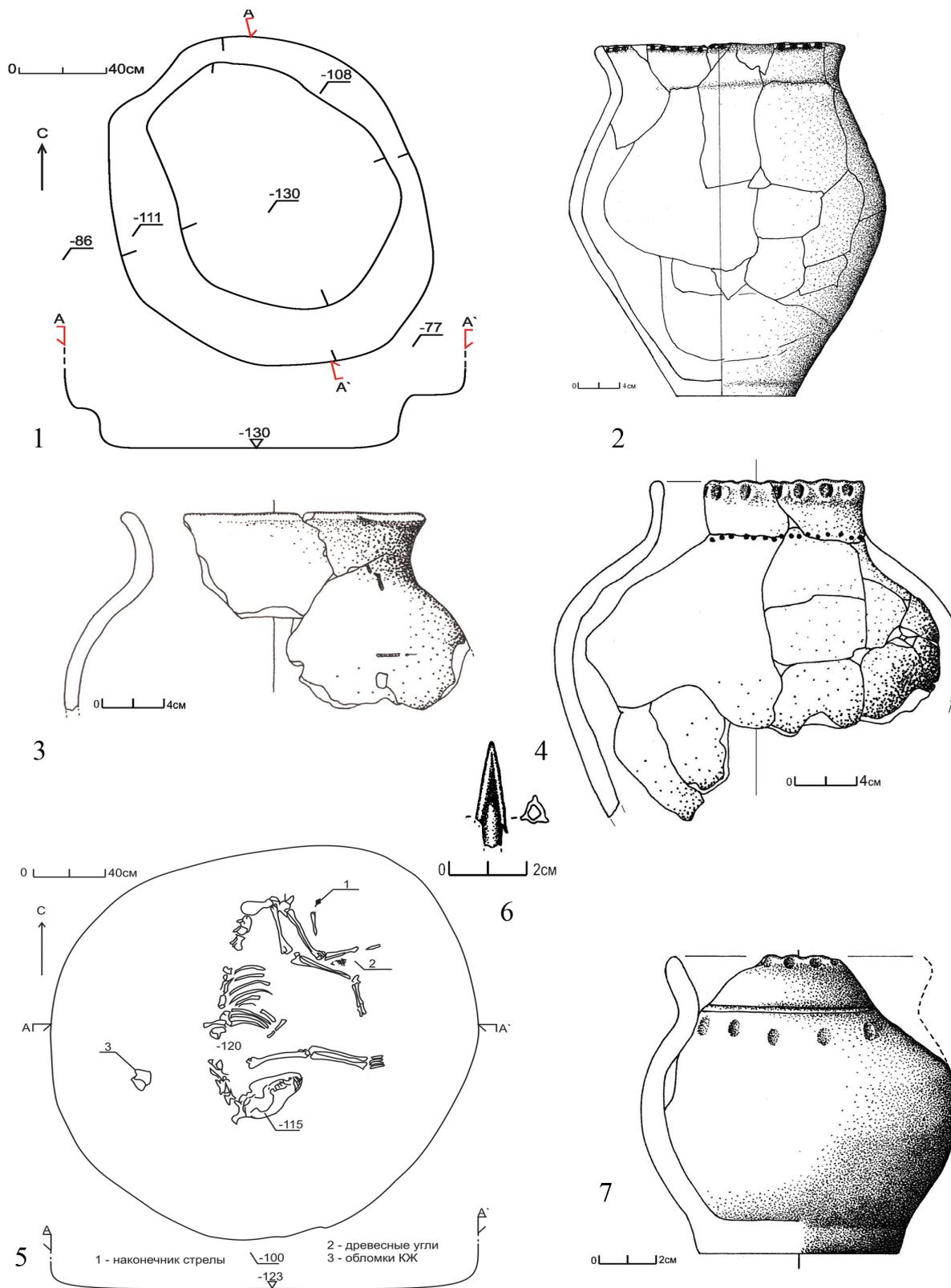

Рис. 3. Поселение «Свинячье озеро», слой IV в. до н.э. 1 – мусорная яма, раскоп 3, объект 127. 2-4 – лепные горшки, глина. 5 – мусорная яма, раскоп 2, объект 51. 6 – наконечник стрелы, бронза, раскоп 2, объект 51. 7 – раскоп 7, объект 92, горшок, глина.

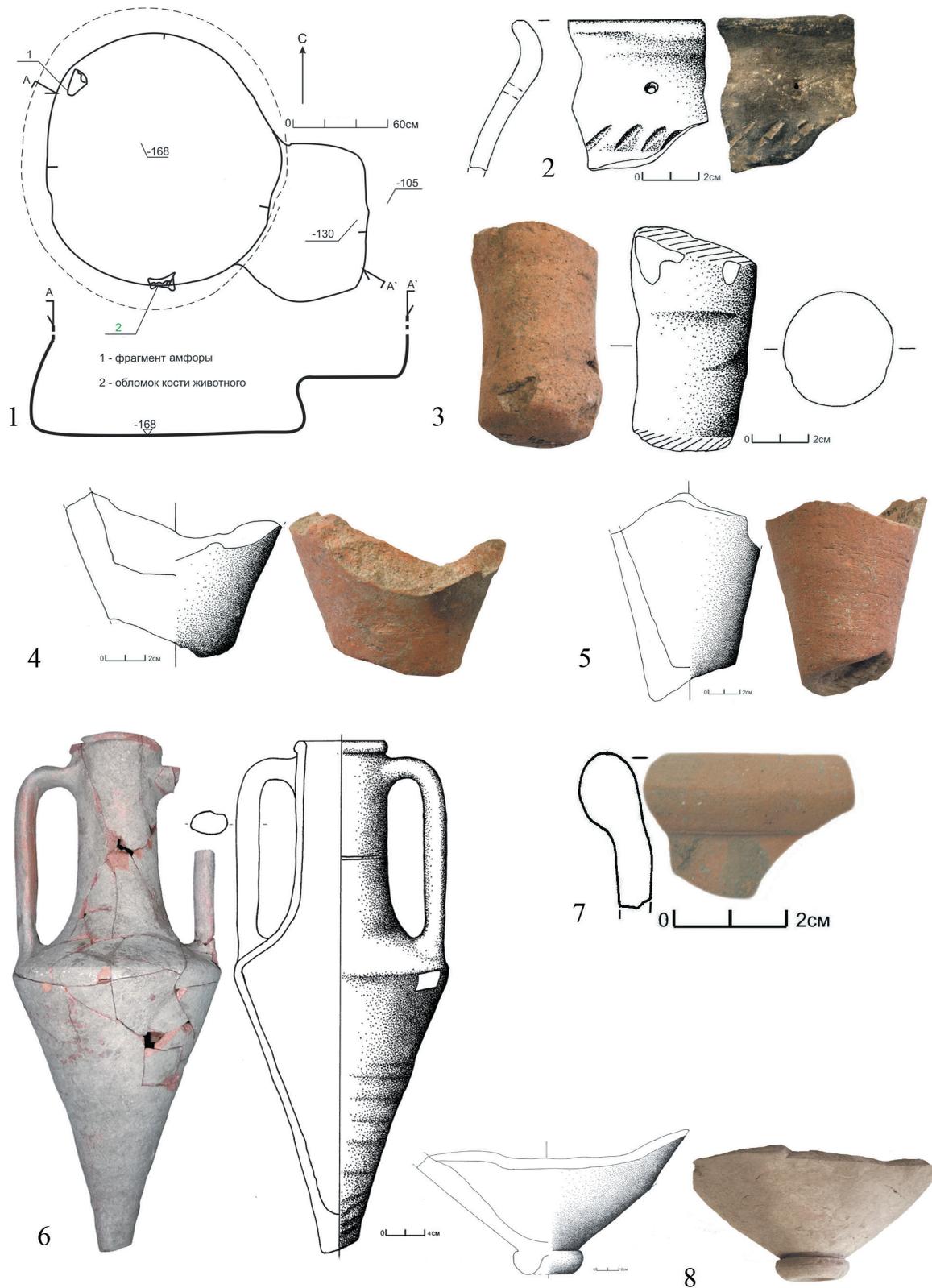

Рис. 4. Поселение «Свинячье озеро», слой IV в. до н.э. 1 – яма-погреб, раскоп 7, объект 117. Находки из ямы: 2 – фрагмент горшка, глина; 3 – пест из ножки гераклейской амфоры; 4 – 5 – фрагменты гераклейских амфор. 6 – гераклейская амфора, раскоп 7, объект 21. 7 – фрагмент амфоры из Фасоса, раскоп 3, объект 59. 8 – дно херсонесской амфоры с кубаревидной ножкой, раскоп 7, объект 4.

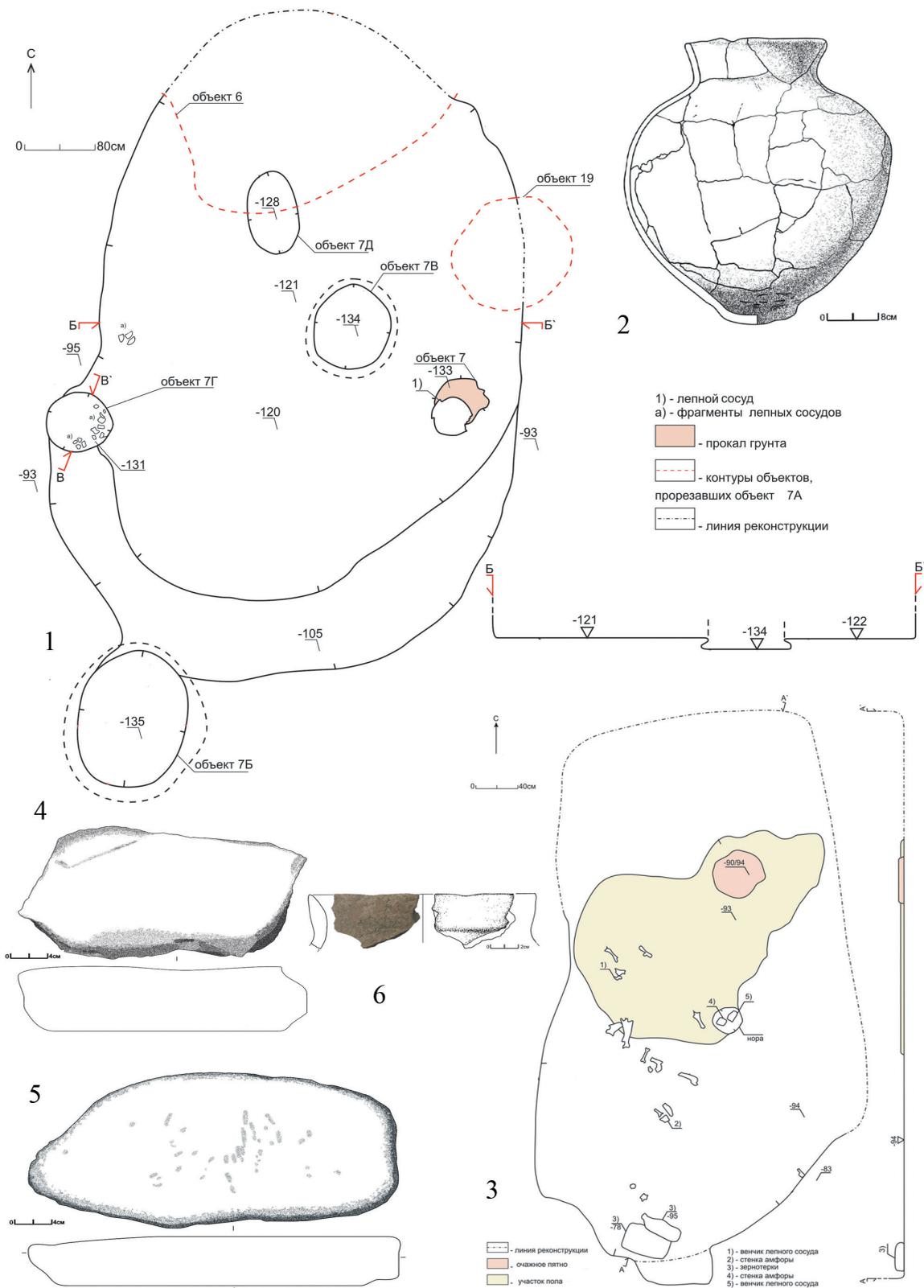

Рис. 5. Поселение «Свиньячье озеро», слой IV в. до н.э. 1 – постройка, раскоп 3, объект 7 – 7 – Д. 2 – горшок, глина из постройки. 3 – постройка, раскоп 5, объект 2. 4 – 5 зернотерки, камень, из постройки. 6 – фрагмент горшка, глина, из постройки.

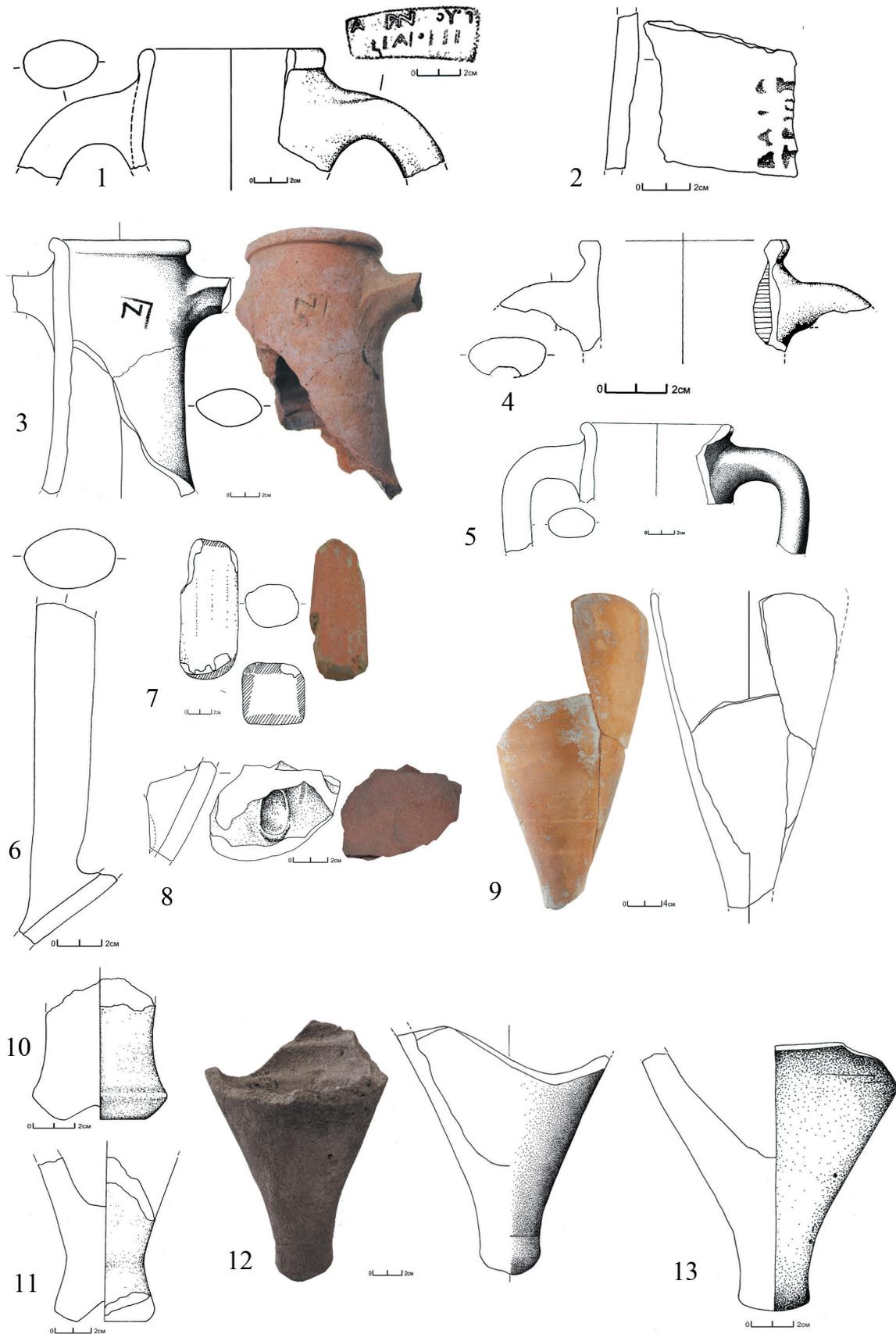

Рис. 6. Поселение «Свинячье озеро», слой IV в. до н.э. 1-13 – фрагменты гераклейских амфор из слоя.

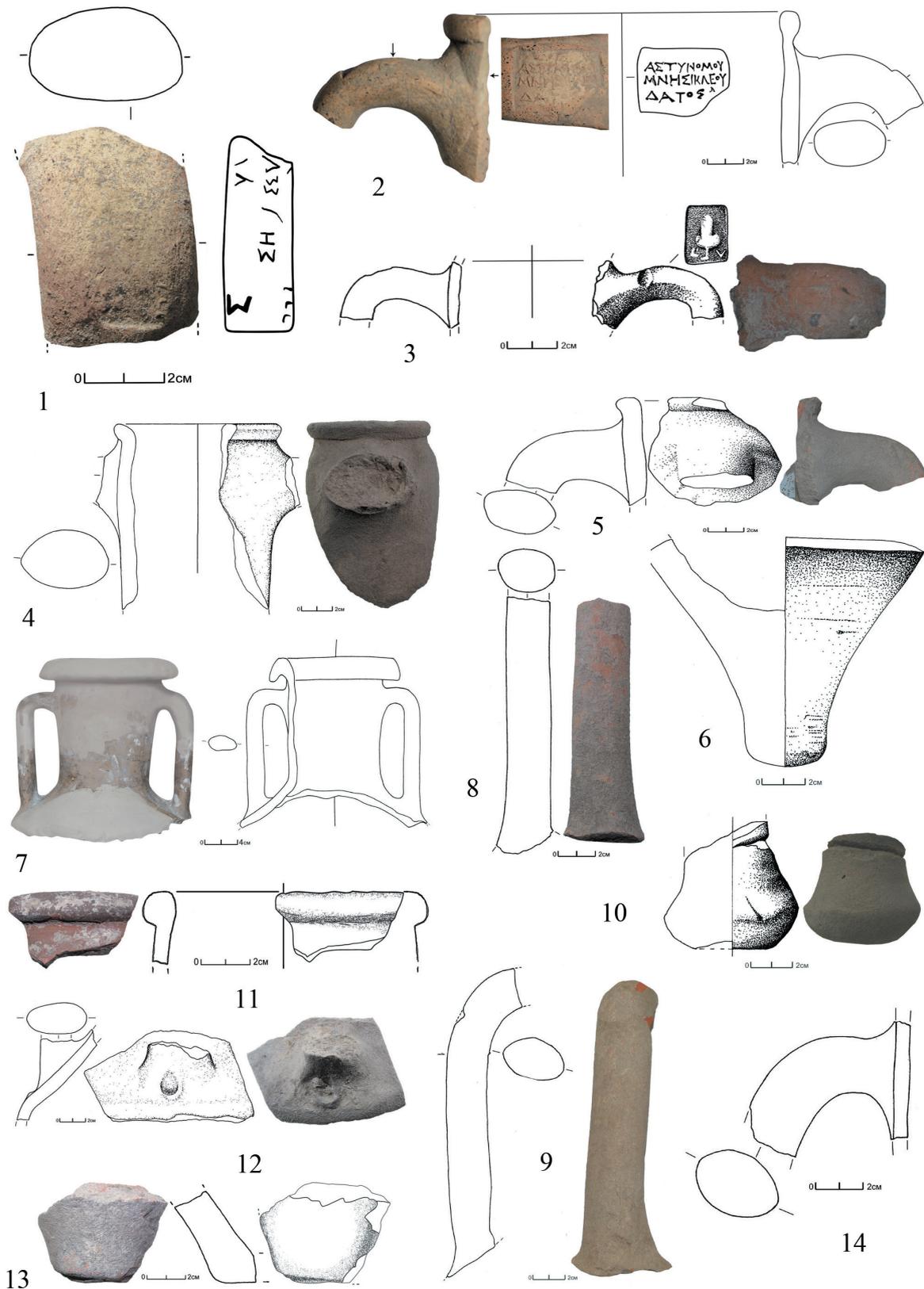

Рис. 7. Поселение «Свинячье озеро», слой IV в. до н.э. 1 – 6 – фрагменты синопских амфор. 7 – фрагмент амфоры типа «Солоха». 8 – 10 – фрагменты амфор из Фасоса. 11-14 – фрагменты амфор из Херсонеса.

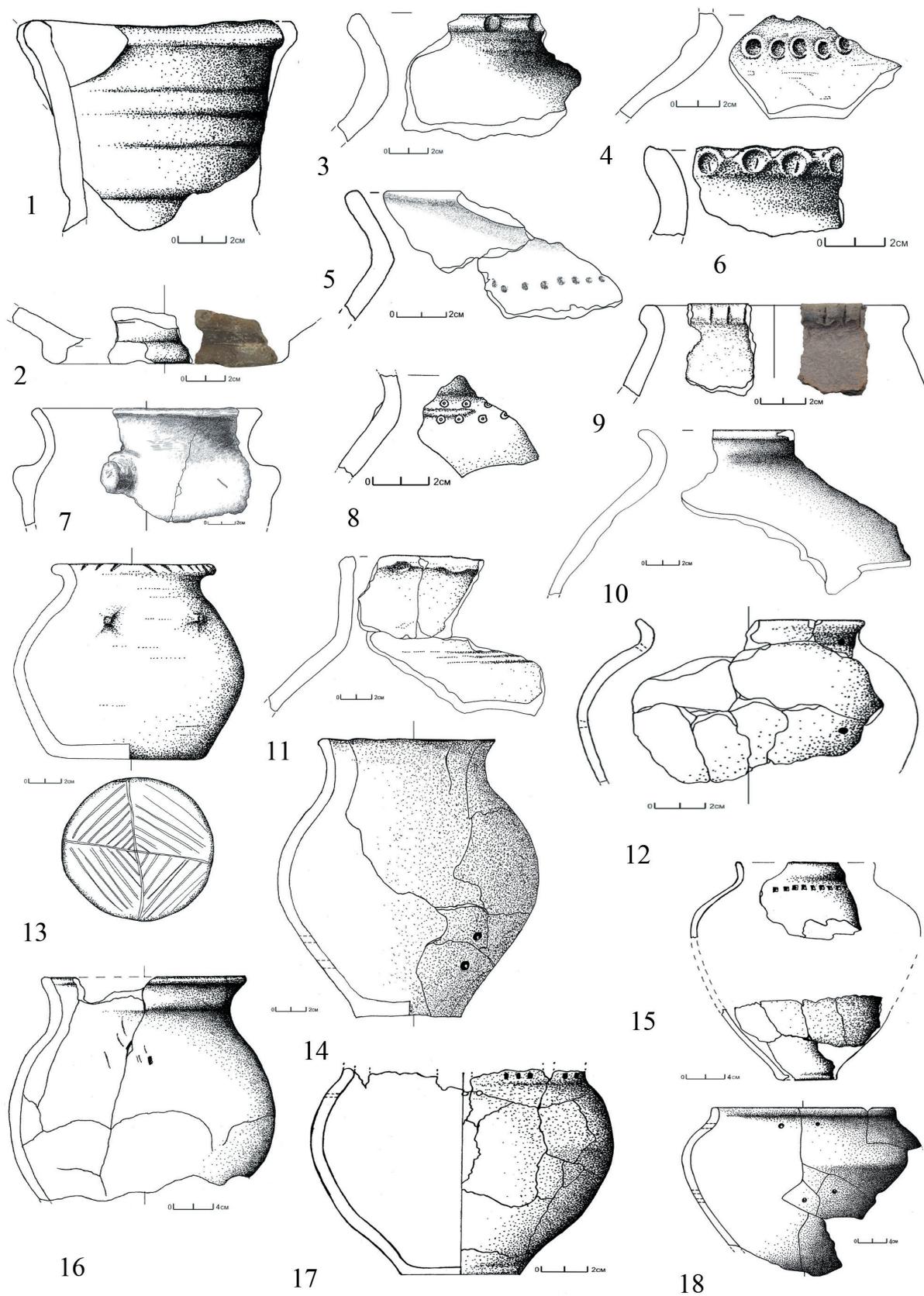

Рис. 8. Поселение «Свиная озеро», слой IV в. до н.э. 1-2 – фрагменты гончарных сосудов, глина. 3-18 – фрагменты и целые формы лепной кухонной посуды.

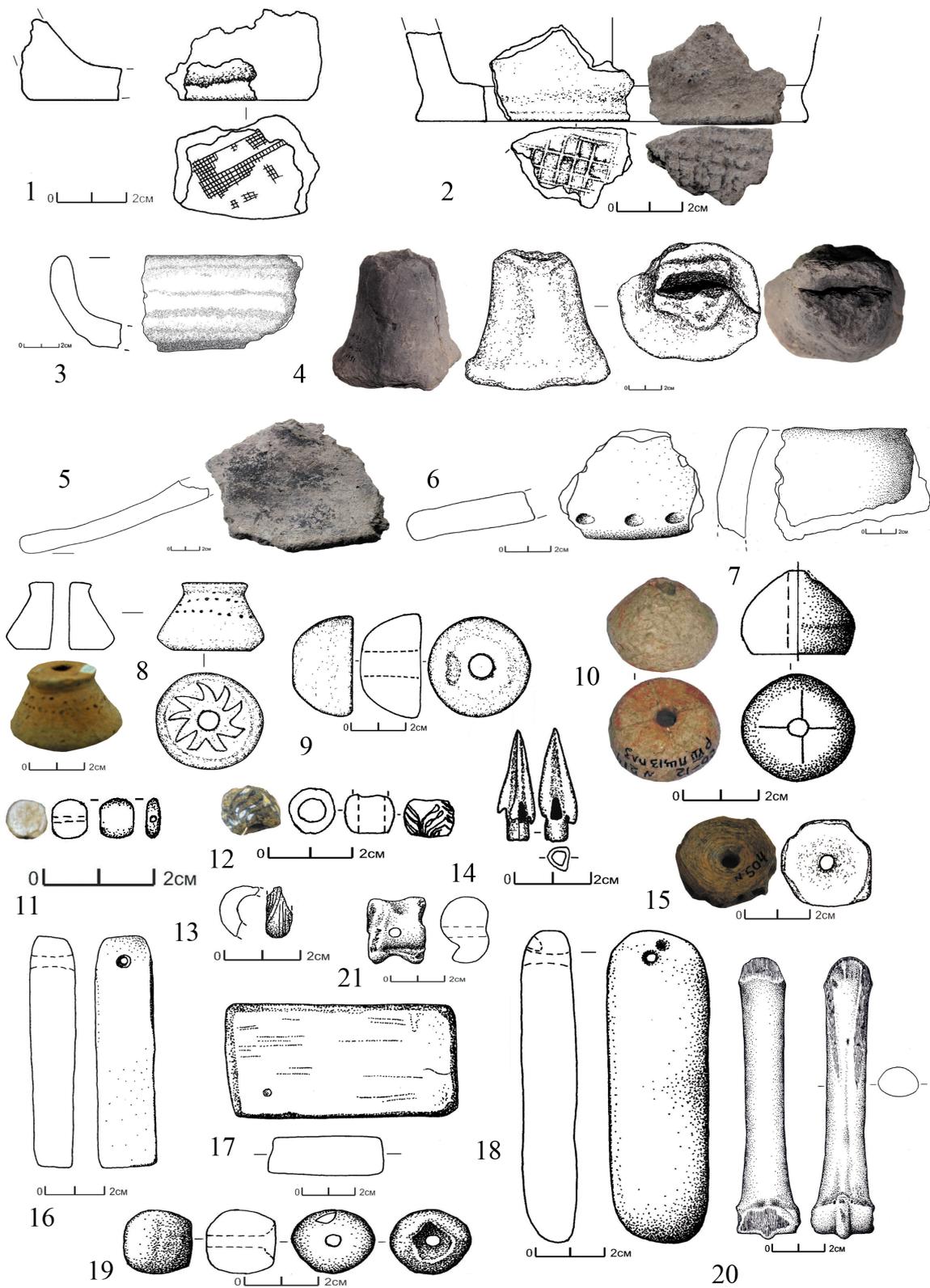

Рис. 9. Поселение «Свинячье озеро», слой IV в. до н.э. 1-2 – отпечатки ткани на днищах горшков. 3 – фрагмент лепной миски, глина. 4 – очажная подставка, глина. 5 – 6 – крышки, глина. 8 – 10, 19 – пряслица, глина. 11-13 – бусины, стекло. 14 – наконечник стрелы, бронза. 15, 20, 21 – изделия из кости. 16 – 18 – оселки, камень.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АСГЭ – Археологический сборник государственного Эрмитажа, Ленинград, Санкт-Петербург
- АДСВ – Античная древность и средние века, Екатеринбург.
- БЧ – Боспорские чтения.
- ВАНА – Вестник Академии наук Абхазии
- ВДИ – Вестник древней истории. М.
- ВП – Великий Питиунт
- ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина.
- КБН – Корпус боспорских надписей. М.-Л.: Наука, 1965.
- КСИА – Краткие сообщения института археологии. М.
- КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
- ЛИ – личное имя
- МАИАСК – Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма, Севастополь – Тюмень – Нижневартовск.
- МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики, Симферополь.
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
- НС – Нумизматический сборник.
- НЭ – Нумизматика и эпиграфика.
- ПИФК – Проблемы истории филологии и культуры
- РА – Российская археология. М.
- СА – Советская археология.
- ТАИЯЛИ – Труды Абхазского института языка, литературы, истории
- ТН – теоним
- ХСб. – Херсонесский сборник, Севастополь.
- ACSS – Ancient Civilizations from Scythia to Siberia
- Archäologie zwischen Römern und Barbaren 2016 – Archäologie zwischen Römern und Barbaren. Zur Datierung und Verbreitung römischer Metallarbeiten des 2. und 3. Jahrhunderts n. Chr. im Reich und im Barbaricum – ausgewählte Beispiele (Gefäße, Fibeln, Bestandteile militärischer Ausrüstung, Kleingerät, Münzen). Internationales Kolloquium. Frankfurt am Main, 19.–22. März 2009 / H.-U. Voß/N. Müller-Schneeßel (Hrsg.). Bd. 1. Bonn: Habelt, 2016.
- BCH – Bulletin de correspondance hellénique.
- IK – Estremo Oriente Canale De Rossi F. (Ed.). Iscrizione dello Estremo Oriente
- BCH – Bulletin de correspondance hellénique
- DHA – Dialogues d'histoire ancienne.
- ed. – Editor
- eds. – Editors
- Greco. Bonn: Dr. Rudolf Habelt, 2004. XVI+410 Pp.
- LGPN – A Lexicon of Greek Personal Names / P.M. Fraser, E. Matthews (eds.). Oxford.
- LSJ – *Liddell H.G., Scott R., Jones H.S. (ed.). A Greek-English Lexicon. 13th Edition. Oxford: Clarendon Press, 1978.*
- SEG – Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden.

Содержание

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ Д.Б. ШЕЛОВА <i>Ф.В. Шелов-Коведяев</i>	6
ИЗ СЕМЕЙНОЙ АРХЕОЛОГИИ Д.Б. ШЕЛОВА <i>Ф.В. Шелов-Коведяев</i>	8
О ТИПОЛОГИИ ПОЗДНЕСКИФСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЫМА <i>Антонов Е.Е.</i>	13
АЛЕБАСТРОВЫЕ СОСУДИКИ САРМАТСКОЙ ЭПОХИ ИЗ РАСКОПОК ТАНАИСА И ЕГО ОКРУГИ <i>Базилевич Л.О.</i>	19
СЕРЕБРЯНЫЙ КАНФАР ИЗ ТАНАИСА (предварительное сообщение) <i>А.С. Балахванцев, Г.Е. Беспалый, И.В. Циркунова</i>	38
РАЗВЕДКИ Д.Б.ШЕЛОВА В 1950 г. НА НИЖНЕМ ДОНУ <i>Д.С. Бунин, Л.О. Базилевич</i>	46
«НА РЕКЕ И НА ОЗЕРЕ ЛЕЖИТ ГОРОД...»: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАЛЕОГЕОМОРФОЛОГИИ ПРИРЕЧНОЙ ТЕРРИТОРИИ ТАНАИСА. <i>Д.С. Бунин, А.В. Панин, А.Л. Чепалыга, С.М. Ильяшенко</i>	66
ХРИСТИАНСКИЕ ДРЕВНОСТИ БЕЛИНСКОГО ГОРОДИЩА В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ <i>Д.Ю. Синьковский-Васильев</i>	75
К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ КОСТЮМА ЖИТЕЛЬНИЦЫ ТАНАИСА НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ РАСКОПОК ГРУНТОВОГО НЕКРОПОЛЯ ТАНАИСА <i>Галушко Е. В.</i>	79
КУРГАНЫ НА ВОСТОЧНОМ УЧАСТКЕ НЕКРОПОЛЯ ТАНАИСА. <i>В. К. Гугуев</i>	92
АНТИЧНАЯ ЭПИГРАФИКА НА ТЕРРИТОРИИ АБХАЗИИ <i>А.И. Джопуа, В.А. Нюшков</i>	124
ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ФИБУЛЫ-БРОШИ. <i>Дедюлькин А.В., Зайцев Ю.П.</i>	140

ПАНТЕОН БОЖЕСТВ, КОТОРЫМ ПОКЛОНЯЛИСЬ В ВОЕННОМ ГОСПИТАЛЕ (ВАЛЕТУДИНАРИЙ) В НОВАХ (NOVAE) <i>P. Dyczek (П. Дычек)</i>	154
ЧЕРНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК ЗАПАДНОГО ГОРОДСКОГО РАЙОНА ТАНАИСА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПА XXV). <i>Т.В. Егорова</i>	168
ЭЛИТНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ С РАСПИСНОЙ ПОСУДОЙ И ШКАТУЛКОЙ ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА «ЦАРСКИЙ» В ОКРЕСТНОСТЯХ ТАНАИСА <i>Л.С. Ильюков</i>	188
ФАНАГОРИЙСКИЕ МЕРНЫЕ СОСУДЫ <i>Ковальчук А.В.</i>	196
К ДАТИРОВКЕ БОСПОРСКОЙ СТОЛОВОЙ ПОСУДЫ ПОЗДНЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ <i>Кропотов В.В.</i>	211
К ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕЛЬЕФА НА ОПИСТОГРАФ С НАДПИСЬЮ ГЕРАКА, СЫНА ПОНТИКА, ИЗ НЕКРОПОЛЯ КЫЗ-АУЛ <i>Кучеревская Н.Л.</i>	217
ПОСЕЛЕНИЕ IV ВЕКА ДО Н.Э. МНОГОСЛОЙНОГО ПАМЯТНИКА ДЕЛЬТЫ ДОНА «СВИНЯЧЬЕ ОЗЕРО» <i>В.А. Ларенок, П.А. Ларенок</i>	220
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	237

Научное издание

ВЕСТНИК ТАНДИКА

Сдано в набор 01.10.2019.
Подписано в печать 23.12.2019.
Тираж 500 экз. Заказ № 1453.

Отпечатано в типографии ООО «Альтаир»:
г. Ростов-на-Дону, ул. Вавилова, 55.
Тел.: 8(863) 219-84-25
www.altair-rostov.ru